ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

Латыпов Вадим Сагитьянович

СОДЕЙСТВИЕ ОТПРАВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

Специальность 5.1.4. – Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор
Тарасов Александр Алексеевич

Уфа – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ…….... 4

Глава 1. Теоретико-правовые основы содействия правосудию……. 26

§ 1. Социально-правовые проблемы оказания содействия правосудию в современном уголовном судопроизводстве…… 26

§ 2. Содействие правосудию в уголовном судопроизводстве: понятие и значение……. 38

§ 3. Содействие правосудию в теории уголовно-процессуальных функций……. 60

§ 4. Уголовно-процессуальные отношения с участием лиц, оказывающих содействие правосудию…… 77

§ 5. Генезис и эволюция содействия отправлению правосудия в доктрине и законодательстве России…….. 93

Глава 2. Модели содействия правосудию в уголовном процессе зарубежных государств и их значение для формирования теоретической модели содействия правосудию в российском уголовном процессе …… 140

§ 1. Содействие правосудию в англо-американской модели уголовного процесса……..….... 141

§ 2. Содействие правосудию в романо-германской (континентальной) модели уголовного судопроизводства…… 158

§ 3. Институт содействия отправлению правосудия в некоторых государствах постсоветского пространства..…… 175

Глава 3. Современные проблемы теории, нормативного регулирования и практики содействия правосудию лицами, обладающими специальными знаниями…… 217

§ 1. Теоретические основы использования специальных знаний сведущих лиц в оказании содействия правосудию……... 217

§ 2. Процессуальный порядок и организационные основы привлечения и участия лиц, обладающих специальными знаниями……..…... 233

§ 3. Оказание содействия правосудию лицами, обладающими специальными знаниями, не имеющими процессуального статуса……... 267

Глава 4. Содействие правосудию лицами, не обладающими специальными знаниями: нормативное регулирование, реализация и возможное расширение форм…… 277

§ 1. Осуществление содействия правосудию участниками уголовного процесса, имеющими процессуальный статус, не обладающими специальными знаниями ……. 277

§ 2. Оказание содействия правосудию субъектами с неопределенным процессуальным статусом, не обладающими специальными знаниями. Медиация как самостоятельная форма содействия правосудию.…… 301

Глава 5. Совершенствование норм, регулирующих процессуальные меры безопасности и издержки как способ повышения эффективности содействия правосудию……..…… 337

§ 1. Применение уголовно-процессуальных мер безопасности в отношении лиц, содействующих отправлению правосудия ……..... 337

§ 2. Процессуальные проблемы возмещения расходов, связанных с вовлечением лиц, содействующих отправлению правосудия ……. 373

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…….…….. 392

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ..... 402

ПРИЛОЖЕНИЯ…….. 471

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования.

Современное уголовное судопроизводство России ориентировано на установление приоритета прав человека, расширение процессуальных гарантий для участников процесса. Отметившая в 2021 г. 30-летний рубеж Концепция судебной реформы в РСФСР[1] магистральной линией реформирования уголовного процесса определила обеспечение состязательности сторон обвинения и защиты в целях достижения назначения уголовного судопроизводства, что было положено в основу построения УПК РФ.

Однако состязательность достижима лишь при обеспечении равноправия указанных сторон в ходе реализации механизмов уголовно-процессуального доказывания по уголовно-правовым спорам. Вместе с тем публично-правовой характер уголовно-процессуальной деятельности определяет ведущую роль органов предварительного расследования, влекущую за собой фактическую монополию стороны обвинения в формировании доказательств и ограничение прав стороны защиты.

Согласно статистическим данным, приведенным Генеральной прокуратурой Российской Федерации по итогам 2022 г., на досудебных стадиях уголовного судопроизводства выявлено 5 217 038 нарушений, в том числе в вопросах объективности собранных доказательств и полноты проведенного предварительного расследования, что на 0,9 % больше по сравнению с 2021 г. Регистрируется рост и количества жалоб, поступивших в органы прокуратуры в 2022 г. – 69 203 (+ 10, 6 %, по сравнению с 2021 г.) на законность и обоснованность, принимаемых судебных решений по уголовным делам[2].

Приведенные данные свидетельствует о существующей проблеме

---

[1] О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24 окт. 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

[2] Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2022 г. [Электронный ресурс] // URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980 (дата обращения: 20.02.2023).

реализации основных уголовно-процессуальных функций.

В подавляющем большинстве уголовных дел помимо носителей основных процессуальных функций участвуют лица, которые в разном процессуальном качестве оказывают содействие сторонам и суду. Содействие может заключаться в оказании консультационной помощи властным субъектам уголовного судопроизводства или в деятельном участии в процессе обнаружения, собирания и фиксации, проверки и оценки доказательств. Оно способствует обеспечению состязательности сторон, законности и объективности при принятии процессуальных решений.

Вовлечение лиц, оказывающих содействие правосудию, предусмотрено во всех российских процессуальных отраслях. Как самостоятельная процессуальная функция содействие нашло отражение в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ. Ее реализуют лица, привлекаемые по инициативе суда или участников дела для выполнения обязанностей по сообщению доказательственной информации, осуществлению иных обязанностей в гражданском, арбитражном процессе или административном судопроизводстве, необходимых для успешного разрешения спора и выполнения судом своих функций. При этом российское уголовно-процессуальное законодательство не раскрывает понятие «содействие правосудию» и не выделяет лиц, его оказывающих.

Качественное, объективное расследование преступлений, принятие обоснованного процессуального решения практически невозможно без вовлечения в уголовный процесс лиц, использующих достижения научно-технического прогресса, специальные знания, отсутствие которых в условиях увеличения числа организованных, технически оснащенных и подготовленных противоправных деяний существенно затрудняет, а порой делает невозможным процесс доказывания по уголовным делам.

Деятельность лиц, оказывающих содействие в уголовном процессе России, различна по видам и степени урегулированности, она отличается процессуальной многогранностью, которую крайне сложно привести к единому стандарту. Но есть нечто общее, что позволяет рассматривать лиц,

оказывающих такую помощь, в одном монографическом исследовании – реализуемая ими особая, нейтральная по отношению к основным процессуальная функция содействия правосудию.

В свою очередь, разрозненность норм, регулирующих содействие правосудию, не позволяет обеспечить надлежащую реализацию равноправия сторон и уголовно-процессуального принципа состязательности. Властные субъекты уголовно-процессуальных правоотношений принимают решения исходя из имеющихся сведений об установленных юридически значимых обстоятельствах, что приводит к деформации внутреннего убеждения конкретных субъектов правоотношений и в конечном счете к созданию препятствий для решения задач уголовного процесса, снижению эффективности всей его системы.

Изложенное обусловливает актуальность и практическую значимость исследования, посвященного оказанию содействия отправлению правосудия в уголовном процессе России, формам его проявления, определению роли в уголовно-процессуальных отношениях, упорядочению теоретической, законодательной и практической основы осуществления, совершенствования действующего законодательства.

Степень научной разработанности темы. В уголовно-процессуальной науке отсутствует целостное исследование, посвященное содействию отправлению правосудия, однако отдельные его аспекты рассматривались на монографическом уровне в различные периоды развития отечественного права.

Изучению сущности и правовой природы процессуальных функций посвятили свои труды С. И. Гирько, А. А. Давлетов, З. З. Зинатуллин, М. П. Кан, Н. П. Кириллова, Я. О. Мотовиловкер, Р. Д. Рахунов, С. В. Романов, А. В. Руденко, В. М. Савицкий, М. С. Строгович, И. Ю. Чеботарева, М. А. Чельцов, П. С. Элькинд и другие.

В доктрине уголовного процесса имеются работы, посвященные процессуальным аспектам реализации правового положения отдельных лиц, содействующих правосудию, не обладающих специальными знаниями, среди

которых можно выделить работы Н. В. Азаренка, В. К. Афонина, К. Ф. Багаутдинова, В. М. Быкова, О. М. Васильевой, Н. Н. Гусевой, С. М. Даровских, О. В. Климановой, А. В. Копылова, А. В. Макеева, Л. И. Малаховой, М. А. Пешкова, А. П. Попова, Е.В. Прытковой, Д. Н. Стацюка, А. Н. Сторожевой, Т. Ю. Строгановой, О. Г. Тарнакоп, О. Н. Тисен, В. Т. Томина, П. В. Фадеева, О. В. Хитровой, В. В. Шаруна, С. Д. Шестаковой, П. В. Эдиловой и другие.

Самостоятельное направление исследований представляют работы, посвященные изучению проблем применения и использования лицами, оказывающими содействие правосудию, специальных знаний. Отдельные вопросы использования специальных знаний в раскрытии и расследовании изучены в работах: В. Д. Арсеньева, Р. С. Белкина, В. П. Божьева, Б. Я. Гаврилова, С. М. Гарисова, Е. П. Гришиной, В. Г. Заболоцкого, Е. А. Зайцевой, Д. В. Зотова, Л. М. Исаевой, Ю. Г. Корухова, И. Ф. Крылова, Л. В. Лазаревой, П. А. Лупинской, В. Н. Махова, Ю. К. Орлова, Р. Д. Рахунова, Е. Р. Россинской, А. И. Садовского, Е. В. Селиной, В. А. Серова, И. Н. Сорокотягина, А. А. Тарасова, С. В. Тетюева, В. Т. Томина, А. В. Чарыкова, М. А. Чельцова, С. А. Шейфера, А. А. Эйсман и другие.

Обеспечение мер безопасности участников уголовного судопроизводства в отечественном уголовном судопроизводстве исследуют: Л. В. Брусницын, А. А. Дмитриева, А. Ю. Епихин, О. А. Зайцев, М. Э. Каац и другие.

В середине XX в. вопросы вовлечения граждан в уголовный процесс рассматривались в трудах В. Т. Томина: «Привлечение трудящихся к расследованию преступлений» (1972) и «Взаимодействие органов внутренних дел с населением в борьбе с преступностью» (1975).

Различные стороны содействия правосудию анализировались учеными, специализирующимися в области уголовного процесса. Следует выделить диссертационное исследование Д. В. Таланова «Правовая помощь как объект общетеоретического анализа» (2011), в котором автор рассматривает правовую помощь как вид социально полезного и эффективного содействия, а само

содействие – в качестве деятельности, осуществляемой государственными органами, должностными лицами, гражданами и их объединениями в отношении субъектов, утративших либо не имеющих возможности самостоятельного функционирования, в целях предотвращения либо ликвидации социально опасных, кризисных ситуаций; исследование П. В. Фадеева «Правовая помощь участникам уголовного судопроизводства: теоретические и правовые основы, перспективы совершенствования» (2021), в котором автор рассматривает содействие в виде правовой помощи, оказываемой лицам, вовлеченным в уголовно-процессуальную деятельность и нуждающимся в восстановлении нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также монографическое исследование В. Ю. Панченко «Публичные формы юридического содействия реализации прав и законных интересов: теоретические вопросы публичных форм юридического содействия реализации прав и законных интересов, доступность публичных юридических услуг и публичной юридической помощи, виды и формы публичных юридических услуг и юридической помощи, понятие и виды доступности публичных юридических услуг и публичной юридической помощи, подходы к оценке доступности публичных юридических услуг и публичной юридической помощи» (2014). В данном исследовании в качестве формы юридического содействия автор определяет юридическую помощь, оказываемую органами государственной власти, местного самоуправления, государственными учреждениями и правоохранительными органами в процессе реализации ими своей компетенции. Однако ни в одной из перечисленных работ содействие правосудию не рассмотрено в качестве самостоятельной уголовно-процессуальной функции.

Правоотношения, возникающие в рамках уголовного судопроизводства, в том числе в связи с привлечением лиц, содействующих правосудию, рассматривались на общетеоретическом уровне в работах, В. П. Божьева «Уголовно-процессуальные правоотношения» (1975), А. Д. Прошлякова и И. И. Ахматова «Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений» (2018), Б. Я. Гаврилова и В. А. Крымова «Уголовно-

процессуальные правоотношения в досудебном производстве» (2021). Доктринальные положения, разработанные указанными учеными, составили теоретическую основу данного исследования. В их трудах был успешно разрешен целый ряд отдельных проблем, возникающих при привлечении и участии лиц, содействующих правосудию, однако нельзя не отметить, что работы по данной тематике в большинстве своем посвящены изучению проблем привлечения отдельно взятого участника уголовного судопроизводства, ограничиваются лицами, которых законодатель отнес к «иным» участникам.

Отличие настоящего исследования от указанных работ заключается в выделении самостоятельной функции содействия правосудию, определении ее места и роли в уголовном судопроизводстве. Предпринята попытка раскрыть сквозь призму ее влияния на реализацию основных процессуальных функций сущность и значение привлечения отдельных участников уголовного судопроизводства, способствующих сообщению и (или) получению доказательственной информации, оказанию консультационной, технической (организационной) или иной помощи сторонам и суду, установлению обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела по существу.

Объектом диссертационного исследования является совокупность общественных правоотношений, возникающих и развивающихся между участниками уголовного процесса в связи с оказанием содействия отправлению правосудия.

Предмет исследования образуют законодательные нормы, регулирующие правоотношения в сфере уголовно-процессуальной деятельности, связанные с оказанием содействия правосудию; решения Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации; материалы правоприменительной деятельности, отражающие особенности оказания содействия правосудию; статистические данные, а также научные труды по рассматриваемому вопросу.

Цель исследования заключается в разработке теоретической модели оказания содействия правосудию в уголовном процессе России, которая определит понятие и значение функции содействия правосудию в обеспечении равноправного, состязательного уголовного судопроизводства и позволит сформулировать научно обоснованные рекомендации по оптимизации действующего уголовно-процессуального законодательства в направлении совершенствования процедуры вовлечения и участия лиц, реализующих данную функцию.

Проблема, цель, объект и предмет исследования обусловили постановку и последовательное решение следующих **задач:**

– определить понятие, место и значение функции содействия правосудию в существующей системе уголовно-процессуальных функций;

– сформировать целостное теоретическое представление о видах и субъектном составе уголовно-процессуального института содействия правосудию;

– раскрыть существующие социально-правовые препятствия и организационные проблемы вовлечения в уголовный процесс лиц для оказания помощи сторонам и суду;

– исследовать уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие при оказании содействия правосудию, и классифицировать их;

– выделить исторические этапы развития уголовно-процессуального института содействия правосудию;

– выявить особенности правового регулирования деятельности, направленной на содействие правосудию, в различных моделях и типах уголовного процесса;

– обосновать основные направления совершенствования правового регулирования деятельности, направленной на содействие правосудию в России;

– проанализировать особенности правового регулирования деятельности участников, оказывающих содействие правосудию, определить и

аргументировать необходимость нормативного введения новых самостоятельных участников уголовного судопроизводства, оказывающих содействие правосудию;

– определить порядок и размер возмещения понесенных расходов лицам, оказывающим содействие правосудию;

– провести структурный анализ порядка и условий применения уголовно-процессуальных мер безопасности в отношении лиц, оказывающих содействие правосудию;

– разработать систему научных рекомендаций и законодательных предложений по устранению выявленных пробелов и коллизий правового регулирования содействия отправлению правосудия.

Методология и методика исследования. Методологическую основу исследования составили положения теории познания диалектического материализма как всеобщего метода познания объективной реальности.

Достоверность результатов исследования обеспечена путем комплексного использования общенаучных и частных методов для формирования представления об уголовно-процессуальном содействии правосудию. Использование методов анализа и синтеза позволило выявить структурные элементы и сформировать представление об уголовно-процессуальном содействии правосудию, выявить наиболее существенные аспекты в их взаимосвязи и высказать предложения по разрешению теоретических и практических проблем. Системно-структурный метод дал возможность представить содействие правосудию как широкий, многоаспектный, целостный комплекс взаимосвязанных элементов, изучить их функциональные и структурные связи на различных этапах уголовного судопроизводства. С использованием метода исторического анализа рассмотрена эволюция функции содействия правосудию через развитие и совершенствование правового положения лиц, оказывающих данное содействие, учитывая современные возможности науки и потребности практики. Применение формально-юридического метода позволило определить смысл и содержание нормативно-

правовых и подзаконных актов, сформулировать основные юридические понятия, выявить их признаки и отличия, охарактеризовать существующую ситуацию, связанную с недостаточно эффективным применением функции содействия правосудию, проанализировать выявленные проблемы и предложить пути их решения. Сравнительно-правовой метод позволил сформировать авторскую позицию относительно имплементации и возможного применения отдельных механизмов оказания содействия правосудию, успешно апробированных практикой правоприменения в зарубежных государствах. Статистический метод предусматривает исследование содействия правосудию на базе репрезентативного эмпирического материала, он позволил выявить объективные закономерности и сформулировать конкретные выводы (применялся при учете результатов опроса и анкетирования граждан и сотрудников правоохранительных органов). При помощи метода правового моделирования сформулированы предложения по введению новых и совершенствованию имеющихся норм уголовно-процессуального законодательства, регламентирующих содействие правосудию.

В результате применения указанных методов были сформированы представления о теоретической модели содействия правосудию, тенденциях и перспективах его дальнейшего совершенствования.

Правовую основу исследования составили: Конституция Российской Федерации, международные правовые акты, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, федеральные законы и иные нормативные акты, а также решения компетентных государственных органов, имеющие отношение к теме исследования. В работе использовалось соответствующее теме действующее законодательство Республик Беларусь, Азербайджан, Казахстана, Эстонии, Великобритании, Германии, США, Франции, Швейцарии и др.

В качестве источников были использованы нормативные акты, утратившие силу, но отражающие специфику производства по уголовным делам с привлечением лиц, содействующих правосудию, в разные периоды

развития российской государственности.

Теоретической основой исследования послужили положения философии, теории организации, государственного управления, логики, социологии, социальной психологии, а также фундаментальные разработки общей теории права, теории уголовного, административного, гражданского, арбитражного процесса, уголовного права, криминалистики, оперативно-разыскной деятельности.

В процессе работы над диссертацией были изучены основные концепции и теоретические подходы к решению поставленных проблем, предложенные ведущими специалистами в области уголовно-процессуального права. Широко использованы монографии и диссертационные исследования, научные статьи, научно-практические комментарии по вопросам, относящимся к предмету исследования.

Эмпирическую основу исследования составила опубликованная судебная практика Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации.

Эмпирической основой послужили также:

– статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, верховных судов Оренбургской, Челябинской, Московской областей, Республики Башкортостан, Главного информационно-аналитического центра МВД России за 2013–2022 г.;

– материалы следственной и судебной практики, опубликованные в федеральных изданиях, на официальных сайтах правоохранительных органов и общедоступных электронных ресурсах.

При подготовке работы использовались результаты эмпирических исследований, полученные другими авторами, по проблемам, имеющим отношение к теме, личный опыт практической работы диссертанта в Следственном управлении УВД по г. Уфа Республики Башкортостан и в системе высшего юридического образования, а также материалы ранее проведенных собственных исследований.

Подготовке диссертационного исследования способствовало систематическое изучение обобщений и обзоров, статистических данных, опубликованных Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Следственным комитетом Российской Федерации, МВД России за 2013–2022 гг., а также проведенные по специально разработанным программам анкетирование и интервьюирование:

– на территории республик Башкортостан и Татарстан, Пермского и Краснодарского краев, Оренбургской и Тюменской областей: среди действующих и бывших судей федеральных судов общей юрисдикции областного и районного уровней – 129 чел., сотрудников органов внутренних дел (органа дознания – 183 чел., следователей – 289 чел.);

– обучающихся Уфимского юридического института МВД России по программам повышения квалификации: сотрудников органа дознания – 31 чел., следственных подразделений – 33 чел.;

– представителей общественности – 376 чел.

Характер и объем изученных уголовных дел и материалов, использование взаимодополняющих методов сбора и анализа эмпирических данных обеспечивают репрезентативность результатов диссертационного исследования.

Научная новизна диссертации обусловлена теоретической и практической значимостью проблемы и состоит в том, что разработана и обоснована теоретическая модель содействия отправлению правосудия в уголовном процессе России, основанная на расширении представления о системе уголовно-процессуальных функций, выделена самостоятельная по отношению к основным функциям содействия правосудию.

Ключевая идея предложенной авторской модели состоит в том, что для обеспечения состязательного правосудия, основанного на равноправии сторон, необходимо создание доступного сторонам и суду публично-правового механизма, основанного на реализации нейтральной уголовно-процессуальной функции содействия правосудию участниками уголовного процесса.

Новизна подхода в изучении деятельности участников уголовного судопроизводства состоит в выделении особой роли лиц, оказывающих содействие правосудию, заключающейся в сообщении и (или) получении доказательственной информации, оказании консультационной, технической (организационной) или иной помощи сторонам и суду.

На базе выполненного исследования подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

О научной новизне диссертационного исследования свидетельствуют следующие наиболее важные **положения, выносимые на защиту:**

I. Комплекс научных положений о теоретических и правовых основаниях содействия правосудию.

1. Авторская теоретическая модель, представляющая собой систему научных положений о сущности самостоятельной процессуальной функции содействия правосудию.

Содержанием названной функции является процессуальная деятельность лиц с нейтральным по отношению к сторонам процессуальным статусом и не наделенных властными полномочиями, а потому являющаяся неотъемлемым элементом самого правосудия в стране. Такая особенность процессуальной функции содействия правосудию требует создания эффективного публично-правового механизма обеспечения равной доступности использования этой функции для обеих состязающихся сторон.

В рамках обозначенной теоретической модели:

– определен круг субъектов, выполняющих функцию содействия правосудию в российском уголовном процессе (свидетель; лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве; эксперт; специалист; переводчик; понятой), среди которых выделены лица с незакрепленным процессуальным статусом (руководитель судебно-экспертной организации; процессуальный ассистент (статист));

– определен комплекс действий по оказанию содействия правосудию, выраженный в сообщении и (или) получении доказательственной информации, оказании консультационной, технической (организационной) или иной помощи сторонам и суду;

– доказано, что основным недостатком существующего процедурного механизма реализации функции содействия правосудию (назначение судебной экспертизы, приглашение переводчика, привлечение специалистов и т. д.) является заметная асимметрия в доступе к ней состязающихся сторон, вплоть до фактической монополии стороны обвинения;

– подчеркнуто, что ограничение возможностей стороны защиты в использовании функции содействия правосудию является не только ограничением конституционного права на доступ к правосудию, но нередко влечет неполноту, односторонность и субъективизм в исследовании обстоятельств уголовного дела и принятие незаконных и необоснованных властных решений;

– предложены способы устранения имеющейся асимметрии в использовании функции содействия правосудию, носящие компенсационный характер и нацеленные на возможность признания доказательств, полученных с ограничением прав стороны защиты, недопустимыми, а также на возможность отмены властных решений по уголовному делу на основании такого ограничения.

2. Содействие правосудию в объективном смысле – это взаимосвязанные нормы права, регулирующие деятельность, направленную на сообщение и (или) получение доказательственной информации, оказание консультационной, технической (организационной) или иной помощи сторонам и суду, способствующей установлению обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела по существу, лицами, не наделенными властными полномочиями.

3. Российская система уголовно-процессуальных функций в настоящем исследовании представлена в следующем виде:

– основные: обвинения, защиты, разрешения уголовного дела;

– сопутствующие: ведомственный контроль, процессуальное руководство, прокурорский надзор, охрана потерпевшим своих прав и законных интересов, поддержание или опровержение гражданского иска и др.;

– ситуативные (факультативные): содействие правосудию, оказание правовой помощи.

В работе определено, что ситуативные (факультативные) функции реализуются на непостоянной основе и направлены на решение ряда однородных задач: оказание помощи сторонам и суду в формировании доказательств, применение технических средств, дача консультаций, составление процессуальных документов, способствование установлению обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела, реализация назначения уголовного судопроизводства.

4. Выделены основные и частные признаки содействия правосудию.

Основные признаки содействия:

– является деятельностью, регулируемой нормами уголовно-процессуального права;

– гарантирует качество собирания доказательственной информации, возможность использования технических средств, получение консультационной, организационной или иной помощи;

– обеспечивает достижение равноправия и состязательности сторон, принятие объективного, справедливого, законного и обоснованного процессуального решения.

Частные признаки содействия:

– оказывается участниками уголовного судопроизводства, имеющими процессуальный статус, а также лицами, чей процессуальный статус не регламентирован;

– осуществляется с использованием уголовно-процессуальных средств, в том числе с применением специальных знаний.

5. Обоснована необходимость внесения изменений в гл. 8 УПК РФ.

5.1. Предложено название данной главы изложить в следующей редакции: «Участники уголовного судопроизводства, оказывающие содействие правосудию», что позволит более точно определить объединенную категорию участников и отразить их функциональное назначение, а также завершить начатую законодателем систематизацию участников уголовного судопроизводства исходя из их функциональной принадлежности.

5.2. Аргументирован вывод о необходимости качественного расширения субъектного состава данной главы. Обосновывается необходимость закрепления норм, регулирующих процессуальный статус руководителя судебно-экспертной организации, медиатора, процессуального ассистента. Сформулированы авторские определения указанных участников уголовного процесса:

– руководитель судебно-экспертной организации – руководитель негосударственной судебно-экспертной организации, а также директор или начальник (заведующий) государственной судебно-экспертной организации (подразделения);

– медиатор – независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами на стадии предварительного расследования и в суде в целях содействия в заключении соглашения о достижении примирения в порядке медиации по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, совершенных несовершеннолетним лицом;

– процессуальный ассистент – незаинтересованное лицо, привлекаемое сторонами и судом для участия в следственном эксперименте, предъявлении лица для опознания, проверке показаний на месте, имеющее необходимые в рамках расследуемого уголовного дела антропометрические данные, особенности внешнего облика, частей тела и одежды, оказывающее содействие в производстве следственного действия.

5.3. Предложено помощника судьи и секретаря судебного заседания законодательно отнести к категории лиц, содействующих правосудию,

закрепив их процессуальное положение в данной главе.

II. Комплекс научных положений о субъектном составе и особенностях уголовно-процессуальных отношений при оказании содействия правосудию.

6. Авторская периодизация возникновения и развития функции содействия правосудию, основанная на анализе нормативных источников, а также социально-экономического развития государства, позволившая определить основные направления дальнейшего совершенствования содействия правосудию: первый период (X–XIV вв.); второй период (XIV–XVII вв.); третий период (XVII – начало XX в.); четвертый период (начало XX – конец XX в.); пятый период (конец XX в. – настоящее время).

7. Аргументировано, что содействие правосудию может быть оказано лицами, чья деятельность не обусловлена собственным или представляемым процессуальным интересом:

7.1. Предложена авторская классификация участников уголовного судопроизводства данной категории по критерию целей привлечения:

а) непосредственные источники доказательственной информации (свидетель, эксперт, специалист, лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве);

б) оказывающие консультационную, техническую или организационную помощь (руководитель судебно-экспертной организации, специалист, переводчик, понятой, процессуальный ассистент, помощник судьи, секретарь судебного заседания);

в) представитель альтернативной процедуры урегулирования конфликтных правоотношений (медиатор).

7.2. Субъектный состав правоотношений можно классифицировать по основаниям в зависимости от: а) наличия у субъектов уголовного судопроизводства специальных знаний; б) продолжительности принимаемого участия в уголовном судопроизводстве; в) стадии уголовного судопроизводства, на которой лицо, оказывающее содействие, принимает

участие; г) наличия либо отсутствия процессуального статуса.

8. Обосновывается целесообразность разработки института медиации как самостоятельной формы оказания содействия правосудию. Введение данного института позволит создать правовые условия для альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора. Доказано, что наличие особого участника с нейтральным процессуальным статусом – медиатора – позволит создать надежный процедурный механизм выведения внепроцессуальной договорной примирительной деятельности сторон с его посредничеством на уголовно-процессуальный уровень заявления и разрешения ходатайств, принятия процессуальных решений по уголовному делу. Главный смысл содействия правосудию со стороны медиатора – не доводить до дорогостоящего и организационно затратного судебного разбирательства те уголовно-правовые конфликты, которые могут быть разрешены до суда.

9. Аргументировано, что в целях обеспечения допустимости доказательств целесообразно сохранение традиционного для российского уголовного процесса института понятых с учетом уникальных возможностей:

а) использования как самостоятельного доказательства показаний понятого, допрошенного в последующем в качестве свидетеля;

б) получения от понятых дополнительных, уточняющих вопросов, жалоб и замечаний по ходу и по окончании следственного действия, с обязательным внесением в протокол, позволяющих обеспечить достоверность полученных доказательств.

Обоснована необходимость оптимизации процессуального статуса понятого.

10. Предложен комплекс изменений, направленных на совершенствование процессуального положения лиц, оказывающих содействие правосудию, с непосредственным отражением в соответствующих процессуальных нормах права на безопасность; возмещение вреда, причиненного должностными лицами в результате нарушения прав и свобод;

получение вознаграждения за исполнение своих обязанностей, за исключением случаев, когда эти обязанности исполнялись в порядке служебного задания; возмещение расходов, понесенных в связи с необходимостью явки для участия в производстве следственного действия.

11. На основе оценки тенденций развития содействия правосудию в уголовном процессе России и отдельных зарубежных стран, аргументированы следующие выводы:

11.1. Допустимо выделение континентального и англо-американского подхода к определению субъектного состава лиц, оказывающих содействие правосудию.

В континентальном уголовном процессе для оказания содействия уголовному правосудию привлекаются разные участники, чей процессуальный статус четко регламентирован на законодательном уровне, что позволяет обеспечить реализацию их прав и свобод в рамках уголовного судопроизводства.

В англо-американской модели уголовного процесса в силу его специфики все лица, оказывающие содействие правосудию, обладают процессуальным статусом свидетелей: свидетелей, дающих показания по ставшим им известным фактам (знающие обстоятельства рассматриваемого уголовно-правового спора), экспертов-свидетелей (сведущие лица, обладающие специальными знаниями), переводчика, наблюдателей (в последующем могут выступать в суде в качестве свидетелей производства отдельных следственных действий).

11.2. Аргументирован вывод о целесообразности возвращения к историческому для России наименованию и последующего нормативного закрепления укрупненной категории лиц, обладающих специальными знаниями (специалист, эксперт, переводчик), и обозначения их понятием «сведущее лицо».

11.3. В постсоветском уголовно-процессуальном правовом пространстве выявлены два подхода законодателя к регулированию правового положения врача, педагога, психолога, содействующих правосудию: 1) регламентация

процессуального статуса отсутствует; 2) законодательно отождествлены со специалистом. Обоснована целесообразность отнесения в российском уголовно-процессуальном законодательстве врача, педагога, психолога к числу специалистов с внесением соответствующего изменения в УПК РФ.

12. Аргументирован вывод о недопущении предоставления возможности стороне защиты назначения и производства судебных экспертиз ввиду возникновения целого комплекса процессуальных и экономических вопросов, не подлежащих в рамках действующего законодательства разрешению: 1) финансирование экспертизы стороной защиты; 2) отсутствие возможности назначения стороной обвинения повторной экспертизы в случае уничтожения объектов исследования в ходе выполнения экспертизы, назначенной стороной защиты; 3) отсутствие уголовно-процессуальных норм о сохранности объектов экспертного исследования.

III. Положения технико-юридического характера, связанные с внесением изменений и дополнений в УПК РФ и правоприменительную практику.

13. Обоснована необходимость введения в УПК РФ новой главы 18.1 «Обеспечение безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве», содержащей нормы, регламентирующие обеспечение уголовно-процессуальной безопасности участников уголовного судопроизводства. Действующая ч. 3 ст. 11 УПК РФ не позволяет отразить все многообразие возникающих правоотношений, связанных с реализацией права участников уголовного судопроизводства на безопасное участие в уголовном процессе и их защиту.

14. Аргументировано, что существующая законодательная регламентация порядка возмещения процессуальных издержек в уголовном процессе России не позволяет в полном объеме обеспечить возмещение понесенных расходов, связанных с вовлечением в уголовный процесс лиц, оказывающих содействие правосудию.

15. Определена необходимость оптимизации процедуры подбора и оплаты услуг, оказываемых лицами, содействующими правосудию. Доказана неэффективность существующей процедуры, ее неэкономичность как в

финансовом плане, так и в отношении сроков расследования, не отвечающая современным цифровым возможностям. Предложено разработать и внедрить современную цифровую правовую платформу, включающую базу организаций и лиц, оказывающих услуги по участию в судопроизводстве (уголовном, гражданском, административном, арбитражном), привлекаемых в качестве переводчиков, экспертов, педагогов, психологов, а при необходимости и других лиц. Данный сайт должен быть включен в официальные государственные информационные интернет-ресурсы, посвященные деятельности государственных ведомств, что позволит обеспечить прозрачность и отсутствие коррупционности в ходе привлечения лиц, оказывающих содействие правосудию.

16. Разработан проект федерального закона, нормы которого направлены на совершенствование процедуры оказания содействия правосудию в уголовном процессе России. Предложено внести изменения в наименование существующих глав и норм УПК РФ, а также дополнить его новыми нормами; раскрыты структура и содержание предлагаемых новелл. Изменение норм направлено на совершенствование процессуального статуса участников, содействующих правосудию, а также отдельных процедур их привлечения и участия.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные в нем теоретические положения и выводы дополняют уголовно-процессуальное право теоретической моделью содействия отправлению правосудия, позволяют выделить самостоятельную, нейтральную по отношению к основным функцию содействия правосудию, которая определяет сбалансированное построение состязательного уголовного судопроизводства, основанного на равноправии сторон, раскрывает субъектный состав, реализующий данную функцию, а также место и роль данных субъектов в системе уголовно-процессуальных отношений.

Комплексный подход позволил раскрыть сущность деятельности участников уголовного судопроизводства, оказывающих содействие

правосудию.

Значимость работы определяется также научным обоснованием положений, не нашедших отражения в действующем законодательстве. Результаты диссертационного исследования обогащают уголовно-процессуальную теорию и могут быть учтены в дальнейших теоретических разработках, посвященных этой проблеме.

Практическая значимость исследования определяется прикладным характером ряда его выводов и предложений, которые могут быть использованы в деятельности участников уголовного судопроизводства, оказывающих содействие правосудию, а также властных субъектов уголовного процесса.

Содержащиеся в диссертации положения и выводы могут быть использованы при совершенствовании норм уголовно-процессуального законодательства, судебной и следственной практики, в дальнейших монографических и иных научных исследованиях фундаментального и прикладного характера, посвященных аналогичной либо смежной тематике. Изложенные в диссертации положения могут использоваться при преподавании уголовного процесса и иных дисциплин, проведении обучающих занятий в системе повышения квалификации судей, прокуроров, следователей, дознавателей и адвокатов.

Достоверность диссертационного исследования обеспечена использованием научно обоснованной методологии исследования, масштабной эмпирической базы, факторами географии сбора материала и подтвержденной апробацией, нормативной и научной основой.

Апробация результатов исследования. Результаты настоящего исследования были обсуждены и одобрены на заседании кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Основные теоретические выводы и практические рекомендации изложены в 64 научных работах, общий объем которых составляет 110,36 п. л., среди них: 4 монографии; 60 научных публикаций, из которых 33

опубликованы в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ, 1 – в Web of Science.

Теоретические и прикладные положения диссертации докладывались на международных и всероссийских научно-практических конференциях, и форумах, проводившихся в 2013–2022 гг. в Москве, Санкт-Петербурге, Уфе, Махачкале, Волгограде, Орле, Воронеже, Самаре, Челябинске, Иркутске, Омске, Караганде.

Результаты исследования внедрены:

в образовательный процесс Ростовского юридического института МВД России, Уфимского юридического института МВД России, Уральского юридического института МВД России, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет», ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный аграрный университет»;

в практическую деятельность Следственного отдела ОМВД России по г. Ноябрьску, Следственного Управления УМВД России по г. Екатеринбургу, Следственного Управления УМВД России по Оренбургской области, федерального казенного учреждения «Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации», Управления по надзору за следствием, дознанием и оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Республики Башкортостан, Главного следственного управления МВД по Республике Башкортостан, Управления дознания МВД Республики Башкортостан.

Структура и объем диссертации отражает логику исследования, обусловлена его целью и задачами и состоит из введения, пяти глав, объединяющих пятнадцать параграфов, заключения, списка литературы, приложений, включающих анкету, таблицы и результаты анкетирования, проект Федерального закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСУДИЮ

§ 1. Социально-правовые проблемы оказания содействия правосудию в современном уголовном судопроизводстве

В 1993 г. Российская Федерация провозгласила себя демократическим федеративным правовым государством (ст. 1 Конституции РФ) и взяла курс на реализацию экономических, политических, правовых и других обязательств. Высшей ценностью был объявлен человек, его права и свободы, а их защиту государство определило своей обязанностью.

Обеспечение и реализация указанных ценностей и обязательств предполагает функционирование четко отлаженного правового механизма, особенно в отраслях, регулирующих общественные отношения, возникающие в связи с совершенным противоправным деянием, нарушением установленных уголовным законом норм и применением мер государственного принуждения. Для того чтобы этот механизм работал, необходимы были качественные преобразования уголовного судопроизводства, поскольку принятый еще в середине прошлого века УПК, основанный на советских ценностях, не соответствовал новым реалиям. С этой целью, а также с целью приведения уголовного правосудия в соответствие с установленными международными принципами, стандартами и требованиями, под воздействием либеральной идеологии, пришедшей на смену советской, в 2001 г. был принят новый уголовно-процессуальный закон.

В данной связи А. Е. Адаменко совершенно справедливо отметил, что сугубо формальное воплощение либеральной идеологии в отечественном уголовном судопроизводстве должно было повлечь весьма важное последствие – повышение качества реализации уголовного закона, однако в

действительности этого не произошло[1].

В целом положительно оценивая указанную позицию, все же полагаем, что создания одной лишь целостной концепции недостаточно для реализации уголовного закона на должном уровне. Невозможно достичь назначения уголовного судопроизводства исключительно путем реализации основных уголовно-процессуальных функции. Как должностным лицам и государственным органам, осуществляющим уголовное преследование, так и гражданам, вовлеченным в уголовный процесс в качестве участников, может потребоваться помощь третьих лиц, способных оказать содействие правосудию.

Участие их не обязательно, они, как правило, не имеют личной заинтересованности с исходе уголовного дела, но их вовлечение зачастую позволяет обеспечить состязательные начала уголовного судопроизводства, способствует признаю добытых в ходе производства следственных и иных процессуальных действий сведений допустимыми доказательствами.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство России предусматривает порядок их вовлечения и участия в уголовном судопроизводстве на различных стадиях уголовного процесса. Однако важно отметить, что вступая в уголовно-процессуальное правоотношения, данные лица занимают нейтральную, по отношению к основным участникам процесса (суд, следователь, дознаватель, прокурор, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, защитник) позицию. Их участие не имеет принудительного характера и может быть определен как некий социальный феномен общественного сознания – правосознания.

В качестве наиболее значимых этапов развития отношения населения к необходимости оказания содействия отправлению правосудия следует выделить: 1) дореволюционный; 2) советский; 3) постсоветский (переходный); 4) современный.

В целях раскрытия понятия и значения правосознания как одного из

---

[1] Адаменко А. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты : дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2018. С. 4.

факторов оказания содействия правосудию в современном уголовном судопроизводстве следует проанализировать сложившиеся в различные исторические периоды развития нашей страны подходы к его определению.

В российской теории права вопросам правосознания посвящено большое количество исследований, которые в соответствии с исторической периодизацией можно разделить на исследования дореволюционного, советского и постсоветского периодов. Не вдаваясь в детальный анализ научных взглядов и представлений о правосознании в указанные периоды, отметим лишь основные подходы и представления о рассматриваемом социальном феномене и его влиянии на становление института оказания содействия правосудию в уголовном судопроизводстве.

Следует отметить, что дореволюционное право творилось «мыслящими субъектами и для мыслящих субъектов»[1], в то время как основную часть населения составляли крестьяне, большинство из которых находилось в собственности у помещиков, так как было закрепощено. Поскольку большая часть дореволюционных документов имела карательную направленность, а уголовный процесс относился к обвинительному типу, у населения складывалось резко отрицательное отношение к правосудию и уголовной справедливости.

Т. Ф. Юдина в этой связи отмечает, что государственная власть того периода способствовала формированию в российском обществе правосознания, отличающегося наличием парового нигилизма[2]. Сложился устойчивый стереотип неуважения к праву, закону, выразившийся в пословицах и поговорках как квинтэссенции народной мудрости (закон что конь: куда захочешь, туда и поворотишь, закон что дышло: куда повернешь, туда и вышло и т. д.), отразивших низкое качество законов, их карательную направленность,

---

[1] Ильин И. А. О сущности правосознания / подг. текста и вступит. ст. И. Н. Смирнова. М. : РарогЪ, 1993. С. 112.

[2] Юдина Т. Ф. Особенности формирования правосознания российского общества в дореволюционный период // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования : сб. науч. ст. Вып. 2 / под ред. А. А. Напресенко ; Федер. Агентство по образованию. Самара : Изд-во Самарск. ун-та, 2006. С. 21.

недоступность и неясность их содержания для населения[1].

Не способствовал существенным изменениям в формировании правосознания населения и подписанный Александром II Манифест об освобождении крестьян[2], который был настолько объемен и сложен для понимания простыми людьми, большинство из которых были неграмотны, что дало Н. А. Огареву повод отметить: «книгу в 43 листа двойного ни один безграмотный не прослушает, ни один грамотный не одолеет»[3].

Содействие правосудию в рассматриваемый период осуществлялось, но детальной процессуальной регламентации этой процедуры не было, зачастую отсутствовал элемент добровольности. Между тем лица, оказывающие содействие, способствовали формированию доказательственной базы, которая в последующем учитывалась в суде при вынесении решения в отношении подсудимого.

В советский период вопросы правосознания рассматривались в трудах С. С. Алексеева, М. Т. Баймаханова, К. Т. Бельского, А. Я. Вышинского, Е. А. Лукашевой, Е. В. Назаренко, В. П. Никитина, М. С. Строговича, П. И. Стучки, И. Е. Фарбера и других.

В ранний советский период правовое сознание рассматривалось через внутреннее переживание индивида с позиции справедливости и естественного права[4].

Привлекательной видится позиция, высказанная в середине XX в. советским ученым-процессуалистом М. С. Строговичем. Под правосознанием он предлагал понимать определенную совокупность правовых взглядов людей, которые формировались через убеждения о правомерности и неправомерности совершенных поступков, а также категории справедливости и не

---

[1] Там же.

[2] Манифест Александра II об «освобождении» крестьян [Электронный ресурс]. URL: http://www.domarchive.ru/history/general-help/53 (дата обращения: 19.02.2023).

[3] Цит. по: Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М., 1968. С. 39.

[4] Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / Ин-т истории партии при ЦК КП Латвии – филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Рига : Латгосиздат, 1964. С. 120.

справедливости принимаемых законов[1].

Представление о правосознании в советский период наиболее полно отражено в подходе Е. А. Лукашевой, которая определяла его в контексте общей системы правового регулирования общественных отношений. Она отмечала, наличие воспитательного, мотивационного и юридического воздействия права на сознание и поведение людей[2].

Полагаем, в изложенном подходе наиболее ценной представляется позиция о необходимости оказания воспитательного воздействия на формирование правосознания населения. И такое воздействие оказывалось. Государство того периода формировало у населения положительное представление о правоприменителях (милиции, судах, правосудии в целом). Вспомним классику кинематографа, идеализировавшего образ милиционера как высокого профессионала, поведение и речь которого были полны достоинства и справедливости: «Дядя Степа милиционер» (1964) – мультипликационный фильм о милиционере-великане, возвышающемся над преступностью и совершающем много благородных поступков; «Деревенский детектив» (1969) – фильм о сельском участковом милиционере Анискине, обладающем мудростью и опытом, позволяющими расследовать совершенные преступления; «Место встречи изменить нельзя» (1979) – картина, ставшая своего рода художественным наставлением по борьбе с преступностью. Исполнители главных ролей – В. Высоцкий (посмертно) и В. Конкин – за создание образов Глеба Жеглова и Владимира Шарапова в 1998–1999 гг. были удостоены премии Министерства внутренних дел РФ в области литературы и искусства, науки и техники, а сам фильм такую премию получил в 2003 г. Многие реплики из него стали крылатыми. Полагаем, силой искусства в советский период было сформировано необходимое представление о правосудии. Люди доверяли милиции, охотно оказывали ей содействие, верили в неотвратимость наказания. Человек в форме внушал уважение. Сотрудники милиции тесно

---

[1] Строгович М. С. Теория государства и права. М. 1949. С. 133.

[2] Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М. : Юрид. лит., 1973. С. 16.

взаимодействовали с населением, и это содействие всегда высоко ценилось, ему уделялось достаточное внимание со стороны правоприменителей.

Вопросы взаимодействия органов внутренних дел (далее – ОВД) с населением являлись предметом научных исследований. Среди наиболее серьезных следует отметить труды В. Т. Томина[1]. Рассматривая вопросы оказания содействия правоохранительным органам со стороны лиц, обладающих специальными знаниями, автор, к примеру, предлагал сотрудникам правоохранительных органов тесно взаимодействовать с организациями и учреждениями где работают специалисты, чьи специальные знания могут быть полезны для раскрытия и расследования преступлений[2]. Безусловно, большинство предложений ученого актуальны по сей день.

Произошедшие в стране в конце XX в. политические изменения предопределили необходимость преобразования правовой основы социалистической системы. Был взят курс на развитие рыночных отношений, что не могло не отразиться на правосознании граждан и, как следствие, на оказываемом содействии правосудию.

Конец 80-х – начало 90-х гг. XX в. стал сложным периодом для всей страны, происходящие изменения в политической, социальной, экономической и других сферах подрывали доверие к правоохранительным органам. Не было стабильности и единой политики и в самом Министерстве внутренних дел. С 1986 по 1991 г. в этом ведомстве сменилось четыре министра: А. В. Власов (25.01.1986 – 20.10.1988), В. В. Бакатин (20.10.1988 – 01.12.1990), Б. К. Пуго (03.12.1990 – 22.08.1991), В. П. Баранников (29.08.1991 – 25.12.1991).

Н. В. Тарасова, анализируя экономическую политику конца 1991 г., отмечает наличие обостряющегося социального кризиса, вызванного «ваучерной» приватизацией, переделом собственности объектов стратегической важности, распространением финансовых «пирамид», что как

---

[1] Томин В.Т. Участие трудящихся в расследовании преступлений органами охраны общественного порядка : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1965 ; Его же. Взаимодействие органов внутренних дел с населением : дис. … д-ра юрид. наук. М., 1983.

[2] Томин В.Т. Взаимодействие органов внутренних дел с населением в борьбе с преступностью : учеб. пособие. Омск : Омск. высш. шк. милиции МВД СССР, 1975. С. 80.

следствие привело к развитию общественной криминализации[1].

На фоне роста безработицы, экономической нестабильности, роста преступности того периода, отмечаются изменения и в правосознании граждан страны, неблагоприятно сказывающиеся на оказании содействия правосудию. Население боялось выступать в качестве свидетелей и понятых по уголовным делам, расследуемым в отношении организованных групп, опасаясь за свою жизнь и здоровье, сомневаясь в неподкупности сотрудников правоохранительных органов и неотвратимости наказания виновных.

Все перечисленное предопределило необходимость внесения кардинальных изменений в правоохранительную систему, разработки и введения новых законов, способствующих наведению порядка в стране. В результате в 1991 г. был принят Закон «О милиции»[2], призванный обеспечить охрану общественного порядка, защитить личность, общество и государство от преступных и иных посягательств, а в 1995 г. – Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»[3], одна из глав которого регламентирует содействие граждан органам, осуществляющим такую деятельность[4]. Указанные шаги способствовали формированию и функционированию новых государственных органов, в задачи которых входило обеспечение правопорядка в стране, оказание противодействия преступности, а самое главное – укрепление связей с общественностью. Именно в этот период на референдуме 1993 г. была принята Конституция РФ[5], что позволяет говорить о наступлении нового, современного этапа.

Для достижения поставленных целей помимо обновления

---

[1] Тарасова Н. В. Причинный комплекс преступности в России периода реформ 90-х годов // Вестник Брянск. гос. ун-та. 2008. № 2. С. 150.

[2] О милиции : закон РФ от 18 апр. 1991 г. № 1026-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16, ст. 503.

[3] Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33, ст. 3349.

[4] Отличие содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, от содействия отправлению правосудия в целом будет рассмотрено далее.

[5] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

законодательной базы необходимо было провести реформу правоохранительной системы, что повлекло утверждение целого ряда нормативных актов различного уровня[1].

Принятие нового Основного закона, ратификация международных договоров предопределили необходимость принятия нового УК РФ (1996), пришедшего на смену ранее действовавшему УК РСФСР (1960). Принятый Кодекс, помимо прочего, предусматривал и ответственность лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство в целях оказания содействия правосудию, за дачу ложных показаний, заведомо ложного перевода, заключения эксперта и др. Наличие ответственности участника уголовного судопроизводства является неотъемлемым элементом его правового статуса, что свидетельствует о формировании правового положения лиц, оказывающих содействие правосудию. В этой связи А. Д. Прошляков справедливо отметил, что принимаемые нормативные акты не имеют необходимого механизма их реализации[2], данное обстоятельство и предопределило необходимость внесения изменений в уголовно-процессуальное право России.

Вслед за материальным правом в 2001 г. Федеральным законом от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ вводится УПК РФ, закрепивший порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации. Пореформенный УПК РФ основан на принципах состязательности и равноправия сторон, законности при осуществлении правосудия, уважения чести и достоинства личности, охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве[3].

Гарантией принятия законных и обоснованных процессуальных решений,

---

[1] См., например: Концепция развития органов внутренних дел и внутренних войск МВД России» : приказ МВД РФ № 145 от 20 марта 1996 г. // СПС «Консультант Плюс» ; О поэтапном формировании муниципальных органов охраны общественного порядка : указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. // СПС «Консультант Плюс»; Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации : указ Президента РФ от 5 июля 1996 г. // СПС «Консультант Плюс» и др.

[2] Прошляков А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права : дис. … д-ра юрид наук. Екатеринбург, 1997. С. 3.

[3] Даровских С. М. и др. Принципы уголовного процесса: монор. М. : Издательство Проспект. 2022. – 336 с.

в рамках пореформенного уголовного процесса являлось, в том числе и обеспечение безопасного в нем участия как лиц, заинтересованных в исходе уголовного дела, так и тех, кто оказывает непосредственное содействие сторонам и суду в достижении назначения уголовного судопроизводства. Указанное обстоятельство предопределило необходимость принятия специальных законов, направленных на обеспечение безопасности и мер социальной поддержки властных субъектов уголовного судопроизводства и иных участников уголовного процесса[1]. Вместе с тем исследования общественного мнения, осуществляемые в период 2000-2011 гг. об эффективности деятельности ОВД позволили выявить определенную тенденцию к снижению авторитета данной деятельности[2]. Респонденты отмечали низкий уровень профессионализма, компетентности сотрудников ОВД, наличие попыток искажения и фальсификации результатов расследования и прочее.

Результаты проведенных социологических опросов свидетельствовали о необходимости качественного реформирования ОВД, повышение профессиональных требований к сотрудникам, осуществляющим службу в ОВД и вновь прибывающих для несения такой службы, к культуре их поведения, выработки новой модели взаимодействия с населением и противодействия преступности.

Построение новой правоохранительной системы в Российской Федерации ознаменовалось принятием Федерального закона «О полиции»[3].

Статья 9, указанного закона, закрепила обязанность полиции при

---

[1] О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов : федер. закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17, ст. 1455; О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34, ст. 3534.

[2] Результаты изучения общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Профессионал. 2010. № 1. С. 11; Янбухтин Р. М. Институт полиции: социально-управленческие основы повышения эффективности деятельности : моногр. Уфа : УЮИ МВД РФ, 2012. С. 61.

[3] О полиции : федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7, ст. 900.

осуществлении своей деятельности стремиться обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан. На постоянной основе должен проводиться мониторинг общественного мнения о деятельности полиции, что позволит выявить положительные тенденции. После принятия Федерального закона «О полиции», исследователи отмечают наличие позитивной тенденции в оценке показателя уровня защищенности населения[1].

Между тем, судя по результатам социологического опроса по проблеме деятельности полиции в Республике Башкортостан, проведенного в 2020 г. в условиях пандемии и самоизоляции населения в виде опрос-анкетирования в онлайн-режиме, уровень доверия населения полиции в обеспечении личной и имущественной безопасности в среднем составил 68 %[2].

Представленные результаты опроса свидетельствуют о позитивных изменениях в правосознании населения, росте доверия граждан к деятельности сотрудников полиции, что, как следствие, должно способствовать развитию уголовно-процессуальных отношений, связанных с оказанием содействия правосудию.

Вместе с тем при наличии преобладающего доверия к сотрудникам полиции по результатам проведенного нами анкетирования удалось сформировать объективное представление о готовности населения оказать содействие правоохранительным органам в раскрытии и расследовании преступлений. В рамках настоящего исследования нами по специально разработанной анкете был проведен опрос граждан, проживающих в республиках Башкортостан и Татарстан, Оренбургской, Пермской, Челябинской, Самарской областях[3], в результате которого были выявлены

---

[1] Яковлев О., Бормотова Т. Результаты изучения общественного мнения о деятельности полиции в 2018 году (в цифрах и таблицах) [Электронный ресурс] // Профессионал. 2019. № 2. URL: http://www.ormvd.ru/pubs/102/the-results-of-the-study-of-public-opinion-on-police-activity-in-2018-in-figures-and-tables (дата обращения: 19.02.2023).

[2] Янбухтин Р. М. Полиция и общество: технологии взаимодействия и управления : моногр. Уфа : УЮИ МВД РФ, 2021. С. 70.

[3] Опрос проводился с 2014 по 2022 г., в нем приняли участие взрослые дееспособные граждане в возрасте от 18 лет, занятые в разных сферах деятельности, в том числе опрос проводился среди сотрудников экспертных подразделений и лиц, оказывающих услуги

основные причины, препятствующие оказанию должного содействия правосудию в уголовном судопроизводстве. Так, на вопрос «Готовы ли Вы оказать содействие правосудию, если для этого придется принять участие в уголовном судопроизводстве?» большинство респондентов ответили отрицательно – 53,19 %, утвердительный ответ дали 38,03 % опрошенных, остальные 8,78 % затруднились ответить. В качестве основных причин отказа в оказании содействия правосудию респонденты отметили: опасение повторных приглашений в правоохранительные органы и в суд – 49,5 %; недопонимание процедурных вопросов оказания содействия правосудию (наличия прав и обязанностей участников процесса) – 18 %; опасение за собственную безопасность, жизнь и здоровье в результате оказания содействия правосудию – 18 %; недоверие правоохранительным органам в установлении и привлечении к ответственности виновных лиц – 9,5 %; отсутствие социально-трудовых гарантий оказания содействия правосудию – 2 %; затянутость и отсутствие условий для оказания содействия правосудию – 2 %; несвоевременную и низкую оплату участия в уголовном судопроизводстве – 1 % (см. прил. 4). Однако самой парадоксальной причиной стала боязнь попасть в базы данных правоохранительных органов как лицо, оказавшее содействие правосудию, с целью повторного привлечения в помощь правосудию по другим фактам.

Возможно, такие результаты являются проявлением пережитой обществом в начале 1990-х гг. социокультурной травмы в результате политических преобразований в стране. Все же полагаем, что нежелание населения оказывать содействие правосудию не является проявлением правового нигилизма или низкой социальной ответственности. Скорее, наше общество имеет развитое чувство справедливости и законности, но несовершенство процессуально-правовых аспектов данной деятельности сказывается на эффективности гражданского участия[1] в содействии правосудию в уголовном судопроизводстве.

перевода в рамках уголовного судопроизводства.

[1] Макаров Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (круглый стол) // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 3–14.

Между тем проведенный нами опрос среди сотрудников правоохранительных органов и суда показал, что содействие, оказываемое гражданами в отправлении правосудия, является неотъемлемым и обязательным элементом современного справедливого и состязательного уголовного процесса – 98,52 %. Опрос позволил выявить и ряд причин, вызывающих сложность в привлечении и участии лиц: несовершенство уголовно-процессуального законодательства в вопросе регулирования процедуры привлечения лиц, оказывающих содействие правосудию, – 30,3 %; нежелание большинства граждан принимать участие в уголовном процессе в качестве лиц, оказывающих содействие, – 60,5 %; практическое отсутствие возможности оказания правового воздействия на лиц, не желающих оказывать помощь в уголовном преследовании, – 6,7 %; другие причины – 2,5 % (см. прил. 4).

Таким образом, предпринятый в рамках настоящего параграфа социально-правовой анализ позволил прийти к следующим выводам.

Во-первых, формирование правового государства предполагает развитие правовой культуры граждан, обладающих необходимыми знаниями и представлениям об особенностях устройства современного общества, тенденциях его развития, роли права в качестве краеугольного института общественного развития, важности формирования должного правосознания. Представления о правосознании на протяжении развития отечественного государства менялись, но неизменным оставалось то, что на него оказывают влияние социальные явления и процессы, происходящие в российском обществе, и от него зависит как развитие права, так и само правоприменение.

Во-вторых, при наличии должного уровня правосознания граждане могут и готовы оказать содействие органам правосудия, что может быть свидетельством высокого социального развития граждан, их желания быть причастными к правоприменительной деятельности, нести ответственность, справедливость и обеспечивать законность в принятии процессуальных решений.

В-третьих, в современных условиях актуализируется одна из важных потребностей уголовного судопроизводства – в активном содействии со стороны граждан, однако значительная часть населения по-прежнему проявляет пассивность в этой области правовой сферы, демонстрируя низкий уровень правовой культуры и правосознания.

В-четвертых, существует необходимость в проведении дальнейшего реформирования судебной системы, предполагающего повышение качества всех его элементов, включая развитие института содействия правосудия в уголовном процессе России, отвечающего современным общественным потребностям. Полагаем, что в этой связи важно на государственном уровне разработать специальный национальный проект правовой и правоохранительной направленности, ориентированный на развитие правосознания граждан посредством создания четко выверенных профилактических, просветительских или пропагандистских программ для разных возрастных групп населения, особо пристальное внимание уделяя детям дошкольного возраста, школьникам, учащимся колледжей, студентам высших учебных организаций.

В-пятых, важно предпринять шаги на пути совершенствования социальной помощи и поддержки лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве, повышения социальной защиты граждан, способствующих предупреждению или раскрытию преступлений.

§ 2. Содействие правосудию в уголовном судопроизводстве: понятие и значение

Содействие правосудию не имеет законодательно установленного понятия. Нет и единого подхода к его определению в теории уголовно-процессуального права, поэтому данный термин нуждается в разработке его

определения. Полагаем, что основой представляемой теоретической модели должно послужить понятие «правосудие», определение его сущности, признаков и форм отправления.

Важно установить, с какого момента уголовного судопроизводства начинается осуществление правосудия и, как следствие, определить, что же все-таки следует понимать под правосудием в уголовном процессе. Решение поставленной задачи позволит сформулировать не только определение понятия «правосудие», которое в настоящее время отсутствует в официальных нормативных актах, но и определить круг субъектов уголовного судопроизводства, принимающих непосредственное участие в его осуществлении, а также круг лиц, оказывающих ему содействие.

Термин «правосудие» в составе различных устойчивых словосочетаний («модель правосудия», «отправление правосудия», «содействие правосудию») широко распространен в юридической литературе и нормативных актах. Однако следует отметить, что значение, которое вкладывают в него авторы, в том числе авторы официальных документов, не всегда одинаково в разных случаях.

В научной литературе правосудие рассматривается исключительно сквозь призму организации судебной власти, полномочий суда, крайне редко встречаются самостоятельные исследования, посвященные правосудию. Среди известных нам обстоятельных монографических исследований на эту тему следует отметить работы А. В. Смирнова «Модели уголовного процесса» (2000) и авторского коллектива под редакцией В. М. Лебедева и Т. Я. Хабриевой «Правосудие в современном мире» (2012). Среди диссертационных исследований отметим работы: Е. В. Болдыревой «Конституционное правосудие в субъектах Федерации: Россия и зарубежный опыт (США и ФРГ)» (2013), Е. П. Поповой «Эволюция лексико-семантического поля "правосудие" в английском языке VII–XVII вв.» (2018), С. В. Васильковой «Электронное правосудие в цивилистическом процессе» (2018) и др.

Используемое в русском языке слово «правосудие» произошло от

латинского justitia (юстиция), означающего профессиональную государственную деятельность, связанную с разрешением возникающих вопросов, регулируемых различными отраслями права, и отождествляется со словом «справедливость»[1].

В. М. Лебедев и Т. Я. Хабриева отмечают, что правосудие в странах общего права сводится к сбалансированному и справедливому применению законов[2].

В. И. Лафитский в свою очередь отмечает, что государства религиозных традиций права (исламской, буддийской и др.) судебное разрешение рассматривают как исполнение божественной воли[3].

Анализ официальных источников права, проведенный с целью определения понятия «правосудие», привел к любопытному результату.

Так, Конституция РФ провозглашает, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом (ч. 1 ст. 118) в соответствии со своими полномочиями, установленными Конституцией РФ (разд. 2, ст. 5). В УПК РФ так же закреплено, что «правосудие по уголовному делу в Российской Федерации осуществляется только судом» (ч. 1 ст. 8), а «судья – должностное лицо, уполномоченное осуществлять правосудие» (п. 54 ст. 5). В данном случае вопросов не возникает: правосудие представляет собой деятельность судов по разрешению уголовного дела или иного производства (ст. 1 АПК РФ, ст. 5 ГПК РФ, ст. 8 КАС РФ). Подобной позиции придерживаются и отдельные исследователи[4]. Однако в ходе дальнейшего анализа уголовного законодательства становится очевидным, что законодатель расширил границы правосудия, распространив его и на предварительное расследование.

Так, в УК РФ есть самостоятельная глава, посвященная преступлениям против правосудия (гл. 31). При этом законодатель не дает легального

---

[1] Словарь иностранных слов. 18-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1989. С. 611.

[2] Правосудие в современном мире : моногр. / В. И. Анишина [и др.] ; под ред. В. М. Лебедева, Т. Я. Хабриевой. М. : Норма – Инфра-М, 2012. С. 7.

[3] Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права : в 2 т. М., 2011. Т. 2.

[4] См., например: Караева А. А. Понятие и основные принципы правосудия в Российской Федерации // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 2 (31). С. 357.

определения термина «правосудие», однако анализ норм данной главы показал, что законодатель расширительно истолковал искомый термин, отнеся к нему не только деятельность суда, но и осуществление предварительного расследования.

Специалисты в уголовно-правовой отрасли, говоря о норме, регламентирующей ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294), определяют, что «родовым объектом уголовно-правовой охраны выступают отношения, складывающиеся в сфере осуществления государственной власти, а видовым объектом – отношения, связанные с реализацией судебной властью функции осуществления правосудия, а также с деятельностью специализированных органов (предварительного следствия, дознания, прокуратуры, органов, исполняющих судебные решения), обеспечивающих реализацию целей и задач правосудия.

Непосредственным объектом преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное осуществление правосудия судом (ч. 1), а также деятельность лиц, осуществляющих предварительное расследование уголовных дел и надзор за ним (ч. 2)»[1].

О возможности расширительного толкования термина «правосудие» можно судить и по норме, устанавливающей ответственность за посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие (ст. 295 УК РФ). В диспозиции указанной нормы законодателем помимо судьи к лицам, участвующим в отправлении правосудия, отнесены присяжный заседатель или иные лица, что свидетельствует о не определенном законом круге лиц. Позиция законодателя сохраняется и в следующей норме, которая предусматривает уголовную ответственность за угрозу убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (ст. 296 УК РФ).

---

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X–XII : в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017. Т. 4. С. 278.

Резюмируем, что осуществлением правосудия в его высоком, общечеловеческом понимании заняты не только судьи и присяжные заседатели, но и те, кто в силу своего профессионального долга вовлечен в его осуществление в любом процессуальном качестве по конкретному делу. Высказанная позиция свидетельствует о необходимости расширительного толкования понятия «правосудие».

Требование реализации прав участников уголовного судопроизводства, в том числе и на досудебных стадиях, предусмотрено международными нормативными актами. Так, согласно Конвенции о защите прав человека и основных свобод[1] «обвиняемый имеет право защищать себя лично или через посредство выбранного им защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия» (п. «с» ч. 2 ст. 6).

А. А. Тарасов полагает, что правосудие следует рассматривать в нескольких значениях: как вид государственной деятельности, как правозащитный (процедурный) механизм и как социально-правовой феномен. Объединив все значения, под правосудием он предлагает понимать совокупность государственных организационно-правовых гарантий прав и свобод человека и гражданина, интересов общества, образованную системой органов судебной власти (судов) и функционирующую в форме рассмотрения и разрешения компетентными, независимыми и беспристрастными судами дел о социальных конфликтах правового содержания с использованием для этого специальной процедуры, отвечающей требованиям доступности, справедливости, открытости для общественного контроля и наиболее приспособленной для разрешения правовых конфликтов конкретной отраслевой принадлежности[2]. Разделяя высказанную позицию, позволим себе

---

[11] С 16 марта 2022 г. данный международный договор прекратил действие в отношении Российской Федерации (См.: Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы»).

[2] Актуальные проблемы уголовно-процессуального права : учебник для вузов / В. А. Лазарева [и др.] ; под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. 5-е изд., перераб. и доп. М. :

выделить, что правосудие – это функционирование судов с использованием специальной процедуры с целью реализации прав и свобод человека, интересов общества.

Возникает вопрос о том, что следует считать специальной процедурой. Ограничивается ли она исключительно требованием регламента судебного разбирательства и процессуальным порядком судебного разбирательства либо же к ней следует относить и предшествующие этапы уголовного судопроизводства (возбуждение дела, предварительное расследование, сбор, оценку и проверку доказательств)? Можно ли утверждать, что справедливое, законное и обоснованное итоговое процессуальное решение, принимаемое судом (судьей), или правосудие, формируется на протяжении всего периода расследования, начиная с этапа проверки сообщения о совершенном преступлении? Полагаем, что можно. Именно первоначальные этапы сбора доказательственной базы позволяют сформировать материалы уголовного дела, которые в последующем будут подлежать судебному рассмотрению, что представляет собой форму проявления уголовного правосудия. Лица, принимающие участие в уголовном производстве на досудебном этапе, хоть и не участвуют в осуществлении правосудия, но имеют к нему непосредственное отношение.

Закон, определив состязательный характер уголовного судопроизводства и размежевав основные процессуальные функции, свел осуществление правосудия к состязанию сторон обвинения и защиты. Разделяя позицию С. М. Даровских и К. А. Сергеева[1] отметим, что как не существует уголовного процесса без правоотношений, так и недопустимо осуществление правосудия без реализации прав участников уголовного процесса на справедливое разбирательство, на равноправие и состязательность сторон, на обеспечение права на защиту и т. д.

Юрайт, 2022. С. 261–263.

[1] Даровских С. М., Сергеев К. А. К вопросу о соотношении принципа состязательности и положения о равноправии сторон в уголовном судопроизводстве // Проблемы права. 2020. № 1 (75). С. 64–69.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что термин «правосудие» следует понимать в узком смысле – как рассмотрение и разрешение органами судебной власти дел о социальных конфликтах правового содержания различной отраслевой принадлежности, в широком смысле – как структурированную, систематизированную и регламентированную отраслевыми законами деятельность государственных органов, должностных лиц, а также участников и субъектов судопроизводства, направленную на достижение назначения уголовного судопроизводства. Рассмотрение правосудия в широком смысле позволяет выделить самостоятельную деятельность участников, оказывающих содействие в его осуществлении.

Проведенный анализ сущности правосудия позволяет выделить основные признаки, характеризующие правовую категорию правосудия:

1) в ходе правосудия осуществляется правоприменительная деятельность;

2) правосудие осуществляется исключительно судом с использованием специальной процессуальной процедуры, в которую вовлечены должностные лица и государственные органы, а также лица, оказывающие содействие;

3) правосудие осуществляется в строго определенном законом прядке в соответствии с принятыми международными, конституционными и отраслевыми принципами соответствующей процессуальной отрасли права;

4) любые противоправные деяния, посягающие на осуществление правосудия, влекут уголовную ответственность;

5) разнообразие форм отправления правосудия.

Особенность отправления правосудия в соответствии с установленными соответствующей отраслью права процедурой образуют формы правосудия. В соответствии со ст. 18 Конституции РФ судебная власть осуществляется в рамках конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства.

В рамках проводимого исследования наибольший интерес представляет такая форма правосудия, которая реализует судебную власть в рамках уголовного судопроизводства.

При этом следует обратить внимание на то, что само уголовное судопроизводство представляет собой регламентированный уголовно-процессуальной отраслью права процесс – уголовный процесс, реализуемый в ходе возникновения, развития и прекращения уголовно-процессуальных отношений на различных его стадиях в целях достижения назначения уголовного судопроизводства, регламентированного ст. 6 УПК РФ. Безусловно, правосудие осуществляется исключительно судом, но досудебное производство представляется собой специальную обеспечительную процедуру и является неотъемлемой составляющей уголовной формы правосудия.

Досудебный этап расследования уголовных дел характеризуется наличием достаточного количества проводимых процессуальных и следственных действий, принятием должностными лицами необходимых для достижения назначения уголовного судопроизводства процессуальных решений. Кроме того, данный этап характеризуется процессуальной возможностью сторон в реализации своих прав и интересов, в том числе благодаря вовлечению в уголовный процесс лиц, оказывающих содействие правосудию. Досудебное производство – это условие доступа к правосудию для всех его участников.

Лица, содействующие правосудию, привлекаются во всех процессуальных отраслях. Так, ГПК РФ в качестве лиц, оказывающих содействие, закрепляет свидетелей, экспертов, специалистов, переводчиков. Они помогают сформировать доказательственную базу по рассматриваемому предмету спора (ст. 55). АПК РФ прямо закрепляет в качестве лиц, оказывающих содействие в осуществлении правосудия, экспертов, специалистов, свидетелей, переводчиков, помощника судьи и секретаря судебного заседания (ст. 54). В КАС РФ закреплены иные участники судебного процесса, содействующие осуществлению правосудия: эксперт, специалист, свидетель, переводчик, секретарь судебного заседания (ст. 48). Вступивший в силу в 2018 г. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза[1] предусматривает

[1] Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к

возможность привлечения переводчика, эксперта, специалиста (гл. 46).

Содействие правосудию в различных процессуальных отраслях права реализуется лицами, выполняющими обязанности по сообщению доказательственной информации, осуществлению иных обязанностей в гражданском, арбитражном процессе, административном и ином судопроизводстве. Они необходимы для успешного разрешения спора и реализации судом своих функций. Разделяя позицию О. И. Даровских в исследованиях, посвященных вопросам обеспечения эффективности уголовно-процессуальной деятельности[1], полагаем, что возможность реализации сторонами функции оказания содействия правосудию должно рассматриваться в качестве одного из факторов, позволяющих повысить данную эффективность.

Важно отметить, что содействие в уголовном процессе представляет собой крайне емкое по содержанию действие. Содействие может быть оказано любым участником уголовного судопроизводства, а также лицом не являющимся таковым.

Содействие может быть выражено как в действии, так и в бездействии, оно может быть активным или пассивным и проявляться в различных видах: оказание правовой помощи участникам уголовного судопроизводства (П. В. Фадеев, Д. В. Таланов) оказание международной правовой помощи (Н. В. Несмачная, Ю. Г. Перепелкина) или содействие правосудию, осуществляемое лицами, не наделенными властными полномочиями, вовлекаемыми в уголовный процесс для оказания помощи сторонам и суду в целях достижения назначения уголовного судопроизводства.

Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс] // Евразийский экономический союз : офиц. сайт. URL: http://www.eaeunion.org (дата обращения: 19.02.2023).

[1] Даровских О. И. Принцип объективности как средство, обеспечивающее эффективность уголовно-процессуальной деятельности // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 2 (29). С. 109–115; Даровских О. И. К вопросу о средствах, влияющих на достижение эффективности уголовно-процессуальной деятельности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 6. С. 133–144; Даровских О. И. Обеспечение эффективности уголовно-процессуальной деятельности требует применения системы организационных мер // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 1 (32). С. 76–82 и др.

При этом, раскрывая теоретическую модель правовой помощи, отмечается, что она включает в себя «как уголовно-процессуальные, так и иные правовые отношения»[1].

Содействие может быть процессуального и не процессуального характера, в том числе представлять собой организационную, техническую или консультационную помощь. При этом консультационная помощь представляет собой деятельность, направленную на сообщение сторонам и суду интересующих сведений из различных областей знаний, необходимых в целях достижения назначения уголовного судопроизводства. Техническая помощь – это деятельность, направленная на использование возможностей технических средств, в том числе цифровых технологий, в процессе производства процессуальных и следственных действий (привлечение специалиста, осуществляющего видеофиксацию процедуры производства следственного действия). В теории уголовно-процессуального права вопросам использования специальных знаний в условиях цифровизации уголовного судопроизводства посвящены самостоятельные исследования[2].

Организационная помощь – это деятельность, направленная на обеспечение исполнения установленных законом процедур производства процессуальных действий (к примеру, деятельность помощника судьи).

Содействие направлено на обнаружение, фиксацию, изъятие объектов и предметов, имеющих значение для уголовного дела; иной помощи, оказываемой сторонам и суду, способствующей установлению обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела по существу; установление контакта с участником уголовного процесса, не владеющим языком уголовного судопроизводства, и др. При этом к содействию правосудия следует относить и деятельность лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное

---

[1] Фадеев П. В. Особенности участия лиц, не являющихся субъектами уголовного судопроизводства, в оказании правовой помощи личности // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 159.

[2] См., например: Лазарева Л. В. Использование специальных знаний в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 4 (57). С. 79–84.

производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1 УПК РФ).

При этом содействие может быть осуществлено в уголовно-процессуальных целях и быть регламентировано уголовно-процессуальным законодательством или в рамках осуществления оперативно-разыскной деятельности, регламентированной Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД).

В теории уголовно-процессуального права существует доктринальная модель оказания правовой помощи участникам уголовного судопроизводства, разработанная П. В. Фадеевым[1]. Следует отметить, что проведенное комплексное исследование процессуальной категории правовой помощи позволило сформировать представление об особенностях оказания правовой помощи участникам уголовного судопроизводства, определить основные виды[2] ее проявления, а также обосновать ее правовую природу и доктринальный характер. П. В. Фадеев право участников уголовного судопроизводства на правовую помощь раскрывает через государственную и судебную защиту, содействие участникам, нуждающимся в восстановлении нарушенных прав, а также участие адвокатов (защитников, представителей) и (или) законных представителей, государственных органов и их должностных лиц, а также иных уполномоченных лиц. Оказание квалифицированной правовой помощи, по мнению автора, предполагает наличие у субъекта соответствующего юридического образования, практического опыта по специальности, а его деятельность в уголовном судопроизводстве должна определяться соответствующим процессуальным статусом и носить юридический характер[3]. Вместе с тем, автор полагает, что самостоятельным средством оказания

---

[1] Фадеев П. В. Правовая помощь участникам уголовного судопроизводства : теоретические и правовые основы, перспективы совершенствования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 50 с.

[2] Фадеев П. В. Основные виды правовой помощи в уголовном судопроизводстве // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16. № 3. С. 352–358.

[3] Фадеев П. В. Типология субъектов правовой помощи в уголовном судопроизводстве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4 (75). С. 34–35.

квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве является собирание и представление доказательств, стороной защиты посредством вовлечения в уголовный процесс специалиста[1]. Также П. В. Фадеев отмечает, что содействие в форме правовой помощи может быть оказано и иным лицам, вовлеченным в производство по уголовному делу, в том числе свидетелю, эксперту, педагогу, понятому, лицу, в помещении которого проводится обыск, и др.[2]

Между тем необходимо разграничивать лиц, оказывающих содействие, в зависимости от сферы применения данного содействия в процессуальных целях в ходе осуществления уголовного судопроизводства и в оперативных целях в рамках осуществления оперативно-разыскной деятельности.

ФЗ об ОРД содержит гл. IV, посвященную содействию граждан органам, осуществляющим такую деятельность, так называемые конфиденты[3]. К данной категории граждан относятся лица, которые, с их согласия, могут привлекаться, в том числе по контракту, к подготовке или проведению оперативно-разыскных мероприятий с сохранением по их желанию конфиденциальности (ст. 17). ФЗ об ОРД также предусматривает наличие у данной категории лиц прав, обязанностей, ответственности и необходимость соответствующих выплат за участие в осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

О. А Вагин под содействием граждан органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, рекомендует понимать «осознанное волевое поведение субъектов, заключающееся в получении оперативно значимой информации и передаче ее представителю органа, осуществляющего оперативно-разыскную деятельность, или осуществление конкретных действий

---

[1] Фадеев П. В. Собирание и представление доказательств как средство оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 2. С. 47–48.

[2] Фадеев П В. Правовая помощь участникам уголовного судопроизводства как доктринальная категория российского и зарубежного уголовно-процессуального права // Международное уголовное право и международная юстиция. 2021. № 5. С. 7-8.

[3] Бормотова Л.В. Особенности взаимодействия органов уголовного преследования с гражданами // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 12. С. 133.

по решению оперативно-разыскных задач борьбы с преступностью или по инициативе органов – субъектов оперативно-разыскной деятельности на условиях доверительности и конспиративности отношений»[1]. В обязанности данных лиц входит сохранение в тайне сведений, ставших им известными в ходе подготовки или проведения оперативно-разыскных мероприятий, и запрет на сообщение заведомо ложной информации.

Оказание содействия оперативно-разыскным органам может осуществляться в различных формах: активной и пассивной. Под пассивной формой оказания содействия следует понимать изложение конфидентом органам, осуществляющим оперативную деятельность, имеющейся у него информации. Данная форма оказания содействия не предполагает осуществления каких-либо действий лицом, оказывающим содействие, и заключается, как правило, в изложении сведений, ставших ему известными в период непосредственного нахождения в криминальной среде, либо в установлении контакта с элементами данной среды. Активная форма, наоборот, заключается в добывании (получении) оперативно-разыскной информации как непосредственно, так и опосредованно (с помощью технических средств). В субъективном смысле это «психическая деятельность лица, непосредственно связанная с проведением ОРМ, оказанием помощи оперативным подразделениям на гласной либо конфиденциальной основе»[2].

Конфиденциальность содействия устанавливается по желанию гражданина, то есть вовлекаемый в оперативно-разыскной процесс сам должен выступать инициатором конфиденциальности своих отношений с органами внутренних дел. Однако это не исключает обратного, когда орган внутренних дел в лице своих штатных должностных лиц из соображений целесообразности или безопасности предлагает гражданам, привлекаемым к подготовке или проведению оперативно-разыскных мероприятий, конфиденциальность такого

---

[1] Комментарий к Федеральному закону Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» / под ред. А. И. Алексеева и В. С. Овчинского. М. : Проспект, 2011. С. 141.

[2] Там же. С. 143.

содействия[1].

Закон предусматривает оказание конфиденциального содействия оперативным подразделениям двух видов: на контрактной и на бесконтрактной основе. Главная отличительная черта сотрудничества на контрактной основе – длительность, устойчивость отношений между гражданином и органом внутренних дел[2].

В ст. 18 ФЗ об ОРД закреплена возможность получения вознаграждения и других выплат лицами, которые сотрудничают с сотрудниками оперативных подразделений и оказывают им помощь в раскрытии преступлений. Полученные указанными лицами суммы вознаграждений и другие выплаты налогами не облагаются и в декларациях о доходах не указываются. Также ФЗ об ОРД определено, что граждане, оказывающие содействие по контракту имеют право на получение пенсионного обеспечения. Период такого сотрудничества засчитывается в страховой стаж указанных граждан на основании сведений органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность.

При этом граждане могут сотрудничать с правоохранительными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность на бесконтрактной основе[3], и др.

Таким образом, содействие как вид деятельности осуществляется во всех процессуальных отраслях. Кроме того, закон закрепляет право граждан оказывать содействие правоохранительным органам в ходе осуществления оперативно-разыскной деятельности. В отличие от процессуальных кодексов ФЗ об ОРД закрепил самостоятельную главу, посвященную видам, порядку оказания содействия, а также обеспечению социальной и правовой защищенности

---

[1] Чуфаровский Ю. В. Психология в оперативно-розыскной деятельности. Установление и развитие контактов с субъектами заинтересованности. М. : Право и Закон, 1996.

[2] Смирнов М. П. Комментарий оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран : учеб. пособие. М. : Экзамен, 2002. С. 436.

[3] Комментарий оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран. С. 437.

граждан, оказывающих содействие в осуществлении оперативно-разыскной деятельности.

Между тем следует разграничивать лиц, оказывающих содействие правосудию в рамках осуществления уголовно-процессуальной деятельности, и лиц, содействующих подготовке и проведению оперативно-разыскных мероприятий.

Выделим основные признаки лиц, вовлеченных в уголовный процесс для оказания содействия сторонам и суду.

Во-первых, деятельность лиц, содействующих правосудию, регламентирована уголовно-процессуальным законодательством.

Во-вторых, формы участия лиц, содействующих правосудию, не предполагают заключения контракта или конфиденциальной основы.

В-третьих, лица, оказывающие содействие правосудию, могут быть привлечены как сторонами уголовного судопроизводства, так и судом.

В-четвертых, закон не предусматривает возможность получения вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших, лицам, оказывающим содействие правосудию, в порядке оплаты процессуальных издержек.

Указанное позволяет констатировать, что содействие правосудию представляет собой многоаспектный институт уголовно-процессуального права, процессуальные нормы которого регулируют специфические правоотношения, возникающие с лицами, вовлекаемыми сторонами и судом для достижения назначения уголовного судопроизводства.

В общей теории права отсутствует единый подход к определению такого понятия, как «правовой институт». Так, В. С. Якушев рассматривает его как «нечто среднее между нормой и отраслью права»[1]. На наш взгляд это крайне абстрактное определение.

Наиболее детализированное понятие дано Н. Ю. Волосовой, которая определяет институт права в качестве обособленной группы юридических

[1]Якушев В. С. О понятии правового института // Правоведение. 1970. № 6. С. 61.

норм, «регулирующих однородные общественные отношения особым предметом и методом и входящих в соответствующую отрасль права»[1].

Вместе с тем наиболее распространенной в теории уголовно-процессуального права является позиция, согласно которой правовой институт представляет собой «группу норм, которые регулируют лишь однородные и взаимосвязанные общественные отношения»[2].

Представленные определения позволяют выделить существенные черты и признаки, присущие любому правовому институту:

– полнота регулируемых отношений;

– отношение к элементу системы права;

– регулирование самостоятельной, обособленной группы отношений, представленной в совокупности однородных норм права, которые, в свою очередь, не всегда помещены в одну главу, раздел или часть нормативно-правового акта.

Институту содействия отправлению правосудия присущи все признаки, общие черты и характеристики правового института. Содействие правосудию занимает особое место в системе функций уголовного судопроизводства, оно обособляет группу отношений, складывающихся в ходе раскрытия и расследования преступлений, при производстве следственных действий и процессуальных мероприятий, также при обнаружении, фиксации изъятии объектов и предметов, имеющих значение для уголовного дела, оказании консультационной, организационно-технической и иной помощи сторонам и суду, в рамках, установленных уголовно-процессуальным законодательством.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что содействие правосудию является институтом уголовно-процессуального права, представляющим собой совокупность правовых норм, регулирующих процессуальный порядок

---

[1] Волосова Н. В. Уголовно-процессуальный институт свидетельского иммунитета: теория, законодательное регулирование и практика : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 143.

[2] Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / М. С. Строгович, Л. Б. Алексеева, А. М. Ларин ; отв. ред. В. М. Савицкий ; Акад. наук СССР. Ин-т государства и права. М. : Наука, 1979. С. 128.

оказания содействия отправлению правосудия, вовлечения и участия в уголовно-процессуальных отношениях лиц, реализующих данную функцию.

В теории права выделяют правовые институты:

– предметные, представляющие собой совокупность правовых норм, регулирующих отдельные этапы уголовного судопроизводства и порядок прохождения отдельной стадии (этап внутри стадии, саму стадию);

– функциональные, призванные регулировать правоотношения, имеющие значение для всего уголовного судопроизводства и для отдельных основных стадий процесса либо определяющие специфику для отдельных категорий уголовных дел.

Институт содействия правосудию относится к функциональным правовым институтам, поскольку регулирует правоотношения, имеющие значение для всего уголовного судопроизводства. От участия лиц, оказывающих содействие правосудию, зависит реализация принципа состязательности и равноправия сторон, результат их деятельности может оказать влияние на формирование доказательственной базы и весь ход производства по уголовному делу.

В общей теории права правовые институты принято подразделять на простые и сложные.

Институт содействия правосудию следует отнести к сложным правовым институтам, поскольку его нормы регулируют правоотношения возникающие не только в связи с формированием доказательственной базы, но и в процессе оказания консультационной, технической или иной информативной помощи сторонам и суду в рамках осуществления уголовного процесса.

Разделение правовых институтов на регулятивные, охранительные и учредительные позволяет отнести институт содействия правосудию к регулятивному институту, поскольку он осуществляет регулирование отдельных групп правоотношений.

Для института содействия правосудию, как и для любого правового института, характерен свой объект регулирования, предмет, метод и субъекты.

В качестве объекта выступают интересы справедливого, состязательного уголовного судопроизводства, выражающиеся в реализации сторонами и судом возможности вовлечения в уголовно-процессуальные правоотношения лиц, оказывающих содействие правосудию.

Предметом регулирования института содействия правосудию являются действия субъектов уголовного судопроизводства по реализации вспомогательной функции, оказание содействия сторонам и суду в собирании, проверке и оценке доказательств, консультационной, технической или иной помощи, участие в производстве следственных и процессуальных действий.

Регулирование института содействия правосудию осуществляется диспозитивным методом, позволяющим субъектам, оказывающим содействие, самостоятельно выбирать порядок реализации своих прав и обязанностей. При этом следует отметить наличие и императивного метода регулирования, заключающегося в установленных государством процессуальных правилах, нарушение которых приведет к признанию доказательств, полученных от лиц, оказывающих содействие правосудию, недопустимыми.

Таким образом, способ регулирования института содействия правосудию следует признать императивно-диспозитивным.

Субъектами регулирования являются не только лица, указанные в гл. 8 УПК РФ, наделенные самостоятельным процессуальным статусом, но и те, кто оказывает содействие правосудию, не обладая таким статусом, не имеющие установленных законом прав, обязанностей и ответственности. В рамках уголовного процесса они могут быть отнесены к разным сторонам, но их деятельность неизменно будет направлена на оказание содействия правосудию. Сказанное позволяет определить содействие правосудию как самостоятельный процессуальный институт.

Институт содействия правосудию следует рассматривать как комплексный правовой институт, который затрагивает содержание других правовых институтов.

Содействие правосудию в объективном смысле следует рассматривать в качестве системы норм, направленных на регулирование отношений, складывающихся в уголовном процессе и связанных с вспомогательной деятельностью, направленной на сообщение и (или) получение доказательственной информации, оказание консультационной, технической (организационной) или иной помощи сторонам и суду, участниками процесса, не наделенными властными полномочиями. В субъективном смысле содействие правосудию – это желание и право, а в отдельных случаях также обязанность субъекта правоотношений оказать помощь сторонам и суду

Социальная значимость правового института содействия правосудию заключается в возможности лиц, не имеющих личной заинтересованности в уголовном процессе, оказывать содействие сторонам и суду, чем осуществляется реализация гарантий защиты законных интересов граждан от незаконного и необоснованного ограничения прав и свобод, обеспечивается доступ к справедливому, состязательному правосудию.

В свою очередь, назначение уголовного судопроизводства достижимо лишь в том случае, если все «механизмы»[1] уголовно-процессуальной «машины» будут работать слаженно, не давая сбоев. В соответствии с принципом состязательности (ст. 15 УПК РФ) стороны обвинения и защиты должны на протяжении всего процесса расследования, вне зависимости от стадии уголовного процесса, осуществлять свое функциональное предназначение, будь то обвинение или защита. Но их уголовно-процессуальная деятельность должна соответствовать другой руководящей идее современного демократического уголовного процесса – принципу законности (ст. 7 УПК РФ), который в числе прочего закрепляет, что определения суда и постановления властных субъектов уголовного судопроизводства должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Законодатель усилил свою принципиальную позицию по данному вопросу и иной нормой (ст. 75 УПК РФ). Доказательства по уголовном делу, полученные в процессе расследования с нарушением принципа законности,

[1] Использовано в значении «уголовно-процессуальные институты».

не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Достижение назначения уголовного судопроизводства зачастую возможно лишь с вовлечением для оказания содействия правосудию различных государственных и негосударственных органов и учреждений, должностных лиц и граждан, которые выполняют вспомогательные функции по отношению к расследованию, защите и судебному разрешению уголовных дел: для решения промежуточных, эпизодических задач, без которых немыслимо полноценное раскрытие и расследование уголовных дел вне зависимости от их категорий, подследственности или подсудности, оказания консультационной помощи лицу, ведущему расследование, помощи в обнаружении, фиксации и изъятии значимой для уголовного дела информации, установления контакта с участником уголовного процесса, не владеющим языком уголовного судопроизводства, оказания помощи в разрешении отдельных процессуальных вопросов, возникающих на стадии исполнения приговоров и определений, вступивших в законную силу, и многого другого.

Содействие может быть оказано на любом этапе расследования.

По продолжительности оказания содействие можно классифицировать:

– на эпизодическое (помощь специалиста в обнаружении следов преступления в ходе осмотра места преступления);

– на периодическое (вовлечение понятых для производства следственных действий);

– на постоянное (привлечение переводчика для потерпевшего, не владеющего языком уголовного судопроизводства).

Классифицировать содействие правосудию, оказываемое участниками и субъектами уголовного судопроизводства, целесообразно на основании возникающих в процессе уголовно-процессуальной деятельности правоотношений.

Реализация гарантий прав и свобод человека и гражданина в уголовном

судопроизводстве создает необходимые условия для вовлечения и участия лиц, содействующих правосудию в уголовном процессе. Они необходимы для минимизации или полного исключения процессуальных ошибок, способствуют улучшению качества и эффективности предварительного расследования, соблюдению прав участников уголовного судопроизводства и, как следствие, принятию справедливых, законных и обоснованных процессуальных решений.

Ключевым для реализации содействия правосудию является принцип состязательности и равноправия сторон.

Ввиду отсутствия самостоятельных научных исследований, посвященных процессуальной деятельности содействия правосудию, теория уголовного процесса не содержит и общепринятого определения данного понятия. Анализ научной литературы позволил выявить лишь единичные попытки определения данного понятия как вспомогательной уголовно-процессуальной функции. Так, М. С. Демкина определила вспомогательную функцию как деятельность лиц, незаинтересованных в исходе уголовного дела, направленную на обеспечение получения доказательственной информации, создания дополнительных гарантий участников уголовного судопроизводства и процедуры производства следственных действий[1].

Безусловно, предложенное определение имеет право на существование, однако, на наш взгляд, не лишено отдельных недостатков. Так, утверждение об отсутствии «собственного интереса в уголовном деле» несколько необоснованно. К примеру, свидетель, как иной участник уголовного судопроизводства, выполняет и вспомогательные функции, но в силу обстоятельств может состоять в родстве или иной близкой связи и с потерпевшим, и с подозреваемым (обвиняемым), что не может не вызвать у него «собственного интереса в уголовном деле». К тому же лица, оказывающие содействие правосудию, могут быть привлечены к производству процессуальных действий еще до появления уголовного дела, на этапе

[1] Демкина М. С. Педагог (психолог) как участник уголовного судопроизводства: досудебный этап : дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2018. С. 119.

проверки сообщения о совершенном преступлении.

Следует отметить, что проведенный анализ позволил выделить основные признаки содействия правосудию, определяющие его сущность и состоящие в том, что оно:

– является деятельностью, регулируемой нормами уголовно-процессуального закона, основанной на Конституции РФ, а также общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации;

– предусматривает оказание содействия сторонам и суду с целью обеспечения равноправия и состязательности сторон, обеспечивающее приятие всестороннего, законного и обоснованного процессуального решения;

– оказывается как участниками уголовного судопроизводства, имеющими процессуальный статус, которые могут быть отнесены к разным сторонам, так и лицами, чей процессуальный статус не регламентирован действующим законодательством;

– осуществляется с использованием уголовно-процессуальных и иных правовых средств, в том числе с применением специальных знаний.

Термин «правосудие» следует рассматривать в широком смысле, позволяющем охватить не только судебные стадии уголовного процесса, но и первоначальные стадии расследования до момента принятия решения о возбуждении уголовного дела.

В заключение отметим, что проведенное исследование позволило признать обоснованными ряд промежуточных выводов и определить дальнейшее направление исследования института содействия правосудию:

1) в теории, нормативном регулировании и правоприменительной деятельности содействие правосудию не рассматривается в качестве комплексного самостоятельного правового института, а представляет собой совокупность разрозненных институтов, таких как институт применения специальных знаний, свидетельских показаний, участия понятых и обеспечения их безопасности и др.;

2) проведенное исследование понятия, сущности и признаков содействия правосудию позволило определить его роль и значение в уголовном процессе. Основной целью содействия является оказание вспомогательной помощи, направленной на сообщение и (или) получение доказательственной информации, оказание консультационной, технической (организационной) или иной помощи сторонам и суду, участниками процесса, не наделенными властными полномочиями, привлекаемыми к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством;

3) аргументировано, что содействие правосудию – это взаимосвязанные между собой правовые нормы, направленные на регулирование отношений, складывающихся в уголовном процессе и связанных с деятельностью, направленной на сообщение и (или) получение доказательственной информации, оказание консультационной, технической (организационной) помощи сторонам и суду, способствующей установлению обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела, лицами, не наделенными властными полномочиями.;

4) исследование теоретической модели содействия правосудию в уголовном судопроизводстве предполагает необходимость проведения общетеоретического анализа места содействия правосудию в теории уголовно-процессуальных функций и уголовно-процессуальных отношений, определения генезиса и эволюции содействия отправлению правосудия в доктрине уголовно-процессуального права и законодательстве.

§ 3. Содействие правосудию в теории уголовно-процессуальных функций

Важной предпосылкой разработки целостной, теоретически согласованной и эмпирически верифицированной модели содействия

правосудию выступает определение его роли и места в теории уголовно-процессуальных функций. Данная теория представляет собой одну из сложнейших и неоднозначных тем в теории уголовно-процессуального права. Прежде всего, сложность эта связана с отсутствием единого подхода к юридическому наполнению понятия «функция».

Сущность, значение и правовая природа процессуальных функций всегда представляли интерес для правоведов. А. А. Квачевский, например, рассматривал функции не только как общеправовые, но и как общенаучные понятия юридической науки[1], а М. А. Чельцов предложил определять функцию как направление деятельности, рассматриваемое законодателем в виде обязанности соответствующего органа или лица[2]. Эту позицию разделял М. С. Строгович, который отмечал, что функции уголовного судопроизводства представляют собой отдельные виды или отдельные направления деятельности[3]. Через направление деятельности определяли функцию В. М. Савицкий[4] и Я. О. Мотовиловкер. Именно такой подход, по мнению последнего, позволяет выдержать границы между отраслевыми уголовно-процессуальными функциями (обвинения, защиты и разрешения дела) и функциями участников уголовного процесса (уголовного преследования, создания условий реализации прав и обязанностей участниками процесса, оказания юридической помощи и т. п.)[5].

Как определенные направления, особым образом отграниченные стороны уголовно-процессуальной деятельности, различающиеся по своим ближайшим целям и формам, рассматривает категорию процессуальных функций

---

[1] Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 года: Теорет. и практ. руководство, сост. А. Квачевским. СПб., 1886. Ч. 1 ; 1887. Ч. 2.

[2] Чельцов М. А. Уголовный процесс. М., 1948. С. 11.

[3] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса : [в 2 т.]. М., 1968. Т. 1. С. 188–189.

[4] Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. М., 1971. С. 42.

[5] Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976. С. 17.

А. П. Гуляев[1].

В. М. Савицкий достаточно категорично отмечал, что функция «характеризуется именно направлением деятельности, а вовсе не тем, право или обязанность диктует субъекту этой деятельности поступить определенным образом»[2].

В последующем определение функций через направление уголовно-процессуальной деятельности получило признание в работах современных ученых-процессуалистов, и мы полагаем, что данный подход является наиболее распространенным в юридической литературе. Например, З. Д. Еникеев определял понятие уголовно-процессуальной деятельности через процессуальные функции: «уголовно-процессуальная деятельность – сложная деятельность, сложная в том смысле, что она имеет определенные стороны, определенные направления, не совпадающие друг с другом и не поглощаемые друг другом. Эти отдельные стороны уголовно-процессуальной деятельности называются уголовно-процессуальными функциями»[3]. Эту позицию разделили в совместной работе Т. З. Егорова и З. З. Зинатуллин, они подчеркнули, что «функция характеризуется именно направлением деятельности»[4].

Процессуальная функция направлена на решение задач уголовного судопроизводства, отстаивание процессуальных интересов или выполнение процессуальных обязанностей[5]. То есть уголовно-процессуальная функция противопоставлена направлению деятельности.

Это определение по своей сути близко к определению, предложенному Р. Д. Рахуновым, который рассматривал уголовно-процессуальные функции как круг деятельности одного или нескольких участников процесса,

---

[1] Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. М. : Юрид. лит., 1981. С. 7.

[2] Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде. С. 42.

[3] Еникеев З. Д. Уголовное преследование. Уфа : Изд-во БашГУ, 2000. С. 134.

[4] Егорова Т. З., Зинатуллин З. З. Уголовно-процессуальные функции по разрешению основного вопроса уголовного дела // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства противодействия преступности : сб. науч. тр., посвящ. памяти Н. В. Бахарева. Казань, 2010. С. 28.

[5] См.: Королев Г. Н. Теоретические и правовые основы осуществления прокурором уголовного преследования в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 11.

осуществляемой в силу того положения, которое данный участник занимает[1].

У такого подхода тоже есть свои сторонники. Например, С. И. Гирько считает, что уголовно-процессуальные функции, представляют собой деятельность участников уголовного процесса, наделенных соответствующими правами, обязанностями и полномочиями[2], а С. П. Ефимичев и П. С. Ефимичев раскрывают данное понятие через направление деятельности участников, обусловленную их правовым статусом[3].

Определение процессуальных функций через задачи, стоящие перед участниками уголовного процесса, их роль и назначение имеет немало сторонников. Например, под функциями уголовного процесса П. С. Элькинд предлагала понимать роль и назначение участников процесса независимо от того, на каких стадиях и в какой последовательности они осуществляются[4].

А. В. Руденко, в свою очередь, считает, что основу функции составляет процессуальная обязанность или назначение того или иного должностного лица или органа[5].

Позицию А. В. Руденко мы считаем спорной, поскольку, определяя функцию через обязанность или процессуальное назначение исключительно должностных лиц или органов, остаются не охваченными остальные участники уголовного судопроизводства, а также субъекты уголовного процесса, вовлеченные в него для выполнения эпизодических задач, не имеющие властных полномочий, но тем не менее выполняющие определенные уголовно-процессуальные функции. В этой связи более рациональной следует признать позицию С. В. Романова, который считает, что функция в уголовном процессе определяется местом и ролю участников уголовного судопроизводства в

---

[1] См.: Рахунов Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву. М. : Госюриздат, 1961. С. 23.

[2] Гирько С. И. Уголовно-процессуальные функции милиции (теоретические, правовые и прикладные проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 26.

[3] Ефимичев С. П., Ефимичев П. С. Функции в уголовном судопроизводстве: понятие, сущность, значение // Журнал российского права. 2005. № 7. С. 56.

[4] Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л. : Изд-во Ленинградск. ун-та, 1963. С. 54–55.

[5] Руденко А. В. Определение цели доказывания по характеру процессуальной функции субъекта // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 3. С. 247.

достижении цели и решении задач конкретного этапа уголовного процесса и, соответственно, уголовного процесса в целом[1]. Недостаток данного определения заключается в ее излишней теоретизированности.

Изобилие авторских взглядов на природу уголовно-процессуальных функций требует систематизации. И. Ю. Чеботарева в ходе изучения уголовно-процессуальной функции контроля предложила собственную классификацию подходов. К первой группе она относит суждения ученых, понимающих функцию как направление деятельности в уголовном судопроизводстве (М. С. Строгович, В. М. Савицкий, К. Ф. Гуценко, А. М. Ларин, А. П. Гуляев, С. И. Гирько и др.). Во второй она объединила ученых, рассматривающих функцию как роль участников уголовно-процессуальной деятельности, как обязанности (полномочия) субъекта выполнять задачи и достигать целей (назначения) уголовного процесса (П. С. Элькинд, А. А. Тушев, С. В. Романов и др.). В третью группу включены исследователи, рассматривающие функцию как направление правового воздействия (Т. Н. Радько, В. А. Толстик и др.)[2].

Предложенная классификация подходов к пониманию сущности уголовно-процессуальной функции позволяет выделить основные направления развития научной мысли, но не снимает дискуссионности проблемы определения сущности и значения функций в уголовном процессе.

Предложенная система подходов к пониманию уголовно-процессуальных функций достаточно условна. Она отражает лишь внешнюю сторону понятия, не раскрывая его сути.

Анализ научной литературы разных периодов позволяет выделить условно-хронологическую систему в понимании теории уголовно-процессуальных функций:

– дореформенный (до Судебной реформы 1864 г.), когда уголовно-

---

[1] Романов С. В. Понятие, система и взаимодействие процессуальных функций в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 24.

[2] Чеботарева И. Ю. Уголовно-процессуальная функция контроля в иерархической системе иных конкурирующих функций, осуществляемых должностными лицами государственных органов в досудебном производстве : дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2016. С. 27.

процессуальные функции не рассматривались как самостоятельное понятие;

– постреформенный (после Судебной реформы 1864 г.), когда происходит осмысление уголовно-процессуальных функций и отнесение их не только к общеправовым, но и к общенаучным понятиям;

– советский, ограниченный временными рамками с 1920-х до начала 1990-х годов. В указанный период ученые-процессуалисты в основном рассматривали функцию как направление деятельности в уголовном судопроизводстве;

– постсоветский – связан с принятием УПК РФ, придавшим новый виток развитию уголовно-процессуальной теории функций. В данный период ярко выражена позиция ученых, рассматривающих процессуальную функцию через роль участников уголовно-процессуальной деятельности, их обязанности, цели и задачи;

– новейший, не имеющий четкой временной границы, условно начавшийся с 2007 г., когда Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ законодатель лишил прокурора права возбуждать уголовные дела и заниматься их расследованием. Отметим, что отдельные процессуалисты оценивают это как «дефицит полномочий прокурора», который «препятствует своевременному и эффективному предупреждению нарушения законности и по устранению выявленных прокурором нарушений законов»[1].

В указанный период отмечается интеграция подходов ученых советского и постсоветского периодов, выражающаяся в раскрытии функции как самостоятельного направления уголовно-процессуальной деятельности, позволяющего реализовывать права и обязанности участников уголовного судопроизводства в целях разрешения уголовного дела.

До сих пор нет единого мнения по поводу предмета уголовно-процессуальных функций. Одни процессуалисты считают, что процессуальные функции есть отражение роли и назначения деятельности участников

[1] Епихин А. Ю., Гатауллин З. Ш. Прокурор в досудебном уголовном преследовании по делам о преступлениях террористической направленности // Современный ученый. 2020. № 1. С. 332.

уголовного процесса[1]; другие полагают, что функции уголовного процесса необходимо рассматривать в целом[2]; третьи в каждой стадии уголовного процесса видят свои уголовно-процессуальные функции[3].

Ярким сторонником системного подхода к определению процессуальных функций является Н. П. Кириллова. По ее мнению, «при определении понятия и содержания функции необходимо учитывать не только направления деятельности субъекта, но и ее содержание, а также задачи, стоящие перед субъектом уголовно-процессуальной деятельности. Имеет значение также и назначение стадий уголовного процесса, в которых реализуется процессуальная деятельность»[4].

Безусловно, каждая из предложенных систем весьма условна, а отсутствие единого подхода к пониманию вопроса неизбежно приводит к многополярности точек зрения, каждая из которых имеет право на существование.

В словаре С. И. Ожегова дается следующее определение функции: 1) роль и значение чего-либо; 2) обязанность, круг деятельности[5].

Исходя из устойчивых взаимоотношений элементов отдельных уровней[6], в общей системе процессуальных функций следует выделить подсистемы гражданско-процессуальных и уголовно-процессуальных функций[7]. Подсистема уголовно-процессуальных функций является самостоятельной, включает в себя минимальные компоненты, выраженные в функциях

---

[1] Шимановский В. В. К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе // Правоведение. 1965. № 2. С. 175 и др.

[2] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 188 ; Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. Воронеж, 1971. С. 52 и др.

[3] Выдря М. М. Расследование уголовного дела – функция уголовного процесса // Советское государство и право. 1980. № 9. С. 78–83.

[4] Кириллова Н. П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел : моногр. СПб., 2007. С. 55.

[5] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1997. С. 857.

[6] Сетров М. И. Проблемы методологии системного исследования. М., 1970. С. 51.

[7] Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции // Понятие уголовного процесса. Книга для чтения / сост. Н. Г. Стойко. Красноярск, 1996. Ч. 2. С. 165–166.

отдельных участников и субъектов уголовного процесса, которые целесообразно систематизировать в самостоятельные элементы (например, основные уголовно-процессуальные функции и дополнительные).

Анализ мнений каждой из представленных групп ученых о содержании и характерных признаках функций в уголовном судопроизводстве позволил сформировать собственную позицию. Считаем, что понятие уголовно-процессуальной функции необходимо рассматривать как минимум в двух аспектах: широком и узком.

В первом случае под уголовно-процессуальными функциями следует понимать основные направления деятельности, выраженные в уголовном преследовании лица, совершившего либо готовящегося совершить преступление, в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, в разрешении уголовного дела (юстиция).

Во втором случае следует исходить из роли и назначения каждого участника уголовного процесса, из конкретных задач, стоящих перед ним, и преследуемых целей. Перспективным направлением является рассмотрение функций в узком смысле.

Данный подход к пониманию функций позволит «примирить» сторонников деятельностного подхода к процессуальной функции и приверженцев раскрытия сущности функции через призму процессуального статуса участников уголовного судопроизводства.

Необходимо иметь в виду, что в юридической литературе не сформировалось единого мнения ни по вопросу о понятии уголовно-процессуальных функций, ни по вопросу об их характере и количестве.

В действующем УПК РФ выделены всего три функции: обвинения, защиты, разрешения уголовного дела (ч. 2 ст. 15). Они являются традиционными для отечественного уголовного процесса, и их принято называть основными. Базируются эти функции на принципе состязательности

сторон в уголовном судопроизводстве. Еще Я. О. Мотовиловкер справедливо отмечал, что исследование вопроса об основных уголовно-процессуальных функциях должно осуществляться без отрыва от вопроса состязательности уголовного судопроизводства и участвующих в нем сторонах[1].

Состязательность является одним из ключевых положений, на основе которого построена правовая система современной России[2]. В Постановлении Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. «О концепции судебной реформы» состязательность определена в качестве основного принципа организации уголовного процесса, призванного перевести разыскное советское уголовное судопроизводство на новую – состязательную – модель уголовно-процессуальной деятельности. Позже в Конституции РФ было провозглашено, что «судопроизводство осуществляется на основе состоятельности и равноправия сторон» (ч. 3 ст. 123).

Идея о состязательном построении современного уголовного процесса видится несколько утопичной[3] или по крайне мере далекой от англосаксонской модели уголовного процесса, в которой две равноправные стороны

---

[1] Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ч. 2. С. 158–159.

[2] Безусловно, не все положения принципа состязательности соблюдаются, не на всех стадиях они прослеживаются, но, тем не менее, именно этот принцип определил построение современной модели российского уголовного процесса.

[3] Существует немало научных исследований, в которых раскрываются противоречия идеи состязательного построения уголовного судопроизводства в России. См., например: Отчерцова О. В. Проблемы реализации принципа состязательности в деятельности адвоката-защитника на стадии предварительного расследования : дис. … канд. юрид. наук. М., 2017 ; Гришина Е.П. Концептуальные и правовые проблемы участия специалиста в состязательном уголовном судопроизводстве. М. : Юрлитинформ, 2015 ; Зайцева Е. А. Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве : моногр. Волгоград : ВА МВД России, 2006 ; Ее же. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008 ; Ванин Д. В. Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2003 ; Даев В. Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Известия вузов. Правоведение. 1974. № 1. С. 72 ; Лазарева В. А. Влияние состязательности уголовного судопроизводства на понятия теории доказательств // Юридический аналитический журнал. 2006. № 1 (15) ; Ее же. Концепция формирования доказательств в свете состязательности уголовного судопроизводства // Воен.-юрид. вестник Поволжск. региона. Самара, 2006 ; Багдасаров Р. В. Принцип состязательности в уголовном процессе России и странах Европейского союза. М. : Юрлитинформ, 2008 и др.

самостоятельно собирают доказательства и предоставляют их суду. Конституция РФ провозгласила судопроизводство состязательным, а УПК РФ в п. 56 ст. 5 закрепил под уголовным судопроизводством как судебное, так и досудебное производство по уголовному делу, что соответствует англосаксонскому варианту его трактовки. В данном случае видится вполне обоснованным справедливое замечание А. А. Давлетова, который полагает, что деятельность следователя и дознавателя не основана на состязательности, а реализуемая ими функция не ограничивается исключительно обвинением и может быть названа функцией предварительного расследования[1]. «Для жизненного осуществления этого принципа недостаточно признания равенства в правах сторон, а нужно, чтобы оно проявлялось и в равенстве средств их действия»[2]. Эту актуальную и по сей день мысль выразил В. К. Случевский более 100 лет назад, рассматривая вопрос о равенстве сторон в уголовном процессе по Судебному уставу 1864 г.

Трехзвенная система основных уголовно-процессуальных функций подверглась серьезной критике. В частности, Р. Д. Рахунов предложил включить в нее еще три дополнительные функции: «расследование уголовного дела, поддержание гражданского иска и защита от иска», он счел это необходимым в связи с тем, что названные основные функции не охватывают деятельность всех участников уголовного процесса и действуют не на всех стадиях[3]. Данная позиция была поддержана В. В. Шимановским[4] и М. М. Выдрей[5]. Позднее и В. Н. Шпилев высказал суждение о том, что концепция трех основных функций «является узкой, неполной». Он полагал, что «все лица, участвующие в уголовном деле, имеют установленные законом процессуальные функции...», автор выстроил свою конструкцию на том, что

---

[1] Давлетов А. А. О значении термина «судопроизводство» в уголовном процессе современной России // Электронное приложение к Российск. юрид. журналу. 2017. № 2. С. 42.

[2] Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. 1. Судоустройство. С. 82.

[3] Рахунов Р. Д. Указ. соч. С. 47.

[4] Шимановский В. В. Указ. соч. С. 24.

[5] Выдря М. М. Указ. соч. С. 78–82.

«такое понятие согласуется с общепринятым в современном русском языке толкованием функции как круга деятельности, роли и назначения чего-нибудь»[1].

Собственную классификацию функций уголовного процесса предложила П. С. Элькинд. Она разделила их на основные, вспомогательные и побочные. К основным функциям П. С. Элькинд отнесла:

а) установление, проверку данных относительно преступления и расследование – досудебная подготовка дела;

б) обвинение в суде;

в) защиту как деятельность подозреваемого, обвиняемого (подсудимого) и его защитника;

г) судебное рассмотрение и разрешение уголовного дела.

Деятельность свидетелей и экспертов, переводчиков, понятых, сведущих лиц, лиц, присутствующих при допросе несовершеннолетних, П. С. Элькинд отнесла к вспомогательным функциям, а деятельность гражданского истца и гражданского ответчика – к побочным[2].

А. П. Гуськова к вспомогательным уголовно-процессуальным функциям рекомендует отнести помимо поддержания гражданского иска и защиты от него еще и реабилитацию[3].

С. Г. Павлов к самостоятельным функциям относит процессуальное руководство и разрешение дела[4].

Более расширенный перечень предложен А. М. Лариным, включившим в указанную систему процессуальных функций такие функции, как рассмотрение и разрешение дела, процессуальное руководство делом, обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, устранение и

---

[1] Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. Минск, 1974. С. 59, 68, 56.

[2] Элькинд П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. М., 1976. С. 59–69.

[3] Гуськова А. П. К вопросу об уголовно-процессуальной функции следователя // ВЕСТНИК ОГУ. 2013. № 3 (152). С. 60.

[4] Павлов С. Г. Проблемы основных функций в социалистическом уголовном процессе. М., 1961. С. 34.

возмещение вреда, защита от гражданского иска, уголовное преследование и исследование обстоятельств совершенного преступления[1]. Иными словами, автор дополнил указанные ранее функции исследованием обстоятельств совершенного преступления, что, на наш взгляд, должно поглощаться уже существующей, более объемной по смыслу и значению функцией рассмотрения и разрешения дела.

Несколько иная система функций, охватывающая всех участников уголовного судопроизводства и всю уголовно-процессуальную деятельность, предложена В. В. Колодко. Автор выделяет девять уголовно-процессуальных функций: рассмотрения и разрешения дела судом (правосудия), расследования, ведомственного контроля, обвинения (уголовного преследования), защиты, прокурорского надзора, охраны потерпевшим своих прав и законных интересов, дополнительную функцию – поддержание или опровержение гражданского иска, вспомогательную функцию – помощь государственным органам при возбуждении, расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел[2].

Уголовно-процессуальным функциям, осуществляемым милицией (с 2011 г. – полицией), посвятил свое исследование С. И. Гирько. Им предложена трехзвенная система функций: основные, обеспечивающие нормальный ход уголовного судопроизводства, вспомогательные[3].

Проведенный историко-правовой анализ научной литературы, а также норм действующего УПК РФ, касающихся классификации уголовно-процессуальных функций, позволяет выделить несколько оснований для критики.

Во-первых, мы разделяем позицию авторов, полагающих, что концепция трех основных функций является узкой и не полной. Она априори не способна раскрыть всю многогранность уголовного процесса как вида государственной деятельности, а также всех вовлекаемых в эту деятельность участников и

---

[1] Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 12.

[2] Колодко В. В. Уголовно-процессуальная функция расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 15.

[3] Гирько С. И. Указ. соч. С. 26.

субъектов.

Во-вторых, в большинстве случаев ученые, раскрывая функцию правосудия, рассматривают ее исключительно с позиции суда, забывая при этом, что далеко не каждое уголовное дело из-за фактических обстоятельств может «дойти» до суда. Нельзя забывать и об институте прекращения уголовного дела на стадии предварительного расследования[1], что также является одной из процессуальных функций лица, проводящего расследование.

В-третьих, разграничение функций предварительного расследования и обвинения с практической точки зрения достаточно условно. Г. Н. Королев по этому поводу справедливо отметил, что «функция уголовного преследования обладает свойством единства и последовательно реализуется вначале в досудебных стадиях путем подготовки обоснованного обвинения, а затем и в ходе судебного производства путем его поддержания от имени государства. При этом реализация данной функции начинается с момента поступления информации о совершении определенным лицом преступления»[2].

Отчасти теория разделения основных функций на три составляющих нежизнеспособна, поскольку в современном уголовном процессе отсутствует принцип состязательности в том ключе, в котором его следует понимать. Состязательность должна прослеживаться не только на судебных стадиях уголовного процесса, ею должен быть пронизан процесс расследования с самых первых дней, с момента начала уголовного преследования.

Полагаем, современную систему уголовно-процессуальных функций, присущих российскому уголовному процессу, можно представить в следующем виде:

– основные функции: обвинения, защиты, разрешения уголовного дела (юстиция);

– сопутствующие функции: ведомственный контроль, процессуальное

---

[1] См., например: Русман Г. С. Признание вины как условие применения альтернативных мер в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2022. Т. 22. № 4. С. 49–55.

[2] Королев Г. Н. Единство и дифференциация функции уголовного преследования // Законность. 2007. № 9. С. 7.

руководство, прокурорский надзор, охрана потерпевшим своих прав и законных интересов, поддержание или опровержение гражданского иска и др.;

– ситуативные (факультативные) функции: содействие правосудию; оказание правовой помощи.

Ситуативность предполагает осуществление деятельности участников уголовно-процессуальной отношений на непостоянной основе, эпизодически. Не в каждом уголовно-правовом споре возникает необходимость реализации указанных функций.

При этом следует подчеркнуть, что ввиду существующего многообразия авторских подходов к выделению уголовно-процессуальных функций в представленной системе перечислены не все, но любую из них можно расположить в ней исходя из ее универсальности.

Подлежат установлению и основные признаки, присущие функциям. Это позволит сформировать более полное представление об этом институте и содействии в целом.

Теория уголовно-процессуального права не дает ответа на вопрос о том, какие функции следует считать процессуальными. Отчасти это связано с отсутствием четкого определения процессуального действия. Несмотря на то что законодатель закрепил в п. 32 ст. 5 УПК РФ понятие процессуального действия как следственного, судебного или иного, предусмотренного Кодексом, дискуссионным в данном определении остается вопрос о том, что следует понимать под «иными действиями». Полагаем, что в данном случае речь должна идти о действиях, направленных на разрешение по существу материалов или уголовного дела в целом, принятии законного, полного и всестороннего решения, в том числе и оказании содействия в его принятии с помощью тех средств, методов и способов, которые прямо регламентированы УПК РФ. В соответствии с п. 33 ст. 5 УПК РФ «процессуальное решение – это решение, принимаемое судом, прокурором, следователем, дознавателем в порядке, установленном УПК РФ».

Анализ законодательно установленных функций позволяет определить их

основные характеристики: прямо регламентированы УПК РФ; носят комплексный характер; определяют построение и логику уголовного процесса; содержат самостоятельные системы уголовно-процессуальной деятельности.

Функция содействия правосудию априори не может быть отнесена ни к одной из основных процессуальных функций. Осуществление уголовно-процессуального содействия в процессе расследования может быть оказано как стороне обвинения, так и стороне защиты. Не обойтись без содействия и в решении упомянутых конфликтов. По справедливому замечанию М. С. Демкиной, «в теории уголовного процесса функция содействия уголовному судопроизводству не была подвергнута столь же глубокому анализу, как основные процессуальные функции»[1].

Справедливости ради следует отметить, что в качестве самостоятельной функции содействие правосудию упомянуто в одном из учебников по уголовно-процессуальному праву[2], где рассмотрены некоторые ее особенности, но комплексному самостоятельному монографическому исследованию подвергнута не была.

Таким образом, считаем необходимым выделить основные признаки, присущие уголовно-процессуальной функции содействия правосудию.

1. Позволяет определить направление деятельности участников уголовного судопроизводства и его субъектов[3]. Как правило, содействие в уголовном процессе оказывают так называемые «иные участники уголовного судопроизводства», однако рассмотрение этого вопроса под более широким углом не позволяет ограничиваться исключительно данной категорией участников.

Законодатель в УПК РФ сгруппировал участников уголовного судопроизводства исходя из их функционального предназначения, определив

---

[1] Демкина М. С. Педагог (психолог) как участник уголовного судопроизводства: досудебный этап : дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2018. С. 88.

[2] Уголовно-процессуальное право: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В. М. Лебедева. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 47.

[3] Следует разделять понятия «участник» и «субъект уголовного судопроизводства», поскольку они несут различную смысловую нагрузку и не являются тождественными.

одноименные названия глав – суд (реализующий функцию разрешения уголовного дела), сторона защиты (выполняющая в уголовном процессе функцию защиты) и сторона обвинения (реализующая функцию обвинения). Однако наименование гл. 8 свидетельствует о нарушении логики структурирования норм закона. Предусмотренная законодателем глава «Иные участники уголовного судопроизводства» не вписывается в четкую, последовательную конструкцию Кодекса, что требует переосмысления, определения единой связующей функции, объединяющей этих участников. В этой связи, безусловно, прав П. Г. Марфицин, предлагающий «избавиться (или сократить до минимума) от неоправданного использования в УПК РФ термина "иные"»[1]. Полагаем, следует переименовать гл. 8 УПК РФ: «Глава 8. Участники уголовного судопроизводства, оказывающие содействие правосудию»[2].

2. Позволяет определить границы процессуальных полномочий участников (субъектов) уголовного процесса, а также устанавливает случаи невозможности их участия в качестве лиц, оказывающих содействие в осуществлении уголовного судопроизводства.

3. Не исключается, что лица, принимающие участие в уголовном судопроизводстве на стороне обвинения или защиты, в процессе расследования, в силу определенных юридических фактов, могут осуществлять содействие в осуществлении правосудия, и наоборот, лица, изначально вовлеченные в уголовный процесс для оказания содействия, в последующем могут быть отнесены к стороне защиты или обвинения[3].

4. Реализация функции содействия правосудию позволяет сформировать систему однородных задач, возложенных на лиц, его осуществляющих: оказание помощи сторонам и суду в принятии законных и обоснованных процессуальных решений; способствование установлению обстоятельств,

---

[1] Марфицин П. Г. Термин «иные» в уголовно-процессуальном законодательстве // Вестник Нижегородск. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 101.

[2] Структура и содержание указанной главы будет определена нами в процессе исследования в последующих параграфах.

[3] Например, приглашенный следователем свидетель по преступлениям экономической направленности в последующем может стать основным фигурантом по делу.

имеющих значение для правильного разрешения дела, достижению назначения уголовного судопроизводства.

Проведенный анализ позволяет сформулировать определенные выводы.

Во-первых, изобилие авторских понятий уголовно-процессуальных функций свидетельствует об отсутствии четкого понимания сущности функций и необходимости их унификации, позволяющей объединить основные позиции сторонников разных подходов.

Во-вторых, уголовно-процессуальные функции необходимо рассматривать в двух аспектах: широком и узком. В первом случае под уголовно-процессуальными функциями следует понимать основные направления деятельности, выраженные в уголовном преследовании лица, совершившего либо готовящегося совершить преступление, в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, в разрешении уголовного дела (юстиция). Во втором случае следует исходить из роли и назначения каждого участника уголовного процесса, из конкретных задач, стоящих перед ним, и преследуемых целей.

В-третьих, под содействием правосудию следует понимать исторически обусловленную романо-германским типом и смешанной формой российского уголовного процесса самостоятельную уголовно-процессуальную функцию, представляющую собой, оказываемую в ходе уголовного судопроизводства вспомогательной деятельностью, направленной на сообщение и (или) получение доказательственной информации, оказание консультационной, технической (организационной) или иной помощи сторонам и суду, участниками процесса, не наделенными властными полномочиями, привлекаемыми к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством.

§ 4. Уголовно-процессуальные отношения с участием лиц, оказывающих содействие правосудию

Теория уголовного процесса в советский период, как и в настоящее время, изучала возникающие в рамках осуществления уголовного судопроизводства отношения между государством в лице должностных лиц, уполномоченных к осуществлению производства по уголовным делам, и другими участниками процесса. Данные правоотношения могут возникать и прекращаться на этапе принятия решения о возбуждении уголовного дела (заявитель и следователь) – краткосрочные; возникать и функционировать на протяжении стадии предварительного расследования, а затем прекращаться (подозреваемый и следователь) – продолжительные; возникать, функционировать и прекращаться на судебных стадиях (потерпевший и суд).

С. Д. Шестакова в ходе исследования метода российского уголовно-процессуального права сформулировала глубокую мысль о том, что данный метод «характеризуется своей специфичной трехэлементной системой, обусловленной особенностями уголовно-процессуальных отношений. Систему метода образуют три элемента («подметода»), регулирующие относительно самостоятельные группы уголовно-процессуальных отношений»[1]. Не вдаваясь в детальный анализ предложенных «подметодов», отметим, что в рамках нашего исследования наибольший интерес представляет третий «подметод», регулирующий отношения «между государственными органами, ведущими процесс, и лицами, вовлекаемыми в уголовное судопроизводство исключительно в целях содействия достижению его задач (свидетелями, экспертами, переводчиками и т. п.)»[2].

Многообразие существующих форм и проявлений правоотношений в

---

[1] Шестакова С. Д. Генезис метода российского уголовно-процессуального права в условиях конвергенции и дивергенции англосаксонской и континентальной правовых систем (теоретико-правовое исследование) : дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 15.

[2] Там же.

рамках уголовного процесса требует их систематизации, определения их содержания, структурных элементов, объекта правоотношений. Отдельного внимания заслуживает и определение момента начала уголовно-процессуальных правоотношений, источников их регулирования. До сих пор неразрешены вопросы односторонних правоотношений[1] и правоотношений в рамках уголовного судопроизводства без участия государственных органов и должностных лиц.

Отдельные вопросы правоотношений в теории уголовного процесса, в том числе между лицами, оказывающими содействие в уголовном процессе, рассматривались в трудах С. С. Алексеева, Ю. И. Гревцова, Д. Д. Гримма, О. С. Иоффе, Л. Д. Кокорева, Н. М. Коркунова, Ю. Д. Лившица, В. З. Лукашевича, Е. Г. Лукьяновой, П. А. Лупинской, А. В. Малько, Е. Б. Пашуканиса, В. А. Познанского, Н. Н. Полянского, В. Н. Протасова, Р. Д. Рахунова, В. М. Савицкого, В. Д. Сорокина, А. К. Стальгевича, М. С. Строговича, Ф. В. Тарановского, Ю. К. Толстого, Е. Н. Трубецкого, Р. О. Халфиной, В. Н. Хропанюка, М. А. Чельцова, Г. Ф. Шершеневича, С. Д. Шестаковой, П. С. Элькинд, Л. С. Явича и других авторов. Среди зарубежных ученых можно выделить работы О. Бюлова, Д. Гольдшмидта, К. Миттермайера, М. Пагенштехера.

В отечественной юриспруденции советского периода начало систематической разработки теории правоотношений было положено исследованиями С. Ф. Кечекъяна (1958)[2], Ю. К. Толстого (1959)[3], Р. О. Халфиной (1973)[4], Ю. Т. Гревцова (1981)[5], А. П. Дудина (1983)[6].

Комплексному анализу уголовно-процессуальных правоотношений и

---

[1] Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. С. 11–13.

[2] Кечекъян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.

[3] Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Л., 1959.

[4] Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974.

[5] Гревцов Ю. И. Проблемы теории правового отношения. Л. : Изд-во Ленинградск. ун-та, 1981.

[6] Дудин А. П. Категория «правоотношение» – центральная в марксистской науке права : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 1984.

механизма правового регулирования посвящены работы В. П. Божьева (1975)[1], С. Д. Милицина (1991)[2], В. В. Кожевникова и П. Г. Марфицина (1998)[3].

Проблемам реализации норм права в уголовно-процессуальных правоотношениях посвящены диссертационные исследования С. Д. Милицина (1988)[4], С. В. Болотина (1990)[5], В. П. Божьева (1994)[6], М. А. Барановой (2005)[7], Д. А. Сугробова (2005)[8], Е. А. Суколенко (2011)[9], Ю. А. Тябиной (2016)[10], И. И. Ахматова (2017)[11].

Анализ публикационной активности по заявленной проблематике свидетельствует о существовании определенного периода с середины 1990-х до середины 2000-х годов, когда этот вопрос не исследовался на монографическом уровне. Но следует отметить, что в настоящее время интерес к проблеме регулирования и проявления уголовно-процессуальных правоотношений возрастает. Однако вопросам уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих между лицами, оказывающими содействие в осуществлении уголовного судопроизводства, сколько-нибудь значимого внимания не оказывалось, не рассматривались они и на монографическом уровне.

Вопросы специфики регулирования и функционирования уголовно-

---

[1] Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения : моногр. М. : Юрид. лит., 1975.

[2] Милицин С. Д. Предмет регулирования советского уголовно-процессуального права : моногр. Свердловск : Изд-во Уральск. ун-та, 1991.

[3] Кожевников В. В., Марфицин П. Г. Уголовно-процессуальный аспект механизма правового регулирования. Омск, 1998.

[4] Милицин С. Д. Предмет регулирования советского уголовно-процессуального права : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1988.

[5] Болотин С. В. Орган дознания в системе уголовно-процессуальных отношений : дис. … канд. юрид. наук. М., 1990.

[6] Божьев В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994.

[7] Баранова М. А. Свидетель в системе уголовно-процессуальных правоотношений : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2005.

[8] Сугробов Д. А. Суд как субъект уголовно-процессуальных правоотношений : дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2005.

[9] Суколенко Е. А. Суд как субъект уголовно-процессуальных правоотношений в досудебном уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011.

[10] Тябина Ю. А. Уголовно-процессуальные правоотношения в стадии исполнения приговора : дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2016.

[11] Ахматов И. И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений : дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017.

процессуальных отношений для теории уголовного процесса являются наиболее сложными и дискуссионными из-за множества подходов к их осмыслению и трактовке. Рассмотрим, что же понимается под уголовно-процессуальными правоотношениями.

В. Г. Даев предлагает под уголовно-процессуальными отношениями понимать урегулированную нормами процессуального права отношения участников уголовного судопроизводства, которые выступают носителями прав и обязанностей[1].

А. Ю. Тябина, посвятившая свою работу исследованию уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих на стадии исполнения приговора, дает практически идентичное В. Г. Даеву определение, дополняя его оговоркой о том, что свои права и обязанности участники процесса реализуют в строгом соответствии с уголовно-процессуальной формой[2].

В доктрине уголовного процесса долгое время отсутствовал единый подход к определению понятия «участник уголовного процесса». Велась дискуссия о том, кого следует считать участником процесса, поскольку закон не давал однозначного ответа на этот вопрос.

Так, М. А. Чельцов относил к участникам уголовного процесса лиц, выполняющих уголовно-процессуальные функции: обвиняемого, защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей. Свидетелей, экспертов, понятых, переводчика он предлагал относить к субъектам уголовно-процессуальной деятельности, поскольку на них не возложены функции обвинения, защиты или разрешения уголовного дела[3].

М. С. Строгович занимал противоположную точку зрения и считал, что переводчик, свидетель, эксперт и др. не выполняют ни одной из основных уголовно-процессуальных функций: не занимают постоянного положения в

---

[1] Советский уголовный процесс / Алексеев Н.С. [и др.] ; под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича. Л. : Изд-во Ленинградск. ун-та, 1989. С. 15–16.

[2] Тябина Ю. А. Указ. соч. С. 44.

[3] Чельцов М. А. Понятие и задачи советского уголовного процесса // Уголовный процесс / под ред. М. А. Чельцова. М., 1969. С. 11.

производстве по уголовному делу, не заявляют определенные претензии и не возражают против претензий других лиц. Автор полагал, что они, хоть и являются субъектами уголовно-процессуальных отношений, «не могут быть рассмотрены в качестве самостоятельных субъектов уголовно-процессуальной деятельности»[1].

Традиционно сложилась и альтернативная позиция, согласно которой к участникам уголовного процесса относили лиц, имеющих определенный интерес и занимающих устойчивое правовое положение на протяжении всего процесса. Данный подход позволял рассматривать категорию «участники процесса» в узком смысле. В широком же смысле под участниками следовало понимать всех лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве[2]. К субъектам уголовно-процессуальных отношений следовало относить: государственные органы, ведущие борьбу с преступностью и наделенные законом определенными полномочиями, включая применение государственного принуждения; представителей общественных организаций, на которых законом возложено выполнение процессуальных функций; граждан, в том числе отдельных лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве[3].

Рассматривая вопрос о соотношений понятий «участник» и «субъект» уголовного процесса, В. Г. Даев писал, что термин «участник процесса» равнозначен понятию «субъект процессуальных отношений», поскольку нельзя, по мнению исследователя, иметь процессуальные права и обязанности, не участвуя в процессе[4].

Я. О. Мотовиловкер разделял указанную позицию и отмечал, что не следует дифференцировать лиц, органы государственной власти, участвующие в уголовном процессе, по критериям «участник процесса», «участник уголовно-процессуальной деятельности», «субъект уголовно-процессуальных отношений». По его мнению, участники и субъекты уголовно-процессуальной

---

[1] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 189.
[2] Шпилев В. Н. Участники уголовного процесса. Минск, 1970. С. 13.
[3] Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. С. 203.
[4] Цит. по: Советский уголовный процесс / Алексеев Н. С. [и др.] С. 88.

деятельности являются тождественными понятиями[1].

Между тем, наиболее рациональной представляется позиция, согласно которой понятия «субъект процесса» и «участник процесса» соотносятся между собой как родовое и видовое, поскольку в действующем УПК законодатель полностью отказался от употребления понятия субъекта ввиду его объемности, что могло вызвать определенные трудности в толковании закона. Таким образом, любой участник процесса является его субъектом, но не каждый субъект процесса – его участник. Например, свидетель является как субъектом уголовного процесса, так и его участником, поскольку его процессуальный статус закреплен в ст. 56 УПК РФ, в то время как статист является лишь субъектом уголовно-процессуальных правоотношений, он вовлекается в уголовный процесс лишь для производства такого следственного действия, как опознание лица.

В настоящее время к участникам уголовного судопроизводства законодатель отнес всех лиц, принимающих участие в уголовном процессе (п. 58 ст. 5 УПК РФ).

Представленное многообразие подходов к пониманию правовой категории уголовно-процессуальных правоотношений требует детального анализа их природы и особенностей, определения структуры, момента возникновения и прекращения применительно к лицам, оказывающим содействие в осуществлении уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальные правоотношения производны от уголовно-правовых отношений, но следует помнить, что не все уголовно-правовые отношения порождают уголовно-процессуальные. Например, совершенное уголовно наказуемое деяние влечет наступление уголовно-правовых отношений между государством, запретившим подобного рода деяния, предусмотревшим определенные санкции, и субъектом, совершившим данное деяние. Пока об этом не станет известно компетентным правоохранительным

[1] Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976. С. 14.

органам, отношения не перетекут в уголовно-процессуальную плоскость. Полагаем, что уголовно-процессуальные правоотношения регламентированы уголовно-процессуальным законодательством, действующим на момент их возникновения. Значит ли это, что лишь УПК РФ является источником возникновения уголовно-процессуальных правоотношений?

Исходя из представленных в научной литературе определений уголовно-процессуальных правоотношений допускаем, что они возникают в связи с осуществлением уголовного судопроизводства уполномоченными государственными органами в лице должностных лиц и направлены на раскрытие и расследование преступлений. Это позволяет обратиться к ст. 1 УПК РФ, которая определяет, что порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации осуществляется уголовно-процессуальным законом, Конституцией РФ, а также общепризнанными принципами и нормами международного права, и международными договорами Российской Федерации. Указанная норма достаточно четко определяет круг нормативных источников, регулирующих общественные отношения в уголовном процессе России, но является ли этот круг исчерпывающим?

Полагаем, что немаловажными факторами в определении правового статуса участника уголовного судопроизводства, его прав и обязанностей, а, следовательно, полноты и определенности правового регулирования возникающих уголовно-процессуальных отношений являются федеральное законодательство и подзаконные акты. По сравнению с УПК РФ они содержат более конкретизированные юридические предписания, позволяющие детализировать нормы процессуального закона, регламентирующие процессуальное положение участников уголовного судопроизводства, а также требования, предъявляемые к ним государством.

Кроме того, УПК РФ содержит отсылочные нормы. Так, перечень перечисленных в нем мер осуществления безопасности участников уголовного судопроизводства заканчивается фразой «а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации» (ч. 3 ст. 11). Речь

в данном случае идет о Федеральном законе от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

Но допустимо ли в качестве источника уголовно-процессуальных правоотношений рассматривать подзаконные акты? А. В. Красильников полагает, что «регулирование прядка уголовного судопроизводства, как и любое ограничение уголовно-процессуальной праводееспособности субъекта уголовно-процессуального права посредством издания ведомственных нормативных правовых актов (приказов, указаний, инструкций и т. п.), существенно нарушает требования ст. 1 УПК РФ и является недопустимым»[1].

Считаем указанную позицию дискуссионной, поскольку подзаконные нормативные акты не являются самостоятельными источниками уголовного судопроизводства, они необходимы для конкретизации отдельных положений и норм, следовательно, не способны вызвать конфликт с позицией законодателя, закрепленной в ст. 1 УПК РФ. Юридическая техника построения норм, формат и структура УПК РФ не позволяют законодателю включать в него детали правоотношений каждого уголовно-процессуального института, расписывая функциональные обязанности участников и субъектов уголовно-процессуальной деятельности, поскольку это приведет к катастрофическому увеличению объема Кодекса и потребует деления его на тома, что, на наш взгляд, вызовет критику у правоприменителей.

Моментом наступления уголовно-процессуальных отношений является поступление сообщения о совершенном или готовящемся преступлении. Уголовно-процессуальные правоотношения с лицами, оказывающими содействие в осуществлении уголовного судопроизводства, возникают в момент их вовлечения в уголовный процесс либо лицом, проводящим

[1] Красильников А. В. О некоторых проблемах нормативно-правового регулирования уголовно-процессуальных отношений // Российский следователь. 2013. № 21. С. 19–21.

расследование, либо судом или же по ходатайству сторон (например, привлечение специалиста или переводчика, допрос свидетеля и т. д.). В связи со сказанным необходимо отметить, что не только волевое решение должностных лиц влечет возникновение, приостановление или прекращение уголовно-процессуальных правоотношений, нельзя исключать и другие факторы, не зависящие от решений властных субъектов. К ним следует отнести состояние здоровья одного из субъектов правоотношений (смерть или болезнь, не позволяющую принимать участие в уголовном судопроизводстве), иные юридические факты, возникшие помимо воли лица, проводящего расследование (декриминализация преступления, установление некомпетентности сведущего лица).

Уголовно-процессуальные отношения между субъектами уголовного процесса и в советский период, и в настоящее время принято характеризовать как властеотношения, то есть отношения власти и подчинения.

Процессуальные отношения всегда имеют двусторонний характер, одной из сторон их в обязательном порядке выступает государство, права которого инициируют исполнение обязанностей невластного субъекта правоотношений и наоборот – права последнего, вызывают исполнение возложенных законодателем обязанностей властных субъектов уголовного судопроизводства, олицетворяющих в уголовно-процессуальных отношениях государство.

Высказанная позиция вызывает интерес и в контексте процессуальных отношений между подозреваемым (обвиняемым) и его защитником, поскольку по действующему процессуальному законодательству обвиняемый имеет право на свидание с защитником наедине, без ограничения количества таких свиданий и их продолжительности (п. 3 ч. 4 ст. 46, п. 9. ч. 4. ст. 47 УПК РФ). Если в отношении подозреваемого или обвиняемого не избрана мера пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, то на такое свидание не требуется разрешение государства (в лице должностного лица, ведущего расследование). Отрицать, что данные отношения являются уголовно-процессуальными, мы не можем, поскольку они регламентированы

процессуальным законодательством, но в то же время возможны без участия властных субъектов, что свидетельствует о возможности возникновения правоотношений между участниками уголовного судопроизводства, не обладающими публичными полномочиями. Еще одним примером могут служить правоотношения между двумя экспертами, производящими комиссионные или комплексные экспертизы, в значительной степени регулируемые нормами административного или гражданского права и лишь отчасти – уголовно-процессуальными нормами[1].

Л. В. Головко рассматривает в системе уголовно-процессуальных правоотношений «феномен так называемых односторонних властных отношений», когда в них принимает участие лишь властный субъект (например, обязанность следователя возбудить уголовное дело или принять решение об окончании предварительного расследования). Проведенное исследование позволило ему прийти к выводу о том, что данные отношения невозможны, если не учитывать интересы общества в целом, которое имеет право требовать уголовного преследования и наказания тех, кто совершил уголовно наказуемое деяние[2].

Думается, что развитие современного уголовного процесса позволяет выделить и такие уголовно-процессуальные отношения, в которых властный субъект участие не принимает. Речь идет о медиации в уголовном процессе[3]. Медиатор должен в равной степени удовлетворять интересы обеих сторон, выступая одновременно как на стороне общества в целом, жаждущего наказания виновного, так и на стороне защиты, отстаивающей свои права и интересы в деле.

Несмотря на то, что УПК РФ не содержит норм, регламентирующих данный вид отношений, имеется немало исследований, позволяющих констатировать, что использование медиации в уголовном процессе может

---

[1] Тарасов А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России : моногр. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. С. 19–20.

[2] Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян [и др.] ; под ред. Л.В. Головко.

[3] Институт медиации в уголовном процессе существует, к примеру, в Республике Казахстан (более подробно об этом см. пар. 3 гл. 2 настоящего исследования).

принести практическую пользу в отправлении правосудия. Поскольку медиатор оказывает содействие правоохранительным органам в достижении соглашения о примирении и принятии итогового процессуального решения по рассматриваемому уголовному делу (отправлению правосудия), для нас эта фигура представляет особый интерес и будет рассмотрена подробно.

С принятием УПК РСФСР 1960 г. институт уголовно-процессуальных отношений перешел на качественно новый уровень развития. На данном этапе еще не существовало деления участников на стороны, не выделял закон и лиц, оказывающих содействие в раскрытии и расследовании преступлений, как самостоятельных участников уголовного судопроизводства. Однако в указанный период появляются исследования, посвященные классификации участников уголовно-процессуальных отношений и сопоставлению их друг с другом, разрабатываются авторские позиции применительно к лицам, содействующим в осуществлении уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что в ходе осуществления уголовно-процессуальной деятельности в уголовном процессе принимают участие государственные органы, должностные, юридические и физические лица, каждое из которых выполняет определенную процессуальную функцию, вступает в правоотношения с государственными органами и должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство. В связи с изложенным полагаем, что именно процессуальный интерес обуславливает наличие уголовно-процессуальной функции, с помощью которой возможно обеспечение возникшего интереса. Имеющийся у участника уголовно-процессуальный интерес, обусловленный процессуальной функцией, определяется наличием необходимых прав и обязанностей, которыми его наделило государство для осуществления этой функции.

В теории уголовно-процессуального права существует множество классификаций участников уголовного процесса, основанных на различных критериях. Наиболее распространенной является классификация указанных лиц, в основу которой положено содержание их деятельности.

Так, установленная государством классификация участников уголовного судопроизводства по принципу функционального предназначения и состязательности сторон предполагает деление их на следующие группы: 1) суд (гл. 5 УПК РФ), реализующий функцию разрешения уголовного дела (юстиции); 2) сторона обвинения (гл. 6 УПК РФ), выполняющая функцию обвинения; 3) сторона защиты (гл. 7 УПК РФ), реализующая в уголовном процессе функцию зашиты; 4) иные участники уголовного судопроизводства – лица, выполняющие в уголовном судопроизводстве вспомогательные функции, которые не могут быть отнесены ни к суду, ни к сторонам (гл. 8 УПК РФ).

Данный перечень является исчерпывающим, хотя в правоприменительной деятельности нередко возникает необходимость вовлечения в осуществление расследования и отправление правосудия лиц, не предусмотренных гл. 8 УПК РФ. К таковым можно отнести присяжных заседателей, секретарей судебного заседания, судебных приставов, статистов (процессуальных ассистентов), руководителей экспертных учреждений и др.

Сторонником классификации участников уголовного судопроизводства по основаниям функциональной принадлежности являлся Я. О. Мотовиловкер. Он выделял три основные функции: обвинение, защита и разрешение уголовного дела, и не основные, к которым относил деятельность эксперта и переводчика[1]. Считаем, что в данном случае речь шла именно об оказываемых вспомогательных функциях этих участников.

Субъектов, оказывающих содействие правосудию, можно классифицировать по следующим основаниям:

1) в зависимости от продолжительности участия в уголовном судопроизводстве:

– участвующие периодически (эксперт, проводящий экспертизу и вызванный в последующем на допрос);

– участвующие постоянно (переводчик, поскольку лицо, не владеющее

[1] Мотовиловкер Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции. Ярославль, 1976. С. 13, 14.

языком уголовного судопроизводства, нуждается в его содействии на протяжении всего периода уголовного судопроизводства);

2) в зависимости от стадии уголовного судопроизводства, в котором лицо, оказывающее содействие, принимает участие:

– на стадии возбуждения уголовного дела (специалист, эксперт, понятой);

– на стадии предварительного расследования (понятой, привлекаемый для удостоверения факта производства следственного действия);

– на судебных стадиях уголовного судопроизводства (например, свидетель приглашенный стороной защиты в ходе судебного разбирательства);

– на протяжении всего уголовного судопроизводства (например, переводчик);

3) в зависимости от наличия у субъектов уголовного судопроизводства специальных знаний в их уголовно-процессуальном понимании:

– не обладающие специальными знаниями (свидетель, понятой и др.);

– обладающие специальными знаниями (эксперт, специалист, переводчик, ревизор, педагог, врач и др.);

4) в зависимости от характера правоотношений, субъектами которых выступают лица, содействующие правосудию, с точки зрения содержания процессуальной деятельности, прав, обязанностей и ответственности:

– органы государственной власти, должностные лица и лица, оказывающие содействие в уголовном судопроизводстве, обладающие специальными знаниями (следователь и эксперт в ходе допроса);

– органы государственной власти, должностные лица и лица, оказывающие содействие в уголовном судопроизводстве, не обладающие специальными знаниями (дознаватель и понятой в ходе производства следственного действия);

– субъекты уголовного судопроизводства, не обладающие властными полномочиями, и лица, оказывающие содействие в уголовном судопроизводстве, обладающие специальными знаниями (подозреваемый и эксперт в ходе проведения судебной экспертизы);

– субъекты уголовного судопроизводства, оказывающие содействие правосудию, обладающие специальными знаниями (эксперты, производящие комплексную или комиссионную судебную экспертизу);

–субъекты уголовного судопроизводства, оказывающие содействие правосудию, не обладающие специальными знаниями (секретарь судебного заседания и потерпевший в ходе ознакомления с протоколом судебного заседания);

–субъекты, не наделенные властными полномочиями, оказывающие содействие правосудию вследствие привлечения их к участию в уголовном деле (защитник и специалист);

– непосредственные руководители лиц, оказывающих содействие (применительно к экспертной деятельности).

По характеру связей между лицами, оказывающими содействие правосудию, уголовно-процессуальные отношения подразделяются на вертикальные «власть – подчинение» и горизонтальные, складывающиеся между не соподчиненными субъектами уголовного процесса.

Содействие правосудию может быть оказано участниками уголовного судопроизводства, относящимися к разным сторонам, к суду, а также субъектами, не имеющими процессуально закрепленного статуса, но всех их в процессуальном смысле объединяет одно: их деятельность направлена на оказание содействия правосудию на различных стадиях уголовного процесса.

Указанные правоотношения способствуют решению уголовно-процессуальных задач и в конечном счете направлены на реализацию назначения уголовного судопроизводства. Статус участника и реализуемая им уголовно-процессуальная функция предопределяют содержание перечисленных правоотношений.

Отметим, что по завершении уголовного судопроизводства лицо перестает быть его участником, но может быть наделен другими процессуальными правами в других уголовно-процессуальных правоотношениях.

Учение об уголовно-процессуальных правоотношениях позволяет выделить ряд признаков, присущих этому процессуальному институту. В качестве основных признаков П.С. Элькинд называла: форму правоотношений; органическую связь с уголовно-правовыми отношениями; возникновение, изменение и прекращение правоотношений в неразрывной связи с уголовно-процессуальной деятельностью; особый круг субъектов; специфические права и обязанности субъектов[1].

В. П. Божьев разделил признаки уголовно-процессуальных правоотношений на особенные, единичные и специальные. К специальным автор отнес многостадийность, изменчивость[2].

Признаки, присущие уголовно-процессуальным правоотношениям, возникающим с участием лиц, оказывающих содействующие правосудию: 1) регламентированность уголовно-процессуальным законодательством; 2) направленность на оказание содействия сторонам и суду; 3) нестабильность (в связи с возможностью заявления отвода); 4) возможность применения специальных знаний, достижений научно-технического прогресса; 5) как правило, результатом правоотношений является обнаружение, фиксация, изъятие или оценка доказательства по уголовному делу (заключение эксперта, показания любого участника, не владеющего языком уголовного судопроизводства, данные с привлечением переводчика, показания специалиста, обнаружение, фиксация и изъятие вещественного доказательства); 6) в случае нарушения требований уголовно-процессуальной нормы сторона отношений несет ответственность перед государством; 7) динамизм (осуществление содействия правосудию возможно лишь путем реализации участниками и субъектами уголовного судопроизводства своих прав и соблюдения обязанностей, проявляющихся в совершении определенных установленных законом действий).

Кроме того, с учетом выделенных в работе признаков содействия

---

[1] Элькинд П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. С. 7.
[2] Божьев В. П. Избранные труды. М. : Юрайт, 2010. С. 58.

правосудию предлагается лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, классифицировать по критерию целей привлечения: 1) непосредственные источники доказательственной информации (свидетели, эксперты, специалисты); 2) оказывающие содействие в ее получении и (или) фиксации (понятые, специалисты, переводчики, процессуальные ассистенты); 3) относящиеся к общим условиям судебного разбирательства (помощник судьи, секретарь судебного заседания); 4) представитель альтернативной процедуры урегулирования конфликтных правоотношений (медиатор)[1].

Также следует отметить, что по каждому уголовному делу возникает единое сложное процессуальное правоотношение, в рамках которого зарождаются, развиваются и прекращаются отдельные процессуальные правоотношения, связанные с осуществлением отдельных процессуальных функций.

Проведенный анализ подходов к определению понятий уголовно-процессуальных правоотношений, их признаков, структуры и субъектного состава позволил сформулировать авторское определение данного термина. По нашему мнению, под уголовно-процессуальными правоотношениями следует понимать урегулированные уголовно-процессуальным законом отношения между субъектами и участниками уголовного судопроизводства, возникающие, развивающиеся и прекращающиеся в связи с проверкой сообщения о совершенном или готовящемся преступлении или в рамках уголовного дела, направленные на реализацию прав и обязанностей субъектов уголовного судопроизводства с целью достижения назначения уголовного процесса.

В заключение следует отметить, что теория уголовно-процессуальных отношений является структурной единицей системы общей теории юридических отношений. В свою очередь, подсистемой и структурной единицей уголовно-процессуальных правоотношений являются

[1] Медиация как самостоятельна форма оказания содействия правосудию рассмотрена во 2 параграфе 4 главы настоящего исследования.

процессуальные отношения лиц, оказывающих содействие в осуществлении уголовного процесса, друг с другом и с иными субъектами уголовно-процессуальной деятельности.

Правоотношения с лицами, оказывающими содействие в осуществлении уголовного судопроизводства, могут возникать и прекращаться на этапе принятия решения о возбуждении уголовного дела (специалист и следователь) – краткосрочные; возникать и функционировать на протяжении стадии предварительного расследования, после чего прекращаться (свидетель, привлекаемый для дачи показаний, очной ставки и проверки показаний на месте и следователь) – продолжительные; возникать, функционировать и прекращаться на судебных стадиях (потерпевший и суд).

Считаем, что субъекты правоотношений, возникающих в связи с привлечением и участием лиц, оказывающих содействие в уголовном судопроизводстве, можно классифицировать в зависимости от законодательного отнесения к сторонам уголовного судопроизводства; продолжительности принимаемого участия в уголовном судопроизводстве стадии уголовного судопроизводства, на которой лицо, оказывающее содействие, принимает участие; наличия у субъектов уголовного судопроизводства специальных знаний, а также по критерию целей привлечения. Также нами определены признаки, присущие уголовно-процессуальным правоотношениям, возникающим с участием лиц, содействующих в осуществлении уголовного судопроизводства.

§ 5. Генезис и эволюция содействия отправлению правосудия в доктрине и законодательстве России

В целях комплексного изучения развития института содействия предлагаем рассмотреть возникновение и последующее формирование

процессуального статуса лиц, оказывающих содействие правосудию, по хронологии упоминания их в письменных источниках права, в хрониках исторических событий и классических литературных произведениях, что позволит определить периодизацию исторических этапов развития уголовно-процессуальной деятельности содействия правосудию на анализе письменных нормативных источников.

Одним из наиболее древних памятников отечественного права является ***Русская Правда*** – сборник правовых норм, датированных X–XIV вв. Примечательно, но столь значимый правовой документ был обнаружен только в XVIII в. российским историком и государственным деятелем В. Н. Татищевым. Существует три редакции Русской Правды – краткая, пространная, сокращенная.

Русская Правда, как источник древнерусского права, не подразделяет право на материальное и процессуальное, однако содержит первые известные науке упоминания о свидетелях, к которым относили тех, кому могло быть что-либо известно о рассматриваемых тяжбах. Более того, указанную категорию участников было принято делить в зависимости от источника осведомления на послухов (слышали или располагают необходимой информацией) и видоков (видели интересующее событие – очевидцы). Как полагает Р. Л. Хачатуров, послухи привлекались для характеристики лица, привлекаемого к ответственности, позволяющего сформировать о нем представление[1].

Свидетели оказывали содействие правосудию при отсутствии возможности предоставления иного вида доказательств. Такой вывод позволяет сделать ст. 2 краткой редакции Русской Правды[2]. Лицо, причинившее телесные повреждения, приговаривалось к штрафу, если его вина была доказана «по свидетельству послухов»[3].

---

[1] Хачатуров Р. Л. Классовая природа Русской Правды // Актуальные вопросы правоведения в общенародном государстве. Томск, 1979. С. 19.

[2] Русская Правда в краткой редакции (с переводом) [Электронный ресурс]. URL: https://studfiles.net/preview/6208594 (дата обращения: 19.02.2023).

[3] Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / отв. ред. В. Л. Янин ; под общ. ред. О .И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984. С. 91–92.

Если человека обвиняли в краже или убийстве, но свидетелей этих событий не было, применялось «испытание железом»[1].

Статья 81 пространной редакции Русской Правды дает основание полагать, что в качестве свидетелей-послухов могли привлекаться лишь свободные люди. Показания холопов в качестве доказательств не признавались.

В свидетели для подтверждения правоты привлекалось местное население, а также и чужестранцы. Последние обладали определенными привилегиями: для подтверждения их правоты допускалось привлечение двух свидетелей, а для того чтобы обвинить, необходимо было предоставить семь человек. По справедливому замечанию Н. М. Карамзина, «древние наши законы особенно покровительствовали иноземцев»[2].

Иной формы осуществления содействия правосудию в указанный период не установлено, но следует отметить, что функции сведущего лица выполнял сам судья – в тех случаях, когда необходимо было установить «знамения» на теле лиц, подвергнутых физическому насилию. Это свидетельствует о том, что в период действия Русской Правды такого самостоятельного участника, как врач или эксперт, еще не было.

Следующим, представляющим для нас интерес источником права является ***Псковская судная грамота.*** Она была принята на вече в 1397 г. по благословению духовенства, регламентировала в основном гражданско-правовые отношения, но содержит и отдельные изменения в уголовном судопроизводстве.

Так, к послухам стали относить лиц, непосредственно ставших очевидцами совершенного преступления (ст. 20). Вызывались в суд участники повесткой – позовницей (ст. 20, 25, 50, 82). Формой отправления правосудия оставался поединок, но в него были внесены изменения: допускалась возможность

---

[1] Пространная Русская Правда (по Троицкому списку второй половины XIV в.) [Электронный ресурс]. URL: https://studfiles.net/preview/5814012/page:3 (дата обращения: 19.02.2023).

[2] Карамзин Н. М. История государства Российского : в 4 т. М. : Эксмо, 2003. Т. 4. С. 186.

представительства. Исключения оставались для послухов (ст. 21)[1]. Дача показаний послухами проводилась после приведения их к присяге (ст. 117)[2]. Указанные обстоятельства подчеркивают важность свидетельских показаний, рассматриваемых в качестве первоисточника сведений, имеющих значение для разрешаемого правового спора.

Не менее значимым источником права является – ***Судебник великого князя Ивана Васильевича 1497 г.,*** созданный в период, когда преодоление феодальной раздробленности и создание Московского централизованного государства предопределило необходимость нормативного закрепления власти великого князя, определение единой законодательной системы.

Структурно Судебник состоит из 68 статей, регулирующих деятельность центрального суда и включающих нормы уголовного права (ст. 1–36); регламентирующих организацию и деятельность местных судов (ст. 37–45); содержащих нормы гражданского права, гражданского и уголовного процесса (ст. 46–66), а также включающих дополнительные статьи по судебному процессу (ст. 67–68).

Судебник внес существенные коррективы в нормативное регулирование института содействия правосудию. В частности, анализ ст. 48–52 позволяет выделить ряд нововведений в процессуальном статусе свидетеля: 1) расширен круг лиц, имеющих право давать показание, теперь это могут делать и холопы; 2) в качестве свидетелей не могли выступать малолетние и причастные к преступлению; 3) послухами именуются все лица, располагающие информацией, имеющей значение для разрешения спора; 4) вводится материальная ответственность свидетеля в случае неявки в суд (независимо от того, смог бы он дать показания или нет). Примечательно, что сумма материальной ответственности определялась размером суммы иска, убытков и пошлин[3].

---

[1] Псковская судная грамота (перевод) [Электронный ресурс]. URL: https://studfiles.net/preview/2094476 (дата обращения: 19.02.2023).

[2] Там же.

[3] Судебник Ивана III 1497 года [Электронный ресурс]. URL:

Кроме того, в период действия указанного Судебника вводится новый, ранее не упоминавшийся участник, оказывающий содействие правосудию. Так, 1535 годом датируется первое в истории России проведение судебно-медицинской экспертизы (в привычном для нас понимании), когда врачом Феофилом по поручению царицы Елены проведено обследование князя Андрея Старицкого по поводу «подозрения его в притворной болезни»[1]. Указанный факт свидетельствует о расширении круга лиц, оказывающих содействие правосудию. В отличие от свидетельских показаний, которые должны основываться на информации, которую свидетель либо видел, либо слышал, появляется новый способ получения доказательств – путем использования специальных знаний. Законодательного закрепления, такой способ получения доказательственной информации еще не получил, но практика идет по пути их активного привлечения.

Отмеченный исторический период развития института содействия правосудию целесообразно именовать **«Первым периодом» (X–XIV вв.)** – характеризующимся появлением первых норм, регулирующих правоотношения лиц, оказывающих содействие правосудию (видоки, послухи, толмачи).

Далее институт содействия правосудию получает развитие в период действия ***Судебника Ивана IV (1550)*** – памятника русского права XVI в., который состоит уже из 100 статей.

В самом Судебнике 1550 г. свидетель упоминался в ряде статей и являлся участником процесса, позволяющим удостовериться в правоте сторон. Происходило это в основном, как и в период действия Судебника 1497 г., путем проведения судебного поединка – поля (ст. 16)[2].

Судебником 1550 г. предусмотрены случаи, когда свидетелями могли выступать женщины, инвалиды или священнослужители (ст. 17)[3].

---

http://ege59.ru/2018/07/03/sudebnik-ivana-3-xarakteristika-osnovnye-polozheniya (дата обращения: 19.02.2023).

[1] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3. С. 402.

[2] Судебник Ивана IV 1550 года / пер. В.Б. Цыганова. [Электронный ресурс]. URL: https://studfiles.net/preview/2439267 (дата обращения: 19.02.2023).

[3] Там же.

Детально исследуя период действия Судебника 1550 г., Б. А. Романов приходит к выводу, что «с середины XVI в. законодательно фиксируется отмена судебных поединков. Впервые это нашло отражение в приговоре царя Ивана IV со всеми бояры от 21 августа 1556 г., запрещавшем присуждать поле при разноречиях послухов. В ряде последующих актов поле заменялось целованьем с жеребья, т. е. принесением присяги по жребию»[1].

По аналогии со ст. 50 Судебника 1497 г. Судебник 1550 г. сохранил за свидетелем ответственность за неявку в суд (ст. 18).

Рассматриваемый нормативный акт законодательно закрепил возможность применения пыток для получения показаний (ст. 52, 56, 57). Пытки проводились недельщиком, в обязанности которого входило осуществление ареста и пыток обвиняемых, которые он исполнял в течении недели[2]. При этом, применительно к вопросу о формировании доказательственной базы было установлено, что «непризнание вины обвиняемым рассматривалось в качестве молчаливого согласия с выдвинутым обвинением»[3].

Впервые в Судебнике 1550 г. упоминается лицо, обладающее специальными знаниями. Оно пока не имеет четко определенного статуса, но законодатель уже отводит ему роль содействующего в осуществлении правосудия. Речь идет об упомянутом в ст. 79 Судебника 1550 г. знахаре[4].

Указанная норма дает основание полагать, что в случае необходимости для определения суммы ущерба допускалось привлечение специалиста,

---

[1] Романов Б. А. Судебник Ивана Грозного // Исторические записки. 1949. Т. 29 (см. также : Романов Б. А. К вопросу о земельной политике Избранной рады // Исторические записки. 1951. Т. 38 ; Его же. К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVII в. // Исторические записки. 1955. Т. 52 ; Его же. О полном холопе и сельском попе в Судебнике 1550 года // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952).

[2] Судебник Ивана IV 1550 года.

[3] Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства [XIV–XVI вв.] / отв. ред. А. Д. Горский ; под общ. ред. О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1985. С. 148.

[4] Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. Т. 2 [Электронный ресурс]. URL: http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ist_roszac_ii/ist_roszac_ii_1550.htm (дата обращения: 19.02.2023).

который обладал недостающими специальными знаниями. Статья регулирует вопросы, связанные с движением холопского населения.

С момента принятия Судебника 1550 г. отмечается резкое увеличение количества законодательных актов, нередко противоречащих друг другу. Так, В.М. Строев отмечал, что с 1550 по 1600 г. издано 80 указов, с 1601 по 1610 г. – 17, с 1611 по 1620 г. – 97, с 1621 по 1630 г. – 90, с 1631 по 1640 г. – 98, с 1641 по 1648 г. – 63 указа. Всего, отмечает автор, за 1611–1648 гг. издано 348 указов, а за 1550–1648 гг. – 445[1]. Представленная статистика свидетельствует о нарастающей необходимости систематизации всех существующих на тот период указов и принятия нового нормативного акта.

Таким образом, исторический промежуток с XIV по XVII вв. для института содействия правосудию **является «Вторым периодом»**. Для данного периода характерно усложнение правоотношений, возникающих с лицами, оказывающими содействие правосудию, расширение возможностей использования данной категории участников благодаря вовлечению лиц, обладающих социальными знаниями.

Данная работа была организована и проведена Алексеем Михайловичем Романовым. Результатом ее стало принятие ***Соборного уложения 1649 г.,*** представляющего собой свод законов. Процедура подготовки и принятия Соборного уложения отличалась от ранее издаваемых законов, что свидетельствует о развитии юридической техники. В состав авторского коллектива вошло свыше 300 человек, среди них: митрополиты, архиепископы, епископы, бояре, окольничие, князья и др.

Отличительными особенностями нового свода законов являются внушительный объем (25 глав, разделенных на 967 статей) и четко определенная структура. Отметим основные преобразования, коснувшиеся института содействия правосудию с принятием данного нормативного акта.

Уложение закрепляет возможность отказа жены от дачи показаний

[1] См.: Строев В. М. Историко-юридическое исследованіе Уложенія, изданнаго Царемъ Алексеемъ Михайловичемъ въ 1649 году. СПб., 1833.

против своего супруга (гл. X, ст. 177)[1]. Принято считать, что именно с этой нормы началось формирование института свидетельского иммунитета. Однако Н. Ю. Волосова полагает, что данная норма появилась не «из сохранения нравственных устоев общества или семейных ценностей», а из общего положения о том, что «женщина все равно не может показывать на своего мужа, поэтому ей нельзя верить»[2]. Безусловно, данная позиция имеет право на существование, однако соглашаться с ней мы не беремся ввиду чрезмерной субъективности в подходе.

В качестве свидетелей Уложение разрешало допрашивать родителей «истца» и «ответчика», признавая их показания в качестве доказательства по делу (ст. 176)[3].

Анализ ст. 158 Соборного уложения позволяет выделить ряд правил, которые необходимо было соблюдать при использовании свидетельских показаний. Так, закреплено необходимое количество свидетельских показаний «по имяном на десять человек» и установлена процедура дачи показаний «допрашивати по государеву крестному целованию». Крестное целование являлось своего рода гарантией дачи правдивых показаний, свидетель находился не под потенциальной уголовной ответственностью за дачу ложных показаний (в современном понимании), а под страхом божьей кары, что не позволяло ему солгать.

Следует отметить, что Уложение не содержит ни упоминаний о проведении судебных поединков, ни классификации свидетелей на видоков и послухов.

Одной из новелл данного закона являлось введение нового для уголовного процесса участника – понятого. Ему законодатель посвятил несколько норм, где достаточно подробно определил, кого следует понимать

---

[1] Соборное уложение 1649 года. М. : Изд-во Московск. ун-та, 1961. Выверено по изд.: М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm#6 (дата обращения: 19.02.2023).

[2] Волосова Н. Ю. Уголовно-процессуальный институт свидетельского иммунитета: теория, законодательное регулирование и практика : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 163.

[3] Соборное уложение 1649 года.

под понятым: «сторонние люди, добрые, кому мочно верити» (ст. 87), а также их задачи в уголовном судопроизводстве: «поличное выняти с теми людьми, куды он послан будет искати, и то поличное выняв, отвести в приказ с теми же людьми, при ком то поличное вымет» (ст. 87), присутствовать для удостоверения факта сопротивления властным субъектам (ст. 139). Отметим, что закон не ограничивал понятых в количестве и позволял привлекать «сколько человек пригоже». Кроме того, он предусматривал физическую и материальную ответственность понятого за дачу ложных показаний (ст. 143). Другими словами, понятыми могли быть лица, не имеющие отношения к делу, законопослушные люди, которым можно доверять. Они привлекались для оказания содействия властным субъектам с целью удостоверения факта производства процессуальных действий, их число не ограничивалось, но каждый мог быть привлечен к ответственности за сообщение ложной информации.

Примечательно, что за четыре века существования института понятых название этих лиц не претерпело изменений и сохранилось в первоначальном виде. Сохранилось и функциональное предназначение понятых, заключающееся в оказании содействия правосудию путем удостоверения факта проводимого процессуального действия и, при необходимости, дачи показаний. Вероятнее всего, слово «понятой» происходит от глагола «паять», «скреплять» (в нашем случае – доказательства). Данное утверждение не претендует на истину и является дискуссионным.

Прямого упоминания о привлечении лиц, обладающих специальными знаниями, в законе нет, но Ф. Г. Аминев полагает, что положения гл. IV Соборного уложения «О подпищикех, и которые печати подделывают» «предусматривали выявление подделок документов силами лиц, привлекаемых для рассмотрения дел»[1]. Также автор отмечает, что «для детального исследования документов требуется применение глубоких разработок в области

[1] Аминев Ф. Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения : дис. … д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2016. С. 38.

физики и химии, чем не могли похвастаться эксперты вплоть до конца XIX в.»[1].

В Соборном уложении 1649 г. отсутствует упоминание о привлечении сведущих лиц. Вероятнее всего, это связано с тем, что судебно-следственная практика их привлечения к этому времени еще не сложилась. Данный пробел был восполнен в последующие годы. Так, имеются свидетельства, что в 1658 г. зародилась судебно-химическая экспертиза[2]. К такому выводу можно прийти, проанализировав опыт, поставленный аптекарями с изъятой у Артемия Артемьева «интроговой кости». Они скармливали трем голубям порошок, изготовленный из этой кости, в разных комбинациях с другими препаратами и наблюдали за происходящими с птицами изменениями[3].

Следующим не менее значимым событием явилось проведение в 1662 г. осмотра тела человека на предмет наличия телесных повреждений. Осмотр был документально оформлен и использован в суде в качестве доказательства. Данный документ содержал запись: «А по осмотру бит по спине, на правом боку вспухло и синево знать»[4].

Ф. Г. Аминев полагает, что «годом начала производства судебно-психиатрической экспертизы в России принято считать 1679 г.»[5]. В этом году впервые проведено исследование, в ходе которого установлено, что «из-за прихода пара от селезенки и приступании его к сердцу и к голове, и от того у него памяти долгое время нет и не узнает людей… За такими де болезнями ему Петру государевы службы служить не мочно»[6].

Проведенное исследование позволяет констатировать, что, несмотря на отсутствие законодательного закрепления, XVII век для института содействия правосудию с использованием специальных знаний сведущих лиц является весьма значимым. Именно к этому периоду относятся первые исследования,

---

[1] Там же.

[2] Там же. С. 39.

[3] Крылов И. Ф. Избранные труды по криминалистике. СПб. : Изд. Дом Санкт-Петербургск. гос. ун-та, 2006. С. 762–763.

[4] Там же. С. 755.

[5] Аминев Ф. Г. Указ. соч. С. 39.

[6] Крылов И. Ф. Указ. соч. С. 765.

результаты которых в суде признаются доказательствами.

Период правления Петра I в России считается реформаторским, инновационным, направленным на создание, улучшение и модернизацию всех сторон жизни общества. Не избежал этой участи и уголовный процесс. Основой реформ юридической системы Российской Империи, проводимых Петром Великим[1], стал принятый в 1716 г. ***Воинский устав.***

Воинский устав состоял из собственно Устава и следующих приложений: «Артикул воинский с кратким толкованием» (209 статей), «Краткое изображение процессов или судебных тяжеб» (3 части и 14 глав), «О экзерциции (или учении), о приготовлении к маршу, о званиях и о должности полковых чинов» (3 части). Наибольший интерес для настоящего исследования представляет «Краткое изображение процессов или судебных тяжеб», принятое в 1715 г.

Так, ст. 6 гл. «О доказании» закрепляет в качестве доказательств четыре источника: 1) «чрез своеволное признание»; 2) «чрез свидетелей»; 3) «чрез писмянные доводы»; 4) «чрез присягу»[2].

Глава 3 «Краткого изображения процессов или судебных тяжеб» посвящена свидетелям. К ним предъявлялись следующие требования: они должны быть «добрыми» и порядочными людьми, «кроме тех, кои чести и достоинства лишены» (ст. 1). Полагаем, что в случае удостоверения факта недобросовестности свидетеля ему заявлялся отвод, его показания не учитывались в процессе доказывания.

Несмотря на то что показания свидетелей-женщин были уравнены с показаниями свидетелей-мужчин, закреплялось предпочтение показаний мужчин, нежели женщин, состоятельных людей, нежели бедных «худых», ученых и духовенства, нежели «светских». Данный факт свидетельствует о законодательно закрепленном классовом неравенстве и приоритете в оценке доказательств отдельной категории граждан.

---

[1] Законодательство Петра I. М., 1997. С. 57–97.

[2] Краткое изображение процессов или судебных тяжеб 1715 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pandia.ru/text/77/496/872760761.php (дата обращения: 19.02.2023).

Примечательно, что закон предусматривал категорию «негодных и презираемых свидетелей», не имевших право давать показания. Перечень этих лиц лег в основу современного уголовного процесса: не свидетельствовать против самого себя (ст. 51 Конституции РФ, п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ); показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности, являются недопустимыми (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). С точки зрения реализации права на защиту лицо, подвергнутое уголовному преследованию, не могло рассчитывать на свидетельские показания в пользу своей невиновности, данные лицами, находящимися с ним в свойстве, несовершеннолетними, не достигшими 15-летнего возраста, лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности за кражу, разбой, убийство иностранных граждан, что, безусловно, ущемляло права подозреваемого.

При установлении факта дачи ложных показаний (фальшивой присяги) свидетели несли ответственность, вплоть до физической (ст. 17). За склонение к даче ложных показаний предусматривалось телесное наказание, денежный штраф, публичное церковное покаяние.

Развитие институт содействия правосудию получает не только благодаря нормативному закреплению процессуального статуса свидетеля. Детальный анализ «Краткого изображения...» показал, что для содействия привлекались и секретари судебных заседаний. Так, если свидетель самостоятельно не мог явиться для дачи показаний, закон предусматривал направление к нему домой секретаря судебного заседания для приведения его к присяге и получения показаний (ст. 9). Кроме того, секретари привлекались судом для оглашения приговора (ч. 3 ст. 3).

В этот период получает законодательное развитие и статус лиц, привлекаемых для применения специальных знаний и навыков. Воинский устав 1716 г. регламентировал привлечение докторов и лекарей (специалистов в области медицины) для констатации тяжести ранения и факта смерти.

Время правления Петра I ознаменовалось созданием на регулярной

основе в 1718 г. полиции, в задачи которой входило: «…защищает вдовиц, сирых и чужестранных…»[1]. Выделение в качестве объектов полицейской охраны последней категории лиц неслучайно в первую очередь потому, что Петр I не только сам часто бывал за границей, но и активно привлекал в Россию иностранных специалистов, перестраивая русскую патриархальную жизнь на европейский манер. Указанный факт свидетельствует о необходимости привлечения переводчиков для содействия правосудию, если кто-либо из участников уголовного судопроизводства не владел языком, на котором велось производство. Кроме того, активно пропагандировалось изучение иностранных языков, о чем свидетельствует литературно-педагогическое произведение «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению» (1717 г.): «Младыя отроки должни всегда между собою говоріть иностранным языки, дабы темъ навыкнуть могли: а особліво когда имъ что таіное говоріть случітся, чтоб слуги и служанки дознатся не могли…»[2].

Позже должность переводчика в различных государственных учреждениях (переводчик и протоколист сенатские и др., переводчики Воинской, Адмиралтейской, Иностранной коллегий и др., переводчики и протоколисты коллежские и др.) была закреплена в «Табеле о рангах…»[3], принятом в 1722 г.

Таким образом, детальное нормативное закрепление статуса свидетеля, процедуры его привлечения, определения его прав, обязанностей, ответственности, законодательное закрепление необходимости привлечения секретарей, врачей свидетельствуют не только о существенном прорыве в развитии юридической техники, но и о совершенствовании института

---

[1] Реформы Петра I : сб. док. / сост. В.И. Лебедев. М. : Соцэкгиз, 1937. С. 195.

[2] Юности честное зерцало, или Показаніе къ жітеискому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ. СПб., 1717. С. 18–19.

[3] Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше протчих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был от 24 января 1722 г. (см.: Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М. : Юрид. лит., 1986. С. 61.

содействия правосудию. Следует отметить, что судебное законодательство не совершенствовалось после Петра I вплоть до правления Екатерины II, которая первые годы пребывания в России вынуждена была пользоваться услугами переводчика, поскольку не владела русским языком[1].

По поручению Екатерины II ***в 1767 г.*** разработан и издан ***«Наказ»,*** представляющий собой свод новых законов, призванных заменить Соборное уложение 1649 г. и адаптировать Воинский устав 1716 г. для гражданского населения страны.

«Наказ» состоит из 22 глав и 655 статей: гл. I–V (ст. 1–38) – общие принципы устройства государства; гл. VI–VII (ст. 39–79) – «О законах вообще» и «О законах подробно» – основы законодательной политики государства; гл. VIII–IX (ст. 80–141) – уголовное право и судопроизводство; гл. X (ст. 142–250) – «Об обрядах криминального суда»; гл. XI–XVIII (ст. 251–438) – сословная организация общества; гл. XIX–XX (ст. 439–521) – вопросы юридической техники. В 1768 г. текст «Наказа» был дополнен гл. XXI, содержавшей основы административно-полицейского управления, и гл. XXII – «О регулировании финансовых вопросов».

Положительной, на наш взгляд, является норма, предписывающая деятельности правоохранительных органов не карательный характер, а профилактическую направленность[2] (ст. 82). Статьи 83–96 представляют собой рассуждения императрицы о преступлениях, о строгости наказания, о том, как относиться к «правилам Закона Божія, любомудрія и нравоученія». Завершается данная глава умозаключением: «Все наказанія, которыми тело человеческое изуродовать можно, должно отменить» (ст. 96). Это свидетельствует о зарождении принципа гуманности в избрании наказания и нормотворческой деятельности.

В ст. 120 «Наказа» предусмотрено, что для справедливого разбирательства в суде требуется два свидетельских показания одной из сторон,

---

[1] Каменский А. Б. Екатерина II // Вопросы истории. 1989. № 3.

[2] Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія / подъ ред. Н. Д. Чучелина. СПб., 1907. С. 177.

которые не противоречат друг другу, или общая ссылка[1] на одного. Показания двух свидетелей приравниваются к «устам истины» (ст. 121, 189). Следующая норма ограничивает применение пыток в ходе производства по делу: «употребленіе пытки противно здравому естественному рассужденію» (ст. 123).

Императрица выделяла два вида доказательств: совершенные, которые исключают все возможности к показанию невиновности обвиняемого, и несовершенные, которые этой возможности не исключают (ст. 176). Полагаем, что совокупность несовершенных доказательств в конечном счете могла образовать совершенное доказательство. «Наказ» определял, что «приговоры судей должны быть народу известны, так как и доказательства преступлений, чтобы всякий из граждан мог сказать, что он живет под защитою законов» (ст. 183).

Под свидетелем следовало понимать человека здравого рассудка, который имеет связанные мысли. Свидетелям полагалось верить, если у них не было причин лжесвидетельствовать (ст. 185).

Следующая норма определяет признание недействительными доказательств свидетеля, давшего ложные показания как в ходе данного судопроизводства, так и в последующих правовых спорах. Такой человек не мог быть больше приглашен в суд в качестве свидетеля, он «почитается граждански мертвым» (ст. 186). Правдоподобность показаний свидетеля ставится под сомнение «чем преступление тяжчае и обстоятельства менее вероятны. Правило сие также употреблять можно при обвинениях в волшебстве…» (ст. 190).

За исключением указанных, в целом институт содействия правосудию не претерпел значительных изменений в период правления Екатерины II.

В 1797 г., в судебно-медицинских учреждениях России была введена должность фармацевта. Фармацевты должны были исследовать яды, которые могли содержаться в трупах людей и животных. Их исследования в суде имели

[1] Общая ссылка представляет собой свидетельские показания одного лица, с которыми согласны обе стороны, то есть обе стороны ссылаются на одно и то же лицо.

преимущественное значение и оформлялись документально.

В 1811 г. институт содействия правосудию получает новый толчок развития благодаря принятию Александром I ***Манифеста об «Общем учреждении министерств»***[1], который регламентировал деятельность переводчиков и их персональную ответственность за заведомо неверный перевод. Отметим, что закрепление ответственности действительно было важным шагом в развитии статуса переводчика, но права и обязанности данного лица по-прежнему нуждались в детальной регламентации.

Следующим значительным источником права дореформенного периода является ***Свод законов Российской Империи.***

Работой по систематизации законодательства руководил М. М. Сперанский, «который в соответствии с принятым в римском праве делением права на публичное и частное разделил все законодательство на государственные и гражданские законы»[2]. М. М. Сперанским была разработана авторская система, позволившая систематизировать имеющиеся государственные и гражданские законы в восемь книг, состоявших из 15 томов[3], в которые вошли законодательные акты, издаваемые с 1832 г. В 1864 г., уже после реформы уголовного судопроизводства, был издан еще один том. В него были включены законы о судопроизводстве[4].

Оценивая проделанную работу, Н. И. Лазаревский отмечал: «При нашемъ состоянiи законодательства и въ особенности при нашемъ уровнѣ науки права и разработки законодательнаго матерьяла Сводъ Законовъ сослужилъ громадную и ничѣм незамѣнимую службу русскому государству и обществу»[5]. И. В. Ружицкая справедливо заметила, что «по степени влияния на развитие

---

[1] Манифест об «Общем учреждении министерств» от 25 июня 1811 г. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. М. : Юрид. лит., 1988. С. 96.

[2] Сидорчук М. В. Систематизация законодательства России в 1826–1832 гг. : дис. … канд. юрид. наук. Л., 1983. С. 126.

[3] Там же. С. 123–126.

[4] Поскольку XVI том Свода законов Российской Империи был издан позже, в данном историческом периоде он рассмотрен не будет.

[5] Лазаревскiй Н. И. Русское государственное право. Т. 1. Конституiонное право. 3-е изд. СПб. : Тип.акц. общ. «Слово», 1913. Т. I. С. 620.

юридической сферы российской государственной жизни составление Свода можно рассматривать как крупную политико-правовую реформу»[1]. Однако существовала и другая точка зрения.

Так, Г. Ф. Шершеневич достаточно критично отозвался о проделанной работе и полученном результате: «на почвѣ Свода создалась та робкая психологія, та боязнь отойти отъ стараго, потерять берегъ изъ виду, которая приводитъ наши руководящія сферы къ жалкому топтанію на одномъ мѣстѣ или къ лицемѣрному подведенію заимствованій подъ видимый образъ самобытнаго»[2].

Критиковался Свод и в наше время. В частности, М. В. Сидорчук отметил, что некоторые второстепенные вопросы регулировались в нем с ненужной подробностью, в то время как другие или вовсе не рассматривались, или освещались поверхностно[3].

Из всего огромного Свода нас интересует в первую очередь книга VIII «Законы уголовные» (т. XV Свода законов уголовных)[4].

В гл. V «О лжеприсяге» предусмотрена ответственность свидетеля за дачу ложных показаний, которые легли в основу обвинения. Санкциями данной нормы являлись либо ссылка на каторжные работы в крепости на срок от 8 до 10 лет и лишение всех прав состояния, либо предание церковному наказанию по усмотрению духовного начальства вероисповедания лжесвидетеля.

Как и «Наказ», Свод классифицировал доказательства на совершенные и несовершенные (ст. 304 кн. 2), при этом одного совершенного доказательства было достаточно «для признания осуждения несомнительным» (ст. 306 кн. 2).

К совершенным доказательствам законодатель отнес «свидетельство медицинских чиновников» (ст. 328 кн. 2). Следует отметить, что данная норма

---

[1] Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I : дис. … д-ра ист. наук. М., 2011. С. 323–324.

[2] Шершеневичъ Г. Ф. Общая теорія права. Вып. 1. М. : Изд. Бр. Башмаковыхъ, 1910. С. 438.

[3] Сидорчук М. В. Указ. соч. С. 166–167.

[4] Сводъ законовъ Россійской Имперіи. Повелѣніем Государя Императора Николая Перваго составленный. СПб., 1857 [Электронный ресурс]. URL: https://www.runivers.ru/upload/iblock/c02/15.pdf (дата обращения: 19.02.2023).

закреплена в разделе «О свидетельстве сведущих людей». Сведущее лицо оказывало помощь в расследовании преступления и способствовало принятию справедливого процессуального решения. Показания «двух достоверных свидетелей, не отведенных подсудимым» также составляли совершенное доказательство (ст. 329 кн. 2). Таким образом, одно показание сведущего лица по юридической силе приравнивалось к двум показаниям достоверных свидетелей, что придавало особую значимость показаниям, данным лицами, обладающими специальными знаниями. О сведущих лицах закон упоминал при рассмотрении уголовного дела «о преступлениях по монетному делу» – фальшивомонетничестве (ст. 943 кн. 2). Указанная норма предусматривала необходимость исследования изъятых монет органами полиции.

Приоритет при равной достоверности законных свидетелей отдавался, как и в ранее действовавших законах, мужчине перед женщиной, знатному перед незнатным, ученому перед неученым, духовному перед светским (ст. 330 кн. 2). Указанная норма свидетельствует о сохранившейся в нормативной практике градации свидетельских показаний по гендерным различиям и социальному положению. Свидетельские показания признавались недопустимыми, если были даны не под присягой, основывались на предположениях или слухах (ст. 334 кн. 2). От дачи свидетельских показаний не освобождались монахи, священники, диаконы и церковные причетники (ст. 944 кн. 2).

О роли и значении свидетельских показаний можно судить и по отечественным классическим произведениям. Так, в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина есть такая фраза: «Швабрин Алексей Иваныч вот уж пятый год как к нам переведен за смертоубийство. Бог знает, какой грех его попутал; он, изволишь видеть, поехал за город с одним поручиком, да взяли с собою шпаги, да и ну друг в друга пырять; а Алексей Иваныч и заколол поручика, да еще при двух свидетелях!»[1]. Полагаем, что автор таким образом попытался показать безоговорочность виновности персонажа Швабрина, засвидетельствованную

[1] Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин ; [Примеч. проф. Б. В. Томашевского ; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом)]. 4-е изд. - Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 6: Художественная проза. 1978. С. 448.

двумя очевидцами.

Свидетелей могли приговорить к аресту от трех недель до трех месяцев и за пассивность в даче показаний. Речь идет о случаях, когда лицо стало свидетелем произношения «дерзких оскорбительных слов против Государя Императора» и не сообщило об этом ближайшему местному начальству (ст. 281 кн. 1).

Небезынтересной, на наш взгляд, нормой является предусмотренная в законе ответственность сотрудников полиции «за пристрастие к одной из сторон во вред другой при исполнении судебного решения» (ст. 500 кн. 1). Данная статья свидетельствует о требовании законодателя к беспристрастности при исполнении судебного решения.

Я. И. Баршев отмечает, что в соответствии со Сводом законов Российской Империи «признание должно быть дано и выражено действительно и точно, а не быть только подразумеваемым, например, из молчания обвиняемого и т. п.; оно должно быть дано им произвольно и без всякого физического и психического принуждения, чтобы не оставалось потом никакой причины думать, что оно дано по страху и для устранения принуждения»[1]. Анализируемая Я. И. Баршевым ст. 1031 кн. 2 свидетельствует о недопущении применения всякого рода давления на лицо, дающее показания, при этом ценилась информация, предоставленная допрашиваемым лицом добровольно: «собственное признание подсудимого есть лучшее свидетельство всего света» (ст. 316 кн. 2).

Следует отметить, что составителями Свода действительно была проделана большая работа, позволившая систематизировать имеющееся законодательство, однако сколько-нибудь значимого, революционного развития применительно к институту содействия правосудию мы отметить не можем, поскольку нормы, регламентирующие процессуальный порядок привлечения и участия свидетеля, в большинстве своем заимствованы из «Наказа» Екатерины II и Воинского устава 1716 г. Петра I.

---

[1] Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М. : ЛексЭст, 2001. С. 54–55.

Особое значение для развития института содействия правосудию имеет принятый 4 ноября 1864 г. императором Александром II ***Устав уголовного судопроизводства.*** Данный нормативный акт закрепил на качественно новом уровне институт содействия правосудию, поскольку содержит требования к лицам, оказывающим такое содействие, предусматривает процессуальный порядок их участия, права, обязанности и ответственность, расширяет круг лиц, которые могли принимать участие в уголовном судопроизводстве в качестве сведущих[1].

Анализ Устава уголовного судопроизводства позволяет выделить следующие основные положения в процессуальной регламентации лиц, оказывающих содействие правосудию.

В качестве самостоятельного источника доказательств закон закрепил показания свидетелей и детально предусмотрел порядок их вызова. В случае невозможности явиться свидетель мог быть допрошен по месту несения службы, если он был военнослужащим (ст. 65–67, 436), если причиной была болезнь, то по месту жительства и в присутствии сторон (ст. 71). Если свидетель проживал под юрисдикцией другого мирового участка, то он мог быть допрошен «мировым судьей того участка, в котором живут» (ст. 72).

В случае отсутствия без уважительных причин свидетеля, надлежаще извещенного о месте и времени допроса, закон предусмотрел материальную ответственность в размере не свыше 25 рублей: «смотря по важности дела и по состоянию свидетеля, причем ему назначается для явки вторичный срок» (ст. 69). Взысканию свидетель подвергался и в случае повторной неявки. Однако такую позицию законодателя непреклонной признать нельзя, поскольку уже в следующей норме он предусмотрел обязанность свидетеля в двухнедельный срок оправдаться по причинам неявки. В случае признания этих причин уважительными взыскание отменялось (ст. 70).

Порядок допроса в суде определяла ст. 97, предусматривающая

---

[1] См.: Устав уголовного судопроизводства 1864 года // Конституция Российской Федерации : сайт [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137 (дата обращения: 19.02.2023).

приведение свидетеля к присяге, если он не был освобожден от нее сторонами. Приведение к присяге происходило в присутствии священника. В случае его отсутствия мировой судья имел право допросить свидетеля без присяги, взяв с него расписку о том, что в случае необходимости все сказанное свидетель повторит под присягой (ст. 98).

Однако не каждое лицо могло выступать в качестве свидетеля. Закон предусматривал перечень лиц, чьи показания не могли быть признаны доказательствами: «безумные и сумасшедшие; духовные лица – в отношении признания, сделанного на исповеди; поверенные или защитники обвиняемых – в отношении признания, сделанного их доверителями».

Отдельная категория граждан могла воспользоваться правом отказа от дачи свидетельских показаний: «муж или жена обвиняемого лица, родственники его по прямой линии, восходящей и нисходящей, а также родные его братья или сестры … если же не пожелают воспользоваться сим правом, то допрашиваются без присяги» (ст. 94). Указанная норма свидетельствует о сформировавшейся практике применения так называемого свидетельского иммунитета.

Еще одна группа лиц, которые имели право давать свидетельские показания, но категорически не приводились к присяге: отлученные от церкви по приговору духовного суда; малолетние, не достигшие 14 лет; слабоумные, не понимающие святости присяги (ст. 95).

Таким образом, анализ Устава уголовного судопроизводства (1864) позволяет выделить четыре группы свидетелей: 1) дающие показания под присягой; 2) освобожденные от присяги в случае заявления отвода сторонами; 3) освобожденные от присяги по закону; 4) обладающие свидетельским иммунитетом.

Несколько иначе Устав определяет порядок приведения к присяге свидетелей на предварительном следствии. Согласно ст. 442 приведение к присяге было необходимы в случае, когда свидетель планировал покинуть место производства расследования на длительный период, в случае его

тяжелого заболевания, несущего угрозу его жизни, а также в случае проживания свидетеля за пределами места производства судебного разбирательства, что существенно усложняло его явку. Полагаем, что изложенные обстоятельства свидетельствуют о зарождении института депонирования показаний, позволяющие получить необходимые сведения от свидетеля в ходе предварительного расследования, без последующего его вызова в суд. При этом гарантией правдивости показаний служила процедура приведения к присяге.

Если следователь не мог допросить свидетеля, потому что оба они говорят на разных языках, то в этом случае привлекалось «лицо, сведущее в этом языке», то есть переводчик (стст. 410, 411, 579). Привлечение переводчика полагалось не только для получения показаний у лиц, не владеющих языком на котором ведется расследование, но и в случае если лицо вовсе не умеет разговаривать или не имеет возможности передавать свои мысли на словах.

Уставом предусмотрена норма, регламентирующая время производства допроса свидетеля: «допрашиваются немедленно по явке их. В случае какого-либо препятствия к снятию допроса в течение двенадцати часов после явки, причины сего означаются в протоколе, с которого копия выдается свидетелю по его требованию» (ст. 441). Отметим, что закон не устанавливал общую продолжительность допроса участников уголовного судопроизводства.

О формировании доказательственной базы по уголовным делам за счет привлечения лиц, содействующих правосудию, свидетельствует и анализ классической литературы. Так, в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» адвокат говорит Алексею Александровичу Каренину: «Письма, без сомнения, могут подтвердить отчасти; но улики должны быть добыты прямым путем, то есть свидетелями»[1]. В произведении А. П. Чехова «Три года» описана процедура допроса свидетелей в суде по обвинению запасного рядового в краже со взломом: «Было много свидетельниц-прачек; они показывали, что

[1] Толстой Л. Н. Анна Каренина. СПб. : Азбука, 2018. С. 394.

подсудимый часто бывал у хозяйки, содержательницы прачечной…»[1].

Объективность получения свидетельских показаний достигалось реализацией требования о том, что они должны были допрашиваться порознь (ст. 446).

Прогрессивной, на наш взгляд, является норма закона о том, что лица, оказывающие содействие правосудию (свидетель, сведущие лица), имели право заявить ходатайство о возмещении им «путевых издержек» (ст. 192), однако возмещению подлежали путевые издержки, превышающие расстояние 15 верст (ст. 193). Возмещение осуществлялось либо за счет «обвинителя, если обвинение признано недобросовестным», либо за счет «обвиняемого, если он признан виновным» (ст. 194).

За свидетелями, сведущими лицами, понятыми и др. закреплялось право подавать жалобы на «притеснения и неправильные взыскания, коим они сами подверглись при следствии» (ст. 492).

Считаем необходимым отметить, что Устав закреплял за сторонами право вызова в суд не только свидетеля, но и «сведущих людей для объяснения какого-либо предмета или для поверки сделанного уже испытания» (ст. 578). Данная норма позволяет констатировать присутствие элемента состязательности не только в свидетельских показаниях, но в знаниях сведущих лиц, что говорит о серьезном прорыве в обеспечении прав и интересов сторон.

Закон предусматривал необходимость приведения к присяге сведущих лиц, переводчиков и толмачей в случае дачи ими показаний по правилам, закрепленным за свидетелями. Стороны имели право заявлять отвод сведущим лицам в случае установления их некомпетентности в интересующих следствие вопросах (ст. 694, 730). Примечательно, что законодатель предусмотрел возможность заявления отвода переводчику и толмачу до принятия присяги, а определение обоснованности отвода «предоставляется усмотрению суда» (ст. 731).

---

[1] Чехов А. П. Соч. в 18 т. // Полн. собр. соч. и писем в 30 т. М. : Наука, 1977. Т. 8. [Рассказы. Повести], 1892–1894. С. 570.

Изначально Уставом не предусматривалась должность переводчиков. Они привлекались в том случае, когда их участие было необходимо. Однако уже с 1875 г. должность переводчика учреждается на постоянной основе. На переводчика возлагалась обязанность делать переводы текстов как по требованию властных субъектов уголовного судопроизводства, так и по требованию частных лиц. Содействие, оказанное в данной форме, подлежало обязательной оплате.

Полагаем, что данное содействие должно было оказываться на профессиональном уровне, дипломированными переводчиками, аналогичной позиции придерживается и А. В. Гуськова[1].

По окончании допроса составлялся протокол, который должны были подписать свидетели, удостоверив тем самым «обстоятельства, которых они были свидетелями, изложены так, как они действительно происходили» (ст. 1141).

Предлагаем отдельно рассмотреть обобщенную категорию участников уголовного судопроизводства наделенных «специальными сведениями или опытностью». Законодатель того периода не именовал их специалистами или экспертами, но предусматривал необходимость их привлечения для определения «количества вреда и убытков, так и цены похищенного при разногласии о том сторон» (ст. 112).

В. К. Случевский отмечал, анализируя значение данных сведущими лицами заключений: «…мы полагаем, что способ изложения мотивов экспертов должен сообразовываться с конечной целью их экспертизы – помогать Суду в разрешении специальных вопросов»[2]. Это высказывание исчерпывающе объясняет роль и назначение лиц, содействующих правосудию за счет использования своих специальных знаний.

По окончании процессуальных действий (оценок, осмотров и других местных исследований») с привлечением понятых и сведущих лиц

---

[1] Гуськова А. В. Функция переводчика в уголовном процессе. С. 103.

[2] Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. II. Судоустройство / под ред. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2008. С. 125.

составлялись протоколы, которые они должны были удостоверить своей подписью (ст. 144). Участие понятых и сведущих лиц требовалось, например, при производстве осмотра и освидетельствования (ст. 315). В данном случае, если сведущее лицо (специалист), обладающее специальными знаниями, оказывало содействие правосудию в обнаружении, описании, фиксации и изъятии необходимой следствию и суду информации, то понятые требовались для удостоверения факта производства следственного действия, что также обеспечивало законность при осуществлении правосудия.

Устав предусматривал привлечение в качестве сведущих лиц врачей, фармацевтов, профессоров, учителей, техников, художников, ремесленников, казначеев и лиц, «продолжительными занятиями по какой-либо службе или части приобретшие особенную опытность» (ст. 326). Полагаем, что, несмотря на отсутствие прямого указания о педагоге как участнике уголовного судопроизводства, закон упоминает «профессоров» и «учителей» как лиц, осуществляющих содействие правосудию с применением педагогических знаний в процессе расследования.

Следует отметить, что привлекаемые в качестве сведущих людей лица должны были обладать качествами «достоверных свидетелей». В их обязанности входило незамедлительно являться по вызову судебного следователя, в случае отсутствия без уважительных причин они могли быть подвергнуты денежному штрафу в размере «не свыше двадцати пяти рублей» (ст. 323, 328). Не допускалось привлечение в качестве сведущих лиц тех, кто ранее принимал участие в деле в качестве свидетеля, судьи или присяжного заседателя (ст. 693). Указанная категория лиц, обладающих специальными знаниями, подлежала отводу сторонами.

На стадии предварительного расследования предпочтение отдавалось сведущим лицам «из числа служащих в казенном управлении», но Устав не запрещал привлекать «вместе с должностными и частные лица, известные своими специальными сведениями» (ст. 1160). Из анализа данной нормы следует, что лица, обладающие специальными знаниями, состояли на

государственной службе и оказывали содействие правосудию по долгу службы, но уголовное судопроизводство ими не ограничивалось, практиковалось привлечение совместно с государственным специалистом и лица, не состоящего на службе. Все это очень напоминает порядок осуществления экспертной деятельности в современных государственных экспертных учреждениях и частных коммерческих организациях.

В. К. Случевский, продолжая рассуждать о значении заключения экспертов, отмечал, что суды из-за своей неосведомленности в узких вопросах, требующих специальных знаний, обращались к сведущим лицам, в обязанности которых входило оказание содействия правосудию, и в случае наличия сомнений в подготовленном ими выводе суды вынуждены были привлекать других сведущих лиц, оказывающих содействие правосудию, для вынесения справедливого и обоснованного приговора[1].

9 декабря 1912 г. при прокуроре Петербургской Судебной Палаты был учрежден Кабинет научно-судебной экспертизы[2]. В. К. Случевский, описывая работу данного Кабинета, отмечал: «Кабинет этот учрежден наподобие других существующих в некоторых государствах кабинетов, имеет целью предоставить органам следственной и судебной власти как по уголовным, так и по гражданским делам возможность пользоваться данными физических и биологических наук в виде наиболее успешного выяснения материальной истины»[3]. Высказанная позиция дает основание утверждать, что еще в начале XX в. для оказания содействия правосудию следственная и судебная власть привлекала сведущих людей, которые могли оказывать профессиональную помощь, опираясь на современные научные достижения.

Особое значение, на наш взгляд, имеет норма, предусматривающая возможность привлечения «других сведущих людей» для определения правильности заключения ранее привлеченных специалистов или «при

---

[1] Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Ч. 2. С. 126.

[2] Собрание узаконений Российской Империи. 1912. № 142.

[3] Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. 1. Судоустройство. С. 320.

разногласии в мнении» (ст. 334). Указанная норма свидетельствует об имевшейся возможности опытным путем оспорить ранее данное заключение сведущего лица посредством привлечения другого специалиста, что должно расцениваться как явное проявление состязательности в процессе исследования доказательств за счет вовлечения в уголовный процесс лиц, содействующих правосудию.

Помимо дачи заключения сведущие лица должны были давать показания по факту проведенного исследования (ст. 628).

Лица, проводившие судебно-химические или микроскопические исследования, могли не вызываться в суд для дачи показаний, если исследования проводились «не в месте судебного следствия». Таких лиц в суде могли заменять местные врачи и фармацевты (ст. 691).

Хотелось бы отметить, что, к сожалению, действующее уголовно-процессуальное законодательство России не содержит обобщенного понятия «сведущее лицо», которое так удачно описывала категорию лиц, оказывающее содействие правосудия, используя свои специальные знания, необходимые для уголовного судопроизводства.

Считаем целесообразным возвращение к историческому для России наименованию и последующему нормативному закреплению укрупненной категории лиц, обладающих специальными знаниями (специалист, эксперт, переводчик), объединив их единым понятием – «сведущее лицо».

Довольно подробно в Уставе раскрыт и процессуальный статус понятого в уголовном судопроизводстве.

Перед началом производства следственного действия понятым объявлялось, по какому делу оно производится и с какой целью (ст. 364). Не допускалось производство осмотров, освидетельствования и обысков без участия понятых. Требовалось привлечение не менее двух понятых (ст. 108, 321).

Понятые обязаны были являться по вызову следователя либо в суд под страхом наложения денежного штрафа, по окончании следственного действия

они удостоверяли свое присутствие подписью в протоколе.

В случае изъятия в ходе производства обыска предметов и документов необходимо было предъявить их понятым и другим присутствующим лицам (ст. 367). Данный факт свидетельствует о доказательственной значимости присутствия понятых для удостоверения факта изъятия предметов в ходе производства указанного следственного действия.

Привлечение понятых для содействия правосудию было по достоинству оценено В. К. Случевским, который отметил, что их вовлечение позволяет восстановить в суде действия следственной и судебной власти, в чем и заключается, по его мнению, их «высокое назначение»[1].

В качестве понятых приглашались лица «из ближайших жителей: в городах – хозяева домов, лавок, промышленных и торговых заведений, а также их управляющие и поверенные; в местечках и селениях кроме вышеупомянутых лиц – землевладельцы, волостные и сельские должностные лица и церковные старосты» (ст. 320). Однако закон допускал и исключения. Так, «в случаях, не терпящих отлагательства, судебный следователь может пригласить и другие лица, пользующиеся общественным доверием» (ст. 320). Таким образом, главным критерием, предъявляемым государством к понятым, было «общественное доверие».

Соблюдалось и гендерное различие при привлечении понятых. Так, ст. 322 Устава предусматривала, что для «осмотра и освидетельствования лиц женского пола приглашаются в качестве понятых замужние женщины».

Проведенный анализ Устава уголовного судопроизводства (1864) позволил выявить беспрецедентную для того времени процессуальную детализацию института содействия правосудию. В качестве самостоятельных участников уголовного судопроизводства были закреплены свидетель, переводчик, понятой, сведущие лица. Устав заложил основу для вовлечения в процесс расследования педагога и психолога, что, безусловно, является

[1] Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. Введение. Ч. 1. Судоустройство. С. 320.

прогрессивным достижением Судебной реформы. Последующие изменения в законодательстве были не столь глобальными, но не менее значимыми, каждое из них внесло ощутимый вклад в развитие института содействия правосудию.

Так, в соответствии с принятым **2 июня 1897 г.** Высочайшим утвержденным мнением Государственного Совета ***«Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних»***[1] в случае возникновения сомнения «по вопросу о существовании у обвиняемого разумения во время совершения им преступного деяния» суд обязан был по ходатайству прокурора, законных представителей или попечителей несовершеннолетнего привлекать сведущих людей. В качестве таковых данный нормативный акт рассматривал врачей, воспитателей, учителей, занимающихся или занимавшихся «воспитанием юношества», а также ранее допрошенных на предварительном следствие свидетелей, «допрос которых Суд найдет необходимым для выяснения обстоятельств дела и умственного или нравственного развития обвиняемого» (ст. 356-5). Данная норма свидетельствует о потребности суда и следственных органов в привлечении для содействия правосудию лиц, обладающих специальными знаниями, в том числе педагогическими и психологическими, для определения состояния несовершеннолетнего на момент совершения преступления.

Позднее, в 1910 г., по инициативе судов в Санкт-Петербурге был создан первый в Российской Империи ювенальный суд, осуществлявший судопроизводство в отношении несовершеннолетних.

Деятельность ювенальных судов отличалась упрощенностью формы производства по делу, гуманностью, привлечением для производства судебных действий педагогов и учителей. До Октябрьской революции суды по делам несовершеннолетних действовали в Москве, Саратове, Томске, Киеве, Харькове, Риге и Одессе[2].

Итак, 3 этап развития институт содействия правосудию, датируется

---

[1] Собрание узаконений Российской Империи. 1897. 8 июля, ст. 915.

[2] Васинцева Л. М. Исторический путь ювенальной юстиции // Вестник МГТУ. 2006. № 4, т. 9. С. 544.

периодом XVII – начало XX вв. и именуется как **«Третий период»**. В указанный временной промежуток отмечается систематизация законодательства, детальное регулирование порядка вовлечения и участия лиц, оказывающих содействие правосудию, введение института понятых, переводчика.

Следующий период ознаменован произошедшими кардинальными изменениями во всех сферах нашего государства. Нами он именуется **«Четвертым периодом»** развития института содействия правосудию и датируется временным промежутком с начала до конца XX в.

Отметим основные изменения, произошедшие в нормативной основе, регулирования данной деятельности.

Далее после Октябрьской революции следующим этапом развития института лиц, содействующих правосудию, стало признание в Декрете 1918 г. «О суде № 2»[1] в качестве доказательств заключения экспертиз. Этим же нормативным актом была отменена обязательность приведения свидетелей к присяге (ст. 14).

С принятием 14 января 1918 г. ***Декрета Совнаркома РСФСР «О комиссиях для несовершеннолетних»***[2] были упразднены «суды и тюремное заключение для малолетних и несовершеннолетних» (ст. 1)[3]. Создан Народный комиссариат общественного призрения, в ведение которого переданы дела о преступлениях несовершеннолетних в возрасте до 17 лет. Народный комиссариат общественного призрения состоял из «представителей ведомств: общественного призрения, народного просвещения и юстиции в количестве не менее трех лиц, причем одним из этих лиц должен быть врач»[4].

После принятия ***Декрета Совнаркома от 4 марта 1920 г. «О делах***

---

[1] Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; Ин-т истории Акад. наук СССР. М. : Политиздат, 1957–1997.

[2] СУ. 1918. № 16. С. 227.

[3] История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры : сб. док. М., 1955. С. 38.

[4] Там же.

несовершеннолетних, обвиняемых в общественно опасных действиях»[1] изменилось отношение законодателя к статусу педагога в уголовном судопроизводстве. Декрет восстановил судебную юрисдикцию по делам несовершеннолетних. А в соответствии с Инструкцией комиссиям по делам несовершеннолетних, утвержденной Постановлением наркоматов просвещения, здравоохранения и юстиции от 30 июля 1920 г., определено, что председательствовать на заседании комиссии при рассмотрении дел в отношении таких лиц должен педагог[2].

Отмена ранее действовавших нормативных актов, смена политического режима, установление советской идеологии требовали от законодателя систематизации норм уголовно-процессуального права, создания единого нормативного акта, позволяющего осуществлять уголовное судопроизводство по новым правилам. Все это предопределило создание первого УПК РСФСР 1922 г.[3], который был издан в 1923 г.[4] в новой редакции.

УПК РСФСР 1923 г. состоял из 6 отделов, включающих 32 главы и 465 статей. Предметный анализ норм, посвященных институту содействия правосудию, позволяет отметить некоторые особенности.

УПК РСФСР определил язык, на котором должно вестись уголовное судопроизводство: «на русском языке или на языке большинства населения данной местности» (ст. 22). Законодатель в этой же норме отмечает необходимость привлечения переводчика в случаях, когда «обвиняемые, потерпевшие, свидетели или эксперты не владеют языком, на котором ведется производство по данному делу». Полагаем, что появление указанной нормы позволяет определить правовую необходимость оказания содействия

---

[1] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1920. № 13, ст. 83.

[2] Инструкции комиссиям по делам несовершеннолетних : постановление наркоматов просвещения, здравоохранения и юстиции от 30 июля 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1920. № 68, ст. 308.

[3] Об Уголовно-процессуальном кодексе (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР») : ВЦИК от 25 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

[4] Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом Р.С.Ф.С.Р.») : постановление ВЦИК от 15 фев. 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 7, ст. 106.

правосудию сведущими лицами в области знания языка, без участия которых не представляется возможным проведение расследования с реализацией принципа законности.

Переводчик подлежал отводу в следующих случаях: 1) является стороной или родственником какой-либо из сторон; 2) он или его родственник заинтересованы в исходе дела; 3) участвовал в деле в ином процессуальном качестве (ст. 43). Перечисленные основания для отвода применялись и к секретарю судебного заседания, переводчику и эксперту. Однако в отношении эксперта и переводчика закон делает исключение: «предыдущее их участие в деле в том же качестве экспертов и переводчиков не может служить основанием к отводу» (ст. 48).

Содействие переводчика в осуществлении уголовного судопроизводства и понесенные им расходы оплачивались. Размер вознаграждения определялся «особыми инструкциями Народного комиссариата юстиции» (ст. 72).

Переводчик, свидетель, эксперт и понятой в случае уклонения от явки к следователю, органу дознания или в суд или неисполнения своих обязанностей подвергались приводу, с одновременным принятием в отношении уклонившегося от явки решения о направлении материалов «в ближайший народный суд» (ст. 60, 62, 73). Статья 348 предусматривала возможность для лиц, содействовавших правосудию, подвергшихся по определению народного суда взысканию за неявку, представлять свои ходатайства об освобождении от взыскания и объяснения причин неявки в тот же народный суд. Ходатайства эти рассматривались судом в распорядительном заседании; вынесенное определение было окончательным и обжалованию не подлежало.

Законодатель предусмотрел привлечение переводчика или «лица, понимающего знаки немого или глухого» для оказания содействия в установлении контакта с ним, а также для установления контакта между следователем и лицом, говорящим на языке, не понятном для следователя» (ст. 140). Полагаем, что законодатель умышленно не отождествил лицо, понимающее знаки немого или глухого, с переводчиком. Скорее всего, под

таким лицом подразумевался не переводчик, а именно специалист, владеющий специальными навыками общения с людьми с физиологическими патологиями и имеющий возможность оказать помощь властным органам. Однако более детальной правовой регламентации, данной категории лиц в законе не содержится.

Регламентировал закон и участие понятых, в качестве которых не могли выступать лица, «участвующие в деле в качестве сторон, а также родственники сторон» (ст. 74). Обязательное участие понятых требовалось при производстве обыска и выемки. По окончании следственного действия составлялся протокол, который подписывался задействованными участниками уголовного процесса (ст. 78).

Исходя из нормы ст. 194, полагаем, что закон требовал присутствия понятых и при производстве осмотра и освидетельствования.

Следует отметить, что УПК РСФСР 1923 г. сохранил за понятыми основные права, закрепленные Уставом уголовного судопроизводства (1864) и в последующем даже несколько расширил их.

Анализируемый нормативный акт допускал в качестве самостоятельных видов доказательств показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого (ст. 58). Перечень доказательств был исчерпывающим, для формирования большинства из них привлекались лица, оказывающие содействие правосудию.

Так, для изъятия вещественных доказательств привлекались лица, обладающие специальными знаниями, позволяющими обнаружить, зафиксировать, изъять и упаковать интересующие следствие предметы (ст. 68), а для производства осмотров – понятые. Таким образом, нельзя было сформировать доказательственную базу без участия лиц, содействующих правосудию.

Приведение лиц к присяге и рассмотрение присяги как самостоятельного вида доказательств не допускалось (ст. 57), что свидетельствует об

атеистическом характере уголовного судопроизводства советского периода.

Рассмотрим процессуальное положение эксперта. Примечательно, что законодатель в рассматриваемый период не разграничивал статус эксперта и специалиста, в УПК РСФСР 1923 г. под экспертом понималось лицо, обладающее специальными знаниями в науке, искусстве или ремесле (ст. 63). Данное определение эксперта в современном понимании больше соответствует статусу специалиста; оно претерпело существенное изменение и по сравнению со ст. 326 Устава уголовного судопроизводства (1864), в котором рассматривалась категория сведущих лиц.

В позитивном ключе следует отметить законодательное закрепление обязательности вызова эксперта в случаях, когда необходимо установить причины смерти и характер телесных повреждений, определить психическое состояние обвиняемого или свидетеля, если у суда или у следователя возникают по этому поводу сомнения (ст. 63).

На эксперта возлагалась обязанность являться по вызовам для участия в осмотрах и освидетельствованиях и давать заключения. Кодекс предусматривал право свидетелей и экспертов на возмещение понесенных ими расходов по явке и на вознаграждение за отвлечение от обычных занятий (ст. 65).

Обращает на себя внимание достаточно перспективная, на наш взгляд, норма, которая определяет, что для «полного и всестороннего рассмотрения дела» следователь не вправе отказать обвиняемому или потерпевшему в допросе свидетелей и экспертов (ст. 112). Полагаем, что законодатель достаточно высоко оценивал результативность привлечения лиц, оказывающих содействие правосудию, их влияние на законность принимаемых процессуальных решений.

Глава 13 УПК РСФСР 1923 г. предусматривала процессуальный порядок производства допроса свидетеля и эксперта и процедуру получения заключения по результатам проведенного исследования от последнего. Он проводился по месту производства предварительного расследования, но допускался допрос указанной категории участников и по месту их нахождения (ст. 162).

Допускались случаи назначения дополнительной и повторной экспертизы, именуемой в Кодексе «новой экспертизой», когда следователю казалось недостаточно ясной или неполной ранее назначенная экспертиза (ст. 174).

Поскольку свидетельские показания в уголовном судопроизводстве послереволюционного периода сохранились как основной вид доказательств, законодатель уделил процессуальному статусу свидетеля достаточно пристальное внимание.

Помимо перечисленных нами оснований для отвода лиц, оказывающих содействие правосудию (ст. 43), в том числе свидетеля, в Кодексе имелась самостоятельная норма-запрет, согласно которой лицо, участвующее в уголовном процессе в качестве свидетеля, не могло быть в этом же процессе защитником, обвинителем, а также представителем интересов потерпевшего или гражданского истца (ст. 56). Свидетели несли ответственность за неявку по вызову следователя или в суд (ст. 60).

Закон предусматривал и категорию лиц, обладающих так называемым свидетельским иммунитетом[1]. Для определения последней категории допускалось привлечение экспертов (ст. 61). В данном случае возникают правоотношения, инициированные властным субъектом расследования, между двумя лицами, оказывающими содействие правосудию (свидетель – эксперт).

Процедура привлечения свидетеля к производству следственного действия фиксировалась в протоколе, с которым он вправе был ознакомиться и удостоверить его своей подписью. Свидетели также имели право заявлять ходатайства и жалобы, которые в обязательном порядке подлежали занесению в протокол (ст. 76–77, 80).

Регламентируя процедуру проведения допроса свидетеля, закон определил следующие правила:

---

[1] Свидетельским иммунитетом по УПК РСФСР 1923 г. обладали: «1) защитник обвиняемого по делу, по которому он выполняет такие обязанности; 2) лица, которые ввиду своих физических и психических недостатков не способны правильно воспринимать имеющие значение для дела явления и давать о них правильные показания».

1) свидетели должны допрашиваться порознь и в отсутствии других свидетелей;

2) свидетели по одному и тому же делу не должны общаться друг с другом до окончания допроса (ст. 163). В случае обнаружения в процессе допроса противоречий в показаниях свидетелей следователь имел право провести очную ставку между ними;

3) перед началом допроса необходимо было удостовериться в личности свидетеля, установить его отношение к сторонам, предупредить об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложного показания, о чем они давали подписку (ст. 164);

4) допрос свидетелей предполагал наличие стадии свободного рассказа об известных ему сведениях по делу, после чего следователь должен был перейти к уточняющим вопросам, показания записывались в первом лице и, по возможности, дословно. Вся полученная информация фиксировалась в протоколе (ст. 165);

5) свидетель подлежал допросу исключительно о фактах, имеющих значение для уголовного дела, и о характеристике личности обвиняемого (ст. 166);

6) свидетели при даче показаний могли воспользоваться письменными заметками в тех случаях, когда показания касались каких-либо вычислений и других данных, которые трудно удержать в памяти (ст. 292).

Судьи не имели право, и это было закреплено в Кодексе, ссылаться во время совещания и постановления приговора на оглашенные во время судебного следствия показания свидетелей и экспертов и другие документы (ст. 318).

После Октябрьской революции начался процесс поиска новых процессуальных форм закрепления и развития института содействия правосудию. Так, появилось предусмотренное в законе доказательное значение заключения эксперта, законодатель отказался от упоминания в УПК педагога, не встречаются в нем и понятия «сведущие лица», «специалист». Возможно,

данные решения были необходимы для дальнейшего совершенствования и определения ценности и значимости указанных категорий лиц, содействующих правосудию, для вынесения законного и справедливого решения.

Процессуальное законодательство любого периода очень чутко реагирует на происходящие изменения в геополитической обстановке. К моменту принятия УПК РСФСР 1923 г. в состав СССР входили 4 союзные республики: РСФСР, Украинская ССР, Белорусская ССР, Закавказская СФСР, а уже к 1924 г. с образованием Узбекской ССР и Туркменской ССР количество союзных республик увеличилось. Произошедшие преобразования потребовали систематизации и единообразия подходов в осуществлении уголовного судопроизводства, что и предопределило принятие ***31 октября1924 г. Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик***[1].

Основы уголовного судопроизводства определяли, что порядок производства уголовных дел в судебных учреждениях Союза ССР должен быть основан на настоящем Положении об основах уголовного судопроизводства; издаваемом в порядке общесоюзного законодательства особом положении о Верховном Суде Союза ССР и издаваемых в порядке общесоюзного законодательства специальных положений, определяющих особенности производства в военно-судебных учреждениях; уголовно-процессуальных законах Союзных Республик (ст. 1).

Указанный нормативный акт не детализировал порядок использования института содействия правосудию, упомянув лишь в ст. 15 об обязанности следственных органов и суда пригласить переводчика, если участвующие в деле лица не владеют языком, на котором ведется данное дело, и через последнего ставить заинтересованных лиц в известность о каждом процессуальном действии.

Гораздо позднее, с утверждением совместного приказа НКЮ СССР и Прокуратуры СССР № 67/110 от 11 июня 1940 г., по справедливому замечанию

---

[1] Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик : постановление Президиума ЦИК СССР от 31 окт. 1924 г. // Собрание Законодательства СССР. 1924. № 24, ст. 206.

С. В. Тетюева, законодатель «вспоминает» о педагоге, когда в обязанности судов было вменено «при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних вызывать представителей тех школ и детских учреждений, где они обучались и воспитывались»[1]. Педагог рассматривался как представитель учебного заведения, где проходил обучение несовершеннолетний подозреваемый, и привлекался в основном для дачи характеризующей информации об этом несовершеннолетнем.

Уже в послевоенный период, в 1949 г., известный криминалист и процессуалист А. И. Винберг выдвинул идею о необходимости разделения сведущего лица на эксперта и специалиста[2]. Автор справедливо ссылался на функциональные различия в деятельности указанных сведущих лиц: если по делу требовалось производство экспертизы, то в уголовном производстве должен принимать участие эксперт, в случае же, если требовалось применение лишь специальных знаний в части оказания консультаций, выявления и изъятия следов, то данное лицо следовало именовать специалистом. Полагаем, что предложенный функциональный подход к разграничению деятельности сведущих лиц и позволил законодателю в дальнейшем определить «судьбу» лиц, оказывающих содействие правосудию с использованием специальных знаний.

Следующее процессуальное преобразование, сказавшееся на институте содействия правосудию, связано со сменой политического лидера в стране, с общим смягчением внутриполитического режима. Законодателем вновь была предпринята попытка систематизации процессуального законодательства и сложившейся судебно-следственной практики, как цель рассматривалось усиление состязательных начал в уголовном процессе.

Первым этапом проделанной работы стало принятие в 1958 г. вторых в истории Советского Союза ***Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и***

---

[1] Тетюев С. В. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого в стадии предварительного расследования (процессуальный аспект) : дис … канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. С. 108–109.

[2] Винберг А. И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы. М., 1949. С. 73.

Союзных Республик[1]. К тому времени в составе Советского Союза уже было 15 республик. Основы уголовного судопроизводства 1958 г. состоят из 6 разделов и 54 статей.

В качестве доказательств законодатель по-прежнему рассматривал результаты деятельности лиц, содействующих правосудию: показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства. Кроме того, сохранялось требование о необходимости привлечения понятых для производства следственных действий – обыска и выемки (ст. 35).

Уголовное судопроизводство должно было вестись на языке республики либо автономной области, а также допускалась возможность производства на языке национального округа или большинства местного населения, если это было предусмотрено их конституциями (ст. 11). Для оказания содействия правосудию и с целью реализации данной нормы было предусмотрено право участников, не владеющих языком уголовного судопроизводства, на привлечение переводчика. Кроме того, все следственные и судебные документы вручались обвиняемому в переводе на его родной язык или на язык, которым он владеет. Полагаем, что указанной нормой законодатель обеспечил доступность и понятность уголовного судопроизводства для всего многонационального населения Советского Союза.

Переводчик, как и эксперт, подлежал отводу, если был лично (прямо или косвенно) заинтересован в деле (ст. 18).

Основы уголовного судопроизводства 1958 г. не содержат детальной регламентации института содействия правосудию, не внесли они и существенных изменений в процессуальные статусы лиц, оказывающих содействие. Ценность этого нормативно-правового документа с позиции нашего исследования заключается в том, что законодатель не отказался от указанной категории лиц, а, наоборот, рассматривал результаты их деятельности как самостоятельные виды доказательств в уголовном процессе.

---

[1] Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25 дек. 1958 г. // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1, ст. 15.

Следующим нормативным актом, просуществовавшим чуть более 40 лет, является новый ***Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР,*** принятый в 1960 г.[1] и явившийся результатом решительного отказа государства от устаревших норм УПК РСФСР 1923 г.

Процессуальный статус свидетеля в уголовном процессе рассматриваемого периода претерпел частичные изменения. Так, в качестве свидетеля для дачи показаний могло быть вызвано любое лицо, которому были известны какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению (ст. 72). Однако сохранился в неизменном виде со времен действия УПК РСФСР 1923 г. перечень лиц, которые не подлежали допросу в качестве свидетеля (ст. 61)[2]**.** В 1983 г. данная норма была дополнена п. 3 ч. 2 ст. 72: не могли быть допрошены в качестве свидетеля «адвокат, представитель профессионального союза и другой общественной организации – об обстоятельствах, которые стали им известны в связи с исполнением ими обязанностей представителя». Зато была предусмотрена возможность допроса в качестве свидетелей законных представителей потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого.

В комментарии к УПК РСФСР под редакцией А. М. Рекункова и А. К. Орлова было отражено: «не допускается освобождение от обязанности давать свидетельские показания в силу родственных отношений, профессии, должностного положения. Исключение установлено только для защитника»[3]**.** Безусловно, такой подход подрывал институт семьи и не мог вызывать уважение к даче свидетельских показаний. Люди давали показания лишь из-за страха быть привлеченными к ответственности.

При неявке свидетеля без уважительной причины лицо, производящее

---

[1] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

[2] Допросу в качестве свидетеля не подлежали: 1) защитник обвиняемого – об обстоятельствах дела, которые стали ему известны в связи с выполнением обязанностей защитника; 2) лицо, которое в силу своих физических или психических недостатков не способно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них правильные показания (ст. 72).

[3] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. А. М. Рекункова и А. К. Орлова. М. : Юрид. лит., 1981. С. 99.

дознание, следователь, прокурор и суд были вправе подвергнуть его приводу.

В УПК РСФСР 1960 г. законодатель впервые предусмотрел возможность привлечения свидетеля к уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний по ст. 182 и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 181 (ст. 73).

Не могли лечь в основу обвинения или служить доказательством по уголовному делу показания свидетеля, если он не мог указать источник своей осведомленности (ст. 74).

Деятельность лиц, оказывающих содействие правосудию, как это было принято и в большинстве предшествующих нормативных актов, подлежала вознаграждению.

Кодекс 1960 г. содержит норму, предусматривающую обязательность удовлетворения ходатайств сторон о проведении экспертизы и допросе свидетеля, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, могут иметь значение для дела (ст. 131). Данный факт свидетельствует о неоспоримой значимости лиц, привлекаемых в уголовное судопроизводство для оказания содействия правосудию, именно результат их деятельности позволял принять справедливое итоговое процессуальное решение и не позволял привлечь к ответственности невиновное в совершении преступления лицо.

Место проживания большинства свидетелей по уголовному делу могло определить и место производства предварительного расследования (ст. 132), что также являлось новеллой законодательства. Кодексом 1960 г. впервые предусмотрена процедура взятия подписки у свидетелей, эксперта, переводчика, понятых и других участников уголовного судопроизводства о неразглашении данных предварительного следствия под страхом уголовного наказания (ст. 139).

Возможность привлечения педагога была предусмотрена в ходе допроса несовершеннолетних свидетелей в возрасте от 14 до 16 лет. При этом он имел право с разрешения следователя задавать вопросы, по окончании следственного действия удостоверял полученные показания подписью в протоколе допроса (ст. 159). Полагаем, что роль педагога в данном случае заключалась в оказании содействия следователю в определении педагогического подхода при допросе

несовершеннолетнего свидетеля, выборе оптимальных путей установления контакта с ним.

В свою очередь за переводчиком сохранялись основные права, предусмотренные УПК РСФСР 1923 г. Под переводчиком понималось лицо, владеющее языками, знание которых необходимо для перевода, назначенное органом дознания, следователем, прокурором, судом (ст. 57). В обязанности переводчика входило явиться по вызову и выполнить полно и точно порученный ему перевод. В случае заведомо неправильного перевода переводчик нес ответственность по ст. 181. При уклонении лица, назначенного переводчиком, от явки или от исполнения своих обязанностей к нему могли быть применены меры общественного воздействия или на него могло быть наложено денежное взыскание в размере до десяти рублей. Указанные правила распространялись и на лицо, понимающее знаки немого или глухого и приглашенное для участия в процессе.

Перед началом следственного действия, в котором участвовал переводчик, следователь должен был разъяснить ему его обязанности и предупредить об ответственности за заведомо неправильный перевод, что отмечалось в протоколе соответствующего следственного действия и удостоверялось подписью переводчика (ст. 134). Примечательно, что Кодексом предусматривалась необходимость подписания переводчиком как каждой страницы протокола, так и всего протокола (ст. 151).

Участие лиц, содействующих правосудию, по законодательству 1960 г. предусматривалось как на стадии предварительного расследования, так и в суде.

Применительно к лицам, обладающим специальными знаниями, следует отметить, что УПК РСФСР 1960 г. упоминает как эксперта, так и специалиста, чего не было в ранее действовавших нормативных актах. При этом, следует отметить, что перечень случаев, когда экспертиза должна быть назначена обязательно, постепенно расширяется, что свидетельствует об укрепляющемся доверии государства к экспертной деятельности и ее результатам (ст. 79).

Результаты экспертизы оформлялись в заключении эксперта, которое

также получило нормативное закрепление. Так, в соответствии со ст. 80 эксперт дает заключение от своего имени на основании проведенных исследований в соответствии с его специальными знаниями и несет за данное им заключение личную ответственность. При назначении для производства экспертизы нескольких экспертов они до дачи заключения совещаются между собой. Если эксперты одной специальности придут к общему заключению, последнее подписывается всеми экспертами. В случае разногласия между экспертами каждый эксперт дает свое заключение отдельно.

УПК 1960 г. впервые на законодательном уровне было закреплено, что лица, производящие дознание, следователь, прокурор и суд могут быть не согласны с заключением эксперта, но свое несогласие они должны мотивировать. Полагаем, что для выражения несогласия с результатами деятельности сведущего лица властным субъектам требовалось привлечение другого лица, обладающего знаниями такого же уровня, либо превосходящего его. Вводилась норма, регламентирующая дополнительную и повторную экспертизу, в соответствии с которой в случае недостаточной ясности или полноты заключения может быть назначена дополнительная экспертиза, поручаемая тому же или другому эксперту, а в случае необоснованности заключения эксперта или сомнений в его правильности может быть назначена повторная экспертиза, поручаемая другому эксперту или другим экспертам (ст. 81).

Законодатель предусмотрел отдельную статью, закрепляющую права и обязанности эксперта. Впервые на законодательном уровне за экспертом было закреплено право участвовать при производстве иных следственных действий, проводимых властными субъектами, и задавать вопросы, относящиеся к предмету экспертизы.

В случае отказа или уклонения эксперта от выполнения своих обязанностей без уважительных причин или дачи им заведомо ложного заключения, или неявки без уважительных причин по вызову лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда применялись такие же

меры, что и к свидетелю (ст. 82).

Обязательность привлечения понятого и судебно-медицинского эксперта была предусмотрена в ходе осмотра трупа. При невозможности участия последнего приглашался врач любой врачебной специальности.

Кодекс содержит отдельную главу, посвященную производству экспертизы (ст. 184–194). Экспертиза могла быть проведена как в экспертном учреждении, так и вне такого учреждения, предусматривался порядок назначения и производства дополнительной и повторной судебной экспертизы. Эксперт, согласно УПК РСФСР 1960 г., наделялся при производстве экспертизы собственной инициативой. За следователем закреплялось право присутствовать при производстве экспертизы.

Структура и содержание заключения эксперта также нашли нормативное закрепление в УПК РСФСР 1960 г. (ст. 191). При этом заключению эксперта отводилась особая роль в доказывании. Суды при назначении наказания не исследовали заключение эксперта как отдельное доказательство, они доверяли экспертам безоговорочно. Признав такую практику недопустимой, Пленум Верховного Суда СССР принял Постановление от 16 марта 1973 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам»[1], в котором указал на необходимость устранения случаев некритического отношения к заключению эксперта.

Разграничение статуса эксперта и специалиста хорошо видно из анализа ст. 179, регламентирующей порядок производства осмотра. Так, в указанной норме закреплено, что в необходимых случаях для участия в производстве осмотра следователь может пригласить соответствующего специалиста, незаинтересованного в исходе дела. Привлечение специалиста допускалось и при производстве следственного эксперимента (ст. 183), получении образцов для сравнительного исследования (ст. 186). Более детально процессуальный статус специалиста был регламентирован в Указе Президиума Верховного

[1] О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1971. № 2.

Совета РСФСР «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» от 31 августа 1966 г.[1]

Процессуальный статус понятого нашел закрепление в ст. 135. Не менее двух понятых должны были присутствовать при производстве осмотра, обыска, выемки, освидетельствования, а также других следственных действий. В качестве понятых могли быть вызваны любые незаинтересованные в деле граждане.

Понятой обязан был удостоверить факт, содержание и результаты действий, при производстве которых он присутствовал. За понятыми закреплялось право делать замечания по поводу произведенных действий. Замечания обязательно заносились в протокол соответствующего следственного действия.

Перед началом следственного действия, в котором участвовали понятые, следователь обязан был разъяснить им их права и обязанности.

Проведенный анализ позволяет с полной уверенностью сделать вывод о том, что УПК РСФСР 1960 г. систематизировал и детализировал процессуальный порядок привлечения и участия лиц, оказывающих содействие правосудию. С его принятием институт содействия правосудию шагнул на новую ступень развития, был сделан не только рывок в развитии института специальных знаний, свидетельских показаний, но и положено начало качественно нового развития в формировании показаний с привлечением переводчика и педагога.

Современное состояние института содействия правосудию, являющееся в исторической периодизации «Пятым периодом», начиная с конца XX века, предлагается рассмотреть в последующих главах настоящего исследования.

Подводя итог проведенного в данном параграфе историко-правового анализа практически тысячелетней истории зарождения и развития института

---

[1] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1966. № 36, ст. 1018. Данный указ наделил специалиста самостоятельным правовым статусом и признал его в качестве отдельного участника уголовно-процессуального судопроизводства. УПК РСФСР был дополнен ст. 66-1 и 133-1, в которых говорилось, что специалист, используя свои специальные познания, должен содействовать следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств.

содействия отправлению правосудия, считаем возможным сделать следующие выводы. Во-первых, привлечение лиц, оказывающих содействие правосудию, знакомо российскому законодателю с первых сохранившихся письменных источников права. Свидетельские показания занимали ключевое место в системе доказательств на судебных процессах в период Древней Руси, таковыми остаются и по сей день.

Во-вторых, уголовно-процессуальный институт содействия правосудию на протяжении всего периода существования отечественного уголовного судопроизводства, подтвержденного письменными источниками права, попадал под законодательную регламентацию. Законодатель чутко реагировал на развитие научно-технического прогресса, изменение общественных отношений, жизненных устоев и политических режимов, что отражалось на правовом регулировании института содействия правосудию.

В-третьих, уголовно-процессуальная деятельность лиц, оказывающих содействие правосудию, достаточно плотно укоренилась в сознании населения, о чем может свидетельствовать обилие ссылок в произведениях русской классической литературы разного периода, в которых описывалось проведение расследования или судебного процесса с привлечением данной категории лиц.

В-четвертых, перечень лиц, оказывающих содействие правосудию, никогда не был постоянным, в разные исторические периоды к ним относили разных участников процесса. Но в целом этот перечень постепенно расширялся.

В-пятых, на протяжении всего анализируемого периода процессуальный статус лица, содействующего правосудию, подвергался последовательным изменениям: добавлялись права, предусматривались обязанности, закреплялись виды ответственности (вплоть до физических наказаний), детализировались нормы, регламентирующие порядок их привлечения и участия, а также оценки результатов деятельности. Все это вело к созданию полноценного, самостоятельного участника уголовного судопроизводства, в задачи которого входило оказание помощи сторонам и суду всеми возможными и

предусмотренными законом способами.

В-шестых, проведенное историко-правовое исследование позволило выделить периодизацию исторических этапов развития уголовно-процессуальной деятельности содействия правосудию основанное на анализе письменных нормативных источников: первый период (X–XIV вв.); второй период (XIV–XVII вв.); третий период (XVII – начало XX в.); четвертый период (начало XX в. – конец XX в.); пятый период (конец XX в. – настоящее время).

В-седьмых, предложено возвращения к историческому для России наименованию и последующее нормативное закрепление укрупненной категории лиц, обладающих специальными знаниями (специалист, эксперт, переводчик), объединив их единым понятием – «сведущее лицо».

ГЛАВА 2. МОДЕЛИ СОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСУДИЮ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСУДИЮ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Под направлением в юридической науке, ставящим своей задачей изучение иностранного уголовно-процессуального права и практики его применения путем исследования соответствующих нормативных, доктринальных и иных источников, А. А. Трефилов предлагает понимать уголовно-процессуальную компаративистику[1]. Н. Г. Стойко отмечает, что «традиционно уголовный процесс западных государств рассматривается на примере Англии и Уэльса, США, Германии и Франции, чьи правовые системы относятся к числу наиболее изучаемых в юридической науке; причина тому – их общемировая историческая значимость и огромное влияние, которое они оказали на другие страны»[2].

Не отступая от традиционного подхода, сложившего в сравнительных исследованиях, полагаем, что уголовный процесс государств ближнего и дальнего зарубежья вызывает не меньший интерес для компаративистики и юридической науки в целом. Указанную позицию разделяет и А. А. Трефилов, полагающий, что «уголовный процесс многих стран как ближнего так и дальнего зарубежья, к сожалению, до настоящего времени недостаточно изучен в отечественной сравнительно-правовой науке и не получил надлежащей оценки с ее стороны»[3].

Известно, что советский период развития нашего государства характеризуется совершенствованием права в рамках социалистического

---

[1] Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. М. : ООО «НИПКЦ Восход-А», 2016. С. 10.

[2] Стойко Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России. СПб., 2006. С. 8.

[3] Трефилов А. А. Указ сочин. С. 8.

направления. Но события, произошедшие в стране в конце XX в., привели к кардинальным изменениям в политике, экономике и социальной сфере, что заставило искать приемлемые для новой системы политические и экономические отношения.

По истечении порядка трех десятков лет с того периода важно отметить, что в поисках путей дальнейшего развития не следует слепо заимствовать опыт «цивилизованных» стран, а следует в первую очередь обратить внимание на то положительное, что было накоплено ими. Необходимо также отметить, что уголовное судопроизводство в зарубежных государствах отличается колоссальным разнообразием, которое обусловлено конкретными экономическими, историческими, этническими, религиозными и иными факторами.

§ 1. Содействие правосудию в англо-американской модели[1] уголовного процесса

Англо-американская модель в первую очередь представлена законодательством Великобритании и Соединенных Штатов Америки.

Великобритания не имеет единого уголовно-процессуального законодательства. В его структуре можно выделить три самостоятельных элемента:

1) уголовный процесс Англии и Уэльса;

2) законодательство Северной Ирландии;

3) уголовный процесс Шотландии, который более схож с континентальной моделью, нежели с англо-американской.

[1] Мы разделяем точку зрения А. В. Смирнова, по мнению которого термин «англо-американский» более всего соответствует современному типу уголовного судопроизводства анализируемых стран, нежели термин «англосаксонский» (см.: Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. СПб. : Наука, 2000. С. 139).

Источниками процессуального законодательства в англо-американском типе уголовного процесса, как правило, выступают судебные прецеденты и статутное право (законодательство парламента).

Уголовный процесс в группе этих стран основан на принципах состязательности и равноправия сторон, которые создают исключительно благоприятные условия для функционирования уголовно-процессуального института содействия правосудию. Стороны могут прибегать к помощи посторонних лиц, обеспечивающих возможность доказать собственную правоту, сформировать незыблемое для суда доказательство, которое может лечь в основу оправдательного либо обвинительного приговора.

Полноценная реализация принципа состязательности и необходимость помощи лиц, содействующих отправлению правосудия, вызвана несколько иной процессуальной процедурой осуществления самого правосудия. Л.В. Головко в этой связи отмечает, что «уголовный процесс США и Англии технически отрицает наличие единого центра процессуальной власти, в руках которого была бы сконцентрирована вся полнота полномочий по совершению уголовно-процессуальных действий и принятию уголовно-процессуальных решений и который осуществлял бы доказывание с целью полного, всестороннего и объективного установления всех обстоятельств дела»[1]. Так, «параллельным расследованием» фактически независимо друг от друга занимаются стороны. Само «расследование» заключается в сборе сторонами необходимой для реализации своей функции (защиты или обвинения) информации, которая не приобщается к единому уголовному делу, поскольку последнего юридически не существует, как не существует и единого властного субъекта, наделенного процессуальной обязанностью по ведению производства по уголовно-правовому спору. Именно такая процедура сбора доказательств и обеспечивает реализацию принципа состязательности в классическом его понимании. Собранные сторонами доказательства затем исследуются в суде.

В уголовном процессе Англии и Уэльса принято выделять пять

[1]Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян [и др.] ; под ред. Л. В. Головко.

самостоятельных стадий расследования:

1) полицейское расследование, которое заключается в сборе информации о преступлении, избрании меры принуждения в отношении подозреваемого;

2) передача обвинительных материалов в Королевскую службу преследования;

3) предварительное рассмотрение дела в магистратском суде;

4) разбирательство дела по существу в магистратском суде или Суде короны;

5) апелляционное производство.

В Великобритании доказательственная база по уголовным делам формируется за счет свидетельских показаний, к которым относятся практически все участники уголовного судопроизводства, в том числе потерпевшие и обвиняемые[1].

Полицейское расследование в Англии проводится, как правило, констеблями, дирекцией публичных преследований, коронерами (орган предварительного расследования, расследующий случаи насильственной или внезапной смерти), ведомством по борьбе с тяжкими мошенничествами, в исключительных случаях – частными лицами и организациями, «если вышеперечисленные органы не проявили должной инициативы»[2].

Как было сказано, вовлечение в уголовный процесс лиц, содействующих правосудию, обеспечивает реализацию принципа состязательности сторон. Каждая сторона в суде имеет право в подтверждение своей позиции привлекать свидетелей, чьи показания являются доказательством по уголовному делу. В этой связи особый интерес представляет англо-американская теория доказательств. Ее уникальность объясняется геополитическим расположением стран, на которые не распространилось влияние права континентальной Европы.

---

[1] В настоящем исследовании будет рассмотрен только процессуальный статус свидетелей, оказывающих содействие правосудию в качестве лиц, дающих показания об информации, которой они располагают, не являясь при этом потерпевшими или обвиняемыми.

[2] Герасимова Т. Ю. Проблемы реализации принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 55.

Поскольку субъектами сбора доказательств нередко являются простые граждане, судебной практикой за столь продолжительное время существования и развития англо-американского правосудия выработаны строгие правила оценки доказательств: относимости и допустимости, не известные континентальному уголовному процессу, но присущие российскому. Данный факт не может не свидетельствовать о желании отечественного законодателя реализовать принцип состязательности в России по аналогии с англо-американской моделью правосудия.

Применительно к теории свободы оценки доказательств и материальной истины отметим, что именно англо-американская модель уголовного процесса выработала теорию о предмете доказывания. Исторически это связано с осуществлением сбора доказательств и отправлением правосудия непрофессиональными юристами[1]. Для того чтобы суд не рассматривал сведения, не имеющие значение по делу, а стороны не собирали доказательства, не относящиеся к предмету правового спора, юридическая практика выработала перечень обстоятельств, подлежащих установлению по делу, чем существенно облегчила работу правоприменителей. Это положение было имплементировано в другие уголовно-процессуальные модели.

Доказательства в англо-американской модели уголовного процесса формируются из вещественных доказательств, свидетельских показаний и заключений экспертов. Этот перечень доказательств не является исчерпывающим. По данному поводу А. А. Трефилов отмечает, что «компетентные органы вправе собирать любые доказательства и производить любые следственные действия, кроме тех, которые императивно запрещены законом. Данный подход преобладает как в континентальном, так и в англосаксонском уголовном процессе и может быть назван "доказыванием через запрет", в то время как УПК РФ и кодексы некоторых постсоветских стран до сих пор держатся за "доказывание через дозволение" с

[1] Уголовные дела в основном рассматриваются присяжными заседателями, которые обязаны вынести вердикт.

исчерпывающим перечнем доказательств и следственных действий»[1]. Иными словами, формула англо-американской теории доказательств: «разрешено все, что не запрещено законом».

К свидетелям в рассматриваемой модели уголовного правосудия предъявляются единые требования: правильность восприятия исследуемого события, способность его запомнить и воспроизвести в ходе дачи показаний. При этом свидетель должен быть душевно и физически здоров и способен выступить в суде. Не допускаются к даче свидетельских показаний лица с физическими недостатками, препятствующими восприятию событий. При этом допустимо привлечение свидетелей к даче показаний и на стадии полицейского расследования, однако полученные в данный период сведения не являются доказательствами и подлежат проверке в суде.

Перед дачей показаний свидетели приводятся к присяге, что равнозначно предупреждению об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. В Англии не подлежат процедуре приведения к присяге лица, подпадающие под действие законов, регулирующих обращение с несовершеннолетними (1933 г., 1963 г., 1969 г.).

Процедура приведения к присяге лиц, содействующих правосудию, является неотъемлемым элементом уголовного судопроизводства англо-американской модели уголовного процесса и регламентирована законодательством и Соединенного Королевства[2], и США[3].

Лица, содействующие правосудию, имеют право на свое усмотрение присягать как перед богом, так и под страхом привлечения к уголовной ответственности[4]. В данной связи возникает вопрос о возможной

---

[1] Трефилов А. А. Военный уголовный процесс Швейцарии: доказывание, следственные действия, меры принуждения, предварительное производство // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 2. С. 111–118.

[2] Понятие «Соединенное Королевство» используется по отношению к Англии и Уэльсу, Шотландии и Северной Ирландии. В этих странах действует как общее законодательство, так и национальное.

[3] В Великобритании – Закон о присягах 1978 г.; в США – ст. 603 Федеральных правил доказывания 1975 г.

[4] В Англии форма и способ принесения присяги описываются в ст. 2 Закона о присяге

ответственности и последствиях для лица, дающего заведомо ложные показания, присягнувшего перед богом. Полагаем, что оно подлежит уголовному наказанию на общих основаниях.

Свидетельские показания даются в открытом суде устно. Если свидетель не в состоянии явиться для дачи показаний (например, из-за болезни), то его сведения фиксируются в письменном виде под присягой[1] и оглашаются в суде. Данный вид показаний именуется аффидевитом. Если показания даны свидетелем в ходе предварительного рассмотрения дела в суде и подписаны магистратом в присутствии свидетеля – обвиняемого по уголовному делу, то такой вид доказательств является депозитом[2].

Кроме того, предусмотрена процедура проведения перекрестного допроса свидетеля в суде, позволяющая сторонам удостовериться в правдивости его показаний, а также незамедлительно устранить возникающие противоречия или подозрения об их несостоятельности. Суд уполномочен самостоятельно принимать решение о том, кого из свидетелей следует вызывать для дачи показаний на судебное разбирательство[3]. Стороны и присяжные также вправе принимать решения о необходимости приглашения свидетелей в суд.

Свидетель в англо-американской модели уголовного процесса наделен определенными процессуальными правами, к числу которых следует отнести возможность отказа от дачи показаний (своего рода процессуальная привилегия, позволяющая не давать показания против самого себя (самообвинение), своего супруга или супруги), а также привилегию адвоката не разглашать информацию, ставшую ему известной в связи с осуществлением адвокатской деятельности в рамках расследуемого уголовного дела. Суть данных привилегий заключается в том, что лицо вправе не отвечать на вопросы

1909 г.

[1] Свидетель должен быть приведен к присяге либо судьей лично, либо иным уполномоченным лицом.

[2] Правило о судах магистратов 1952 г. ; Лоскутова Т. А. Свидетель и его показания в уголовном процессе Англии и США : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 87–88.

[3] В США это положение закреплено в правиле 614(а) Федеральных правил о доказательствах для судов и магистратов 1995 г.

по поводу всего перечисленного. Лицо, подозреваемое в совершенном преступлении, по англо-американской модели являющееся свидетелем, имеет привилегию от самообвинения.

Право не свидетельствовать против самого себя введено Пятой поправкой к Конституции США[1]. Кроме того, следует обратить внимание на то, что общие положения свидетельского иммунитета раскрыты в гл. 18 «Преступление и уголовное судопроизводство» ч. V «Иммунитет свидетелей» Свода законов США 1948 г.

По справедливому замечанию Н.Ю. Волосовой и О.В. Федоровой, «в законодательстве США до любого допроса лицо не только должно быть предупреждено понятными и недвусмысленными терминами о том, что оно имеет право хранить молчание, что все сказанное им может быть обращено против него, но и то, что он имеет право на присутствие адвоката…»[2]. «Существующие демократические и гуманистические начала защиты прав и свобод человека и гражданина в законодательстве США, – продолжает данную мысль Н. Ю. Волосова, – тесно взаимосвязаны с приоритетом государственных интересов в области борьбы с правонарушениями и преступлениями»[3]. Именно поэтому в научной литературе встречается мнение, что «многие его детали (свидетельского иммунитета. – В. Л.) уточняются в нормах неписаного права и утверждаемых судами правилах. Представление о них можно получить также по Унифицированным правилам уголовного процесса и заимствованному почти полностью во многих штатах Примерному закону штата о свидетельском иммунитете»[4]. Между тем полагаем необходимым отметить, что институт свидетельского иммунитета на территории США не имеет единого положения и может разниться в законодательствах разных штатов.

---

[1] См.: America's Founding Documents [Электронный ресурс]. URL: https://www.archives.gov/founding-docs (дата обращения: 19.02.2023).

[2] Волосова Н. Ю., Федорова О. В. Уголовно-процессуальное законодательство США: законодательство штатов, общая характеристика, сравнительный анализ : моногр. М. : Юрлитинформ, 2008. С. 90.

[3] Волосова Н. Ю. Указ. соч. С. 191.

[4] Гуценко К. Ф., Головко Л. В., Филимонов Б. А. Уголовный процесс западных государств. М. : ИКД «Зерцало», 2001. С. 262.

Следует обратить внимание на проведенный Н. Ю. Волосовой анализ решений Верховного Суда США, которые подчеркивают важность и необходимость соблюдения правил свидетельского иммунитета. К таким решениям автор отнесла следующие судебные споры: «Браун против штата Миссисипи» (1936), «Малой против Хогана» (1964), «Миранда против штата Аризона» (1966), «Мэтис против штата Нью-Йорк» (1968), «Ороско против штата Техас» (1969), «Штат Род Айленд против Иннис» (1980), «Эстель против Смит» (1981)[1].

Так, рассматривая дело «Миранда против штата Аризона»[2], в ходе которого принято решение о том, что «перед допросом подозреваемый должен быть ясно и недвусмысленно уведомлен о своем праве на молчание, и о том, что все сказанное может быть использовано против него в суде»[3], Н. Ю. Волосова вполне обоснованно подчеркивает, что «законодательство США уделяет большое внимание допустимости доказательств в связи с применением положений свидетельского иммунитета и признанием обвиняемым своей вины. Нарушение процедуры производства по уголовному делу является основанием для признания доказательств недопустимыми… При признании доказательств недопустимыми действует принцип "плоды отравленного дерева"»[4].

Доктрина «плодов отравленного дерева» требует комплексной оценки всех полученных в ходе расследования доказательств, что исключает получение допустимых доказательств на основе недопустимых. Вместе с тем следует обратить внимание на достаточно интересное замечание Л. В. Головко, который пишет, что «даже в США интересующая нас доктрина применяется лишь в отдельных случаях, т. е. разработавшая ее американская судебная практика относится к идее "отравленных плодов" вполне гибко, возможность

---

[1] Волосова Н. Ю. Указ. соч. С. 182–183.

[2] «Дело Миранда против штата Аризона» 384 U.S. 436 (1966) [Электронный ресурс]. URL: http://caselaw.lp.findlaw.com/scripts/getcase.pl/court=US&vol=384&invol=436 (дата обращения: 19.02.2023).

[3] Оригинальный текст: «The person in custody must, prior to interrogation, be clearly informed that he has the right to remain silent, and that anything he says will be used against him in the court of law».

[4] Волосова Н. Ю. Указ. соч. С. 183–184.

чего дает казуистичная англосаксонская техника прецедента, позволяющая учесть специфику каждого конкретного дела. В России же с ее континентальным нормативным мышлением речь шла и иногда продолжает идти о возведении "доктрины плодов отравленного дерева" в некий законодательный абсолют. Но ни одна уголовно-процессуальная система не может себе этого позволить, иначе не удастся успешно расследовать ни одно мало-мальски сложное уголовное дело»[1]. Из этого утверждения следует, что даже из таких правил бывают исключения.

Свидетель в англо-американской модели правосудия, как и в российском уголовном процессе, обязан являться по вызовам в суд в случае надлежащего его об этом извещения, иначе он будет привлечен к административному наказанию в виде денежного штрафа за неуважение к суду[2]. В Англии по Закону об уголовном преследовании и расследованиях 1996 г. в исключительных случаях суд даже может издать приказ об аресте свидетеля и принудительном приводе. Кроме того, в обязанности свидетеля входит предъявление необходимых суду документов.

Англо-американская теория доказательств предусматривает случаи признания показаний содействующего правосудию лица недопустимыми: «1) оно не является наилучшим доступным доказательством; 2) заявление, на которое ссылается свидетель в суде, даются не под присягой; 3) правдивость и точность заявлений лица, чьи слова пересказываются другим свидетелем, не могут быть проверены с помощью перекрестного допроса; 4) отсутствует возможность наблюдения за манерой поведения при даче показаний, что могло бы пролить свет на их качество»[3].

Англо-американской модели уголовного процесса в части оказания содействия правосудию знакомо и применение специальных знаний[4]. Одно из

---

[1] Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян [и др.] ; под ред. Л. В. Головко.

[2] Уилшир А. М. Уголовный процесс. М., 1947. С. 175.

[3] Дело «Lejzor Teper V. The Queen».1952. № 47 [Электронный ресурс]. URL: http://caselawyer.blogspot.ru/2013/05/lejzor-teper-v-queen-1952-ac-480.html (дата обращения: 19.02.2023).

[4] Авторская позиция и анализ доктринальных исследований применительно к

первых упоминаний о привлечении судом эксперта датируется 1345 годом[1].

Применение специальных знаний реализуется в рассматриваемой модели уголовного процесса, в отличие от российской, исключительно экспертом.

Вместе с тем следует обратить внимание на достаточно интересный факт, отмеченный в исследовании Е. Ю. Самутичевой. Автор пишет, что «в англо-американском уголовном процессе возможно привлечение сведущих лиц в стадии расследования для содействия в собирании доказательственной информации, которые не проводят исследования. Так, в стадии полицейского расследования на место преступления могут быть привлечены специалисты (в английском процессе они именуются police scenes of crime offices (SOCOs), в американском – crime scene investigators (CSIs) для выполнения технико-криминалистических мероприятий»[2]. Указанный факт позволяет выделить самостоятельную форму применения специальных знаний в англо-американской модели – привлечение специалиста для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и иных предметов материального мира, необходимых для расследования преступления.

Экспертная деятельность в рассматриваемой модели уголовного процесса регламентируется множеством законов[3]. Англо-американская экспертиза, по справедливому замечанию Л. В. Головко, «характеризуется децентрализованной природой, когда каждая из сторон производит собственное экспертное исследование (чаще всего за свой счет), после чего представляет полученное заключение в суд, где сам эксперт подвергается допросу сторон в качестве одного из свидетелей; в данной системе нет нейтрального эксперта, а есть "эксперт обвинения" и "эксперт защиты", в силу чего любое заключение

уголовно-процессуальному институту использования специальных знаний в уголовном процессе будут рассмотрены в третьей главе настоящего исследования.

[1] См.: Hand L. Historical and practical considerations regarding expert // Making of the modern law print editions. Legal Treatises, 1800–1926. USA. Reprinted from the Albany Medical Annals, November, 1900.P. 7.

[2] Самутичева Е. Ю. Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе (сравнительно-правовое исследование) : дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 36.

[3] В США: закон «О судебных экспертах»; ст. 307, 308, 309 Типового проекта Уголовно-процессуального кодекса США. В Англии: закон «О коронерах» 1887 г., закон «О доказательствах» 1807 г. и др.

эксперта предстает в качестве результата деятельности соответствующей стороны»[1].

Такая процедура назначения и проведения экспертиз не вполне привычна для российского судопроизводства. Возможно, она и позволяет реализовать принцип состязательности в полном объеме, но, к сожалению, на наш взгляд, доступна только тем участникам процесса, которые могут позволить себе оплатить эту процедуру (защитника, экспертизы и т. п.). Уместно ли в данном случае говорить о равенстве перед законом, о безусловном действии принципов уголовного судопроизводства для всех и каждого, о реализации принципа неотвратимости наказания, если речь идет о привлечении к ответственности наиболее состоятельных граждан, имеющих экономическое и политическое влияние? По нашему мнению, вряд ли, поскольку полагаем, что заключения, представленные сторонами в суде, будут обеспечивать лишь интересы состоятельных граждан и в конечном итоге взаимоисключат друг друга.

Отметим, что стороны обращаются к разным экспертным организациям. Так, сторона обвинения, как правило, привлекает экспертов, назначает и проводит экспертизы в учреждениях, относящихся к правоохранительным органам, в криминалистических лабораториях. Сторона же защиты пользуется услугами частных экспертных организаций.

По поводу экспертных организаций Е. Ю. Самутичева отмечает, что «в английском уголовном процессе проведением судебных экспертиз в настоящее время занимаются частные организации, а также полицейские лаборатории… В США проведением экспертиз занимаются как государственные (лаборатории существуют на федеральном, региональном, окружном и городском уровнях), так и негосударственные организации (public crime laboratories и private crime laboratories)»[2]. Отмеченный факт привлечения для производства экспертиз наряду с государственными экспертными учреждениями и негосударственных коммерческих присущ как англо-американской модели, так и российскому

[1] Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян [и др.] ; под ред. Л. В. Головко.
[2] Самутичева Е. Ю. Указ. соч. С. 53–54.

уголовному процессу.

Возможность привлечения эксперта для оказания содействия обеими сторонами в целом позволяет обеспечить состязательность на уровне специальных знаний участников уголовного судопроизводства (свидетеля-эксперта со стороны защиты и свидетеля-эксперта со стороны обвинения). В то же время указанная возможность не лишена отдельных недостатков. К примеру, отсутствие материальной возможности оплаты процедуры экспертизы лишает сторону права на справедливое равноправное уголовное судопроизводство.

В уголовном процессе США экспертов привлекают в том случае, когда «научные, технические или другие специальные сведения помогут присяжному понять представленные доказательства или вынести суждение по оспариваемому вопросу дела»[1]. При этом следует отметить, что специальные знания, которые требуются от эксперта, должны выходить за рамки знаний «среднего присяжного», в противном случае заключение признается неправомерным, а используемые знания – общедоступными. Таким образом, роль эксперта сводится исключительно к оказанию содействия присяжным в отправлении правосудия за счет имеющихся у него знаний в интересующей суд и стороны области.

Между тем следует отметить, что вплоть до XX в. в Англии существовали специализированные суды присяжных (special or stuck jury)[2], в которые в качестве присяжных привлекались лица, обладающие специальными знаниями в определенной области. Например, с целью привлечения к ответственности за продажу некачественной продукции в качестве присяжных выступали лица, имеющие опыт и знания в торговле[3].

В литературе описывается случай, когда коллегия состояла только из замужних женщин, поскольку должна была определить, беременна ли

---

[1] Правило 702 Федеральных правил о доказательствах для судов и магистратов США 1995 г.

[2] Freckelton I. R. The trial of the expert: a study of expert evidence and forensic experts. Melbourne: Oxford university press, 1987. P. 233.

[3] Hand L. Op. cit. P. 7.

подсудимая, имеет ли она право на отсрочку исполнения наказания в виде казни (jury of matrons)[1].

По поводу использования специальных знаний в англо-американской модели уголовного процесса Е. Ю. Самутичева отмечает, что в ней отсутствуют какие-либо особые формы, и выделяет: «1) привлечение эксперта-свидетеля сторонами в целях производства экспертизы или дачи консультации; 2) привлечение эксперта судом в целях производства экспертизы или дачи консультации; 3) привлечение для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии значимой информации на месте преступления»[2]. Полагаем, что следует согласиться с предлагаемыми автором формами использования специальных знаний.

Требования, предъявляемые к экспертам в англо-американской экспертизе, схожи с российскими. От них требуется обладать знаниями, опытом, навыками, профессиональной подготовкой или образованием[3].

Примечательно, что компетентность и квалификация эксперта устанавливаются в процессе производства в суде путем допроса противоположной стороной. В обязанности эксперта входит предоставление подготовленного заключения со всеми приложениями и пояснениями[4]. Это свидетельствует о том, что суд может принять заключение эксперта как самостоятельный вид доказательств. К тому же суд самостоятельно определяет необходимость предоставления показаний эксперта для оказания содействия коллегии присяжных.

Напомним, что в англо-американской модели уголовного процесса эксперт допрашивается на правах свидетеля, что позволяет нам для удобства анализа определить его как сведущего свидетеля. Как и свидетель, перед

---

[1] Oldham J. Trial by jury: the Seventh Amendment and Anglo-American special juries. N. Y. : New York University press, 2006. P. 82.

[2] Самутичева Е. Ю. Указ. соч. С. 36.

[3] Правило 702 Федеральных правил о доказательствах для судов и магистратов США 1995 г.

[4] Решетникова И. В. Доказательственное право Англии и США. М. : Городец, 1999. С. 148.

допросом он приводится к присяге и предупреждается об ответственности за дачу ложных показаний.

Перед началом допроса сведущий свидетель обязан сообщить сторонам и суду о том, где он работает и проживает, какое у него образование и стаж работы, имеются ли научные труды и публикации, приходилось ли ему выступать в суде в качестве эксперта. В случае необходимости стороны могут задать ему вопросы с целью установления или подтверждения его квалификации. Суд определяет методику, которой руководствовался сведущий свидетель при подготовке заключения, и ее научность.

Сведущий свидетель вправе при подготовке заключения руководствоваться личными знаниями, фактами, которые стали ему известны из материалов рассматриваемого дела, а также информацией, полученной им в ходе уголовного судопроизводства, но не нашедшей отражения в материалах. Он вправе давать заключение исходя из своих личных наблюдений и умозаключений[1].

Представляется, что в англо-американской модели уголовного процесса заключение эксперта-свидетеля, оказывающего содействие отправлению правосудия, является письменным суждением о проведенном исследовании, в котором отражаются факты, послужившие основанием для соответствующего вывода, ссылки на использованную литературу и исследования других лиц, анализ различных точек зрения и собственной позиции по вопросам, требующим использования специальных знаний, а также заявление, что он подлежит ответственности за дачу заведомо ложного заключения. В общих чертах по структуре и содержанию заключение эксперта-свидетеля в рассматриваемой модели уголовного процесса схоже с заключением эксперта в уголовном процессе России.

Англо-американской модели уголовного процесса не знаком такой участник уголовного судопроизводства, как специалист, без привлечения которого не обходится рассмотрение большинства уголовных дел в России. И

[1] Решетникова И. В. Указ. соч. С. 148.

этому есть вполне логическое объяснение. Дело в том, что законодатель, провозгласив отечественный уголовный процесс состязательным (ст. 15 УПК РФ), к сожалению, предусмотрел не все составляющие состязательности. Одним из недостающих элементов, как показала практика, стало отсутствие возможности осуществления состязательности в специальных знаниях сведущих лиц. Поскольку правом назначения экспертизы законодатель наделил лишь сторону обвинения, у противоположной стороны отсутствовали какие-либо весомые аргументы, способные поставить под сомнение заключение эксперта, что сводило на нет все попытки государства обеспечить равноправие сторон и всесторонность проводимого расследования. В этой связи в 2003 г. Федеральным законом № 92-ФЗ[1] в ч. 2 ст. 74 УПК РФ введен п. 3.1, позволивший признавать в качестве самостоятельного, полноценного доказательства заключение и показание специалиста, которого, в свою очередь, имеет право привлекать и сторона защиты. Таким образом законодатель постарался уравнять процессуальные возможности сторон по вовлечению в уголовный процесс лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, обладающих специальными знаниями[2]. Для придания убедительности и значимости новому виду доказательств Верховный Суд РФ в своем постановлении обратил внимание судов на то, что «заключение и показания специалиста даются на основе использования специальных знаний и, так же, как заключение и показания эксперта в суде, являются доказательствами по делу». Англо-американскому же уголовному процессу в специалисте как самостоятельном участнике просто нет процессуальной необходимости ввиду того, что каждая сторона наделена возможностью самостоятельного привлечения сведущего лица.

К лицам, оказывающим содействие в отправлении правосудия, в англо-американской модели уголовного процесса следует отнести наблюдателей.

---

[1] О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 27, ч. 1, ст. 2706.

[2] Подробно данный вопрос будет рассмотрен во втором параграфе главы третей настоящего исследования.

Данный институт применяется при производстве отдельных следственных действий (например, обыска). Незаинтересованные лица, как правило, имеют отношение к органам расследования и выступают гарантией соблюдения прав и интересов государства и стороны обвинения[1]. Данная категория участников процесса привлекается в основном с той же целью, что и понятые в уголовном процессе России. В последующем при необходимости они могут быть вызваны в суд для дачи показаний в качестве свидетелей по вопросам, интересующим стороны и суд: о порядке проведения следственного действия, поведении участников и иных обстоятельствах проведенного процессуального действия.

Кроме того, как самостоятельное лицо, оказывающее содействие отправлению правосудия с использованием специальных знаний в области языка, рассматривается в англо-американской модели уголовного процесса и переводчик. Его привлекают к участию, если свидетель не владеет языком уголовного судопроизводства.

Процессуальное закрепление участия переводчика нашло отражение в ряде международных нормативно-правовых актов[2]. Так, упоминание о возможности присутствия переводчика во время сессии Большого жюри[3] можно найти в Федеральных правилах уголовного судопроизводства США. Правило 6, например, свидетельствует о привлечении переводчика при решении вопроса об обоснованности предъявления обвинения лицу по конкретному уголовному делу. Примечательно, что переводчик в данном случае привлекается непосредственно для «оказания помощи присяжному заседателю с нарушением слуха или нарушением речи» (пп. 2 п. «д» правила 6).

---

[1] Диков Г. Адвокатская тайна в свете практики ЕСПЧ // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2010. № 1. С. 185.

[2] См., например: О гражданских и политических правах : международный пакт, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 дек. 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12 ; О защите национальных меньшинств : Рамочная конвенция Совета Европы от 1 фев. 1995 г. ; О защите прав человека и основных свобод : Конвенция Совета Европы от 4 нояб. 1950 г. и др.

[3] Англ. Grand jury, букв. – «великое жюри» – коллегия присяжных, созываемых с целью проверки оснований для предъявления обвинения лицу по конкретному уголовному делу и решения вопроса о возможности предания его суду, где дело будет рассматриваться с участием «малого жюри» присяжных (см.: Энциклопедия юриста [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/208/БОЛЬШОЕ (дата обращения: 19.02.2023).

В 28 правиле указанного нормативного акта предусмотрено право переводчика на получение компенсации за оказанное содействие правосудию, а в правиле 604 закреплено требование, предъявляемое к переводчику, выраженное в наличии его квалификации, а также необходимости принесения им присяги или подтвердить, «что сделает верный перевод»[1].

Как и в континентальной модели уголовного процесса, привлечение переводчика оформляется соответствующим процессуальным решением, которое приобщается к остальным собранным процессуальным материалам.

Подводя итог проведенному в данном параграфе исследованию, следует сделать несколько основных выводов.

Англо-американская модель уголовного процесса по форме и порядку производства уголовного преследования имеет принципиальные отличия от российской и континентальной модели в целом, которое заключается в проведении двух параллельных расследований стороной обвинения и защиты, основанных на принципе состязательности сторон. Этот принцип создает исключительно благоприятные условия для функционирования уголовно-процессуального института содействия правосудию. Стороны уполномочены прибегать к помощи посторонних лиц, обеспечивающих возможность доказать их правоту, сформировать незыблемое для суда доказательство, которое может лечь в основу оправдательного или обвинительного приговора.

В англо-американской модели теории доказательств отсутствует исчерпывающий перечень доказательств, предусмотренных законом. Лица, оказывающие содействие отправлению правосудия, способствуют формированию доказательственной базы, позволяющей установить в суде правоту сторон.

К лицам, оказывающим содействие отправлению правосудия, в англо-американском уголовном процессе следует относить: свидетелей, дающих показания по ставшим им известным фактам (видели либо знают обстоятельства рассматриваемого дела); экспертов-свидетелей (сведущие лица,

[1] Гуськова А. В. Функция переводчика в уголовном процессе. С. 153.

обладающие специальными знаниями); переводчика; наблюдателей (в последующем могут выступать в суде в качестве свидетелей производства отдельных следственных действий). Они, приводятся к присяге, что позволяет убедить суд и стороны в правдивости их показаний. Уголовно-процессуальная деятельность лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия, позволяет формировать доказательства, которые подлежат оглашению в суде и подвергаются проверке при перекрестном допросе сторон.

Свидетель, привлекаемый для дачи показаний, имеет право воспользоваться свидетельским иммунитетом, позволяющим отказаться от дачи показаний, и свидетельской привилегией, позволяющей защитить себя от самообвинения.

Активно используются в качестве доказательств в суде сведения, полученные от экспертов-свидетелей, обладающих специальными знаниями. Выделяют несколько форм использования специальных знаний: привлечение экспертов-свидетелей сторонами для дачи заключений и консультации; привлечение экспертов-свидетелей судом для дачи заключений и консультации; привлечение сведущих лиц для обнаружения, фиксации и изъятия объектов, имеющих значение для расследуемого преступления.

Англо-американская модель уголовного процесса предъявляет ряд требований к заключениям экспертов-свидетелей. Эти требования по структуре и содержанию схожи с требованиями, предъявляемыми УПК РФ к заключению эксперта в российском уголовном процессе (ст. 204).

§ 2. Содействие правосудию в романо-германской (континентальной) модели уголовного судопроизводства

Особый теоретический интерес при рассмотрении содействия отправлению правосудия в романо-германской модели уголовного процесса представляют

такие страны, как Франция, Германия и Швейцария. Континентальная модель уголовного процесса отличается от англо-американской модели правосудия системностью и кодификацией источников права.

Во Франции действует Уголовно-процессуальный кодекс 1958 г., пришедший на смену УПК Франции 1808 г., но это не единственный нормативный акт, регулирующий уголовно-процессуальные отношения. За последние 60 лет принято большое количество других законов. Л. В. Головко отмечает, что французские правоприменители серьезное внимание уделяют обычаю как самостоятельному источнику уголовно-процессуального права[1].

В целом уголовное преследование во Франции осуществляют органы прокуратуры и судебная полиция. Офицеры судебной полиции осуществляют первоначальное дознание под надзором генерального прокурора (ст. 75 УПК Франции). Предварительное расследование завершается передачей сформированного уголовного дела прокурору Республики.

Закон предусматривает возможность привлечения для оказания содействия офицерам судебной полиции сведущих лиц как для констатации обстоятельств дела, требующих применения специальных знаний, так и для применения технических средств или проведения исследований (ст. 60 УПК Франции). В указанной норме регламентирована необходимость приведения к присяге данной категории лиц для оказания содействия «по чести и совести».

Французскому законодателю не известен термин «специалист», в связи с чем в законе употребляется лишь понятие «эксперт» (ст. 157 УПК Франции). Примечательно, что закон предусматривает возможность привлечения в качестве эксперта физических или юридических лиц, включенных в национальный список, составленный бюро кассационного или апелляционного суда по согласованию с прокурором. В исключительных случаях к участию в производстве по делу могут быть допущены лица, не входящие в данный перечень.

---

[1] Головко Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М., 1995.

Приведение к присяге лиц, входящих в согласованный с прокурором перечень, производится единожды – при первом их привлечении по конкретному уголовному делу, а лица, не входящие в указанный перечень, приводятся к присяге перед следственным судьей или магистратом, назначенным соответствующей юрисдикцией, при привлечении их к каждому уголовному делу. Кроме того, закон допускает приведение к присяге в письменной форме. Соответствующий документ в последующем должен быть приобщен к материалам уголовного дела (ст. 160 УПК Франции).

Помимо принятия решения о привлечении эксперта властные субъекты уголовного процесса устанавливают срок, необходимый сведущим лицам для реализации оказываемой ими функции содействия. Если эксперт не справляется в назначенный следствием срок, им может быть заявлено мотивированное ходатайство о продлении срока. Если такое ходатайство не поступает, эксперт подлежит замене с обязательным предоставлением результатов проведенных исследований и возвращением объектов, направленных на исследование. В противном случае эксперт подлежит дисциплинарной ответственности, вплоть до исключения из списка (ст. 161 УПК Франции).

Примечательно, что в случае необходимости эксперт имеет право выступить с ходатайством о необходимости привлечения другого сведущего лица для оказания содействия в проведении исследования, если обстоятельства выходят за области его знаний (ст. 162 УПК Франции). Это свидетельствует о процессуальной возможности воспользоваться содействием в отправлении правосудия не только властными субъектами и сторонами, но и самими лицами, привлекаемыми для оказания содействия.

Кроме того, закон допускает возможность получения дополнительных сведений экспертом путем проведения опроса лиц, обвиняемых в совершении преступления. В случае необходимости уточнения или получения новых сведений от обвиняемых допрос проводится в присутствии эксперта следственным судьей или магистратом, назначенным соответствующей юрисдикцией (ст. 164 УПК Франции). Стороны вправе заявлять ходатайства

властным субъектам, назначившим экспертизу, о необходимости проведения экспертом допроса того или иного лица с целью получения необходимой для исследования информации (ст. 165 УПК Франции). Исключением является производство освидетельствования обвиняемого, в ходе которого допустимо получение от него информации без привлечения следственного судьи.

Результат проведенного исследования оформляется в виде доклада, который имеет доказательственное значение. В нем отражается ход исследования и полученные результаты. С докладом должны быть ознакомлены стороны. Как и в российском уголовном процессе, в случае проведения комиссионной экспертизы каждый эксперт имеет право выразить собственную позицию по результатам проведенного исследования.

В случае необходимости для разъяснения сторонам и суду отдельных вопросов по проводимому исследованию эксперт может быть приглашен для дачи показаний (ст. 168 УПК Франции).

Принято выделять три вида экспертиз, проводимых в соответствии с законодательством Франции:

1) состязательная экспертиза – позволяет каждой из сторон назначать собственного эксперта, что обеспечивает реализацию принципа состязательности сторон в ходе применения специальных знаний;

2) контролируемая экспертиза. Для экспертизы данного вида, назначенной стороной обвинения, характерно осуществление контроля за ходом ее проведения стороной защиты;

3) несостязательная экспертиза – позволяет стороне защиты выходить с ходатайством об отводе того или иного эксперта либо предложить проведение экспертизы конкретному эксперту.

К категории лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, по уголовно-процессуальному законодательству Франции относятся свидетели, которые, как и эксперты, перед дачей показаний приводятся к присяге, за исключением лиц, не достигших 16-летнего возраста (ст. 108 УПК Франции). В качестве свидетелей подлежат допросу потерпевшие и подозреваемые, что

сближает судопроизводство Франции с англо-американской моделью уголовного процесса. Л. В. Головко отмечает, что иногда в уголовном процессе Франции встречается такое понятие, как допрос подозреваемого (interrogatories, или auditiondesuspect), что подчеркивает его тождественность допросу свидетеля[1]. В качестве свидетелей могут быть допрошены офицеры судебной полиции, эксперты, в исключительных случаях – лица, страдающие душевной болезнью.

Примечательно, что закон допускает возможность привлечения для производства допроса свидетеля совершеннолетнего переводчика (ст. 102 УПК Франции). Кроме того, закон содержит норму, предусматривающую привлечение в качестве переводчика лица, достигшего 21 года, для оказания содействия подсудимому или свидетелю, если они не владеют в «достаточной степени французским языком либо если необходимо перевести документ». Переводчик, как и остальные участники уголовного судопроизводства, подлежит приведению к присяге, что гарантирует оказание им содействия «по чести и совести». Правом воспользоваться помощью переводчика наделены глухонемые и неграмотные свидетели и подсудимые (ст. 345 УПК Франции).

Закон не допускает привлечение в качестве переводчика судей, входящих в состав суда, членов жюри, секретаря судебного заседания, сторон и свидетелей (ст. 344 УПК Франции).

В уголовном процессе Франции отсутствует институт понятых. Однако закон содержит требование, согласно которому для удостоверения факта производства обыска и подписания протокола требуется два свидетеля, не находящихся в подчинении лица, проводящего это следственное действие (ст. 57 УПК Франции).

Уголовный процесс Федеративной Республики Германии, как и уголовный процесс Франции, относится к смешанному типу. Уголовное судопроизводство в ФРГ принято делить на два этапа: производство по существу уголовного дела и производство по исполнению приговора. В свою

---

[1] УПК Франции / авт. пер., предисл. и примеч. канд. юрид. наук Л. В. Головко. М. : Юридич. колледж МГУ, 1996.

очередь, общее производство по существу уголовного дела включает в себя предварительное расследование, или предварительное производство (досудебный этап расследования уголовного дела), предварительное судебное производство и основное судебное производство.

Целью предварительного расследования, осуществляемого органом прокуратуры после получения сообщения о совершенном преступлении, является установление обстоятельств дела и решение вопроса о возможности предъявления публичного обвинения (абз. 1 § 160 УПК ФРГ).

В научной литературе отмечается, что уголовный процесс в Германии не преследует целью возмещение причиненного преступлением вреда, однако учитывая необходимость реабилитации потерпевших лиц, следует констатировать подобное назначение уголовного судопроизводства в ФРГ[1]. В свете отмеченного следует обратить внимание на то, что уголовно-процессуальное законодательство ФРГ не выделяет потерпевшего как самостоятельную процессуальную фигуру, а закрепляет за ним лишь статус свидетеля.

Процесс доказывания осуществляется в суде и заключается в исследовании доказательств. Доказыванию подлежат все факты, имеющие значение по уголовному делу. К средствам доказывания законодательство Германии относит показания свидетелей, заключение и показания экспертов, восприятие вещественных доказательств и документов.

Таким образом, деятельность лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, имеет доказательственное значение и в уголовном судопроизводстве Германии.

Глава 6 УПК ФРГ посвящена свидетелю и его участию в уголовном процессе. Выделим основные процессуальные особенности его привлечения.

Как и в уголовном процессе Франции, Англии и США, свидетель приводится к присяге, которая может быть как с религиозной, так и без религиозной клятвы (§ 57 УПК ФРГ). Примечательно, что уголовный закон

[1] См.: Рехит А., Жалинский А. Введение в немецкое право. М., 2001. С. 710–712.

ФРГ содержит норму, регламентирующую приведение к присяге немых лиц. Данная процедура осуществляется либо в письменной форме, а если свидетель неграмотен, то в уголовный процесс вовлекается сурдопереводчик.

Не подлежат приведению к присяге лица, не достигшие 16-летнего возраста, и лица, которые вследствие недостаточной зрелости интеллекта, психического заболевания или умственной отсталости не могут понимать сущность и значение присяги, а также лица, подозреваемые в совершении деяния, составляющего предмет расследования, или в соучастии в нем, или в пособничестве, или в укрывательстве, или уже осужденные за это деяние.

Вместе с тем, абз. 2 § 59 УПК ФРГ предусматривает приведение к присяге свидетеля непосредственно после дачи им показаний. Объяснить данный факт можно тем, что законодатель таким образом предоставляет возможность свидетелю исправить данные ранее ложные показания, учитывая, что, согласно УК ФРГ, ответственность предусмотрена за лжеприсягу (§ 154), за подтверждение, равносильное присяге (§ 155), за ложное заверение, данное вместо присяги (§ 156), за неосторожную лжеприсягу, неосторожное ложное заверение, данное вместо присяги (§ 161). Примечательно, что процессуальный закон содержит текст как религиозной, так и нерелигиозной присяги (§ 64 УПК ФРГ).

В уголовно-процессуальном законодательстве ФРГ предусмотрены нормы, регламентирующие право не давать показания в качестве свидетелей по личным и профессиональным причинам, что свидетельствует об имеющихся у лиц, оказывающих содействие, привилегий. Например, к привилегиям по личным причинам относятся: помолвка с обвиняемым; наличие обещания о заключении с обвиняемым однополого брака; наличие супружеских отношений между свидетелем и обвиняемым, а также бывших супружеских отношений между этими лицами; наличие родственных отношений по прямой линии, по боковой линии до третьей степени родства или второй степени свойства (§ 52 УПК ФРГ). Привилегией, или процессуальным иммунитетом, по профессиональным причинам обладают те же категории лиц, а также

патентные поверенные, нотариусы, аудиторы, присяжные бухгалтеры-ревизоры, врачи, стоматологи, психологи, психотерапевты, детские и подростковые психотерапевты, аптекари, акушерки, консультанты по вопросам наркозависимости (§ 53 УПК ФРГ).

В качестве особой категории свидетелей в УПК ФРГ выделен Федеральный президент (§ 49), причем процедура его допроса не отличается от допроса обычных свидетелей, за исключением того, что он допрашивается в своей резиденции и не подлежит вызову на судебное разбирательство. Предусмотрена лишь возможность отказа Федерального президента от дачи показаний.

Следует отметить, что с целью реализации Закона о защите свидетелей им предоставлено право воспользоваться услугами адвоката (§ 68b УПК ФРГ), а в соответствии с Законом о гонорарах и компенсациях в сфере юстиции[1] свидетели имеют право рассчитывать на соответствующие компенсации за участие в уголовном судопроизводстве.

Содействие отправлению правосудия осуществляется и сведущими лицами, именуемыми в уголовном процессе Германии экспертами, поскольку немецким процессуалистам не знакомо деление лиц, обладающих специальными знаниями, на экспертов и специалистов.

Самостоятельным видом доказательств является заключение и показание эксперта. Допрос эксперта проводится по нормам, регламентирующим допрос свидетелей, с отдельными изъятиями. Как и в уголовном процессе Франции, для производства экспертизы привлекаются лица, с которыми заключается договор и оговаривается срок проведения исследования. Для дачи экспертных заключений могут привлекаться лишь государственные эксперты, и только в исключительных случаях допустимо привлечение негосударственных.

---

[1] Закон о гонорарах экспертов, устных переводчиц и переводчиков, письменных переводчиц и переводчиков, а также компенсациях для заседателей женского и мужского пола, свидетельниц и свидетелей и третьих лиц (см.: Gesetz über die Vergütung von Sachverständigen, Dolmetscherinnen, Dolmetschern, Übersetzerinnen, Übersetzern sowie ehrenamtlichen Richterinnen, ehrenamtlichen Richtern, Zeuginnen, Zeugen und Dritten – JVEG) от 5 мая 2004 г. (BGBl. 2004 I S. 718).

Действующее процессуальное законодательство Германии под экспертом понимает лицо, которое вправе давать заключение. По роду своей деятельности оно может заниматься наукой, искусством или ремеслом, познания в которых необходимы для дачи заключения (§ 75 УПК ФРГ). Данная норма позволяет предположить, что помимо проведения экспертных исследований государственными экспертами допустимо получение заключений у лиц, которые в достаточной степени освоили свою деятельность (ремесло), необходимую для расследования уголовного дела, и могут оказать квалифицированную помощь. Российскими процессуалистами данное доказательство именовалось бы заключением специалиста.

Эксперт вправе собирать доказательства, как это предусмотрено и в уголовном процессе Франции, путем допроса свидетелей или обвиняемых, кроме того, ему дозволено ознакомляться с материалами уголовного дела, присутствовать при проведении допроса участников уголовного судопроизводства.

Результат проведенного исследования эксперт оформляет в виде заключения, которое может быть представлено как в письменной, так и в устной форме. В случае необходимости судья имеет право назначить новую судебную экспертизу, если, например, компетентность прежнего эксперта сомнительна, если в основу его заключения положены не соответствующие действительности фактические предпосылки, если экспертное заключение содержит противоречия. Заключение эксперта, как и любое другое доказательство по делу, подлежит исследованию по правилам, предусмотренным § 244 УПК ФРГ.

Помимо эксперта и свидетелей в качестве лиц, оказывающих содействие правосудию, немецким уголовно-процессуальным законом, в отличие от отечественного законодательства и законодательства рассмотренных зарубежных стран, предусмотрено привлечение сведущих свидетелей. К ним относятся лица, дающие показания о фактах и ситуациях, происходивших в прошлом, для восприятия которых необходимы специальные знания. Сведущие

свидетели допрашиваются по правилам допроса свидетелей (§ 85 УПК ФРГ).

Кроме того, в качестве лиц, обладающих специальными знаниями, в уголовном процессе Германии для оказания содействия может быть привлечен переводчик. В ходе предварительного расследования обвиняемый, не владеющий немецким языком, имеет право воспользоваться помощью переводчика бесплатно (§ 114b УПК ФРГ). Возможность привлечения переводчика предоставлена подсудимому, который не владеет языком, на котором ведется производство по делу, а также страдающим физическим недостатком в виде отсутствия слуха и не имеющим возможности объясняться в письменной форме (§ 259 УПК ФРГ).

Традиционно для российского правоприменителя среди лиц, оказывающих содействие правосудию, помимо указанных участников уголовного судопроизводства принято выделять понятых. Уголовно-процессуальное законодательство Германии не содержит упоминаний о данных субъектах правоотношений. Однако норма, посвященная производству обыска, содержит рекомендацию о том, что при его производстве в отсутствии судьи или прокурора следует, если возможно, привлечь чиновника или двух членов общины, на территории которой производится обыск (§ 105 УПК ФРГ). Лица, привлеченные для производства обыска, не могут быть полицейскими чиновниками или вспомогательными чиновниками прокуратуры. Полагаем, что члены общины выполняют функцию понятых в привычном для российского процессуалиста понимании.

Самостоятельный уголовно-процессуальный интерес представляет оказание содействия правосудию по УПК Швейцарии, одной из наиболее экономически развитых стран Евросоюза. В отличие от рассмотренных уголовно-процессуальных кодексов, УПК Швейцарии является самым «молодым». Он принят лишь в 2007 г.[1]

Процессуальный закон Швейцарии не разделяет участников на стороны в

[1] В работе использован перевод действующего УПК Швейцарии, подготовленный А. А. Трефиловым (см.: Трефилов А. А. Новый Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии. М., 2011).

привычном для российского права понимании, но имеет их выраженную классификацию. Итак, закон предусматривает деление участников на следующие группы:

1) органы уголовного судопроизводства (die Strafverfolgungs behörden): полиция, прокуратура и органы, осуществляющие производство по уголовным делам о нарушениях (ст. 12). Данной группе присущи функции следствия и обвинения;

2) суды (die Gerichte): суды по вопросам мер принуждения, суд первой инстанции, суд по вопросам обжалования, апелляционный суд (ст. 13). Выполняют в уголовном процессе функцию разрешения дела;

3) ст. 104 УПК Швейцарии содержит перечень участников, которые именуются сторонами (die Parteien): обвиняемый, участники, представляющие частное обвинение, при рассмотрении дела по существу и на проверочных стадиях производства – прокуратура. Этой группе присуще смешение таких функций, как защита от обвинения и собственно обвинение;

4) как и в российском уголовном процессе, законом предусмотрена категория участников, оказывающих содействие правосудию в раскрытии и расследовании преступлений, именуемая иными участниками (die andere Verfahrens beteiligte) (ст. 105). К ним законодатель Швейцарии относит потерпевшего (ст. 115), заявителя, свидетеля, лицо, являющееся источником сведений (ст. 178), эксперта (раздел 5), третье лицо, обремененное процессуальными действиями.

Однако более детальный анализ УПК Швейцарии позволяет выделить еще одного участника, оказывающего непосредственную помощь в осуществлении правосудия, но не отнесенного законом к иным участникам, – законспирированного агента[1]. Он привлекается для получения необходимой в ходе расследования преступлений информации, а также для внедрения в криминальную среду с целью раскрытия особо тяжких преступлений (ст. 285a).

[1] В настоящем исследовании будет рассмотрен только правовой статус лица, привлекаемого в качества законспирированного агента.

Для нас наибольший интерес представляют именно лица, содействующие органам правосудия в раскрытии и расследовании преступлений.

Современное швейцарское уголовно-процессуальное законодательство дифференцирует статус потерпевшего, которое включает в себя две категории участников. К первой категории относятся лица, права которых нарушены преступным деянием – die geschädigte Person (ст. 115), ко второй – лица, физической, половой или психологической неприкосновенности которых преступлением причинен вред – das Opfer (ст. 116)[1]. Жертва преступления имеет те же права, которые имеет потерпевший от преступления. Отнесение законодателем этой категории участников к лицам, способствующим расследованию преступления, вполне оправданно, поскольку именно потерпевший находился в непосредственном контакте с лицом, совершившим противоправное деяние; никто не знает лучше потерпевшего приметы похищенных вещей; никто более чем потерпевший не заинтересован в раскрытии преступления и привлечении лица, его совершившего, к законному наказанию.

По требованию жертв преступных деяний против половой неприкосновенности, не владеющих языком уголовного судопроизводства, для проведения их допроса привлекаются переводчики такого же пола.

По УПК Швейцарии переводчик не имеет самостоятельного процессуального статуса, несмотря на то что закон содержит норму, предписывающую органу, ведущему расследование, в случае если участвующая в расследовании сторона не понимает языка, на котором ведется производство[2], или не может на нем свободно выражаться, назначить

---

[1] Специалист в области сравнительного правоведения А. А. Трефилов рекомендует термин die geschädigte Person переводить как «потерпевший», а das Opfer – как «жертва» (Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. Т. 1. Уголовно-процессуальная компаративистика. Уголовный процесс Швейцарии. М. : НИПКЦ Восход-А, 2016. С. 210).

[2] Язык уголовного производства вправе определять федерация и кантоны (территориально-административная единица Швейцарии). Органы уголовного судопроизводства кантонов осуществляют все процессуальные действия на языках, принятых у них в качестве языков производства; орган, ведущий производство по делу, вправе допустить исключения (ст. 67 УПК Швейцарии).

переводчика (ст. 68). Законодатель косвенно, с помощью отсылочных норм, наделяет переводчика процессуальными правами, присущими эксперту: «В отношении переводчиков действуют предписания об экспертах (ст. 73, 105, 182–191 соответственно)» (ч. 5 ст. 68 УПК Швейцарии). Указанная норма свидетельствует об отнесении законодателем Швейцарии переводчика к сведущим лицам, обладающим специальными знаниями в области языка, что характерно и для российского уголовного процесса.

В отличие от УПК РФ, швейцарскому уголовно-процессуальному законодательству не знакомо понятие «специалист». Ученые-процессуалисты не дифференцируют сведущих лиц на эксперта и специалиста, что выгодно отличает отечественное процессуальное законодательство.

Несмотря на то что эксперт является незаинтересованным в исходе уголовного дела лицом, его процессуальный статус, как и сама экспертная деятельность в Швейцарии, имеет особенности. Так, органы, назначившие экспертизу (ими могут быть прокуратура или суды), вправе в любое время отменить поручение о производстве экспертизы и назначить новых экспертов, если это необходимо в интересах правосудия (ч. 5 ст. 184 УПК Швейцарии); перед назначением экспертизы орган вправе потребовать смету предстоящих расходов (ч. 6 ст. 184 УПК Швейцарии); в случае невыполнения экспертом возложенных на него обязанностей или их несвоевременного выполнения орган, ведущий производство по делу, вправе привлечь его к административной ответственности либо отказать в возмещении за труд, связанный с производством экспертизы (ст. 191 УПК Швейцарии).

А. А. Трефилов справедливо отмечает и другие особенности: «в Швейцарии эксперт вправе самостоятельно или с привлечением других лиц производить сбор сведений, которые состоят во взаимосвязи с данным ему поручением… Орган, ведущий производство по делу, вправе предписать, чтобы заключение эксперта было устным… В данном случае участник подлежит допросу по правилам, относящимся к допросу свидетеля»[1]. Заключение

[1] Трефилов А. А. Указ. соч. С. 253, 254.

эксперта в устном виде возможно по несложным, не требующим дополнительных исследований вопросам. По своей сути, это напоминает показания специалиста, предусмотренные в российском уголовно-процессуальном законодательстве.

УПК Швейцарии предусматривает основания для отвода эксперта (ст. 56), к которым законодатель отнес наличие личного интереса; наличие дружеских или неприязненных отношений со стороной или ее представителем; нахождение в родственных связях со стороной по прямой линии или по боковой линии до третьей степени включительно или в свойстве.

Швейцарский законодатель разграничивает статус свидетеля (разд. 3 УПК Швейцарии) и лиц, являющихся источником сведений (разд. 4 УПК Швейцарии). Предлагаем проанализировать эту категорию участников.

Так, свидетелем является лицо, не участвовавшее в совершении преступления, которое может прояснить обстоятельства дела пригодными показаниями и при этом не обладает статусом лица, являющегося источником сведений (ст. 162 УПК Швейцарии). Особенности швейцарского процессуального законодательства заключаются в следующем:

1) закон предусматривает возрастные ограничения для дачи свидетельских показаний: свидетельской дееспособностью обладает лицо, которое достигло 15-летнего возраста и способно судить об обстоятельствах, являющихся предметом допроса (ч. 1 ст. 163 УПК Швейцарии);

2) потерпевший допрашивается как свидетель (ч. 1 ст. 166 УПК Швейцарии);

3) предусмотрены случаи, когда свидетель обладает правом на отказ от дачи показаний: в связи с личными отношениями – является супругом или супругой обвиняемого, имеет общих детей с обвиняемым, зарегистрированы партнерские отношения, приравненные к браку, и др. (ст. 168 УПК Швейцарии); если это показания против самого себя или близких лиц (ст. 169 УПК Швейцарии); по вопросам, связанным со служебной тайной (ст. 170 УПК Швейцарии); по вопросам, связанным с профессиональной тайной (ст. 171 УПК

Швейцарии); отдельно предусмотрена норма, защищающая источники журналистской информации – лица, которые в редакции периодического издания профессионально занимаются распространением сведений, а равно и их помощники вправе отказаться от свидетельских показаний о личности автора или о содержании и источниках своей информации (ст. 172 УПК Швейцарии). Свидетель вправе в любое время ссылаться на право отказа от дачи показаний или отменить свой отказ (ч. 1 ст. 175 УПК Швейцарии);

4) допрос свидетеля признается недействительным, если он не был предупрежден об уголовной ответственности за дачу ложных показаний – лжесвидетельство (ч. 1 ст. 177 УПК Швейцарии).

Лица, являющиеся источником сведений, также отнесены законодателем Швейцарии к иным участникам. В соответствии со ст. 178 УПК Швейцарии это лица, которые: 1) заявили о себе как о частном обвинителе; 2) ко времени проведения допроса не достигли 15-летнего возраста; 3) из-за ограниченной способности судить о чем-либо не в состоянии воспринимать предмет допроса; 4) не являются обвиняемыми, но не исключается, что они могут быть преступниками или соучастниками расследуемого деяния или другого взаимосвязанного преступления; 5) допрашиваются в качестве сообвиняемых по тому же преступлению, но относительно действий, которые они сами не совершали; 6) обвиняемые в преступлении, которое взаимосвязано с данным преступлением, но расследуется в другом производстве; 7) в уголовном судопроизводстве, направленном против организации, выступают в качестве ее представителя или могут выступать в таком качестве, а также сотрудники организации. Как видно из закона, это достаточно большая категория лиц, не отождествляемая законодателем со свидетелями, однако на них распространяется право свидетелей на отказ от дачи показаний.

Привычные и так необходимые (в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 170 УПК РФ) для лиц, производящих следственные действия в России, понятые не известны швейцарским правоприменителям, упоминание о них отсутствует в анализируемом УПК.

Законспирированный агент как самостоятельный субъект не отнесен законодателем к иным участникам уголовного судопроизводства, однако, как отмечалось нами ранее, в его непосредственные задачи входит оказание помощи полиции в раскрытии и расследовании особо тяжких преступлений. В качестве законспирированного агента могут выступать: а) сотрудники швейцарского или иностранного полицейского учреждения; б) лица, которые временно используются для выполнения полицейских задач, даже если они не имеют полицейского образования (ст. 287 УПК Швейцарии). Государство в лице прокуратуры гарантирует таким участникам, что их настоящая личность не будет раскрыта, когда они будут выступать при производстве дела в суде в качестве лиц, являющихся источником сведений, или свидетелей (ст. 288 УПК Швейцарии). В то же время на законспирированных агентов возложена обязанность действовать исключительно в рамках инструкций и непрерывно и полно отчитываться перед руководителем о своей деятельности и о сведениях, которые им удалось установить (ст. 292 УПК Швейцарии). Заслуживает внимание тот факт, что прокуратура обязана сообщить обвиняемому не позднее окончания предварительного производства, что в отношении него использовались законспирированные агенты (ч. 1 ст. 298 УПК Швейцарии). Особенностью УПК Швейцарии является и то, что он содержит нормы, регламентирующие оперативно-разыскные мероприятия, среди которых можно выделить легендирование (ст. 288), предоставление денег (ст. 295), тайный розыск (глава 5а) и др.

Сопоставление швейцарского института привлечения лиц, содействующих в раскрытии и расследовании преступлений, и российского института иных участников уголовного судопроизводства позволяет выявить следующие различия.

Первое. Швейцарский уголовно-процессуальный закон содержит классификацию участников уголовного судопроизводства, но не основывает ее на уголовно-процессуальных функциях, как в российском законодательстве.

Второе. УПК Швейцарии выделяет иных участников уголовного

судопроизводства, оказывающих содействие в осуществлении уголовного судопроизводства, но, в отличие от уголовного процесса России, не упоминает о переводчике, специалисте и понятом как самостоятельных участниках уголовного судопроизводства, хотя относит к этой категории потерпевшего (жертву преступления), заявителя и лицо, являющееся источником сведений.

Третье. В то время как российский законодатель дифференцирует уголовно-процессуальную и оперативно-разыскную деятельность, швейцарский УПК их объединяет и рассматривает оперативно-разыскные мероприятия как следственные действия.

Четвертое. Швейцарский законодатель не разграничивает оперативную и процессуальную деятельность и содержит норму, раскрывающую категорию «законспирированный агент», в задачи которого входит оказание содействия органам расследования в раскрытии и расследовании преступления. Данный факт также дает основание отнести его к лицам, оказывающим содействие в осуществлении правосудия.

Проведенное исследование института содействия правосудию в романо-германской (континентальной) модели уголовного процесса на примере наиболее экономически развитых стран, имеющих богатую историю формирования и становления правового государства, позволило прийти к определенным выводам.

Так, уголовно-процессуальное законодательство рассмотренных стран не делит сведущих лиц на эксперта и специалиста, но вместе с тем в качестве самостоятельного участника процесса выделяется эксперт, в отличие от англо-американской модели уголовного процесса, в которой все участники являются свидетелями.

Существенным отличием проанализированных уголовно-процессуальных кодексов от российского является отказ от привлечения понятых в качестве лиц, оказывающих содействие. Институт понятых не нашел распространения ни в англо-американской модели уголовного процесса, ни в континентальной. Возможно, данный факт следует объяснить отсутствием необходимости

государства осуществлять контроль за властными субъектами уголовного судопроизводства, выполняющими следственные действия.

§ 3. Институт содействия отправлению правосудия в некоторых государствах постсоветского пространства

Прежде чем перейти к исследованию института содействия правосудию в уголовном процессе стран бывшего СССР, необходимо определиться с системой проводимого анализа. Предлагаем в качестве методологии использовать географическое положение союзных республик.

Республики, входившие в состав СССР, расположены в Закавказье (Азербайджанская ССР, Армянская ССР, Грузинская ССР), Средней Азии (Казахская ССР, Киргизская ССР, Таджикская ССР, Туркменская ССР, Узбекская ССР), Прибалтике (Латвийская ССР, Литовская ССР, Эстонская ССР), различных частях Европейского континента, кроме Прибалтики (Белорусская ССР, Молдавская ССР, Украинская ССР). Для удобства исследования нами будет рассмотрен институт содействия правосудию в современном уголовном процессе одной страны каждой территориальной группы.

Уголовный процесс в государствах Закавказья рассмотрим на примере современной Азербайджанской Республики (далее – АР).

Азербайджанский уголовный процесс относится к континентальной модели уголовного судопроизводства, имеет кодифицированные нормы права, в том числе и УПК 2000 г.[1]

---

[1] Об утверждении, вступлении в силу Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики и связанных с этим вопросах правового регулирования : закон Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ. Для проведения настоящего исследования мы воспользовались доступным русскоязычным источником (см.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Азербайджан [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 19.02.2023).

Лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия, законодатель АР называет «другими лицами», принимающими участие в уголовном процессе (гл. X УПК АР). К ним относятся: понятой (ст. 94), свидетель (ст. 95), специалист (ст. 96), эксперт (ст. 97), секретарь судебного заседания (ст. 98), переводчик (ст. 99).

Первым среди лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия, в УПК АР назван понятой. Функциональное предназначение азербайджанского понятого максимально схоже с российским: он привлекается для подтверждения проведения следственных действий, их содержания, хода и последствий и выявленных фактов. Вместе с тем следует отметить повышенные требования, предъявляемые к лицам, привлекаемым в качестве понятых. Так, не могут быть понятыми лица с физическими недостатками (зрения, слуха, речи) или страдающие психическими заболеваниями.

Представляется, что отражение в законе состояния физического и психического здоровья понятого является значимым фактором и оказывает существенное влияние на правоприменительную практику. Кроме того, полагаем необходимым обратить внимание на юридическую технику построения норм. В частности, законодатель, раскрывая процессуальный статус участника уголовного судопроизводства, помимо перечисления его прав в конце добавляет следующую фразу: «пользуется иными предусмотренными настоящим Кодексом правами». Представляется, что отечественному законодателю следовало бы позаимствовать опыт построения норм азербайджанскими коллегами, поскольку отсутствие этой фразы свидетельствует об исчерпанности изложенных в норме прав и обязанностей и зачастую вызывает у субъектов, вовлеченных в орбиту уголовного судопроизводства, заблуждение относительно своего правового статуса.

Традиционным участником уголовного судопроизводства, оказывающим содействие, является свидетель. По УПК АР свидетель – это лицо, которому известны какие-либо обстоятельства, имеющие значения для дела. Оно может быть вызвано и допрошено в качестве свидетеля стороной обвинения – во

время предварительного расследования или судебного разбирательства, и стороной защиты – во время судебного разбирательства (ст. 95.1). Отметим основные отличительные черты в правовом статусе свидетеля. К примеру, в то время как УПК РФ предусматривает целый перечень лиц, обладающих свидетельским иммунитетом (ч. 3 ст. 56), который периодически дополняется[1], УПК АР их не выделяет вовсе. Законодатель АР наделяет правом не давать показания только лиц, которые по малолетству либо в силу физических или психических недостатков не могут правильно воспринимать и излагать подлежащие расследованию обстоятельства (ст. 95.2.1).

В обязанности свидетеля по УПК АР вменено не выезжать на другую территорию без разрешения суда или без предварительного предупреждения о месте своего нахождения органа, осуществляющего уголовное преследование (ст. 95.4.7). Представляется, что это достаточно спорное ограничение ввиду того, что Конституция АР[2] в ч. III ст. 28 провозглашает право каждого, кто законно находится на территории АР, свободно передвигаться, выбирать место жительства и выезжать за ее пределы. В данном случае статус свидетеля автоматически ограничивает свободу передвижения и представляет своего рода неизбираемую меру пресечения.

Следующая отличительная особенность касается прав свидетеля. Среди «стандартного набора» прав выделим одно, неприемлемое для российского уголовного судопроизводства: свидетель имеет право лично записывать свои показания во время досудебного производства (ст. 95.6.7 УПК АР). Российский правоприменитель допускает собственноручную запись показаний очевидца в ходе дачи объяснения, но проводить допрос и записывать показания свидетеля – прерогатива лица, проводящего следственное действие.

---

[1] Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 130 дополнил указанный перечень уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, уполномоченным по правам человека в субъекте Российской Федерации (п. 8 ч. 3 ст. 56 УПК РФ).

[2] Конституция Азербайджанской Республики : принята путем всеобщего народного референдума 12 нояб. 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2618 (дата обращения: 19.02.2023).

Свидетель несет уголовную ответственность[1] за отказ от дачи показаний (ст. 298 УК АР) и за дачу заведомо ложных показаний (ст. 297 УК АР).

Лица, обладающие специальными знаниями (специалист, эксперт и переводчик), законодателем АР также отнесены к анализируемой группе участников.

В соответствии со ст. 96.1 УПК АР в качестве специалиста, обладающего специальными знаниями, может быть привлечен педагог, принимающий участие в допросе несовершеннолетнего потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого либо свидетеля. В УПК РФ отсутствует конкретизация о возможности привлечения педагога в качестве специалиста, что порождает неоднородность во взглядах отечественных процессуалистов о возможности отождествления специалиста и педагога[2].

Уголовный процесс АР не признает в качестве самостоятельного вида доказательств заключение и показание специалиста и не предупреждает последнего об уголовной ответственности за дачу ложных показаний (ст. 124 УПК АР).

Наряду со специалистом сторонам и суду может быть оказано содействие другим сведущим лицом – экспертом, заключение которого является доказательством по уголовному делу. Следует отметить, что стороны вправе предоставлять кандидатуру эксперта либо он может быть приглашен стороной защиты (ст. 97 УПК АР), а по российскому уголовно-процессуальному закону

---

[1] Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. Утв. Законом Азербайджанской Республики 30 дек. 1999 г. № 787-IQ [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=30420353#sub_id=2860000 (дата обращения: 19.02.2023).

[2] См., например: Багаутдинов Ф. Ювенальная юстиция начинается с предварительного следствия // Российская юстиция. 2002. № 9. С. 43–49 ; Макаренко И. А. Проблемы участия педагога и психолога в процессе расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних // Российский следователь. 2007. № 13. С. 5–7 ; Тетюев С. В. Процессуальные особенности допроса несовершеннолетнего обвиняемого. М. : Юрлитинформ, 2006 ; Марковичева Е. В. Процессуальное положение педагога в Российском уголовном судопроизводстве // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : матер. Всерос. конф. Орел, 2015. С. 260–261 ; Семенов Е. А. Правовое положение некоторых не указанных в гл. 5–8 УПК РФ субъектов уголовного судопроизводства России // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. С. 342.

сторона защиты имеет право лишь ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении (п. 3 ч. 1 ст. 198 УПК РФ).

Заключение эксперта может быть дано как в письменном, так и в устном виде. Кроме того, закон предусматривает десятидневный период для ознакомления подозреваемого и обвиняемого с заключением эксперта с момента поступления его следователю (ст. 268.1.7 УПК АР). В целом порядок назначения и производства экспертизы в АР[1]схож с их порядком в российском судопроизводстве, производство же самой экспертизы допускается до принятия решения о возбуждении уголовного дела наряду с производством осмотра места происшествия, другие следственные действия недопустимы.

Содействие судебным органам в производстве заседания оказывает секретарь судебного заседания. Им является работник суда, который не имеет личной заинтересованности в уголовном процессе и назначен для ведения протокола судебного заседания (ст. 98 УПК АР). В отличие от уголовно-процессуального законодательства России, азербайджанский законодатель относит его к самостоятельному участнику уголовного судопроизводства и размещает в числе участников, выполняющих вспомогательные функции. В теории уголовного процесса России неоднократно высказывалось мнение о необходимости законодательного закрепления секретаря судебного заседания как самостоятельного участника уголовного судопроизводства, оказывающего содействие правосудию, и отражении его статуса в гл. 8 УПК РФ[2].

Основные обязанности секретаря по УПК АР: полно и правильно записывать в протоколе судебного заседания ход судопроизводства,

---

[1] О деятельности государственной судебной экспертизы : закон Азербайджанской Республики от 18 нояб. 1999 г. № 758-IГ [Электронный ресурс]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2704 (дата обращения: 19.02.2023).

[2] Рахунов Р. Д. Указ. соч. ; Васяев А. А. К вопросу о статусе секретаря судебного заседания // Администратор суда. 2007. № 4. С. 47 ; Волобуева Е. А. К вопросу о процессуальном статусе секретаря судебного заседания и помощника судьи как участников уголовного судопроизводства // Вестник СамГУ. 2010. № 3 (77). С. 235 ; Латыпов В. С. Секретарь судебного заседания как иной участник уголовного судопроизводства // Вестник Калининградск. филиала Санкт-Петербургск. ун-та МВД России. 2014. № 2 (36). С. 132–135 и др.

постановления суда, ходатайства, отводы, показания, объяснения участвующих в судебном заседании лиц, а также иные обстоятельства, подлежащие указанию в протоколе судебного заседания; подготовка и подписание протокола судебного заседания в трехдневный срок; подчиняться указаниям председательствующего в судебном заседании и др. Секретарь судебного заседания несет личную ответственность за полноту и достоверность протокола судебного заседания и не зависит ни от чьих указаний относительно содержания записей в протоколе (ст. 98.3).

Если закон предусматривает обязанность лиц, проводящих расследование, разъяснять понятому, свидетелю, переводчику, специалисту, эксперту их права и обязанности до начала производимого с их участием следственного или иного процессуального действия, а эксперту его права и обязанности могут быть разъяснены и руководителем экспертного учреждения, то в случае с секретарем судебного заседания это правило не сохраняется. Дело в том, что УПК АР в ст. 120.7 предусмотрен перечень лиц, которым могут не разъясняться их права и обязанности. В этот перечень входят прокурор, защитник, иное лицо, имеющее высшее юридическое образование и представляющее сторону обвинения или защиты, а также секретарь судебного заседания, обладающий соответствующим опытом работы.

Замыкает группу участников уголовного судопроизводства, оказывающих вспомогательные функции в осуществлении уголовного судопроизводства, переводчик. Переводчиком является лицо, которое не имеет личной заинтересованности в уголовном процессе и с его согласия назначено органом, осуществляющим уголовный процесс, для перевода материалов производства, а также всех разговоров в ходе судебного заседания и во время производства следственных или иных процессуальных действий (ст. 99.1 УПК АР). Как и в случае с экспертом, стороны наделены правом предлагать кандидатуры для их последующего участия в качестве переводчика.

Закон допускает оговорку, что судья, прокурор, следователь, дознаватель, защитник, представитель и другие участники процесса, понятые, секретарь

судебного заседания, эксперт и свидетель, даже владеющие языком, с которого делается перевод, не должны брать на себя обязанность переводчика (ст. 99.2 УПК АР).

Языком уголовного судопроизводства является государственный язык АР или язык населения, составляющего большинство на соответствующей территории АР (ст. 26.1 УПК АР). За участниками уголовного судопроизводства признается право на использование родного языка и получение в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства бесплатной помощи переводчика за счет средств государственного бюджета АР (ст. 26.2.1–26.2.2 УПК АР).

Азербайджанский законодатель переводчиком признает также лицо, понимающее знаки общения немых и глухих, способного общаться с ними с помощью таких знаков (ст. 99.3 УПК АР). Бремя определения компетентности переводчика УПК РФ возлагает на лиц, его привлекающих, не раскрывая дополнительно критерии самой компетентности. Органу, осуществляющему уголовный процесс, переводчик обязан представить документ, удостоверяющий владение им языком, с которого делается перевод (ст. 99.4.2 УПК АР). На первый взгляд, данный подход достаточно логичен и позволяет правоприменителям привлекать действительно компетентных специалистов в области языка, с другой стороны, он лишен практичности. В мире существует достаточно большое количество языковых семей и уникальных наречий, самобытных и не похожих друг на друга. Возникают ситуации, когда необходимо найти лицо, владеющее редким наречием[1], и далеко не всегда, найдя его, следователь может получить документ, удостоверяющий такие знания и умения.

Переводчик должен быть предупрежден об уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод (ст. 297 УПК АР).

Территория Средней Азии в нашем исследовании представлена

[1] Например, жители соседних аулов на Северном Кавказе говорят на разных наречиях одного языка и плохо понимают друг друга. По некоторым данным, в регионе проживают от 50 до 62 этнических групп.

прогрессивно развивающимся уголовно-процессуальным законодательством Республики Казахстан (далее – РК). Источником уголовного процесса в этой стране являются Конституция РК и УПК РК[1].

Интересующие нас участники уголовного судопроизводства, оказывающие содействие в отправлении правосудия, перечислены в гл. 10 УПК РК «Иные лица, участвующие в уголовном процессе». Субъектный состав указанных лиц представлен в «расширенном» виде. Так, к иным лицам казахстанский законодатель относит: свидетеля (ст. 78), эксперта (ст. 79), специалиста (ст. 80), переводчика (ст. 81), понятого (ст. 82), секретаря судебного заседания (ст. 83), судебного пристава (ст. 84) и медиатора (ст. 85).

Как и в процессуальном законодательстве большинства стран, в УПК РК в качестве лица, оказывающего помощь в отправлении правосудия, в первую очередь назван свидетель. Под свидетелем понимается лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для дела.

Отметим, что юридическая техника построения норм УПК РК соответствует российской. Статья, раскрывающая правовой статус свидетеля, предусматривает его права, обязанности, ответственность, а также перечень лиц, которые не подлежат допросу в качестве свидетеля.

Анализ указанной нормы позволяет выделить отличительные признаки, присущие уголовно-процессуальному статусу свидетеля по УПК РК. Так, наряду с «традиционными» лицами, не подлежащими привлечению в качестве свидетеля (судья, присяжный заседатель, священнослужитель), казахстанский законодатель выделяет лицо, которое в силу своего малолетнего возраста либо психических или физических недостатков не способно правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания (п. 5 ч. 2 ст. 78); медиатора – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с проведением медиации, за исключением случаев, предусмотренных законом (п. 6 ч. 2 ст. 78); участника национального превентивного механизма – об

[1] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 19.02.2023).

обстоятельствах, ставших известными ему в связи с осуществлением своей деятельности, за исключением случаев, представляющих угрозу национальной безопасности (п. 6 ч. 2 ст. 78). Пункт 5 ч. 2 ст. 78 УПК РК схож с нормой ст. 95.2.1 УПК АР, он также предусматривает данную категорию участников. Считаем, что указанная позиция, применяемая зарубежным законодателем, может быть заимствована и УПК РФ. Действительно, наличие определенных физических или психических недостатков может воспрепятствовать правильному восприятию и изложению подлежащих расследованию обстоятельств.

Перечень предусмотренных УПК РК прав свидетелей в основном схож с российским. В то же время в положительном ключе следует отметить наличие у свидетеля права «собственноручной записи показаний в протоколе допроса», предусмотренного п. 5 ч. 3 ст. 78. Эта статья примечательна еще и тем, что содержит определение понятия «свидетель, имеющий право на защиту», под которым понимается лицо, указанное в заявлении и сообщении об уголовном правонарушении как его совершившее, либо против него дает показания свидетель, участвующий в уголовном процессе, но к данному лицу не применено процессуальное задержание либо не вынесено постановление о признании его подозреваемым.

К лицам, оказывающим содействие в осуществлении уголовного судопроизводства, УПК РК относит эксперта (ст. 79). В качестве эксперта могут быть вызваны лица, незаинтересованные в исходе дела, обладающие специальными научными знаниями. Производство судебной экспертизы может быть поручено сотрудникам органов судебной экспертизы; лицам, занимающимся судебно-экспертной деятельностью на основании лицензии; разово – иным лицам в порядке и на условиях, предусмотренных законом (ст. 273 УПК РК). Следует отметить, что производство экспертизы может быть поручено лицу из числа предложенных участниками процесса кандидатур.

Таким образом, по УПК РК эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями, перечень присущих ему прав и обязанностей схож с

закрепленными за экспертом в российском уголовно-процессуальном законодательстве правами и обязанностями.

В качестве привлекающей внимание особенности следует отметить ч. 7 ст. 79 УПК РК. В данной норме содержится важное дополнение, заключающееся в том, что эксперт, являющийся сотрудником органов судебной экспертизы, считается по роду своей деятельности ознакомленным со своими правами и обязанностями и предупрежденным об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Эта норма снимает с лица или органа, назначающего экспертизу, обязанность по предупреждению эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения (ст. 420 УК РК).

Закон предусматривает условия отвода эксперта: 1) принимал участие по данному уголовному делу в качестве следственного судьи; 2) является по данному делу потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, вызывался либо может быть вызван в качестве свидетеля; 3) участвовал в производстве по данному уголовному делу в качестве специалиста, переводчика, понятого, секретаря судебного заседания, дознавателя, следователя, прокурора, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика; 4) является родственником потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей, родственником подозреваемого, обвиняемого или его законного представителя, родственником прокурора, защитника, следователя или дознавателя либо свойственником кого-либо из участников процесса; 5) имеются иные обстоятельства, дающие основание считать, что эксперт лично прямо или косвенно заинтересован в данном деле; 6) находился или находится в служебной или иной зависимости от дознавателя, следователя, прокурора, судьи, подозреваемого, обвиняемого, их защитников, законных представителей, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или представителей; 7) проводил ревизию или другие проверочные действия, результаты которых

послужили основаниями для начала уголовного преследования; 8) в случае его некомпетентности; 9) привлекался для производства по данному уголовному делу в качестве специалиста, за исключением случаев участия врача – специалиста в области судебной медицины в осмотре трупа человека. В отличие от казахстанского законодательства, УПК РФ допускает участие эксперта в уголовном судопроизводстве, даже если он привлекался в процессе в качестве специалиста.

Отметим, что закон предусматривает обстоятельства, для установления которых экспертиза проводится в обязательном порядке. К таким обстоятельствам относят необходимость установления: 1) причины смерти; 2) характера и степени тяжести причиненного вреда здоровью; 3) возраста подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для дела, а документы о возрасте отсутствуют или вызывают сомнение; 4) психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда возникают сомнения по поводу их вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном процессе; 5) психического или физического состояния потерпевшего, свидетеля в случаях, когда возникают сомнения по поводу их способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания; 6) иные обстоятельства дела, которые не могут быть достоверно установлены другими доказательствами.

Следующим участником, обладающим необходимыми в уголовном судопроизводстве специальными знаниями, является специалист (ст. 80 УПК РК).

В качестве специалиста привлекается незаинтересованное лицо, обладающее специальными знаниями, необходимыми для оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств путем разъяснения участникам уголовного процесса вопросов, входящих в его специальную компетенцию, а также применения научно-технических средств. В то время как в российской теории уголовного процесса ведутся оживленные дискуссии о

возможности отождествления со специалистом врача, педагога, психолога, а УПК АР уравнял со специалистом лишь педагога (ст. 96.1 УПК АР), казахстанский законодатель закрепил, что специалистами являются также «педагог, психолог, участвующие в следственных и иных процессуальных действиях с участием несовершеннолетнего, а равно врач, участвующий в следственных и иных процессуальных действиях, за исключением случаев назначения его экспертом» (ч. 1 ст. 80 УПК РК).

Следующей отличительной особенностью в определении процессуального статуса специалиста является закрепление в ч. 2 ст. 80 УПК РК положения о том, что в качестве специалиста для проведения исследования и дачи заключения может быть привлечен сотрудник уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа РК.

В соответствии с ч. 4 ст. 80 УПК РК специалист не вправе: 1) вести переговоры с участниками процесса по вопросам, связанным с проведением исследования, без ведома органа, ведущего уголовный процесс; 2) самостоятельно собирать материалы исследования. Однако данные ограничения не распространяются на специалиста, являющегося сотрудником уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа РК, что свидетельствует о его самостоятельности. Более того, подобное привилегированное положение позволяет выделить данного участника как самостоятельного субъекта уголовного судопроизводства, обладающего специальными знаниями и оказывающего содействие в осуществлении уголовного судопроизводства наряду с экспертом, специалистом и переводчиком.

Еще одно существенное отличие от российского процессуального законодательства заключается в том, что специалист несет ответственность за отказ или уклонение от выполнения своих обязанностей без уважительных причин. За это на специалиста может быть наложено денежное взыскание в порядке, установленном ст. 159, 160 УПК РК, а в случае заведомо ложного

заключения специалист несет уголовную ответственность, установленную ст. 420 УК РК.

Наличие у специалиста предусмотренной УК РК уголовной ответственности позволяет предположить, что показания его признаются одним из видов доказательств в процессе осуществления уголовного судопроизводства.

Проведенный анализ уголовно-процессуального законодательства РК позволил определить, что доказательствами по уголовному делу являются законно полученные фактические данные, на основании которых в определенном УПК РК порядке орган дознания, дознаватель, следователь, прокурор, суд устанавливают наличие или отсутствие деяния, предусмотренного УК РК, совершение или несовершение этого деяния подозреваемым, обвиняемым или подсудимым, его виновность либо невиновность, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. В свою очередь, фактические данные, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела, устанавливаются: показаниями подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, свидетеля, имеющего право на защиту, эксперта, специалиста; заключением эксперта, специалиста; вещественными доказательствами; протоколами процессуальных действий и иными документами (ст. 111 УПК РК). Следовательно, показания и заключение специалиста, как и в российском уголовном процессе, казахстанский законодатель признает самостоятельным видом доказательства. Более того, закон содержит норму, выгодно отличающую УПК РК от УПК РФ, которая устанавливает порядок допроса специалиста (ст. 285). Следует отметить, что данная норма также определяет порядок допроса эксперта.

Показания специалиста можно получить лишь после того как он даст заключение и только в целях его разъяснения или уточнения. Заключение специалиста представляет собой подписанный от его имени, оформленный в соответствии с требованиями закона и представленный в письменном виде официальный документ, отражающий содержание исследования и выводы по

вопросам, поставленным перед специалистом лицом, ведущим расследование, или сторонами.

Рассмотрим процессуальный статус переводчика, который, как и перечисленные нами участники, содействует осуществлению уголовного судопроизводства, но путем применения своих специальных знаний в области языка.

Следует сразу отметить, что языком уголовного судопроизводства по УПК РК является казахский язык, но кроме него официально в судопроизводстве используется русский, а при необходимости и другие языки (ст. 30 УПК РК). При необходимости ведения дела на русском или других языках выносится мотивированное постановление об изменении языка судопроизводства. В качестве переводчика вызывается незаинтересованное лицо, владеющее языком, знание которого необходимо для перевода речи или документов (ч. 1 ст. 81 УПК РК).

Процессуальное положение переводчика по УПК РК схоже с положением переводчика по российскому уголовно-процессуальному законодательству (ст. 59 УПК РФ). Однако в то время как УПК РФ оперирует категориями «вправе» и «не вправе», УПК РК отражает обязанности переводчика, к которым относит: 1) необходимость являться по вызову органа, ведущего уголовный процесс; 2) выполнять точно и полно порученный ему перевод; 3) удостоверять правильность перевода своей подписью в протоколе следственного действия, произведенного с его участием, а также в процессуальных документах, вручаемых участникам процесса в переводе на их родной язык или язык, которым они владеют; 4) не разглашать сведения об обстоятельствах дела или иные данные, ставшие ему известными в связи с привлечением в качестве переводчика; 5) соблюдать порядок при производстве следственных действий и во время судебного заседания.

Следует отметить, что данный вариант построения нормы более приемлем, поскольку четко определяет обязанности участника, за несоблюдение которых он несет ответственность.

Однако, как и российский закон, казахстанский УПК не содержит порядка и процедуры определения компетентности переводчика и оставляет это на усмотрение должностного лица или органа, его привлекшего. Отметим, что основанием для отвода переводчика может стать установление факта его некомпетентности (ст. 92 УПК РК).

Заслуживает внимания и то, что статья, регламентирующая процессуальный статус переводчика, содержит оговорку о том, что «правила настоящей статьи распространяются на лицо, понимающее знаки немого или глухого и приглашенное для участия в производстве по делу» (ч. 6 ст. 81 УПК РК). Следует полагать, что законодатель таким образом показал, что к переводчикам относится и сурдопереводчик, что вполне разумно. Подобная предусмотрено и в УПК АР (ст. 99.3).

Процессуальное законодательство Республики Казахстан в качестве лица, оказывающего содействие в осуществлении уголовного судопроизводства, выделяет понятого (ст. 82 УПК РК). Институт понятых в процессуальном законодательстве РК представляет интерес для теории уголовного процесса России, поскольку содержит нормы, отсутствующие в УПК РФ.

Под понятым по УПК РК следует понимать лицо, привлеченное органом уголовного расследования для удостоверения факта производства следственного действия, его хода и результатов. Обращает на себя внимание тот факт, что понятыми могут быть не только незаинтересованные в деле физические лица, но и независимые от органов уголовного преследования совершеннолетние граждане. Следует согласиться с С. А. Рогановым и Т. Л. Рогановой, которые полагают, что «недопустимо использовать как синонимические термины "незаинтересованные" и "независимые". Незаинтересованность означает «не преследующий выгоду», а не зависимость можно рассматривать как «не находящийся в подчинении». Полагаем, эти два понятия синхронно дополняют друг друга»[1].

[1] Роганов С. А., Роганова Т. Л. Институт понятых в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы

УПК РК предъявляет к понятым такое требование, как способность полно и правильно воспринимать происходящие в их присутствии действия. Однако представляется, что понятие «полно и правильно» является оценочной категорией и может ввести в заблуждение как правоприменителей, так и лиц, осуществляющих содействие.

В качестве прогрессивной нормы, представляющей интерес для российского законодателя и для правоприменителей, является институт отвода понятых, который отсутствует в уголовно-процессуальном законодательстве России. Так, по УПК РК отводу подлежат следующие лица, привлекаемые в качестве понятых: принимал участие по данному уголовному делу в качестве следственного судьи, рассматривал жалобы, протесты на постановления следственного судьи; участвовал в производстве по данному уголовному делу в качестве эксперта, специалиста, переводчика, понятого, секретаря судебного заседания, дознавателя, следователя, прокурора, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика; является родственником потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей, родственником подозреваемого, обвиняемого или его законного представителя, родственником прокурора, защитника, следователя или дознавателя либо свойственником кого-либо из участников процесса. Понятой не может участвовать в досудебном расследовании, если он лично или по службе зависит от органа, ведущего уголовный процесс. Не могут участвовать в качестве понятых сотрудники правоохранительных органов, судов, учащиеся специальных юридических учебных заведений, осужденные, находящиеся под пробационным контролем[1], и лица, привлекаемые к

развития :матер. Всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 24 нояб. 2017 г. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургск. ун-та МВД России, 2017. С. 231–232.

[1] Пробация – система видов деятельности и индивидуально определяемых мер контрольного и социально-правового характера, направленных на коррекцию поведения лиц, категории которых определены законом, для предупреждения совершения ими уголовных правонарушений (см.: О пробации : закон Республики Казахстан от 30 дек. 2016 г. № 38–VI [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36232217 (дата обращения: 19.02.2023).

уголовной ответственности по другим уголовным делам.

Ответственность понятого наступает за отказ или уклонение от явки или выполнения своих обязанностей без уважительных причин.

Закон предусматривает перечень следственных действий, при производстве которых участие понятых обязательно: осмотр жилого помещения (ч. 13, 14 ст. 220 УПК РК), обыск (ст. 252 УПК РК), личный обыск (ст. 255 УПК РК), за исключением случаев, когда обыск производится при задержании лица или заключении его под стражу. В этом случае личный обыск может быть произведен в отсутствии понятых.

Не меньший интерес для российских ученых-процессуалистов представляет процессуальный статус секретаря судебного заседания (ст. 83 УПК РК), который не рассматривается в отечественном законодательстве как самостоятельный участник уголовного судопроизводства. Под секретарем судебного заседания в соответствии с ч. 1 ст. 83 УПК РК понимается незаинтересованный в уголовном деле государственный служащий, который ведет протокол заседания суда, а также обеспечивает аудио- или видеофиксацию судебного заседания.

Закон содержит перечень обязанностей секретаря судебного заседания: 1) находиться в зале судебного заседания все время, пока необходимо вести протоколирование, и не покидать заседание суда без разрешения председательствующего; 2) полно и правильно излагать в протоколе действия и решения суда, ходатайства, возражения, показания, объяснения всех лиц, участвующих в заседании, а также другие обстоятельства, подлежащие отражению в протоколе заседания суда; 3) изготавливать протокол заседания суда в срок, установленный УПК РК; 4) подчиняться законным распоряжениям председательствующего; 5) не разглашать сведения об обстоятельствах, ставших известными в связи с его участием в закрытом судебном заседании. Кроме того, предусмотрена ответственность секретаря за внесение в протокол судебного заседания недостоверных либо не соответствующих действительности сведений (ч. 4 ст. 83 УПК РК).

Секретарь судебного заседания подлежит отводу, если принимал участие по данному уголовного делу в качестве следственного судьи, рассматривал жалобы, протесты на постановления следственного судьи; является по данному делу потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, вызывался либо может быть вызван в качестве свидетеля; участвовал в производстве по данному уголовному делу в качестве эксперта, специалиста, переводчика, понятого, дознавателя, следователя, прокурора, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика; является родственником потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей, родственником подозреваемого, обвиняемого или его законного представителя, родственником прокурора, защитника, следователя или дознавателя либо свойственником кого-либо из участников процесса; если обнаружилась его некомпетентность. Следует отметить, что в соответствии с процессуальным законодательством РК предыдущее участие лица в качестве секретаря судебного заседания не является обстоятельством, исключающим его дальнейшее участие в заседаниях суда в аналогичном качестве. Вопрос об отводе секретаря судебного заседания решает суд, рассматривающий дело.

К иным лицам, оказывающим содействие в обеспечении установленного порядка деятельности судов, казахстанский законодатель относит и судебного пристава (ст. 84 УПК РК). Следует отметить, что в качестве участника его не выделяет ни один известный нам процессуальный закон, что свидетельствует о прогрессивности УПК РК.

Анализ ст. 84 УПК РК показал, что закон раскрывает лишь обязанности судебного пристава, заключающиеся в поддержании порядка в зале во время судебного разбирательства; выполнении распоряжения председательствующего и осуществлении охраны судей, свидетелей и других участников процесса; ограждении их от постороннего воздействия; содействии проведению судом процессуальных действий; осуществлении привода лиц, уклоняющихся от явки в суд; осуществлении других полномочий, возложенных на него законом.

Думается, что следует детализировать статус этого участника процесса, отразив его права, ответственность, чего требует и общая теория уголовного процесса.

Считаем, что отнесение судебного пристава к участникам уголовного судопроизводства является спорным. Несмотря на то что он действительно оказывает содействие в осуществлении правосудия, содействие это все-таки больше техническое, нежели процессуальное.

О современности УПК РК свидетельствует присутствие среди лиц, оказывающих содействие в осуществлении уголовного судопроизводства, такого участника, как медиатор[1] (ст. 85 УПК РК).

Казахстанский УПК наделяет медиатора следующими правами: 1) ознакомляться с информацией, предоставляемой сторонам медиации органом, ведущим уголовный процесс; 2) ознакомляться с данными об участниках уголовного процесса – сторонах медиации; 3) встречаться с участниками уголовного процесса – сторонами медиации – наедине и конфиденциально, без ограничения количества и продолжительности встреч; 4) содействовать сторонам в заключении соглашения о достижении примирения в порядке медиации; 5) с согласия сторон осуществлять процедуру медиации с момента регистрации заявления и сообщения об уголовном правонарушении и на последующих стадиях уголовного процесса до вступления приговора в законную силу.

В соответствии с ч. 3 ст. 85 УПК РК медиатор обязан: 1) при проведении медиации действовать только с согласия сторон медиации; 2) до начала медиации разъяснить сторонам медиации ее цели, а также их права и обязанности; 3) не разглашать сведения, ставшие ему известными в связи с проведением процедуры медиации.

Проблема медиации в современном российском уголовном судопроизводстве заключается в первую очередь в определении того, что

[1] Медиация в праве – одна из технологий альтернативного урегулирования споров (англ. alternative dispute resolution, ADR) с участием третьей, нейтральной, беспристрастной, незаинтересованной в данном конфликте стороны – медиатора, который помогает сторонам выработать определенное соглашение по спору, при этом стороны полностью контролируют процесс принятия решения по урегулированию спора и условия его разрешения.

представляет собой эта процедура в уголовно-процессуальной деятельности. Действующий УПК РФ не регулирует процедуру переговоров сторон с целью достижения примирения, оставляя поиск компромисса на усмотрение обвиняемого и потерпевшего.

Существующие исследования института медиации в уголовном судопроизводстве России свидетельствуют об актуальности и перспективности данной темы, однако думается, что в настоящее время необходимо дополнительно изучить институт медиации с учетом передового опыта зарубежных стран, в том числе бывших союзных республик.

В целом, отмечая общую схожесть в конструкции построения норм, регламентирующих процессуальный статус лиц, оказывающих содействие правосудию, следует выделить отдельные моменты, заимствование которых российским законодателем позволит качественно преобразить возможность привлечения и участия данной категории лиц. К таковым следует отнести фразу «пользуется иными предусмотренными настоящим Кодексом правами», позволяющую более расширенно толковать статус того или иного лица, привлеченного в уголовное судопроизводство. Наличие данной фразы в российском УПК позволит обратить внимание как правоприменителей, так и лиц, являющихся участниками уголовного процесса, на то, что помимо перечисленных в данной норме прав они обладают и другими (расположенными в иных нормах) процессуальными правами. На наш взгляд, это будет способствовать сокращению непроизвольного нарушения прав и свобод участников процесса следователями и дознавателями, имеющими небольшой опыт работы.

Следующим положительным решением в уголовном процессе анализируемых государств, на наш взгляд, является отнесение секретаря судебного заседания к самостоятельным участникам уголовного судопроизводства, оказывающим содействие правосудию (ст. 98 УПК АР и ст. 83 УПК РК). Считаем возможным заимствовать опыт данных государств и отнести секретаря судебного заседания к самостоятельным участникам

уголовного процесса.

Достаточно прогрессивным представляется отнесение к лицам, оказывающим содействие правосудию, медиатора (ст. 85 УПК РК). Возможность примирения сторон путем вовлечения третьего лица является традиционной в решениях трудовых, гражданских или арбитражных споров в действующем законодательстве Российской Федерации, но в уголовном процессе этот институт не применяется. Полагаем, что привлечение медиатора по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести в отношении несовершеннолетних имеет огромный правовой потенциал для российского правосудия.

Институт содействия в уголовном процессе независимых государств, некогда входивших в состав СССР, расположенных в разных частях Европейского континента (кроме Прибалтики), рассмотрим на примере Республики Беларусь (далее – РБ). В 2019 г. отмечалось 20-летие подписания Договора о создании Союзного государства между Российской Федерацией и Республикой Беларусь[1], что подчеркивает направленность на создание единого политического, экономического, военного, таможенного, в том числе юридического, пространства.

Уголовный процесс РБ относится к смешанному (континентальному) историческому типу, по своей структуре и источникам уголовно-процессуального законодательства схож с уголовным процессом Российской Федерации, что позволяет проводить сравнение без оговорок на специфику построения правовых норм.

Источником уголовного процесса в РБ является Конституция РБ, законы, принятые Национальным Собранием РБ, УПК РБ[2], ратифицированные международные договоры. Как и в Российской Федерации, правосудие в РБ не

---

[1] См.: О создании Союзного государства : договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 8 дек. 1999 г. // Собрание законодательства РФ. 2000. № 7, ст. 786.

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958#pos=175;-62 (дата обращения: 19.02.2023).

полагается на прецедентное право и судебный прецедент.

УПК РБ имеет привычную для российского правоприменителя классификацию участников уголовного судопроизводства в зависимости от выполняемых ими функций. Закон предусматривает осуществление уголовного судопроизводства на основе равенства и состязательности сторон обвинения и защиты. Функции обвинения, защиты и правосудия отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо (ст. 24 УПК РБ). Примечательно, что в виде самостоятельной нормы закреплена обязанность осуществления прокурорского надзора за соблюдением законности в принимаемых процессуальных решениях на всех стадиях уголовного процесса (ст. 25 УПК РБ). Подобная норма отсутствует в уголовном процессе России. В обязанности прокурора входит надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия (ст. 37 УПК РФ).

Система участников уголовного судопроизводства представлена в отдельном разделе УПК РБ. Она включает:

1) суд (гл. 4), в обязанности которого входит осуществление правосудия по уголовным делам и обеспечение их правильного и законного разрешения. Решения принимаются единолично и коллегиально (ст. 31, 32);

2) государственные органы и должностные лица, осуществляющие уголовное преследование (гл. 5). Полагаем, что законодатель избрал удачное наименование главы, поскольку оно полностью отражает деятельность, выполняемую перечисленными в ней участниками, к которым отнесены: прокурор (ст. 34), начальник следственного подразделения (ст. 35), следователь (ст. 36), органы дознания (ст. 37), начальник органа дознания (ст. 38), лицо, производящее дознание (ст. 39). Следует отметить, что при таком подходе не возникает сложностей в определении процессуальных задач, стоящих перед указанными лицами, в отличие от УПК РФ, в котором эти же участники перечислены в гл. 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения», что предполагает изначально обвинительный уклон в проводимом

расследовании;

3) участники уголовного процесса, защищающие свои или представляемые права и интересы (гл. 6). К данной категории лиц белорусский законодатель относит: подозреваемого (ст. 40), обвиняемого (ст. 42), защитника (ст. 44), потерпевшего (ст. 49), частного обвинителя (ст. 51), гражданского истца (ст. 52), гражданского ответчика (ст. 54), законных представителей подозреваемого, обвиняемого, лица, совершившего общественно опасное деяние, потерпевшего, гражданского истца (ст. 56), представителя умершего подозреваемого, обвиняемого, лица, подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого (ст. 57.1), представителей потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика (ст. 58). Из перечисленных участников уголовного судопроизводства лица, представляющие интересы умершего подозреваемого, обвиняемого, а также лица, подлежавшего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого, вызывают научный интерес и заслуживают самостоятельного исследования. Как видим, белорусский законодатель, не группируя участников уголовного процесса по сторонам, получил возможность объединить в одной главе потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого), что свидетельствует о совершенно ином подходе к классификации субъектного состава уголовного судопроизводства;

4) иные участники уголовного процесса (гл. 7). Как и УПК РФ, УПК РБ относит к иным участникам «классический состав» лиц, оказывающих содействие правосудию, с небольшим исключением: свидетель (ст. 60), адвокат свидетеля (ст. 60.1), эксперт (ст. 61), специалист (ст. 62), переводчик (ст. 63), понятой (ст. 64). Исключение, о котором сказано, составляет адвокат свидетеля, не знакомый российскому правоприменителю участник уголовного судопроизводства.

Отразим наиболее значимые, на наш взгляд, особенности вовлечения и участия лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, в уголовном процессе РБ. Следует отметить, что, как и уголовный процесс России, белорусский уголовный процесс не предусматривает самостоятельную

функцию содействия правосудию. Состязательность сторон представлена классической трехзвеньевой системой функций обвинения, защиты и осуществления правосудия (ст. 24 УПК РБ). Между тем при раскрытии правового статуса отдельных процессуальных фигур законодатель нередко прибегает к понятию «оказание содействия». Например, в соответствии с ч. 1 ст. 62 УПК РБ специалист вызывается для участия и оказания содействия в производстве следственных и других процессуальных действий.

Лицом, оказывающим содействие правосудию, является свидетель, под которым УПК РБ понимает лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства расследуемого уголовного дела, вызванное для дачи показаний (ч. 1 ст. 61). Обращает на себя внимание перечень лиц, которые не подлежат допросу в качестве свидетеля: подозреваемый (п. 1 ч. 2 ст. 60 УПК РБ); лица, которые в силу своего возраста либо физических и психических недостатков не в состоянии воспринимать должным образом обстоятельства дела, подлежащие доказыванию (для установления указанных недостатков назначается и проводится амбулаторная экспертиза (п. 2 ч. 2 ст. 60 УПК РБ); лица, которые принимали участие в производстве по делу в качестве лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого, гражданского истца, гражданского ответчика, адвоката свидетеля (п. 4 ч. 2 ст. 60 УПК РБ). Позволим себе отметить, что участие законных представителей участников уголовного судопроизводства в уголовном деле не исключает возможности производства их допроса в качестве свидетелей. В перечень лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетеля, входит так же врач (об обстоятельствах, ставших ему известными в процессе исполнения профессиональных обязанностей, без согласия лица, обратившегося за его помощью (п. 7 ч. 2 ст. 60 УПК РБ) и лица, оказывающие содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему оперативно-разыскные мероприятия, без согласия данного органа (п. 8 ч. 2 ст. 60 УПК РБ).

Таким образом, перечень лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетелей, отличается от российского. В нем отсутствуют должностные лица

налогового органа, суда, лица, осуществляющие депутатскую деятельность.

Процессуальные права свидетеля в основном аналогичны правам этого участника, предусмотренным УПК РФ. Отличие заключается в том, что право свидетеля на возмещение расходов, понесенных при производстве по уголовному делу, и вреда, причиненного действиями органа, ведущего уголовный процесс, закреплено в статье, раскрывающей правовой статус этого участника, а не в другой части Кодекса, при раскрытии совершенно другого уголовно-процессуального института, как это имеет место в УПК РФ. Полагаем, что логически верным будет пойти по пути белорусского законодателя.

Порядок вызова на допрос и производства допроса свидетеля, в том числе несовершеннолетнего, идентичен российским правилам, но следует отметить, что белорусским законодателем не установлена продолжительность допроса несовершеннолетних свидетелей, как это предусмотрено ч. 1 ст. 191 УПК РФ.

Отдельного внимания заслуживает получивший самостоятельный статус в уголовном процессе РБ такой участник уголовного судопроизводства, как адвокат свидетеля. Следует отметить, что и в российском уголовном процессе свидетель имеет право привлекать собственного защитника (п. 6 ч. 4 ст. 56 УПК РФ), но, в отличие от УПК РБ, в УПК РФ ему не отведено отдельной нормы, следовательно, не выделен он и в качестве самостоятельного участника процесса.

Адвокат свидетеля принимает участие в процессе при отсутствии обстоятельств, исключающих его участие. Он наделен полномочиями, аналогичными полномочиям защитника, закрепленным в ч. 2 ст. 53 УПК РФ. Любопытно, что если к назначенному времени производства следственных действий свидетель прибудет без своего адвоката, то данный факт не будет являться препятствием для производства следственного действия (ч. 2 ст. 60.1 УПК РБ).

В обязанности адвоката свидетеля входит обязанность предъявить удостоверение и ордер адвоката, подчиняться законным распоряжениям органа,

ведущего расследование. Предусмотрена ответственность адвоката свидетеля – за разглашение данных предварительного расследования или закрытого судебного заседания.

Правовой статус понятого как участника уголовного судопроизводства, оказывающего содействие правосудию, закреплен в ст. 64 УПК РБ. В соответствии со ст. 202 УПК РБ, регламентирующей участие понятых, в случаях, предусмотренных законодательством, понятых должно быть не менее двух. В исключительных случаях вместо понятых может быть сделана звуко- и видеозапись следственного действия.

В качестве понятых привлекаются незаинтересованные в исходе дела совершеннолетние лица. Они удостоверяют факт и ход проводимого следственного действия.

В ч. 2 ст. 64 УПК РБ закреплен перечень прав понятого, который в целом схож с перечнем прав понятого, предусмотренным ст. 60 УПК РФ, за исключением следующего: знать, в проведении какого следственного действия он участвует, кто руководит и кто участвует в его производстве; подписывать протокол следственного действия лишь в той части, которая отражает воспринятые им лично обстоятельства; получать возмещение понесенных им расходов, связанных с участием в производстве следственных действий. Полагаем, что белорусский законодатель как нельзя точно отразил необходимый объем прав понятого. Считаем возможным предусмотреть такие же права понятого в УПК РФ.

Вместе с тем среди перечисленных в ст. 64 УПК РБ обязанностей понятого закреплено соблюдение процедуры при производстве следственных действий. Остается неясным, что в данном случае имел в виду законодатель. Наиболее логичным было бы предположить, что речь идет о процессуальном порядке производства следственного действия, но тогда возникает вопрос: может ли случайное лицо, приглашенное уполномоченным органом, не имеющее отношения к уголовному судопроизводству, а может быть, и к юриспруденции, оценить процессуальный порядок производства следственного

действия, в котором он принимает участие? Поскольку среди требований, предъявляемых к понятым, в указанной норме не упоминается наличие у них юридического образования по уголовно-правовой специальности, считаем, что данная норма требует соответствующей редакции.

К лицам, оказывающим содействие в отправлении правосудия с использованием специальных знаний, в белорусском уголовном процессе традиционно отнесены эксперт, специалист и переводчик.

Эксперт привлекается для производства экспертизы путем использования своих специальных знаний в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности (ч. 1 ст. 61 УПК РБ). Он обладает примерно тем же объемом уголовно-процессуальных прав, что и российский эксперт, за исключением отдельных дополнений.

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 61 УПК РБ эксперт вправе заявлять ходатайства, направленные на обеспечение его безопасности и безопасности членов его семьи, близких лиц, а также имущества. Дополнительно закреплено право эксперта пользоваться услугами переводчика, на возмещение расходов, понесенных при производстве экспертизы, и вознаграждение за работу, не входящую в круг прямых служебных обязанностей эксперта. Отметим, что такими же правами наделен и эксперт в российском уголовном процессе, но, к сожалению, они не имеют прямого закрепления в норме, регулирующей процессуальное положение эксперта (ст. 57 УПК РФ). Полагаем, что следует дополнить процессуальный статус эксперта указанными правами, отсутствующими в УПК РФ, с целью облегчения последующего правоприменения.

Любопытно, что белорусский законодатель предусмотрел возможность вовлечения в уголовный процесс в качестве эксперта иностранного гражданина, лица без гражданства, а также гражданина РБ, постоянно проживающего за пределами своей страны, и наделил их правом ознакомляться с материалами уголовного дела, содержащими сведения, составляющие государственные секреты, после получения допуска в порядке, установленном

законодательными актами (ч. 2.1 ст. 61 УПК РБ). Полагаем, что данная норма может быть заимствована российским законодателем.

Перечень обязанностей эксперта закреплен в ч. 4 ст. 61 УПК РБ. Отметим одну, не нашедшую отражения в уголовном процессе России, а именно обязанность предоставлять по требованию органа, ведущего уголовный процесс, смету расходов на производство экспертизы, а также отчет о понесенных расходах (п. 6 ч. 4 ст. 61 УПК РБ). Полагаем, это требование отражает необходимость ведения учета расходов, понесенных в том числе негосударственными экспертными учреждениями, для последующего взыскания их в рамках понесенных процессуальных издержек.

Как и отечественным уголовно-процессуальным законодательством, УПК РБ предусмотрено производство экспертизы в рамках проверки сообщения о совершенном преступлении (ч. 2 ст. 173 УПК РБ), однако на этом этапе экспертиза назначается лишь в случаях, когда требуется определить причину смерти, степень тяжести телесных повреждений или провести исследования, выводы которых могут иметь существенное значение для решения вопроса о возбуждении уголовного дела (ч. 2 ст. 226 УПК РБ).

В качестве доказательств в уголовном процессе РБ признаются следующие результаты деятельности лиц, содействующих отправлению правосудия: показания свидетелей, заключения эксперта, иные документы и носители информации, полученные в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 88 УПК РБ. К последним можно отнести результаты проводимого исследования специалистом, вовлеченным в уголовный процесс сторонами.

Специалист в уголовном процессе РБ имеет самостоятельный процессуальный статус и привлекается органом, ведущим расследование, в качестве лица, обладающего специальными знаниями в тех же областях, что и эксперт, для оказания содействия при производстве следственных и процессуальных действий. Таким образом, специалиста в уголовный процесс вовлекает только орган, ведущий расследование. Его привлечение стороной защиты, как это предусмотрено ч. 2.1 ст. 58 УПК РФ, исключено. Вместе с тем

белорусский законодатель подчеркивает, что педагог и психолог, вовлекаемые в уголовный процесс для участия в производстве допроса несовершеннолетних, также являются специалистами (ч. 1 ст. 62 УПК РБ). Отсутствие аналогичной нормы в УПК РФ порождает различные толкования процессуального статуса указанных субъектов.

Перечень прав, обязанностей и ответственность специалиста по УПК РБ схожи с российскими, но традиционным для юридической конструкции белорусской нормы при раскрытии процессуального статуса участника процесса является упоминание его права на возмещение понесенных им расходов и вознаграждение за выполненную работу. Специалист не подлежит ответственности за заведомую ложность своих исследований и показаний, как и в российском уголовном процессе.

Переводчик в белорусском уголовном процессе назначается лицу, не владеющему языками уголовного судопроизводства, которыми в соответствии со ст. 21 УПК РБ являются белорусский и (или) русский язык. Кроме того, необходимость в переводчике может возникнуть для перевода письменного документа. Закон определяет в качестве переводчиков лиц, которые понимают знаки глухого или немого и способны изъясняться с ними (ч. 1 ст. 63 УПК РБ). Закреплен запрет на оказание услуг перевода участниками уголовного судопроизводства.

Обязанности переводчика (ст. 63 УПК РБ) в основном аналогичны обязанностям этого субъекта, предусмотренным ст. 59 УПК РФ. В основном они совпадают в сравниваемых судопроизводствах. Однако, в отличие от российского, белорусский переводчик обязан представить органу, ведущему расследование, документы, подтверждающие его квалификацию (п. 2 ч. 4 ст. 63 УПК РБ). Безусловно, данная обязанность облегчает работу лица, производящего следственное или иное процессуальное действие с привлечением переводчика, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 201 УПК РБ оно обязано удостовериться как в личности переводчика, так и в его компетентности. Но возникает вопрос: как быть, если у переводчика нет

подтверждающих документов, если переводчик впервые оказывает услуги перевода и не занимается этим на профессиональной основе? Полагаем, что это императивное требование не всегда сможет дать положительные результаты.

Помимо указанных участников уголовного судопроизводства, чье правовое положение закреплено в УПК РБ, содействие отправлению правосудия в уголовном процессе РБ оказывают и другие субъекты, не имеющие самостоятельного процессуального статуса: врач, упоминание о котором встречается в Кодексе 18 раз; секретарь судебного заседания (помощник судьи), процессуальное положение которого, как и в российском УПК, закреплено в главе, посвященной общим условиям судебного разбирательства; лица, привлекаемые для производства опознания, внешне схожие с опознаваемым (процессуальные ассистенты). Указанное обстоятельство свидетельствует о несовершенстве института содействия правосудию в уголовном процессе РБ и необходимости дальнейшего его развития. Но в то же время проведенное исследование показало, что в анализируемом законодательстве есть отдельные нормы, выгодно отличающиеся от российских, которые можно заимствовать.

В качестве основных выводов, полученных в рамках исследования института содействия в уголовном процессе РБ, следует выделить:

во-первых, структура и содержание уголовно-процессуального законодательства РБ максимально приближены к российским;

во-вторых, белорусский законодатель при классификации участников уголовного судопроизводства за основу системы взял не их основные уголовно-процессуальные функции, а выполняемые ими процессуальные действия. Подобный подход позволил не относить лиц, осуществляющих уголовное преследование, к стороне обвинения. Белорусский законодатель, как и российский, именует участников процесса, оказывающих содействие правосудию, иными участниками;

в-третьих, перечень лиц, оказывающих содействие правосудию, почти аналогичен российскому, за исключением адвоката свидетеля, который имеет

самостоятельный процессуальный статус и содействует в оказании юридической помощи свидетелю;

в-четвертых, анализ процессуального положения лиц, оказывающих содействие правосудию в белорусском уголовном процессе, позволил выявить отдельные положительные моменты. Так, в качестве обязательного права лица, оказывающего содействие, закреплено право получать возмещение расходов, понесенных при производстве по уголовному делу, и вреда, причиненного действиями органа, ведущего уголовный процесс. Эксперт имеет право заявлять ходатайства, направленные на обеспечение его безопасности и безопасности членов его семьи и близких лиц, а также имущества, право на получение услуг переводчика. Кроме того, белорусский законодатель подчеркивает, что педагог и психолог, вовлекаемые в уголовный процесс для участия в производстве допроса несовершеннолетнего, также являются специалистами. Все указанные моменты отсутствуют в российском уголовном процессе. Их заимствование позволит придать новый толчок развитию института содействия правосудию и обеспечит реализацию принципа законности в процессе осуществления уголовного судопроизводства;

в-пятых, установлено, что помимо лиц, оказывающих содействие белорусскому правосудию, чьей процессуальный статус закреплен в УПК РБ, есть субъекты, участвующие в уголовном процессе и выполняющие вспомогательную функцию в виде оказания помощи сторонам и суду, не имеющие самостоятельного правового положения.

Прибалтийские государства в настоящем исследовании будут представлены Эстонской Республикой (далее – ЭР), вышедшей из состава СССР самой последней.

Источниками уголовно-процессуального права ЭР является Конституция ЭР, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры, УПК ЭР[1] и другие нормативно-правовые акты,

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Эстония : принят 12 фев. 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes

регулирующие вопросы уголовного судопроизводства, а также решения Государственного суда по вопросам, не нашедшим отражения в нормативных актах, но возникающим в ходе правоприменения.

Структура и содержание УПК ЭР существенно отличается от УПК РФ. Во-первых, данным нормативным актом устанавливаются порядок и основания проведения оперативно-разыскных мероприятий; во-вторых, в нем отсутствует привычная для российских процессуалистов систематизация участников уголовного процесса. В своем исследовании отразим лишь наиболее существенные отличия в реализации уголовно-процессуальной деятельности лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия.

Участниками уголовного судопроизводства в соответствии с ч. 2 ст. 16 УПК ЭР являются подозреваемый, обвиняемый и их защитники, потерпевший, гражданский ответчик и третьи лица, под которыми эстонский законодатель понимает физических или юридических лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми, потерпевшими или гражданскими ответчиками, но в отношении прав или обязанностей которых могут приниматься процессуальные решения при разрешении уголовного дела или в рамках особого производства (ч. 1 ст. 40.1 УПК ЭР). Как и другие участники уголовного процесса, третьи лица имеют право представлять доказательства, заявлять ходатайства, жалобы, ознакомляться с материалами уголовного дела, протоколом процессуального действия и делать заявления в отношении условий процессуального действия, его хода, результатов, которые вносятся в протокол, принимать участие в судебном разбирательстве (ст. 40.2 УПК ЭР).

УПК ЭР закрепил усеченный, по сравнению с соответствующей нормой УПК РФ, перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию: время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления; состав преступления; вина лица, совершившего преступление; данные, характеризующие лицо, совершившее преступление, и другие обстоятельства, влияющие на его ответственность (ст. 62).

(дата обращения: 19.02.2023).

Доказательствами в эстонском уголовном процессе являются показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля или специалиста, акт экспертизы, показания эксперта, данные при разъяснении акта экспертизы, вещественное доказательство, протокол или видеозапись следственного действия, судебного заседания и оперативно-разыскного мероприятия, а также иной документ, фото- или киноматериал, иной носитель информации (ч. 1 ст. 63 УПК ЭР). Из приведенного перечня доказательств закономерен вывод о признании результатов деятельности лиц, оказывающих содействие правосудию, в качестве доказательств и в уголовном процессе ЭР.

Процессуальный статус свидетеля закреплен в разд. 2 УПК ЭР «Допрос свидетеля». Под свидетелем понимается лицо, которому могут быть известны обстоятельства предмета доказывания (ч. 1 ст. 66). В этой же норме представлен перечень лиц, которые не могут принимать участие в уголовном процессе в качестве свидетелей: подозреваемый или обвиняемый по расследуемому уголовному делу, чиновник следственного органа, прокурор и судья, в производстве которых находится данное уголовное дело. Следует отметить, что последние могут быть допрошены в качестве свидетеля для проверки достоверности доказательства (ч. 2 ст. 66 УПК ЭР).

В то время как в российском уголовном процессе показания свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, признаются недопустимыми, эстонский законодатель определяет, что показания свидетеля об обстоятельствах предмета доказывании, о которых он узнал от другого лица, не являются доказательством, за исключением ситуации, когда содержанием показания свидетеля является услышанное от другого лица об обстоятельствах, воспринятых непосредственно перед рассказом, если указанное лицо во время рассказа еще находилось под влиянием воспринятого, отсутствуют основания полагать, что оно исказило истину (п. 2 ч. 2.1 ст. 66 УПК ЭР).

Закон содержит целых три нормы, посвященные основаниям отказа свидетеля от дачи показаний, которые можно систематизировать следующим образом: по причинам личного характера (ст. 71 УПК ЭР), в связи с

профессиональной или иной деятельностью (ст. 72 УПК ЭР), по поводу государственной тайны и засекреченной внешней информации (ст. 73 УПК ЭР).

К первой группе имеющих право не давать показания в качестве свидетелей отнесены следующие лица, которые не закреплены в российском уголовном процессе: 1) лицо, состоящее или состоявшее в браке с полнородными и неполнородными братом или сестрой подозреваемого или обвиняемого; 2) отчим и мачеха или приемные родители, а также пасынок и падчерица или приемные дети подозреваемого или обвиняемого; 3) усыновитель и усыновленный подозреваемого или обвиняемого; 4) супруг (супруга) подозреваемого или обвиняемого либо лицо, постоянно сожительствующее с ним, и его (ее) родитель, в том числе после расторжения брака или прекращения сожительства.

Вторая группа представлена лицами, которые могут располагать необходимой информацией, ставшей известной в связи с выполнением ими своих профессиональных обязанностей. В российском уголовном процессе к такой категории отнесены судья, присяжный заседатель, адвокат, священнослужитель, защитник, член Совета Федерации, депутат Государственной Думы, должностное лицо налогового органа, арбитр (третейский судья). Эстонский законодатель к данной категории отнес медицинских работников и фармацевтов, которые не допрашиваются об обстоятельствах, касающихся рождения лица, о его семье или состоянии здоровья; лиц, обрабатывающих информацию в журналистских целях; лиц, на которых законом возложена обязанность хранения служебной или профессиональной тайны (ч. 1 ст. 72 УПК ЭР). Однако если подозреваемый или обвиняемый ходатайствуют о даче этими лицами показаний, они обязаны явиться на допрос (ч. 3 ст. 72 УПК ЭР).

К третьей группе отнесены лица, имеющие допуск к государственной тайне и засекреченной внешней информации. Для их допроса властные субъекты уголовного судопроизводства обращаются в учреждение, владеющее такой информацией, с ходатайством о подтверждении факта признания

обстоятельств государственной тайной или засекреченной информацией. Если учреждение, владеющее такой информацией, не подтверждает факта признания обстоятельств государственной тайной или не отвечает в течение 20 дней на ходатайство, то свидетель обязан дать показания (ч. 3 ст. 73 УПК ЭР).

Сведения, сообщаемые свидетелем, оформляются так же, как и в российском уголовном процессе, в протоколе допроса свидетеля. В соответствии с ч. 1 ст. 74 УПК ЭР в протокол, помимо привычных для отечественного процессуалиста реквизитов, заносится и личный код свидетеля. Личный код – это персональные данные граждан ЭР, хранящиеся на ID-картах: информация о гражданстве, цвете волос и глаз, отпечатки пальцев, подпись, машиночитаемый код, криптографические ключи и сертификаты и др., то есть так называемый внутренний паспорт ЭР, по которому можно идентифицировать гражданина.

Процедура дачи показаний не имеет существенных различий, за исключением отсутствия в законе ограничения по продолжительности проведения допроса. Отказом от дачи показаний считается умышленное умолчание об известных свидетелю обстоятельствах в ходе проведения допроса (ч. 2 ст. 68 УПК ЭР).

Российским уголовно-процессуальным законодательством категорически запрещено задавать во время допроса наводящие вопросы, в остальном следователь свободен в выборе тактики этого процессуального действия. Эстонский УПК содержит ст. 288.1 «Наводящие вопросы», которой предусмотрены случаи, когда необходимо задавать такие вопросы: свидетель настроен явно враждебно по отношению к допрашивающему, пытается скрыть правду либо уклоняется от ответов, стороны не возражают против того, чтобы им были заданы наводящие вопросы; вопрос не вызывает спора; вопрос необходим для введения в предмет допроса; ввиду возраста или состояния здоровья свидетелю трудно понять не наводящие вопросы; свидетель подтверждает, что плохо помнит обстоятельства, являющиеся предметом допроса.

С целью обеспечения безопасности свидетеля либо с целью минимизации материальных затрат допрос может быть проведен дистанционно, с помощью технического устройства, позволяющего видеть и слышать допрашиваемого, или по телефону (ч. 2 ст. 69 УПК ЭР). Также с целью обеспечения безопасности свидетеля может быть принято решение о допросе его под условным именем (ст. 67 УПК ЭР). В таком случае в соответствии с ч. 8 ст. 146 УПК ЭР составляется копия протокола, в которой указывается только условное имя свидетеля. Оригинал протокола помещается в конверт, который хранится отдельно от материалов уголовного дела.

Предусмотрена процедура депонирования показаний свидетеля (ст. 69.1 УПК ЭР). Суть ее заключается в том, что по инициативе прокурора, обвиняемого или защитника свидетель заблаговременно в ходе расследования приглашается в суд для дачи показаний. Депонирование используется, когда более поздний допрос недопустим в силу невозможности дачи свидетелем показаний либо в случае угрозы влияния на него третьих лиц с целью дачи им ложных показаний. Считаем, что у сторон в российском уголовном процессе тоже должна быть возможность заблаговременного получения свидетельских показаний.

Остановимся на отдельных особенностях процедуры допроса несовершеннолетнего свиделся. К таковым следует отнести необходимость проведения допроса несовершеннолетнего свидетеля, не достигшего 14-летнего возраста, с участием инспектора по охране детства, социального работника или психолога. К участию в допросе несовершеннолетнего старше 14 лет могут привлекаться инспектор по охране детства, социальный работник, учитель или психолог.

Привлечение указанных лиц для производства допроса является обязательным и в том случае, если у лица, ведущего расследование, отсутствует специальная подготовка; свидетель не достиг 10-летнего возраста, а повторный допрос может оказать вредное воздействие на психику несовершеннолетнего; свидетель не достиг 14-летнего возраста, а допрос проводится по факту семейного

или сексуального насилия; свидетель имеет расстройство речи или органов чувств, душевное недомогание или психическое расстройство (ч. 2 ст. 70 УПК ЭР).

В уголовном процессе ЭР отсутствует понятой. При производстве следственных действий рекомендовано использовать фото- или видеофиксацию.

Что касается уголовно-процессуального института использования специальных знаний, то он представлен классическими участниками, такими как эксперт, специалист и переводчик.

Процессуальный статус эксперта и специалиста, порядок их участия в уголовном судопроизводстве регламентирован в разд. 7 УПК ЭР «Выяснение обстоятельств, требующих специальных знаний».

Под экспертом понимается лицо, применяющее в ходе производства экспертизы неюридические специальные знания (ч. 1 ст. 95 УПК ЭР). Несмотря на краткость данного определения, законодатель вложил в него максимальный смысл, который в полном объеме характеризует деятельность данного лица по оказанию содействия правосудию.

В соответствии с УПК ЭР лицо, ведущее расследование, должно отдавать предпочтение государственным экспертным учреждениям либо эксперту, имеющему государственную аккредитацию, а лицо, назначившее экспертизу, – согласовать с экспертом срок ее проведения. Отметим, что в уголовном процессе большинства анализируемых стран предусмотрена подобная норма, позволяющая лицу, ведущему расследование, планировать его ход с учетом сроков проведения всех необходимых действий. Полагаем, что подобную норму следует включить и в УПК РФ.

В качестве доказательств принимается заключение эксперта, полученное в иностранном экспертном учреждении (ч. 4 ст. 95 УПК ЭР).

Следующей немаловажной особенностью является обязанность эксперта заявить отвод, если он находится в служебном подчинении или в иной зависимости от участника процесса либо чиновника следственного органа, в

производстве которого находится уголовное дело. Если спроецировать данную норму на отечественное процессуальное законодательство, то выходит, что ни один эксперт, находящийся в подведомственности, к примеру, МВД РФ, не сможет осуществлять экспертную деятельность в связи с тем, что находится в служебном подчинении непосредственного участника уголовного процесса по всем уголовным делам – начальника органа дознания.

В остальном перечень прав и обязанностей эксперта схож с правами и обязанностями этого лица, закрепленными в УПК РФ.

Экспертиза назначается вынесением соответствующего постановления лицом, ведущим расследование (ст. 106 УПК ЭР). Структура и содержание постановления идентичны российским.

Результат экспертизы оформляется в виде акта, в котором, подобно заключению эксперта по УПК РФ, отражаются основные результаты проведенного исследования и ответы на поставленные вопросы.

Наряду с экспертом для оказания содействия допустимо вовлечение в уголовный процесс специалиста. Специалистом является лицо, которое привлекается для использования специальных знаний в уголовном процессе, но не производит экспертизу (ч. 1 ст. 109.1 УПК ЭР). На лицо, проводящее расследование, возлагается обязанность установить личность специалиста, а также его компетентность. Закон не регламентирует, каким образом устанавливается компетентность.

Предусмотрена процедура допроса специалиста о ходе процессуального действия, проведенного при его участии, иных обстоятельствах, о которых специалист может дать пояснения с использованием своих специальных знаний, если это необходимо для лучшего понимания обстоятельств предмета доказывания. Допрос специалиста в соответствии с УПК ЭР проводится по правилам допроса свидетеля.

Из буквального толкования ч. 1 ст. 63 УПК ЭР вытекает закономерный вывод о том, что в качестве самостоятельного вида доказательства признаются лишь показания специалиста, в то время как в российском уголовном процессе

доказательствами являются как показания специалиста, так и его заключение.

Вовлечение специалиста по УПК ЭР допустимо для производства любых следственных действий, в которых необходимо использование специальных знаний.

Переводчик как лицо, оказывающее содействие правосудию, вовлекается в уголовный процесс ЭР для перевода иноязычного текста, для оказания помощи участнику процесса, не владеющему эстонским языком, либо для общения с глухонемым участником (ст. 161 УПК ЭР). В свою очередь, в ст. 10 УПК ЭР, определяющей язык уголовного производства, закреплено, что с согласия лица, ведущего производство, участников процесса и сторон уголовное производство может вестись и на ином языке, если они им владеют.

Закреплен временной промежуток предоставления услуг переводчика. Так, устный перевод обеспечивается подозреваемому и обвиняемому незамедлительно, письменный же перевод документов обеспечивается подозреваемому и обвиняемому в течение разумного времени и таким образом, чтобы это не отразилось негативно на реализации их права на защиту (ч. 8 ст. 10 УПК ЭР).

Переводчик предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный перевод. Доказательства, полученные в отсутствии переводчика при условии необходимости его участия, признаются недопустимыми.

Вопрос определения компетентности переводчика так же не урегулирован УПК ЭР, как и российским Кодексом.

Среди лиц, оказывающих содействие правосудию, секретарь судебного заседания (ст. 157 УПК ЭР), протоколист (ст. 147 УПК ЭР), лица, оказывающие содействие при проведении опознания (процессуальные ассистенты) (ст. 81 УПК ЭР), примиритель (ст. 203.2 УПК ЭР).

К секретарю судебного заседания УПК ЭР предъявляет схожие с УПК РФ требования. В его задачи входит: техническая подготовка судебного заседания, организация (в случае, предусмотренном законом, или по распоряжению суда) звуко- и видеозаписи судебного заседания, протоколирование его условий, хода и

результатов. Особенностей участия секретаря судебного заседания не выявлено.

Протоколист как субъект уголовного судопроизводства, оказывающий содействие лицам, проводящим следственные и процессуальные действия (следственному органу и прокуратуре), в уголовном процессе других государств постсоветского пространства не встречается. В его задачи входит протоколирование условий, хода и результатов процессуального действия. Кто может быть привлечен в качестве протоколиста, закон не регламентирует, не раскрываются его права и ответственность. Полагаем, это технический ассистент властных субъектов уголовного процесса, привлекаемый исключительно для составления протокола, по аналогии с секретарем судебного заседания, ведущим протокол судебного заседания, только на досудебном этапе расследования. Порядок оплаты услуг этого лица УПК ЭР не определяет.

К процессуальным ассистентам, оказывающим содействие при проведении опознания, закон, как и УПК РФ, предъявляет единственное требование – о внешнем сходстве с опознаваемым. Их права и обязанности в УПК ЭР не отражены.

В эстонском уголовном процессе предусмотрена процедура медиации (примирения). Именно поэтому в качестве содействующего лица предусмотрен примиритель, в задачи которого входит подготовка и оформление письменного соглашения о примирении.

При выполнении своих обязанностей примиритель по разрешению прокуратуры или суда и в установленном для него объеме вправе ознакомляться с материалами уголовного дела. Он обязан хранить в тайне обстоятельства, ставшие ему известными в связи с примирительным производством. Суд или прокуратура может вызвать примирителя для устного опроса, чтобы разъяснить содержание соглашения о примирительном производстве (ч. 3–6 ст. 203.2 УПК ЭР).

Важной, на наш взгляд, является норма, регламентирующая порядок и условия возмещения процессуальных издержек лицам, оказывающим

содействие (ст. 178 УПК ЭР). В соответствии с данной нормой свидетелю, внештатному переводчику, а также эксперту и специалисту, не работающим в государственном экспертном учреждении, возмещаются неполученный доход, суточные расходы на проживание, расходы на проезд и ночлег. При этом почасовая плата за услуги этих лиц не может быть меньше минимальной разрешенной почасовой платы для лица, находящегося в трудовых отношениях, и не может превышать ее более чем в 50 раз.

Таким образом, структура и содержание уголовного процесса ЭР имеют сходства и отличия от уголовно-процессуального законодательства России. УПК ЭР предусмотрен институт содействия правосудию, результаты деятельности субъектов этого института являются самостоятельным видом доказательств. В УПК ЭР отсутствует такой участник уголовного процесса, как понятой.

Процессуальный статус лиц, содействующих правосудию, значительно разнится по своему содержанию. Допустимо условное деление лиц, оказывающих содействие, на тех, кто не обладает специальными познаниями, и тех, кто их использует для оказания помощи сторонам и суду.

Допустимо участие в качестве лица, оказывающего содействие правосудию, секретаря судебного заседания, протоколиста, лица, оказывающего содействие при проведении опознания (процессуального ассистента), и примирителя. Одни из этих участников не обладают самостоятельным процессуальным статусом, по отношению к другим упоминается лишь процессуальная задача, стоящая перед ними, третьи имеют полноценное правовое положение.

В целом проведенный анализ института содействия правосудию в рассмотренных бывших республиках СССР позволил сделать вывод о том, что в каждом проанализированном УПК присутствуют нормы, заимствование которых позволит качественно улучшить оказываемое содействие вовлекаемыми в уголовный процесс лицами.

Максимально приближенным к регулированию института содействия в нашей стране является уголовно-процессуальное законодательство Беларуси.

Небольшие отличия установлены в ходе анализа процессуального положения лиц, содействующих отправлению правосудия, обладающих специальными знаниями, в уголовном процессе АР. Больше всего отличий от отечественного УПК имеет УПК ЭР.

Несмотря на общее прошлое, некогда единое уголовно-процессуальное пространство, культуру, традиции и принципы, проведенный анализ института содействия правосудию показал, что союзные республики пошли по собственному пути развития, многими из них предложены новые, не встречавшиеся ранее участники уголовного процесса, выполняющие вспомогательные функции, большинством из них было акцентировано внимание на процессуальном регулировании обеспечения безопасности этой категории участников. Но, несмотря на существующие различия, ни одна страна не отказалась от их вовлечения в уголовный процесс, все страны без исключения результат их деятельности признают самостоятельным видом доказательств, что не может не свидетельствовать о необходимости и значимости данного уголовного процессуального института.

ГЛАВА 3. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ СОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСУДИЮ ЛИЦАМИ, ОБЛАДАЮЩИМИ СПЕЦИАЛЬНЫМИ ЗНАНИЯМИ

Институт применения специальных знаний является универсальным для уголовного, гражданского, административного и арбитражного процесса, поскольку законодательство этих отраслей права также регламентирует привлечение и участие сведущих лиц. Нас же интересуют вопросы использования специальных знаний (порядок привлечения сведущих лиц, их процессуальный статус и доказательственное значение результатов их деятельности) только в современном уголовном процессе России.

§ 1. Теоретические основы использования специальных знаний сведущих лиц в оказании содействия правосудию

В целях предметного анализа оказания содействия в отправлении правосудия сведущими лицами представляется целесообразным рассмотреть вопрос об использовании в отечественной законодательной практике и доктрине уголовного процесса терминов «специальные знания» и «специальные познания».

В период действия УПК РСФСР 1960 г. в научных работах в основном использовался термин «специальные познания»[1], а с принятием в 2001 г. УПК

[1] К работам данного периода следует отнести исследования Лузгина И. М. «Расследование как процесс познания» (1969) ; Сорокотягина И. Н. «Специальные познания в расследовании преступлений» (1984) ; Андриановой Т. П. «Применение специальных криминалистических познаний при судебном разбирательстве уголовных дел» (1989) ; Матусинского С. В. «Использование специальных познаний для установления механизма происшествия» (1994) ; Дьячкова А. М. «Применение специальных бухгалтерских познаний при расследовании хищений: криминалистические аспекты» (1996) ; Серова В. А. «Использование научно-технических познаний и средств в доказывании по

РФ стало преобладать использование термина «специальные знания»[1]. В качестве обязательного элемента указанных работ следует выделить авторское толкование соотношения этих понятий. Вместе с тем остались и те, кто по-прежнему использует привычную для советского уголовного процесса терминологию «специальные познания»[2]. Нам же импонирует взвешенная

уголовным делам» (1996) ; Зернова С. И. «Теоретические и прикладные проблемы применения специальных познаний при выявлении и расследовании преступлений, сопряженных с пожарами» (1997) ; Евстигнеевой О. В. «Использование специальных познаний в доказывании на предварительном следствии в российском уголовном процессе» (1998) ; Нестерова А. В. «Концептуальные основы использования специальных познаний в раскрытии и расследовании таможенных преступлений» (2001) и др.

[1] Иванова Е. В. Концептуальные основы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами: дис. … д-ра юрид. наук. Коломна, 2016 ; Кривых Н. Н. Особенности использования специальных знаний об инициаторах горения при расследовании преступлений, связанных с поджогами : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2007 ; Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. … д-ра юрид. наук. Б. м., 2011 ; Ломакина Е. В. Актуальные вопросы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. Оренбург, 2006 ; Мигунов А. К. Применение специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых в банковской системе : дис. … канд. юрид. наук. М., 2006 ; Попов А. И. Актуальные проблемы использования специальных знаний эксперта и специалиста в разрешении конфликтов и конфликтных ситуаций в ходе предварительного расследования : дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2009 ; Сердюков А. В. Использование специальных знаний при раскрытии и расследовании умышленного причинения вреда здоровью : дис. … канд. юрид. наук. М., 2006 ; Телегина Т. Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений : дис. … канд. юрид. наук. М., 2008 ; Трегубов В. В. Использование специальных знаний при расследовании неосторожных преступлений, связанных со взрывами на объектах промышленности, транспорта, сельского и коммунального хозяйства : дис. … канд. юрид. наук. М., 2006 ; Трифонова Н. А. Специальные знания в раскрытии и расследовании корыстно-насильственных преступлений : дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2006 ; Шаевич А .А. Особенности использования специальных знаний в сфере компьютерных технологий при расследовании преступлений : дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2007 ; Шапиро Л. Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности : дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2008 и др.

[2]См., например: Гарисов С. М., Зайцева Е. А. Использование специальных познаний в судебном производстве по уголовным делам. Волгоград, 2010 ; Гришина Е. П. Теоретико-правовой механизм использования специальных познаний в российском уголовном судопроизводстве в контексте его назначения и состязательных начал : моногр. М. : Юрлитинформ, 2016 ; Гусев А. В. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы использования специальных познаний в ходе предварительного расследования : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2002 ; Зайцева Е. А. Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве : моногр. Волгоград : ВА МВД России, 2006 ; Ильина А. М. Обязательное использование специальных познаний в уголовном процессе : моногр. Екатеринбург, 2005 ; Исаева Л. М. Специальные познания в уголовном судопроизводстве. М., 2003 ; Садовский А. И. Проблемы формирования

позиция третей категории ученых, которые не видят значимых различий между тожественными по своей сути понятиями «специальные знания» и «специальные познания». К ним следует отнести, например, Е. А. Мацун[1] и А. А. Тарасова[2] и других.

С. И. Ожегов в своем словаре использует слова «знания» и «познания» как синонимы[3].

Е. А. Зайцевой и А. И. Садовским[4] предпринята попытка проанализировать период появления рассматриваемых терминов в официальных нормативно-правовых актах начиная со второй половины XIX в. Ими установлено, что до принятия УПК РСФСР 1923 г. законодателем не употреблялись искомые понятия. В дополнение к данному результату отметим, что проведенное нами историко-правовое исследование показало, что нормативные акты, принятые в России начиная с XV в., в которых упоминается об оказываемом правосудию содействии сведущих лиц, также не содержат данных понятий[5]. Однако с первой половины XIX в. в них употребляется понятие «сведущее лицо» (ст. 212 Свода законов уголовных 1832 г.), что свидетельствует об оказании содействия правосудию данной категорией лиц в случаях, когда требовались специальные знания в интересующих следствие областях.

Рассматриваемые понятия использовались законодателем в УПК РСФСР 1923 г. и употреблялись как тождественные (ст. 67 и 173). На это же указывают

доказательств следователем с использованием специальных познаний и технических средств : дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2013 ; Селина Е. В. Доказывание с использованием специальных познаний по уголовным делам. М., 2003 и др.

[1] Мацун Е. А. Процессуальное положение специалиста в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2013. С. 11.

[2] Тарасов А. А. Указ. соч. С. 21.

[3] Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дает следующее определение слова «познание»: «1. Приобретение знания, постижение закономерностей объективного мира; 2. Совокупность знаний в какой-нибудь области». Если обратимся к значению слова «знания», то увидим, что «знания» – это и результаты познания, научные сведения, и совокупность сведений в какой-нибудь области (см.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 755).

[4] Зайцева Е. А., Садовский А. И. Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств : моногр. Волгоград : ВА МВД России, 2013. С. 62–64.

[5] См. § 5 гл. 1 настоящего исследования.

Е. А. Зайцева и А. И. Садовский, отмечая, что «законодатель не только использует эту терминологию, но и не различает оба слова»[1]. Не усматривая принципиальных различий, законодатель использует их в ходе дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства: в ст. 78 и 80 УПК РСФСР 1960 г. поочередно используются слова «познания» и «знания», между которыми нет никаких юридически значимых различий.

Начало XXI в. ознаменовалось принятием ряда нормативных актов, значительно повлиявших на развитие содействия отправлению правосудия, в том числе оказываемое сведущими лицами. К основным нормативным актам следует отнести, прежде всего, УПК РФ, принятый в 2001 г., законодательно закрепивший процессуальный статус эксперта и специалиста, которые с этого момента стали полноценными самостоятельными участниками уголовного судопроизводства, имеющими урегулированные уголовно-процессуальным законом права им обязанности, а также Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». В обоих нормативных актах используется понятие «специальные знания». Однако в 2003 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», определивший, что показаниями специалиста являются сведения, состоящие из специальных познаний (ч. 4 ст. 80 УПК РФ). В итоге получилось, что специалист – это лицо, которое обладает специальными знаниями (ст. 58 УПК РФ), а даваемые им в ходе уголовного судопроизводства показания требуют наличия специальных познаний (ч. 4 ст. 80 УПК РФ). Подобная тенденция прослеживается и в ведомственных нормативных актах[2], и в решениях высших судов Российской Федерации[3], которые при одинаковых обстоятельствах

[1] Зайцева Е. А., Садовский А. И. Указ. соч. С. 62.

[2] См. более подробно об этом: Зайцева Е. А., Садовский А. И. Указ. соч. С. 63–64.

[3] Приведем некоторые обнаруженные нами решения Конституционного и Верховного Судов РФ, в которых употребляется понятие «специальные знания»: Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 17 августа 2016 г. № АКПИ16-562, которым было отказано в удовлетворении заявления о признании частично недействующим пункта 13 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522 :

употребляют термины «знания» и «познания» как тождественные.

В то время как законодатель не только не различает анализируемые понятия, но и не дает им легального определения, в доктрине уголовного процесса предложено большое количество авторских подходов, которые, следует отметить, тоже не вносят ясности в сложившуюся ситуацию.

Существует позиция, согласно которой знания и познания разграничиваются исходя из субъективного критерия. Приверженцами такого подхода являются В. Д. Арсеньев и В. Г. Заболоцкий. Они рассматривают специальные знания как систему сведений, которые отражены в специальной и научной литературе, а также полученных в результате научной и практической деятельности. Познания же, по их мнению, приобретаются в результате обучения какому-либо виду деятельности и сопровождаются приобретением определенных навыков[1]. Данное определение, безусловно, имеет право на существование, однако, как нам кажется, подобное разграничение усложняет восприятие сути вопроса.

Принципиальную позицию по данному вопросу заняла Е. П. Гришина. Она указывает на схоластичность позиций авторов, не видящих разницы между «специальными знаниями» и «специальными познаниями». По ее мнению, специальные познания представляют собой совокупность знаний в различных

апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15 нояб. 2016 г. № АПЛ16-477 // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» ; О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Российская газета. 2011. № 142 ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воронова Александра Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 57 и 70 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части 3 статьи 1 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» и подпункта 1 пункта 7 Положения о Следственном комитете Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 15 сент. 2015 г. № 1827-О // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс». Вместе с тем имеются и решения, в которых употребляется понятие «специальные познания»: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Осетника Вячеслава Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 79 и частью второй статьи 102 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 636-О // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[1] Арсеньев В. Д., Заболоцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986. С. 4.

областях деятельности, а также навыков, умений, опыта их использования[1]. Как положительную тенденцию следует отметить уточнение автора о том, что не относятся к категории специальных познаний так называемые правовые знания, которыми обладают лица, осуществляющие производство по уголовному делу.

Как видим, попытка разграничить рассматриваемые понятия не удалась и Е. П. Гришиной, поскольку она тоже определяет одно понятие через другое. В данной связи возникает вопрос: столь ли необходимо и принципиально искать разницу между сходными по смыслу и содержанию понятиями? При имеющихся подходах и авторских позициях мы продолжаем наблюдать в современных научных исследованиях использование обоих терминов в равнозначных ситуациях. В качестве примера приведем доктринальную модель уголовно-процессуального доказательственного права, разработанную под руководством А. С. Александрова.

Так, авторский коллектив в ст. 1.1, определяя процессуальный статус эксперта, указывает, что это физическое лицо, обладающее специальными познаниями, но в то же время в ст. 10.1 отмечает, что экспертиза представляет собой исследование, проводимое экспертом на основе своих специальных знаний[2].

В то же время с точки зрения правил русского языка слово «познание» является существительным, обозначающим действие, равно как движение, пение, горение, чтение и пр. В связи с этим, возможно, использование термина «специальное познание» более уместно в случаях обозначения процесса приобретения знаний, а термина «специальное знание» – для обозначения завершенного процесса, то есть наличия самих «специальных» знаний.

По нашему мнению, понятие «познание» в теории уголовного процесса следует рассматривать как своего рода юридический архаизм, однако мы не

---

[1] Гришина Е. П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика : моногр. / под ред. Н. А. Духно. М. : Изд-во Юрид. ин-та МИИТа, 2012. С. 8–9.

[2] Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. проф. А. С. Александрова. М. : Юрлитинформ, 2015.

претендуем на бесспорность своей позиции, поскольку считаем, что она подлежит дополнительному изучению.

В современной доктрине уголовного процесса сложилась тенденция отнесения к специальным знаниям личностных, деловых и профессиональных качеств широкого круга участников уголовного судопроизводства как со стороны обвинения, так и со стороны защиты, в том числе знания властных субъектов уголовного процесса[1]. Данный подход аргументируется тем, что невозможно проводить расследование уголовных дел, например по факту совершения мошенничества с денежными средствами, преобразованными из виртуальных активов (криптовалюты), не обладая при этом достаточными специальными знаниями, равно как невозможно и совершать такие преступления. Однако мы считаем, что подобный подход недопустим, поскольку может привести к подмене понятия сведущих лиц с процессуальной точки зрения[2].

В данном контексте актуальным видятся вопросы об отграничении специальных знаний от общеизвестных, а также возможность постановки юридических (правовых) вопросов перед экспертом.

В юридической науке вплоть до начала XXI в. было принято считать, что знания являются специальными и отличаются от общеизвестных, если они приобретены вне рамок общеобразовательной подготовки, они не должны быть общеизвестными и общедоступными, их нельзя приобрести в качестве жизненного опыта, ими должно обладать ограниченное количество людей, именуемых специалистами. При этом особо подчеркивалось, что указанные

---

[1] Рытькова В. Ю. Правовое регулирование процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве России : дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2007 ; Терегулова А. А. Правовое положение подозреваемого в уголовном процессе России : дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2008 ; Селина Е. В. Применение специальных познаний в российском уголовном процессе : дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2003 и др.

[2] Еще более двадцати лет назад профессор В. Н. Махов отметил, что нет единого мнения о том, как именовать субъектов специальных знаний – специалистами или сведущими лицами (см.: Махов В. Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений : дис. … д-ра юрид. наук. М., 1993).

знания не должны быть отнесены к категории правовых[1].

Безусловно, налицо субъективность категории «общеизвестность», которая может зависеть от достаточно большого количества переменных, включая круг общения лица, его воспитание, интеллектуальный уровень, жизненный опыт и др. Развитие научно-технического прогресса, определившее повсеместную доступность информации благодаря сети Интернет, практически неограниченное количество развивающих телевизионных передач и прочие обстоятельства позволили многим знаниям стать общедоступными и, как правило, общеизвестными, что в настоящее время не позволяет относить их к специальным.

К исключительной компетенции правоприменителей (следователя, дознавателя и суда) было отнесено решение юридических (правовых) вопросов[2]. Приведем цитату И. Я. Фойницкого, который писал, что «решение посредством экспертизы правовых вопросов является «коренным извращением судебной экспертизы»[3]. Постановка перед экспертом правовых вопросов запрещалась и п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам»[4].

Вместе с тем следует отметить существенное развитие в последние десятилетия нормотворчества в нашей стране, усложнение имеющихся правоотношений, появление новых отраслей и подотраслей права, с прогрессирующим переходом к цифровым формам отношений, ранее неизвестных российскому правоприменителю, которые обличаются в юридическую форму изданием соответствующих федеральных законов (к примеру, осуществление экономических операций с использованием

---

[1] См., например: Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, ИНФРА-М, 2018. 576 с.; Треушников М. К. Судебные доказательства. М., 1997. С. 269.

[2] Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955.

[3] Фойницкий И. А. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2. СПб., 1896. С. 338.

[4] О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1971. № 2.

виртуальных активов, применение IT-технологий в сфере налогообложения, ипотечное кредитование и пр.).

Указанное обстоятельство позволило научному сообществу пересмотреть существовавший на протяжении последнего века постулат о недопустимости применения юридических знаний при постановке вопросов судебным экспертам. Так, к примеру, Д. В. Зотов отмечает, что невозможно достижение всесторонности, полноты и объективности в принимаемых властными субъектами уголовного судопроизводства процессуальных решениях в интересующей правовой области без привлечения лиц, обладающих специальными юридическими знаниями[1].

Таким образом, в настоящее время в научном сообществе следует констатировать наличие полярных позиций. Одни считают, что недопустимо применение правовых (юридических) знаний судебными экспертами, подкрепляя свою позицию п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», которое прямо закрепило компетенцию властных субъектов уголовного судопроизводства (следователя, дознавателя, прокурора и суда) в решении правовых вопросов.

Безусловно, с этим сложно не согласиться. Действительно, отсутствие необходимых правовых знаний правоприменителя, его некомпетентность в юридических вопросах, не дает ему права на привлечение более опытного и знающего юриста, имеющего богатый практический опыт в решении указанных проблем, детально изучившего ту или иную интересующую отрасль права[2].

Однако вторая группа ученых задалась вопросом о том, насколько верно столь категоричное утверждение. Несмотря на существующие нормативные ограничения и рекомендации Постановления Пленума Верховного Суда РФ, они считают, что в случае возникновения необходимости разрешения

---

[1] Зотов Д. В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации к процессуальной регламентации. Воронеж. 2015. С. 43–44.

[2] Латыпов В. С. Производство правовой экспертизы в современных условиях уголовного процесса // Черные дыры в российском законодательстве. 2016. № 1. С. 87.

пограничных вопросов, находящихся на стыке права и экономики, экологии, кредитно-финансовых отношений и т. д., необходимо назначение и производство соответствующей экспертизы, в том числе с постановкой перед экспертом вопросов правового характера[1].

При этом обратим внимание на внесенные в 2021 г. изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». Так, обращено внимание судов на тот факт, что перед экспертом не могут быть поставлены вопросы по оценке достоверности показаний подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, полученных в ходе следственных действий (п. 4).

В случае наличия в заключении эксперта выводов о юридической оценке деяния или о достоверности показаний, допрошенных заключение не может быть признанно допустимым доказательством в указанной части.

Буквальное толкование указанных норм позволяет прийти к выводу о том, что все остальные вопросы из числа юридических профессиональных знаний могут быть заданы эксперту при вынесении постановления о назначении судебной экспертизы.

При этом важно отметить, что оценивать вопросы и относить их к категории правовых, а также допустимых для постановки перед экспертом должны непосредственно те участники уголовного судопроизводства, которые наделены правом назначения судебных экспертиз, с обязательным соблюдением порядка, предусмотренного ст. 195 УПК РФ. Поясним это на примере судебной налоговой экспертизы.

Данный вид экспертной деятельности основан на использовании специальных знаний в области бухгалтерского учета и налогового законодательства и направлен на установление правильности исчисления и полноты уплаты налогов и страховых взносов, а также выявление нарушений требований налогового законодательства. Отметим, что с марта 2022 г. для

[1] Балакшин В. Заключение эксперта как средство доказывания по уголовному делу // Законность. 1999. № 1. С. 38.

данной категории преступлений в ст. 140 УПК РФ введен самостоятельный повод к возбуждению уголовных дел. По сути, любой вопрос, поставленный перед экспертом по данным категориям преступлений, можно считать отчасти правовым, но их постановка допускается.

Или, к примеру, вопрос о наличии медицинского критерия невменяемости в его интеллектуальной и волевой части правовым не является, но ставится он таким образом, что эксперт, отвечая на свой профессиональный вопрос, одновременно отвечает и на правовой вопрос о невменяемости, что по факту является юридической оценкой, а по сути – правовым ответом.

Таким образом, мы приходим выводу о том, что специальные знания являются таковыми, поскольку ими не обладает лицо, привлекающее соответствующего специалиста (эксперта).

Приведем пример из следственной практики. Согласно изученным материалам следователь, направленный для расследования преступления, связанного с кражей скота и элементов упряжи в сельской местности, был вынужден привлечь местного жителя в качестве специалиста, чтобы тот разъяснил ему порядок обращения с животным, названия элементов упряжи и сам порядок запрягания. Для сельского населения, ежедневно имеющего дело с животными и пользующегося гужевым видом транспорта, такие знания являются общеизвестными, следователь же ими не обладал и, соответственно, отнес их к специальным.

Таким образом, считаем, что использование критерия «общеизвестность» относительно применяемых знаний и отнесения их к категории специальных является неверным. В качестве аргумента отметим наличие элемента неопределенности того, какие знания являются общеизвестными, какой категории населения они должны быть известными, какое количество людей должно обладать этими знаниями, чтобы отнести их к общеизвестным, и наконец, если кому-то будет неизвестен общеизвестный факт, перестает ли он быть общеизвестным.

Для достижения назначения уголовного судопроизводства органы, осуществляющие предварительное расследование, суд имеют право привлечь лиц, обладающих специальными знаниями, которыми не располагает адресат доказывания, в том числе юридическими, но не связанными с оценкой деяния, отнесенного к компетенции данных органов, и достоверности показаний участников уголовного судопроизводства. Аналогичное правило распространяется и на строну защиты, также имеющую возможность привлечь специалиста.

Следует различать цели применения специальных правовых (юридических) знаний. В случае с лицами, уполномоченными осуществлять предварительное расследование, прокурором и судом, целью применения таких знаний можно считать установление фактических обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному уголовно-правовому спору, достижение назначения уголовного судопроизводства.

Применение специальных правовых (юридических) знаний экспертов, специалистов допустимо с целью оказания консультационной помощи, а также установления фактических данных, имеющих значение для дела, подготовки ответа на поставленные вопросы, если они не связаны с оценкой деяния, и достоверности показаний участников уголовного судопроизводства.

Таким образом, институт специальных знаний не является статичным, ему свойственно развитие. Одной из тенденций развития является расширение понятия знаний, относимых в уголовном судопроизводстве к специальным, что обусловлено, как правило: а) развитием научно-технического прогресса, возникновением качественно новых и усложнением существующих отраслей знания; б) отнесением правовых (юридических) знаний к специальным (с обозначенными нами ранее оговорками).

Существуют и иные тенденции развития данного процессуального института: расширение законодателем процессуальной возможности использования специальных знаний сторонами и судом; увеличение количества

лиц, задействованных в уголовно-процессуальных отношениях, обладающих специальными знаниями[1].

По нашему мнению, следует четко различать специалиста как самостоятельного участника уголовного судопроизводства и специалиста как собирательную категорию, к которой следует относить ревизора, педагога, психолога, переводчика – всех тех, кто реализует разнообразные формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

Представляется, что отсутствие в научной литературе единого понимания понятия «специальные знания» обусловлено отсутствием законодательно определенной позиции относительно данной дефиниции. Исходя из проведенного анализа авторских подходов, а также выработанных в научной юридической литературе субъективных и объективных критериев предлагаем закрепить в п. 44.1 ст. 5 УПК РФ определение специальных знаний, изложив его в следующей редакции: «44.1). Специальные знания – используемая в уголовном процессе совокупность знаний, в том числе юридических (не связанных с оценкой деяния, отнесенного к компетенции правоохранительных органов, прокуратуры и суда, и достоверности показаний участников уголовного судопроизводства) и практического опыта сведущих лиц, привлекаемых в порядке, установленном настоящим Кодексом, для оказания содействия сторонам и суду» (см. прил. 6).

Значение слова «сведущий» раскрывается в толковых словарях русского языка. Используется оно и в классических литературных произведениях. Так, в словаре под редакцией А. П. Евгеньевой под сведущим понимается «имеющий большие познания в чем-л., хорошо осведомленный в какой-л. области»[2]. В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова предложено следующее определение: «имеющий большие познания, сведения в чем-н.»[3]. У М. Е. Салтыкова-Щедрина читаем: «Сколько я могъ понять изъ объясненій людей свѣдущихъ,

---

[1] Указанные тенденции проанализированы в § 2 и 3 настоящей главы.

[2] Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой ; Ин-т лингвистич. исследований. 4-е изд., стер. М. : Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С. 529.

[3] Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : ОГИЗ, 1940. Т. 4. С. 753.

слово "благонамѣренность" въ современномъ его значеніи имѣет смыслъ весьма ограниченный и притомъ совершенно спеціальный»[1]; у Л. Н. Толстого: «И верьте моей чести, что для меня лично передать высшее начальство армией более меня сведущему и искусному генералу, какими так обильна Австрия, и сложить с себя всю эту тяжкую ответственность, для меня лично было бы отрадой»[2].

Очевидно, прилагательное «сведущий» произошло от устаревшего глагола несовершенного вида «ведать». Ведать в одном из своих значений – «знать, иметь о чем-н. сведения»[3], «иметь сведения о ком-, чем-л., знать»[4]. У классика встречается: «Да ведают потомки православных Земли родной минувшую судьбу»[5]. Известно, что «Веды» (XVI–V вв. до н. э.) – первый сборник священных писаний индуизма, содержащий знания об окружающем мире, о закономерностях его существования и развития. Можно сделать вывод, что на протяжении всей истории развития языка значение слова «сведущий» не менялось. Под ним понималось обладание определенными знаниями.

Так кого же следует считать сведущим лицом в уголовно-процессуальных правоотношениях. К сожалению, в теории уголовного процесса нет ответа на этот вопрос, поскольку нет единого подхода к пониманию категории сведущего лица.

Так, В. Н. Махов к сведущим лицам относит обладающих специальными знаниями незаинтересованных участников уголовного процесса, которые вовлечены в него следователем и судом для оказания содействия в установлении истины по делу[6]. Обращает на себя внимание тот факт, что автором не предусмотрена возможность вовлечения сведущих лиц дознавателем и стороной

---

[1] Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. : в 12 т. 3-е изд. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1895. Т. 7. С. 436.

[2] Толстой Л. Н. Война и мир : в 2 т. М. : Изд-во «Э», 2018. С. 145.

[3] Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : ОГИЗ, 1935. Т. 1. С. 296.

[4] Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. С. 175.

[5] Пушкин А. С. Указ. соч. Т. 2. С. 276.

[6] См.: Махов В. Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. С. 55.

защиты. К тому же следует согласиться с Е. В. Селиной, что в данном определении отсутствует упоминание непроцессуальных форм привлечения сведущих лиц[1].

Наиболее удачно, на наш взгляд, определение, данное Е. В. Селиной, которая под сведущими рекомендует понимать лиц, обладающих специальными познаниями, вовлеченных для оказания содействия следователем, дознавателем, прокурором, судом и защитником посредством использования требуемых вида и структуры специальных познаний[2]. Хотя и это определение не проясняет, допустимо ли считать сведущими лицами властных субъектов уголовно-процессуальных правоотношений.

С целью внесения единообразия в теорию и правоприменительную практику предлагаем нормативно закрепить исконно российское понятие сведущего лица, которое следует изложить в п. 39^1 ст. 5 УПК РФ в следующей редакции: «39^1. Сведущее лицо – физическое лицо, обладающее комплексом специальных теоретических знаний (в том числе юридических), практических умений и навыков в науке, технике, искусстве или ремесле, привлекаемое к участию в процессуальных и непроцессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, в целях оказания содействия в достижении назначения уголовного судопроизводства».

Введение данного термина позволит систематизировать и обобщить в единую категорию участников уголовного судопроизводства, использующих в возникающих уголовно-процессуальных отношениях специальные знания. При этом к данной категории следует относить не только тех участников уголовного судопроизводства, чей процессуальный статус регламентирован законом, но и тех, кто таким статусом не обладает (ревизор, педагог, психолог, врач и др.).

Подводя итог, следует отметить следующее:

Во-первых, теоретические проблемы, связанные с используемым в теории уголовного процесса понятийным аппаратом, во многом обусловлены

---

[1] Селина Е. В. Применение специальных познаний в российском уголовном процессе : дис. … д-ра юрид. наук. С. 87.

[2] Селина Е. В. Указ. соч. С. 164–165.

комплексным характером, отсутствием законодательно закрепленных дефиниций рассмотренных терминов.

Во-вторых, соотношение понятий «специальные знания» и «специальные познания» в совокупности имеющихся у них признаков могут быть рассмотрены в качестве тождественных. При этом «специальные познания» могут быть отнесены к категории юридических архаизмов.

В-третьих, выявлена закономерность отнесения знаний к специальным из категории общеизвестных.

В-четвертых, обоснована возможность, а в отдельных случаях и необходимость применения правовых (юридических) знаний при производстве судебных экспертиз, в случаях, если это не связано с оценкой деяния, отнесенного к компетенции правоохранительных органов, прокуратуры и суда, и проверкой достоверности показаний участников уголовного судопроизводства.

В-пятых, предложено лиц, обладающих специальными знаниями, принимающих участие в уголовно-процессуальных отношениях (специалиста, эксперта, переводчика, ревизора, педагога, психолога, врача), именовать сведущими лицами, с последующим законодательным закреплением данного понятия в п. 39^1 ст. 5 УПК РФ, а также нормативно закрепить в п. 44.1 ст. 5 УПК РФ дефиницию «специальные знания».

В-шестых, выделены основные тенденции развития института специальных знаний на современном этапе: 1) расширение понятия знаний, относимых в уголовном судопроизводстве к специальным, что обусловлено: а) развитием научно-технического прогресса, возникновением качественно новых и усложнением существующих отраслей знания; б) отнесением правовых (юридических) знаний к специальным; 2) расширение законодателем процессуальной возможности использования специальных знаний сторонами и судом; 3) увеличение количества лиц, задействованных в уголовно-процессуальных отношениях, обладающих специальными знаниями.

§ 2. Процессуальный порядок и организационные основы привлечения и участия лиц, обладающих специальными знаниями

Уголовно-процессуальная деятельность представляет собой достаточно сложную, многоаспектную познавательную деятельность властных субъектов уголовного процесса и остальных участников уголовного судопроизводства. Правоотношения, возникающие между участниками уголовного процесса в связи с расследуемым уголовным делом или проводимой проверкой сообщения о совершенном преступлении, и процессуальные статусы участников этих правоотношений регламентированы УПК РФ.

С момента получения правоохранительными органами информации о готовящемся либо совершенном преступлении в обязанности должностных лиц входит осуществление ее проверки всеми законными способами, предусмотренными ч. 1 ст. 144 УПК РФ. Зачастую для принятия процессуального решения о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела требуется привлечение лиц, оказывающих содействие с использованием специальных знаний, – эксперта, специалиста, переводчика. Предлагаем проанализировать регламентированную законом процедуру привлечения к производству по уголовному делу данной категории лиц.

Эксперт как участник уголовного судопроизводства вовлекается в уголовный процесс с принятием должностным лицом процессуального решения о назначении судебной экспертизы и вынесением соответствующего постановления (ч. 1 ст. 195 УПК РФ). При этом в теории уголовного процесса вопрос отнесения судебной экспертизы к категории следственных действий весьма неоднозначен. Анализ данного вопроса не входит в предмет нашего исследования, отметим лишь тот факт, что С. А. Шейфер[1] и

[1] Шейфер С. А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? // Lex Russica. 2015. № 10. С. 115–127.

С. Б. Россинский[1] не относят судебную экспертизу к следственным действиям, в то время как Е. А. Зайцева аргументировано отстаивает противоположную позицию[2].

Назначение и производство судебной экспертизы допустимо и до принятия решения о возбуждении уголовного дела – в рамках проводимой проверки сообщения о совершенном преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Однако допустимо это стало лишь с 2013 г., с вступлением в силу Федерального закона № 23[3]. Первоначальный момент назначения экспертиз в законе менялся неоднократно. Так, УПК РФ 2001 г. в начальной редакции допускал назначение экспертизы, но не упоминал о возможности получения заключения эксперта, что сводило данную возможность к формальности приобщения к материалам проверки постановления о назначении той или иной экспертизы (ч. 4 ст. 146 УПК РФ 2001 г.). Такое положение просуществовало до 2007 г., когда Федеральным законом № 87 были внесены соответствующие поправки, не допускающие производство экспертиз до принятия решения о возбуждении уголовного дела[4]. В указанный период правоприменителями вместо заключения эксперта использовалось предварительное исследование, проводимое специалистом. При этом Л. В. Лазарева и О. Г. Дьяконова совершенно справедливо отмечают, что доказательственное значение указанные исследования могут приобретать «если ответы специалиста на поставленные вопросы содержат в себе важные сведения об установленных

---

[1] Россинский С. Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 2. С. 16–31.

[2] Зайцева Е. А. Опосредованное познание в творческом наследии Семена Абрамовича Шейфера // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 20.

[3] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 9, ст. 875.

[4] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : федер. закон от 5 июля 2007 г. № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 24, ст. 2830.

фактах, полученных до возбуждения уголовного дела»[1].

И лишь в 2013 г. законодатель вновь вернул возможность назначения и производства судебных экспертиз, что, по справедливому замечанию Б. Я. Гаврилова, обусловило новый импульс в развитии науки и изучении эффективности принятых законодателем мер[2].

Безусловно, возможность получения заключения эксперта еще на стадии проверки сообщения о совершенном преступлении позволяет решить серьезные правовые вопросы, определиться с наличием состава и квалификацией преступления, однако с уголовно-процессуальной точки зрения все не так однозначно[3]. Л. В. Лазарева и С. В. Покровский аргументировано отмечают, что главное значение заключения эксперта заключено в содержащихся в нем выводах[4]. Нельзя не согласиться с выводами В. Н. Бодякова и М. А. Ключниковой о том, что «заключение экспертов позволяет правильно оценить размер причиненного преступлением ущерба, определить способ и механизм совершения преступления, а также существенно дополнить доказательственную базу по уголовному делу»[5]. При этом мы разделяем позицию авторов о том, что данный вид доказательства приобретает статус неопровержимого только в случае выполнения ряда условий: 1) соблюдения процессуального порядка назначения судебной экспертизы; 2) научной

---

[1] Лазарева Л. В., Дьяконова О. Г. Процессуальные проблемы разграничения судебной экспертизы и предварительных исследований // Вестник Владимирского юридического института. 2021. № 2 (59). С. 86.

[2] Гаврилов Б. Я. Использование специальных знаний в расследовании уголовного дела: проблемы законодательного регулирования // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 273.

[3] Даровских С. М., Макарова З. В. Порядок производства процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела, требует совершенствования // Проблемы права. 2020. № 4 (78). С. 75–79.

[4] Лазарева Л. В., Покровский С. В. О проблемах формирования выводов судебного эксперта // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 3 (25). С. 100–101.

[5] Бодяков В. Н., Ключникова М. А. Особенности использования специальных знаний при расследовании преступлений в сфере осуществления закупок для обеспечения государственных нужд // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 4 (53). С. 18.

обоснованности; 3) категоричности выводов эксперта[1]. Во всех остальных случаях, следует ставить под сомнение результаты проведенного исследования.

Проверка сообщения о совершенном преступлении как этап уголовного процесса характеризуется тем, что на этом этапе возникают и развиваются уголовно-процессуальные правоотношения, вовлекаются различные участники уголовного процесса, проводятся следственные и процессуальные действия. И все это происходит без ключевых фигур. На данном этапе нет ни потерпевшего, ни подозреваемого как самостоятельных участников, имеющих права, обязанности и ответственность. Производство экспертиз может затронуть права субъектов, которых принято именовать заявителями, очевидцами, «заподозренными», что не соответствует назначению уголовного судопроизводства (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

В то время как закон закрепляет за потерпевшим, свидетелем, подозреваемым и обвиняемым при назначении судебной экспертизы целый перечень прав, позволяющих не только повлиять на судьбу производимой экспертизы, но и ознакомиться с ее результатами (ч. 1 ст. 198 УПК РФ), у заявителя и очевидца таких прав нет, а значит, у следователя и дознавателя нет и таких обязанностей, предписанных законом.

На основании изложенного считаем необходимым внести следующие изменения в ч. 1 ст. 198 УПК РФ: после слов «представитель» дополнить ее словами: «а также пострадавший, заявитель». Кроме того, ч. 2 ст. 198 УПК РФ после слова «свидетель» дополнить словами: «а также заявитель, очевидец, в отношении которых проводится экспертиза, вправе знакомиться с заключением эксперта. Свидетель, очевидец, заявитель пользуются также правами, предусмотренными пунктами 1 и 2 части первой настоящей статьи» (см. прил. 6).

Кроме того, на несовершенство внесенных Федеральным законом № 23 изменений указывает Б. Я. Гаврилов. Он справедливо отмечает, что «даже в случае проведения экспертизы до возбуждения уголовного дела следователь,

[1] Лазарева Л. В., Покровский С. В. К вопросу о доказательности экспертных выводов // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4 (125). С. 154.

дознаватель, исходя из требований ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ, должен удовлетворить ходатайство стороны защиты и потерпевшего после возбуждения уголовного дела о производстве дополнительной или повторной судебной экспертизы»[1].

Эксперт, как лицо, обладающее специальными знаниями в интересующей следствие области (ст. 57 УПК РФ), должен соответствовать ряду требований. Во-первых, закон обязывает его быть хорошо осведомленным (компетентным) в исследуемой области (п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК РФ). При установлении недостаточности его специальных знаний, необходимых для проведения исследования, он подлежит отводу в порядке, предусмотренном ч. 1 ст. 69 УПК РФ (п. 3 ч. 2 ст. 70 УПК РФ). Также эксперт в данном случае обязан отказаться от дачи заключения, о чем он должен заявить мотивированное ходатайство (п. 6 ч. 3 ст. 57 УПК РФ). Необходимость в указанном случае заявить мотивированный отказ регламентирована и Федеральным законом «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в соответствии со ст. 16 которого эксперту надлежит отказаться от производства исследования, если поставленные вопросы выходят за пределы его специальных знаний, представленные на экспертизу объекты непригодны или недостаточны для проведения исследования, недостаточен уровень развития современной науки для производства экспертизы.

Отметим, что экспертная деятельность помимо УПК РФ и Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности» регламентирована большим количеством ведомственных нормативных актов, приказов, инструкций[2], в которых эксперт представляется как самостоятельный

---

[1] Гаврилов Б. Я. Правовое регулирование назначения и производства экспертиз и специальных исследований в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 41.

[2] См., например: Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации : приказ Министерства юстиции РФ от 20 дек. 2002 г. № 347 // Российская газета. 2003. № 14 ; Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России : приказ Министерства юстиции РФ от 27 дек. 2012 г. № 237 //

независимый участник процесса. Этой же точки зрения придерживается большинство ученых-процессуалистов[1]. Однако в доктрине уголовного процесса существует и альтернативная точка зрения. Так, достаточно аргументированно на этот счет высказалась Е. Р. Россинская. Рассматривая принцип независимости эксперта, находящегося на службе в ОВД, ФСБ, ФТС, она отметила, что в связи с ведомственной спецификой службы независимость эксперта практически отсутствует[2].

Независимость эксперта является одним из важнейших принципов судебно-экспертной деятельности, и его будет крайне сложно реализовать до тех пор, пока эксперт носит погоны. Достаточно сложно избежать разного рода воздействий на эксперта со стороны лиц, назначивших экспертизу, если они работают в одном здании, ходят одним строем и присутствуют на одних и тех же оперативных совещаниях. У них одни показатели и один начальник, поскольку любая ведомственная служба строится по принципу единоначалия.

Этот вопрос поднимается и на уровне диссертационных исследований. Так, Ф. Г. Аминев предложил вывести судебно-экспертные учреждения из ведомственной подчиненности и объединить все государственные учреждения в единую государственно-экспертную организацию[3]. Безусловно, следует поддержать предложенную инициативу. Кроме того, следует отметить и финансово-экономическую зависимость эксперта, что тоже не позволяет

Российская газета. 2013. № 24 ; Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») : приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 // Российская газета. 2005. № 191 ; Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы : приказ Минздрава России от 12 янв. 2017 г. № 3н // Российская газета. 2017. № 56 и др.

[1] Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Части Общая и Особенная. 3-е изд., изм. и законч. СПб., 1910. С. 197 ; Строгович М.С. Уголовный процесс. С. 23 ; Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 152–153.

[2] Россинская Е. Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». М. : Право и закон : Юрайт-Издат, 2002.

[3] Аминев Ф. Г. Указ. соч. С. 206.

рассматривать его как самостоятельного и независимого участника уголовного судопроизводства.

Не является эксперт самостоятельным участником не только с точки зрения уголовно-процессуальной доктрины, но и с точки зрения УПК РФ, не позволяющего ему общаться с участниками уголовного судопроизводства по вопросам проводимого исследования и собирать дополнительные материалы для экспертизы (п. 1 и 2 ч. 4 ст. 57). В этой связи нам видится наиболее прогрессивным с точки зрения реализации принципа самостоятельности эксперта уголовный процесс Франции и Германии, позволяющий эксперту для проведения назначенной экспертизы самостоятельно получать необходимую информацию.

Помимо прочего следует учитывать административно-должностную и ведомственную подчиненность, которая ставит эксперта в зависимое положение от руководителя экспертного учреждения, уполномоченного давать указания, контролировать сроки и методы проведения исследования.

Полагаем, что для полноценной реализации принципа самостоятельности, а также с целью совершенствования судебно-экспертной деятельности в уголовном процессе целесообразно разрешить эксперту собирать дополнительную информацию, необходимую для производства исследования, в связи с чем предлагаем п. 2 ч. 4 ст. 57 УПК РФ до слова «самостоятельно» дополнить словами: «без ведома следователя и суда» (см. прил. 6).

Законодатель под экспертом понимает лицо, обладающее специальными знаниями, назначенное для производства экспертизы и дачи заключения и показаний (ч. 1 ст. 57 УПК РФ), однако такая формулировка не позволяет в полной мере раскрыть статус этого участника. Исходя из проведенного анализа, полагаем, следует скорректировать редакцию ч. 1 ст. 57 УПК РФ, изложив ее следующим образом: «1. Эксперт – незаинтересованное в исходе дела лицо, обладающее специальными знаниями, которому поручено в порядке, установленном настоящим Кодексом, производство судебной экспертизы и дача экспертного заключения, а также привлекаемое для дачи показаний по

результатам представленного заключения» (см. прил. 6).

Эксперт, как и любой участник уголовного процесса, в рамках реализации принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве вправе требовать разъяснения своих прав и обязанностей, а также возможности их осуществления. Вместе с тем эксперт имеет право рассчитывать на обеспечение его безопасности и безопасности его родных и близких в случае угроз применения насилия, уничтожения или повреждения его имущества (ст. 11 УПК РФ).

Это не единственные права эксперта, не нашедшие отражения в ст. 57 УПК РФ[1]. Так, он имеет право воспользоваться помощью переводчика, давать показания на родном языке или том языке, которым владеет (ч. 2–3 ст. 18 УПК РФ). Также эксперт имеет право на обжалование действий или бездействия должностных лиц, наделенных властными уголовно-процессуальными полномочиями (ст. 19, 123 УПК РФ). Представляется, что для полноценного отражения имеющихся прав у участников уголовного процесса, в том числе эксперта, следует заимствовать юридическую технику построения норм у азербайджанского законодателя и включить в соответствующие статьи следующую фразу: «пользоваться иными предусмотренными настоящим Кодексом правами».

Эксперт, как участник процесса, имеет не только права, но и обязанности. К обязанностям эксперта законодатель отнес производство экспертизы и дачу по ее итогам заключения по представленному уполномоченным лицом постановлению. В ходе производства экспертизы эксперту надлежит воздержаться от полного или частичного уничтожения представленных на исследование объектов, изменения их внешнего вида. Недопустимо разглашение данных предварительного расследования, ставших известными ему в процессе производства назначенной экспертизы (п. 5 ч. 4 ст. 57 УПК РФ). Необходимость предупреждения о запрете разглашения данных предварительного расследования закреплена в ст. 161 УПК РФ, а также в ст. 16

[1] Права эксперта также отражены в ч. 3 ст. 57 УПК РФ.

Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[1].

В научной литературе высказано предложение о необходимости пересмотра прав эксперта и перенесения их в обязанности[2]. Речь идет о необходимости с согласия лица, назначившего экспертизу, переформулировать вопросы, отраженные в постановлении о ее производстве. Но у данной позиции есть противники. Так, Е. Р. Россинская считает, что недопустимо расширять процессуальное правовое поле эксперта, прямо не предусмотренное ни в УПК РФ, ни в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности»[3]. Мы же, в свою очередь, солидарны с высказанным мнением и полагаем, что эксперт наделен необходимым перечнем прав, следует лишь изложить их в соответствующей норме уголовно-процессуального закона.

В УПК РФ есть нормы, содержащие предписания, которые можно трактовать и как обязанности, и как права эксперта. Речь идет о предусмотренной в ч. 2 ст. 200 УПК РФ процедуре предоставления самостоятельного, отдельного заключения комиссионной экспертизы каждым экспертом при наличии разногласий. В данном случае мы видим, что права и обязанности экспертов совпадают. К такой ситуации привело несовершенство юридической техники построения норм.

Ответственность эксперта предусмотрена ч. 5, 6 ст. 57 УПК РФ. Кроме того, он подлежит привлечению к ответственности в случае незаявления самоотвода при наличии к тому достаточных оснований (заинтересованность, некомпетентность и др.), а также в случае неисполнения иных процессуальных обязанностей (явка по вызову следователя или в суд).

---

[1] «Эксперт обязан не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну».

[2] См., например: Корухов Ю. Г. Экспертные и неэкспертные трасологические исследования в уголовном процессе // Проблемы трасологических исследований : сб. науч. тр. М., 1978. Вып. 35. С. 55–57.

[3] Россинская Е. Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». С. 273–274.

Отметим, что Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 520-ФЗ введена самостоятельная норма, предусматривающая уголовную ответственность эксперта за заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (ст. 200.6 УК РФ).

Но, к сожалению, остается необъяснимым отсутствие норм, предусматривающих ответственность за неисполнение обязанности устраниться от участия в уголовном процессе при наличии к тому оснований. Представляется, что это достаточно серьезное упущение действующего УПК РФ, которое может повлечь негативные последствия для исхода уголовного дела в суде. Полагаем, что следует закрепить ответственность за данное деяние, выражающуюся в лишении права производства конкретного вида экспертных исследований на определенный период, при этом руководитель экспертного учреждения должен самостоятельно определить срок отстранения сотрудника от производства экспертиз. В целях придания легитимности высказанной позиции предлагаем дополнить ст. 57 УПК РФ частью 4.1, изложив ее в следующей редакции: «4.1. Эксперт обязан заявить отвод в случае личной заинтересованности либо некомпетентности для производства назначенной судебной экспертизы. Отвод должен быть заявлен экспертом в письменном виде, с изложением мотивов. Заявление отвода после вынесения экспертного заключения не допускается» (см. прил. 6).

Традиционно в постановлении о назначении судебной экспертизы имеется запись о предупреждении об уголовной ответственности эксперта за дачу заведомо ложного заключения или заведомо ложного показания согласно ст. 307 УК РФ, ознакомившись с которой, эксперт должен обязательно поставить свою подпись в соответствующей графе. Однако данное правило не нашло отражения в соответствующей норме УПК РФ, регламентирующей порядок назначения судебной экспертизы (ст. 195 УПК РФ). С целью восстановления обнаруженного пробела полагаем целесообразным дополнить ч. 1 ст. 195 УПК РФ пунктом 5, изложив его в следующей редакции:

«5) уголовная ответственность за дачу заведомо ложного заключения или заведомо ложного показания согласно статье 307 Уголовного кодекса Российской Федерации» (см. прил. 6).

В то время как эксперт наделен законом самостоятельным процессуальным статусом со всеми вытекающими правами, обязанностями и ответственностью, о руководителе экспертного учреждения мы можем судить лишь по нескольким нормам УПК РФ (ст. 199, 200), которые косвенно затрагивают полномочия руководителя экспертного учреждения при направлении материалов уголовного дела для производства судебной экспертизы, а также при определении характера комиссионности судебной экспертизы.

Между тем законодателю следует провести аналогию при определении процессуального статуса руководителя экспертного учреждения с другими схожими по профессионально-функциональным обязанностям участниками уголовного судопроизводства (руководитель следственного органа – ст. 39 УПК РФ, начальник подразделения дознания – ст. 40.1 УПК РФ, начальник органа дознания – ст. 40.2 УПК РФ). Профессионально-функциональные обязанности следует отличать от процессуально-функциональных, поскольку руководитель следственного органа и начальник подразделения дознания законом отнесены к стороне обвинения и наделены процессуальной функцией обвинения, что категорически неприемлемо для руководителя экспертного учреждения. Отдельные аспекты правового статуса руководителя экспертного учреждения были рассмотрены Е. А. Зайцевой[1].

Руководитель экспертного учреждения, как и эксперт, не должен быть заинтересован в исходе уголовного дела или в результате экспертного заключения (разве только в том, чтобы экспертиза была выполнена в соответствии с законом и на законных основаниях). Его участие обусловлено оказанием содействия органам, осуществляющим предварительное

[1] Зайцева Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства. М. : Юрлитинформ, 2010. С. 95.

расследование, суду, судье.

Считаем необходимым закрепить процессуальный статус руководителя судебно-экспертной организации, включив его в перечень лиц, оказывающих содействие правосудию, содержащийся в гл. 8 УПК РФ (см. прил. 6). Введение указанной нормы позволит встроить руководителя судебно-экспертной организации в систему участников уголовного судопроизводства, наделив его необходимым набором процессуальных прав, обязанностей, ответственностью и гарантией обеспечения безопасности.

Проведенное исследование процессуального статуса эксперта как лица, оказывающего содействие отправлению правосудия, показало, что, несмотря на достаточно детальную регламентацию элементов его правового статуса, остаются вопросы, требующие внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

Следующим участником процесса, обладающим специальными знаниями и оказывающим содействие сторонам и суду, является специалист. Заключение и показания данного участника процесса приобрели доказательственное значение одними из самых последних, в ходе внесения поправок в уже принятый УПК РФ.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает необходимость фиксации проводимых следственных действий в протоколе, который может быть изготовлен с применением технических средств, равно как и при производстве самого следственного действия допустимо применение стенографирования, фотографирования, киносъемки[1], аудио- и видеозаписи, для производства которых может быть привлечен специалист, обладающий соответствующими специальными знаниями (ч. 2 ст. 166 УПК РФ). Нами уже отмечалось, что вовлечение в уголовный процесс специалиста позволяет реализовать принцип состязательности и равноправия сторон.

---

[1] Латыпов В. С. Киносъемка лицами, оказывающими содействие правосудию как способ фиксации доказательств в современном уголовном процессе России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 1 (39). С. 113–118.

О необходимости обеспечения состязательности сведущих лиц говорилось в научной литературе неоднократно. Так, П. С. Пороховщиков, более известный как П. Сергеич, писал: «Если в процессе есть эксперт со стороны противника и экспертиза имеет значение, оратор должен выставить эксперта не менее сведущего и решительного со своей стороны. Не сделать этого – легкомыслие непростительное. Пока эксперт один, он неуязвим, хотя бы говорил вздор»[1]. Сложно не согласиться с высказанным мнением, поскольку состязательность уголовного процесса должна выражаться в том, что стороны обладают возможностью выразить собственную позицию по исследуемому вопросу путем вовлечения в уголовный процесс сведущего лица, обладающего необходимыми для обоснования позиции стороны знаниями.

Проведенный историко-правовой анализ позволил определить историческую принадлежность рассматриваемого участника к категории лиц, оказывающих содействие правосудию, вовлекаемого в уголовный процесс сторонами. Вместе с тем в теории уголовного процесса придание доказательственного значения заключению и показаниям специалиста встречает критику. Так, Б. Т. Безлепкин полагает, что появление данных видов доказательств является спонтанным и теоретически необоснованным[2]. Следует отметить, что данный автор в своих рассуждениях не одинок, подобной позиции придерживаются и некоторые другие ученые[3].

В то же время следует обратить внимание и на рекомендации Пленума Верховного Суда РФ, которые прямо указывают на состоятельность этих видов доказательств, их значимость и необходимость использования в

---

[1] Сергеич П. Искусство речи на суде. М., 1988. С. 210.

[2] Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. и доп. М. : КНОРУС, 2010. С. 688.

[3] Бородкина Т. Н. Заключение специалиста как форма привлечения его в уголовном судопроизводстве // СПС «Консультант Плюс» ; Воробьев П. Процессуальный статус специалиста: нужны разъяснения Пленума Верховного Суда // Законность. 2005. № 11. С. 35 ;
Мамай В. И. Участие специалиста в процессуальных действиях // Администратор суда. 2009. № 4. С. 33 ; Темираев О. Компетенция специалиста // Законность. 2005. № 6. С. 39.

доказательственной деятельности[1].

Кроме того, следует отметить, что упомянутый нами ранее Федеральный закон № 23 позволил не только назначать и проводить судебные экспертизы до возбуждения уголовного дела, но и ввел новую форму расследования – дознание в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ). Раскрывая особенности доказывания при производстве данной формы дознания, законодатель отметил, что дознаватель вправе не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста, за исключением отдельных случаев (пп. «а» – «в» п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ). Указанное обстоятельство также позволяет отметить заключение специалиста в качестве доказательства, равноценного по юридической силе заключению эксперта.

Вместе с тем в теории уголовно-процессуального права высказываются предложения о необходимости возвращения в досудебное производство протокольной формы расследования, в ходе которой экспертизу можно будет проводить лишь в случаях, предусмотренных ст. 196 УПК РФ[2]. Указанное предложение, на наш взгляд, нуждается в дополнительном пояснении относительно остальных форм использования специальных знаний и возможности использования в качестве доказательств заключений специалиста.

В настоящее время институт привлечения специалиста является универсальным и характеризуется как межотраслевой. Процессуальный статус специалиста помимо УПК РФ регламентирован ГПК РФ (ст. 188), КоАП РФ (ст. 25.8), АПК РФ (ст. 55.1). Во всех отраслях права специалист привлекается для содействия сторонам путем оказания консультационной помощи и

---

[1] См.: О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 // Российская газета. 2006. № 137.

[2] См., например: Гаврилов Б. Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 1 (45). С. 26 ; Божьев В. П., Гаврилов Б. Я. Критика современного УПК РФ: обоснованность, научность, прикладной характер // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 1. С. 21 ; Гаврилов Б. Я. Досудебное производство: вопросы теории и практики // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2019. № 1. С. 147 ; Гаврилов Б. Я. Мифы и реалии современного российского досудебного производства // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 186 и др.

применения специальных знаний в интересующей области.

Вместе с тем уголовно-процессуальное законодательство наделяет специалиста более объемными процессуальными возможностями и отождествляет его деятельность с так называемой альтернативной экспертизой.

Привлечение специалиста допускается на любом этапе расследования. В связи с указанным обстоятельством в апреле 2017 г. законодатель был вынужден внести изменения в действующую редакцию ч. 2 ст. 58 УПК РФ, заменив фразу «вызов специалиста и порядок его участия в уголовном судопроизводстве определяются статьями 168 и 270 настоящего Кодекса» на «вызов специалиста и порядок его участия в следственных и иных процессуальных действиях, судебных заседаниях определяются статьями 168 и 270 настоящего Кодекса»[1]. Это уточнение позволяет раскрыть роль специалиста в уголовном процессе и подчеркивает его значение не только для принятия решения в рамках расследуемого уголовного дела, но и определяет возможность оказания им содействия на этапе проверки сообщения о совершенном преступлении.

Этот же нормативный акт ввел новую часть 2.1 в ст. 58 УПК РФ: «Стороне защиты не может быть отказано в удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, за исключением случаев, предусмотренных статьей 71 настоящего Кодекса». Прежде чем остановиться на данной норме более подробно, подчеркнем справедливость высказанных Е.А. Зайцевой комментарий, о том, что «Еще до введения указанной новеллы Федерального закона № 73-ФЗ защитник, в соответствии п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, был наделен правом привлекать специалиста к участию деле, однако данная норма также была лишена

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 17 апр. 2017 г. № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17, ст. 2455.

процедурного обеспечения»[1].

Вместе с тем, обращает на себя внимание явное противоречие части 2.1 части 1 этой же статьи: если в ч. 1 указано, что специалист привлекается «для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию», то в ч. 2.1 этот момент опущен.

Вместе с тем, позиция законодателя подверглось критике в юридической литературе. Так, А. В. Чарыков и П. В. Вдовцев критически отнеслись к новелле. Не останавливаясь на деталях, отметим, что, по их мнению, буквальное толкование ч. 1 ст. 58 УПК РФ позволяет сделать вывод о том, что специалист привлекается лишь на судебных стадиях уголовного процесса[2]. Далее авторы пишут: «Новым законом в ст. 159 УПК РФ введена ч. 2[2], согласно которой "лицам, указанным в части второй настоящей статьи, не может быть отказано в приобщении к материалам уголовного дела доказательств, в том числе заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами"»[3].

Не будем останавливаться на точности формулировок, а именно на моментах, указанных авторами: во-первых, «сторона защиты не собирает доказательства, а значит и ходатайствовать об их приобщении не может, во-вторых, заключение специалиста доказательством не является, так как специалист не несет уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения (ст. 307 УК РФ)»[4]. Выразим лишь свое несогласие с указанной позицией, поскольку действующий УПК РФ в ч. 3 ст. 86 прямо указал способы сбора доказательств по уголовному делу защитником (который и относится к стороне защиты). Кроме того, закон предусматривает, что в качестве

---

[1] Зайцева Е. А. Некоторые проблемы применения специальных познаний в состязательном уголовном судопроизводстве (к юбилею Ахтяма Ахатовича Давлетова) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4 (28). С. 20.

[2] Чарыков А. В., Вдовцев П. В. Новые поправки в УПК РФ о специалисте // Российский следователь. 2017. № 18. С. 46.

[3] Там же. С. 47.

[4] Там же.

доказательств по уголовному делу среди прочих могут быть использованы «заключения и показания специалиста» (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

В ч. 3 ст. 58 УПК РФ перечислены права специалиста, но, как и в случае с экспертом, закон приводит далеко не исчерпывающий их перечень. Перечислим не вошедшие в ст. 58 УПК РФ права специалиста, которые дополняют его правовое положение в уголовном процессе.

Во-первых, специалист имеет право давать разъяснения по вопросам, связанным с обнаружением, изъятием и хранением предметов и документов, применением технических средств (ч. 6 ст. 164 и ч. 5 ст. 166 УПК РФ). Представляется, что данное право является неотъемлемым элементом статуса специалиста, уполномоченного в соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ оказывать содействие в обнаружении и изъятии предметов и документов.

Во-вторых, специалист имеет право на возмещение вреда, причиненного в результате нарушения его прав и свобод (ч. 4 ст. 11, ч. 3 ст. 133 УПК РФ). К сожалению, лица, привлекаемые в качестве специалиста в уголовное судопроизводство, крайне редко предупреждаются о процессуальной возможности всякого рода возмещений, будь то причинение правоприменителем вреда либо оплата оказанных услуг (п. 4 ч. 2 ст. 131 УПК РФ.).

В-третьих, как и любой другой участник процесса, специалист имеет право на применение в отношении него мер безопасности, как специализированных, так и уголовно-процессуальных (ч. 3 ст. 11 УПК РФ).

В-четвертых, специалист имеет право воспользоваться возможностью заявить отвод переводчику (ч. 2 ст. 18 и ч. 2 ст. 69 УПК РФ).

Представляется рациональным отразить все перечисленные права в ч. 3 ст. 58 УПК РФ, что позволит специалистам, вовлеченным в уголовный процесс для оказания содействия правосудию, в полной мере реализовать свой процессуальный статус.

Перечень действий, которые специалист совершать не вправе, содержится в ч. 4 ст. 58 УПК РФ, однако он является не полным, а его обязанности – в ст. 38, 58, ч. 2 ст. 111, ст. 164, 258 УПК РФ, в соответствии с которыми специалист, как

и любой другой участник уголовного судопроизводства, обязан соблюдать порядок производства следственных действий.

Содействие, оказываемое специалистом, должно обеспечиваться его компетентностью в интересующей следствие и суд области. При этом закон не содержит обязанности данного участника подтверждать свою компетентность. Между тем компетентность специалиста может быть удостоверена записями в трудовой книжке, подтверждающими наличие опыта работы в соответствующей области, дипломами, грамотами, удостоверениями и др. Учитывая изложенное, считаем необходимым закрепить обязанность специалиста подтверждать свою компетентность в ст. 58 УПК РФ (см. прил. 6).

Следует также отметить, что в российском законе отсутствует норма, позволяющая привлечь специалиста к ответственности за данные им показания и предоставленное заключение[1]. Вместе с тем, авторский коллектив О. Г. Дьяконовой и Л. В. Лазаревой анализируя нормативное регулирование ответственности специалиста, отмечают, что «назрела необходимость конкретизировать ответственность специалиста и определить ее тождественно во всех видах российского судопроизводства»[2].

Но возможно, в этом и нет упущения законодателя, ведь как можно привлечь к ответственности нумизмата в качестве специалиста по монетам определенного периода, если он дал свое заключение исходя из личного опыта и профессионального убеждения? Однако поскольку показания специалиста имеют равное по юридической силе доказательственное значение, как и показания эксперта, и могут быть положены в основу обвинения или оправдания, то не совсем понятна логика законодателя, возложившего на эксперта ответственность за дачу заведомо ложного заключения и показания, и освободившего от такой обязанности специалиста. На основании сказанного

---

[1] Тарасов А. А. Привлечение специалиста в современной адвокатской практике по уголовным делам // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 46–53.

[2] Дьяконова О. Г., Лазарева Л. В. Нормативное регулирование ответственности специалиста - участника судопроизводства в государствах-членах ЕАЭС // Российский юридический журнал. 2021. № 2 (137). С. 98.

считаем необходимым внести изменения в ст. 58 УПК РФ (см. прил. 6).

Высказанное предложение поддерживает и научное сообщество. Так, О. С. Пашутина предлагает письменно удостоверять факт предупреждения специалиста об ответственности[1].

Содействие, оказываемое специалистом в уголовном процессе, не ограничивается применением специальных знаний при производстве следственных действий в целях обнаружения, фиксации и изъятия предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, а также применением технических средств. Специалист, как было отмечено, вправе готовить заключение. Этот вид доказательства остается одним из самых дискуссионных в теории уголовного процесса[2]. Его следует отличать от заключения эксперта, которое основано на результатах проведенного исследования (ч. 1 ст. 80 УПК РФ), в то время как специалист готовит свое заключение на основе суждений (ч. 3 ст. 80 УПК РФ). Л. В. Головко полагает, что заключение специалиста «предстает как некое "облегченное" заключение эксперта»[3].

Необходимость придания заключению специалиста доказательственного значения наравне с заключением эксперта обусловлена континентальной моделью уголовного процесса России и обеспечением стороне защиты права на состязательность специальных знаний сведущих лиц путем производства «альтернативной экспертизы» в англо-американской модели.

Специалист по результатам приведенного заключения может быть допрошен, что позволяет сформировать иной вид доказательства – показания специалиста (ч. 4 ст. 80 УПК РФ). Показания специалиста, как и показания эксперта, являются производными от представленного ими заключения, то есть имеют акцессорную природу. Но следует отметить, что данное правило не работает в обратную сторону. Показания сведущих лиц без заключений не должны существовать, поскольку сущность их заключается в разъяснении

---

[1] Пашутина О. С. Актуальные вопросы правовой регламентации участия специалиста при производстве по уголовным делам // Уголовное судопроизводство. 2011. № 1. С. 26.

[2] См., например: Овсянников И. Дискуссиям о заключении специалиста 10 лет // Законность. 2015. № 2. С. 48–51.

[3] Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян [и др.] ; под ред. Л. В. Головко.

сторонам и суду обстоятельств проведенного исследования или представленного суждения.

Между тем обращает на себя внимание отсутствие в УПК РФ нормы, регламентирующей допрос специалиста, в то время как допрос эксперта закреплен как на стадии предварительного расследования (ст. 205 УПК РФ), так и в суде (ст. 282 УПК РФ). Неоднократно на данный факт обращалось внимание в научной литературе[1].

Проведенное анкетированное сотрудников следственных подразделений и подразделений дознания позволило выявить, что большинство респондентов (53,73 %) допрашивают специалиста в качестве свидетеля, 27,79 % – в качестве специалиста; 11,94 % опрошенных сообщили, что не имеют практики допроса специалиста, остальные 6,54 % затруднились ответить на вопрос. Ответы сотрудников аппарата суда распределились следующим образом: 97,68 % респондентов допрашивают специалиста в качестве свидетеля, 2,32 % – в качестве специалиста (см. прил. 4).

Ранее правоприменители вынуждены были, руководствуясь п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»[2], допрашивать сведущих лиц в качестве свидетелей, хотя их процессуальный статус предполагает предупреждение об уголовной ответственности по ст. 307 и 308 УК РФ. В настоящее время Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» указанный пункт был исключен, что лишь актуализировало существующую правоприменительную коллизию.

---

[1] Лазарева Л. В. Участие специалиста в правоприменительной деятельности по уголовным делам // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1 (54). С. 91–95; Дьяконова О. Г., Лазарева Л. В. Допрос специалиста: нормативное регулирование // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2021. № 3 (29). С. 92-97 и др.

[2] О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 дек. 2010 г. № 28 // Российская газета. 2010. № 296.

После допроса сведущим лицам в том же протоколе следственного действия разъясняют их права и ответственность по ст. 58 УПК РФ и предупреждают об ответственности по ст. 310 УК РФ. Сложившаяся практика противоречит здравому смыслу и нормам уголовного судопроизводства. Из данной ситуации видится только один выход: в УПК РФ необходимо ввести дополнительную статью 190.1 «Допрос специалиста» (см. прил. 6), что позволит облегчить процессуальную деятельность правоприменителей и устранить явное упущение действующего законодательства в части регулирования данного вопроса.

Предлагаем также внести изменения в ст. 58 УПК РФ, дополнив ч. 3 пунктами 5–10, а также предусмотреть обязанность и ответственность данного участника уголовного судопроизводства (см. прил. 6).

Следует отдельно отметить, что с принятием Федерального закона от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ лица, проводящие расследование, не имеют право отказать подозреваемому, обвиняемому, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям в приобщении к материалам уголовного дела заключений специалистов, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для уголовного дела и подтверждаются этими доказательствами (ч. 2.2. ст. 159 УПК РФ). Благое на первый взгляд намерение законодателя укрепить позиции стороны защиты и придать значимость заключениям специалиста на практике может встретить «аргументированное сопротивление» со стороны лиц, проводящих расследование. Причина заключается в формулировке новеллы. Если буквально толковать указанную норму, то получается, что заключение специалиста может быть приобщено к материалам дела лишь в том случае, если оно содержит обстоятельства, имеющие для этого дела значение. Однако на практике нередки случаи, когда заключение специалиста требуется для разъяснения сторонам и суду отдельных вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста.

Опрос лиц, уполномоченных осуществлять предварительное

расследование, позволил выявить следующее: отказывали хоть раз в удовлетворении данного ходатайства как не имеющего значения для дела, не подтвержденного доказательствами, 39,3 % опрошенных, всегда удовлетворяли данное ходатайство – 53,7 %, ходатайства подобного рода не заявлялись 7 % опрошенных. Ответы на этот вопрос, данные судьями, распределились следующим образом: ходатайство удовлетворялось в 87,59 % случаев, хоть раз отказывалось в его удовлетворении в 12,41 % случаев (см. прил. 4). Следует отметить, что в данном случае правоприменительная практика пошла по верному пути и не оказывает противодействия состязательности сторон в привлечении лиц, содействующих в осуществлении уголовного судопроизводства с применением своих специальных знаний. При этом Л. В. Лазарева и Е. В. Иванова отмечают, что «привлечение специалиста чаще всего происходит по инициативе стороны защиты, которая ставит цель изучить заключение эксперта с помощью сведущего лица и в случае необходимости заявить перед судом ходатайство о проведении этим лицом повторной экспертизы»[1].

Вместе с тем содействие, оказываемое сторонам специалистом, не может подменять экспертную деятельность. Данное обстоятельство ставит в заведомо неравное положение стороны, поскольку сторона защиты не имеет возможности назначать и проводить судебные экспертизы, как это принято в англо-американской модели уголовного процесса. Действительно, в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник наделен правом сбора доказательств, но способы сбора существенно ограничены законом, что не соответствует уголовно-процессуальным принципам равноправия и состязательности сторон. Об этом в своем обращении президенту в ходе заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека, проходившего 10 декабря 2019 г., отметил Г. Резник: «сторона защиты оказывается абсолютно бессильна перед той процедурой проведения

[1] Лазарева Л. В., Иванова Е. В. Формы специальных знаний, используемых на стадии исполнения приговора: проблемы и тенденции в правоприменительной практике // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 1 (62). С. 89.

экспертизы. Они проводятся только по постановлению следователя и суда… Понятно, есть следы, которые оставляют на месте происшествия. В таком случае понятно: баллистические экспертизы, ДНК – понятно, могут только следователи. Но такие экспертизы, как судебно-бухгалтерская, финансово-экономическая, лингвистическая, одни и те же материалы могут быть предоставлены специалисту стороной защиты. И это, кстати сказать, относится к той категории дел, которые вызывают постоянную тревогу. Это дела предпринимателей, это дела лиц, которые обвиняются в экстремизме, это лица, которые обвиняются в разжигании, и прочее»[1]. Предложено было наделить сторону защиты правом проведения полноценной экспертизы, как это предусмотрено в уголовном процессе отдельных стран.

Отсутствие возможности проведения параллельных экспертиз обеими сторонами зачастую может привести к экспертным ошибкам, а иногда и к экспертному произволу. Принцип состязательности сторон должен быть реализован и в отношении применения сторонами специальных знаний.

Отметим, что предложение Г. Резника о необходимости наделения стороны защиты правом проведения самостоятельных экспертных исследований уже высказывалось в доктрине уголовного процесса[2], но в то же время впервые президентом была обозначена официальная позиция по данному вопросу: «Привлечение экспертов … со стороны защиты. Здесь не вижу ничего такого, что могло бы нести ущерб самому процессу. Наоборот, мне кажется, он был бы более основательным. Во всяком случае, нужно над этим подумать и

---

[1] Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека, 10 дек. 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/62285 (дата обращения: 19.02.2023).

[2] См., например : Бахтадзе Г. Э. Необходимость наделения стороны защиты правом назначения судебных экспертиз // Вестник СамГУ. 2014. № 11-2 (122). С. 87–94 ; Попов А. П., Зинченко И. А. Развитие состязательных начал досудебного производства в доктринальной модели доказательственного права Российской Федерации // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 118–123 ; Буфетова М. Ш., Лукошкина С. В. Актуальные проблемы доказательственной деятельности защитника в российском уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2018. № 4 (22). С. 41–53 ; Баева К. М. «Собирание» доказательств адвокатом-защитником: основные проблемы и пути их разрешения // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 178–183 и др.

проработать»[1].

Безусловно, это необходимо для обеспечения состязательного начала уголовного процесса в стране, однако полагаем, что реализация данного предложения требует соответствующего анализа в теоретической плоскости, а также детальной проработки на законодательном уровне. Выделим лишь некоторые их аспекты.

Так, для выполнения поставленной цели необходимо изменить ряд существующих уголовно-процессуальных норм. Во-первых, следует закрепить право стороны защиты в лице подозреваемого, обвиняемого на производство судебной экспертизы. Нормативно данное право должно быть закреплено в ч. 2.1 ст. 86 УПК РФ. Также необходимо дополнить ч. 3 ст. 86 УПК РФ пунктом 4 следующего содержания: «4) назначение экспертиз».

Во-вторых, следует внести изменения в ст. 195 УПК РФ, дополнив ее частью 1.1 следующего содержания: «Сторона защиты готовит обращение о производстве экспертизы на имя руководителя экспертного учреждения, структура которого изложена в пп. 1–4 ч. 1 настоящей статьи». В ч. 1.2 следует отметить обязательность постановлений властных субъектов и обращение стороны защиты для руководителя экспертного учреждения, эксперта и лица, являющегося объектом экспертного исследования.

Кроме того, следует скорректировать норму 202 УПК РФ, заменив в ч. 1 слово «следователь» словом «стороны». В этой же норме следует определить порядок передачи объектов, находящихся у сторон, для проведения экспертного исследования. С этой целью необходимо добавить новую часть в указанную статью.

Полагаем, имплементация указанной нормы в нашем случае наиболее уместна и позволяет раскрыть возникающие в связи с назначением экспертизы уголовно-процессуальные отношения сторон.

В-третьих, следует внести соответствующие изменения в абз. 1 ст. 19

---

[1] Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека, 10 дек. 2019 г.

Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Так, первое предложение после слова «следователя» дополнить следующей фразой: «а также обращение стороны защиты». Второе предложение после слова «определения» дополнить фразой: «постановления или обращения».

Полагаем, внесение указанных изменений позволит сторонам в равной степени воспользоваться правом производства судебных экспертиз и использовать результаты деятельности эксперта в процессе в обоснование своей позиции по уголовным делам.

Однако позволим себе выразить некоторые проблемные аспекты такой инициативы, нуждающиеся в дополнительном самостоятельном исследовании:

Во-первых, действующее уголовно-процессуальное законодательство России не предусматривает обеспечение сохранности объектов экспертного исследования, равно как и не предусмотрена ответственность за несанкционированный доступ к объектам экспертизы.

Отсутствие соответствующих норм провоцирует возникновение противоправных ситуаций в правоприменительной деятельности. Примерами таких ситуаций могут послужить резонансные дела в отношении несовершеннолетних, погибших в дорожно-транспортных происшествиях, – А. Шимко и И. Суворова. В обоих случаях в рамках расследуемого уголовного дела судебно-медицинскими экспертами в крови 6-летних погибших детей был обнаружен алкоголь[1]. Родители их утверждали, что наличие алкоголя в крови детей невозможно и необходимо проведение повторных экспертиз.

Как следствие, в 2017 г. в отношении судебного эксперта К. было возбуждено уголовное дело. Суд признал его виновным и приговорил его к 10 месяцам исправительных работ. Следственный комитет РФ сообщил, что для установления факта нарушений, допущенных экспертом К., была назначена

[1] В средствах массовой информации эти дела получили известность как дела «пьяных мальчиков».

комплексная судебная экспертиза с привлечением 18 экспертов[1].

В 2019 г. в отношении судебного эксперта Н. также возбуждено уголовное дело[2].

Во-вторых, полагаем, что ст. 198 УПК РФ, предусматривающая права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, при назначении и производстве судебной экспертизы, тоже должна быть скорректирована. Изменения должны коснуться регламентации прав стороны обвинения в случае назначения судебных экспертиз стороной защиты.

В качестве третьего аспекта следует выделить целый комплекс вопросов о соотношении процессуально-властных полномочий в рамках расследуемого уголовного дела. Отнесение современного уголовного судопроизводства России к континентальной модели уголовного процесса предполагает наличие должностных лиц государственного органа, уполномоченных в осуществлении предварительного расследования с последующим формированием уголовного дела. Традиционно к их компетенции относится производство следственных действий, принятие решения о применении мер принуждения в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении расследуемого преступления, а также иные аспекты уголовного преследования, характеризующиеся реализацией функции обвинения. В свою очередь, предоставление возможности назначения и производства судебных экспертиз стороне защиты порождает комплекс дополнительных процессуальных вопросов: 1) предполагает ли допущенная возможность назначения стороной защиты судебных экспертиз производство ею и иных следственных действий? Если да, то каких? Если нет, то по какой причине приоритет отдан именно судебным экспертизам?; 2) в случае несогласия с заключением судебной экспертизы, проведенной стороной защиты, уполномочена ли сторона обвинения назначить собственную экспертизу? Каким образом будет назначена подобная экспертиза,

[1] Дело «пьяного мальчика»: сколько дали эксперту [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/social/2019/05/21/12367207.shtml (дата обращения: 19.02.2023).

[2] В Кирове завели дело против судмедэксперта по делу «пьяного» мальчика [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5dce53389a7947a6ed98909f (дата обращения: 19.02.2023).

если материалы, предоставленные судебному эксперту, были израсходованы или уничтожены в ходе экспертизы, назначенной стороной защиты?; 3) каким процессуальным документом будет инициирована судебная экспертиза, проводимая стороной защиты? Кем должен быть составлен данный документ – подозреваемым, обвиняемым, защитником, законным представителем или иным лицом? 4) подлежит ли судебный эксперт предупреждению об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение эксперта по ст. 307 УК РФ? Если да, то кем именно?

В-четвертых, возникает вопрос финансового характера, связанный с оплатой деятельности судебного эксперта, которая инициирована стороной защиты. Экспертная деятельность, осуществляемая на договорной основе, подразумевает соответствующее материальное вознаграждение судебного эксперта. В случае оплаты данной деятельности стороной защиты возникает ли возможность возмещения ей данных затрат как процессуальных издержек? Не сформирует ли данное право на производство судебной экспертизы стороной защиты с последующей ее оплатой представление населения о доступности состязательного уголовного процесса исключительно для состоятельных граждан, имеющих материальную возможность осуществить своевременную оплату дорогостоящих судебных экспертиз? Не отразится ли данное право в конечном итоге на справедливости и эффективности российского уголовного судопроизводства?

Обобщая вывяленные проблемы и завершая анализ инициативы назначения и производства судебной экспертизы стороной защиты, приходим к аргументированному выводу о нецелесообразности предоставления такого права. Более того, действующее уголовно-процессуальное законодательство России предусматривает обязанность следователя и суда приобщить к материалам уголовного дела «заключений экспертов», полученных защитником, для последующего исследования в совокупности с иными собранными доказательствами. Нами намеренно заключение эксперта взято в кавычки, поскольку оно не укладывается в уголовно-процессуальное понятие с

таким названием, но является таковым как для экспертов, его дающих, так и для стороны защиты.

Не меньшее значение для уголовного судопроизводства имеет и деятельность переводчика, тоже обладающего специальными знаниями, но уже в области языка.

Возможность вовлечения в производство переводчика предусмотрена всеми процессуальными отраслями, что позволят относить содействие, оказываемое правосудию этим лицом, к межотраслевым институтам.

Опираясь на рассмотренную нами богатую историю становления и развития процессуального статуса переводчика в российском уголовном процессе, отметим, что он является самостоятельным участником уголовного судопроизводства и был необходим для разрешения уголовных споров на протяжении многих веков развития нашей страны. Детальный анализ процессуального законодательства отдельных зарубежных стран позволил прийти к выводу о привлечении данного участника для оказания содействия сторонам и суду практически повсеместно, что не может не подчеркивать его неоспоримую значимость для полноценного расследования уголовного дела, основанного на принципах законности и справедливости. Кроме того, обязательность вовлечения в процесс переводчика для оказания содействия лицам, не владеющим языком уголовного судопроизводства, предусмотрена международными нормативными правовыми актами[1]. Отнесение переводчика к категории лиц, обладающих специальными знаниями, в доктрине уголовного процесса не вызывает сомнений[2].

В действующем УПК РФ статус переводчика закреплен в ст. 59.

---

[1] Среди основных следует отметить Конвенцию прав человека и основных свобод, принятую Советом Европы на Римском конгрессе 4 нояб. 1950 г., Рамочную конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств от 1 фев. 1995 г., Европейскую хартию о региональных языках или языках меньшинств, принятую Советом Европы 5 нояб. 1992 г., и Рекомендацию № R (81) 7 Комитета министров Совета Европы относительно путей облегчения доступа к правосудию от 14 мая 1981 г.

[2] Щерба С. П. Переводчик в российском уголовном процессе : науч.-практ. пособие. М. : Экзамен, 2005. С. 54 ; Селина Е. В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. М. : Юрлитинформ, 2002 ; Кузнецов О. Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве : моногр. М. : МПИ ФСБ России, 2006 и др.

Переводчик, как участник уголовного процесса, должен соответствовать ряду критериев: знать язык, на котором ведется производство, и язык, необходимый участнику процесса, которому назначается переводчик; не являться участником рассматриваемого уголовного дела (в противном случае переводчик подлежит отводу); не быть заинтересованным в исходе дела; обладать соответствующей компетенцией. Заметим, что компетентность переводчика не тождественна наличию у него специальных знаний. Она выражается в понимании юридической терминологии и умении правильно переводить все, о чем говорится в ходе уголовного производства. В литературе описан пример, произошедший на Нюрнбергском процессе. В ходе допроса с привлечением переводчика Геринг употребил фразу «политика троянского коня», которая была переведена как «какая-то лошадь». Этого было достаточно, чтобы судья вынес решение об отводе переводчика в связи с его некомпетентностью и последующей замене данного участника процесса[1].

Безусловно, лицу, привлекающему переводчика для оказания содействия, важно удостовериться в его компетентности, но именно это и вызывает массу проблем у правоприменителей. Тем более и закон не содержит четких критериев определения компетентности переводчика.

Нет единого подхода к решению этой проблемы и в теории уголовного процесса. Одни ученые полагают, что компетентность переводчика выражается в способности свободно говорить, читать и писать на обоих языках[2]; другие считают, что некомпетентность может выражаться в отсутствии владения или в недостаточном владении юридической и иной терминологией, а также методикой перевода[3].

И. И. Бунова отмечает, что именно «высокий уровень компетентности и

---

[1] Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог. М. : Воениздат, 1965. С. 28.

[2] Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : (по сост. на 20 авг. 2002 г.) / под общ. ред. В.М. Лебедева ; науч. ред.
В. П. Божьев ; [Бобров В. К. и др.]. М. : Спарк, 2002. С. 46.

[3] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Мозякова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Экзамен XXI, 2002. С. 180.

профессионализма переводчика создает условия для свободного восприятия информации как участниками судебного разбирательства, не владеющими языком судопроизводства, так и присутствующими в зале судебного заседания лицами»[1].

Повышенные требования к компетенции переводчика предъявляет О. Ю. Кузнецов. Автор полагает, что в качестве переводчика участвовать в уголовном процессе может лицо, которое проживает на территории Российской Федерации не менее 10 лет, имеет высшее профессиональное образование и одинаковую этническую принадлежность с лицом, которому он оказывает помощь[2]. Мы не можем не согласиться с тем, что указанные требования будут способствовать качественному переводу и, возможно, не поставят под сомнение компетентность переводчика, однако полагаем, что следователю будет крайне сложно найти специалиста, отвечающего всем указанным требованиям. Существует еще один подход: определять компетентность переводчика путем предоставления ему текста или устной речи, которые он должен точно и полно перевести без словаря[3]. Однако авторы этого подхода не называют ни источник происхождения текста или звукозаписи, ни методику определения правильности и полноты перевода.

Установление компетентности сведущего в области языка лица, действительно, является краеугольным камнем уголовного процесса. От решения этого вопроса может зависеть законность получаемых с участием переводчика доказательств, с последующим обжалованием полученных результатов. О. Ю. Кузнецов в одной из своих работ отмечает, что высшая судебная инстанция Европейского союза систематически рассматривает жалобы о допускаемых нарушениях в правоприменительной практике

---

[1] Бунова И. И. Особенности использования специальных знаний переводчиками в уголовном судопроизводстве (на примере Нюрнбергского процесса) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 5. С. 10–12.

[2] Кузнецов О. Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве. С. 256.

[3] Ширванов А. А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание возвращения дел для дополнительного расследования : дис. … канд. юрид. наук. М., 1999. С. 119–120.

различных государств, осуществляющих уголовное судопроизводство с привлечением переводчика[1].

Проведенное анкетирование сотрудников правоохранительных органов и судей по вопросу определения компетентности вовлекаемого в уголовный процесс переводчика дало достаточно интересные результаты. Так, 28,54 % опрошенных сотрудников следственных подразделений и органа дознания и 30 % судей ответили, что проверяют компетентность переводчика путем изучения представленных им документов об образовании (высшем, среднем); требуют представления отзывов и рекомендаций 17,16 % сотрудников следственных подразделений и органа дознания и 9 % судей; привлекают к производству по делу переводчика из лицензированных организаций, осуществляющих переводы, 36,38 % сотрудников следственных подразделений и органа дознания и 59 % судей; не проверяют компетентность, ограничиваясь предупреждением об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного перевода, 17,92 % сотрудников следственных подразделений и органа дознания и 2 % судей (см. прил. 4).

Безусловно, достаточно сложно определить компетентность переводчика, не имеющего подтверждающих документов об образовании, рекомендаций и отзывов, особенно когда времени для принятия процессуального решения мало. В такой ситуации остается лишь ограничиться предупреждением об уголовной ответственности лица за заведомо ложный перевод. Однако впоследствии этот прием может сыграть злую шутку с лицом, назначившим переводчика. Подозреваемый или обвиняемый, не владеющие языком уголовного судопроизводства, задавшиеся целью любой ценой затянуть процесс расследования, могут заявить отвод переводчику, сославшись на его некомпетентность. В данном случае приемлемым видится предложение А. В. Гуськовой о фиксации всех следственных действий с участием

[1] Кузнецов О. Ю. Международно-правовая практика обеспечения прав лиц, не владеющих языком судопроизводства страны, осуществляющей правосудие (по материалам Европейского суда по правам человека) // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 3. С. 15–20.

переводчика с помощью аудио- и видеоаппаратуры, чтобы у переводчика была возможность ознакомиться с записями и сделать необходимый перевод[1].

Другим не менее важным с практической позиции является вопрос о поиске переводчика для обеспечения его участия в уголовном процессе. Смоделируем ситуацию, когда по подозрению в совершении преступления задержано лицо, не владеющее языком уголовного судопроизводства. По общему правилу, следователь обязан в течение 24 часов допросить его, причем время отчитывается с момента фактического задержания подозреваемого. А с момента доставления такого лица в отдел полиции и до организации встречи со следователем проходит, как правило, еще несколько часов. В условиях ограниченности во времени следователю надлежит определить, на каком языке говорит задержанный, и организовать поиск переводчика. Так куда следует обратиться должностному лицу в такой ситуации?

Проведенное анкетирование сотрудников следственных подразделений и органа дознания, а также судей позволило выявить следующие варианты решения: в образовательные организации, в которых преподаются иностранные языки, – 9,14 % (судьи – 1,55 %); в организации, оказывающие услуги перевода, – 37,68 % (судьи – 72,87 %); к коллегам по работе и знакомым, которые порекомендуют «хорошего переводчика», – 33,2 % (судьи – 2,32 %); к представителям иностранных государств, проживающим на территории данного населенного пункта, – 9,14 % (судьи – 5,43 %); в миграционную службу, осуществляющую прием и регистрацию граждан иностранных государств, – 10,84 % (судьи – 17,83 %) (см. прил. 4).

Безусловно, крайне редко требуется привлечение переводчика со знаниями западноевропейских языков, в основном необходимость возникает в специалистах со знанием азиатских или тюркских языков. Следовательно, должностному лицу, нуждающемуся в услугах переводчика, следует исходить из обстоятельств дела и, возможно, целесообразно использовать все перечисленные варианты решения проблемы поиска переводчика.

---

[1] Гуськова А. В. Функция переводчика в уголовном процессе. С. 54.

Как и другие участники процесса, переводчик обладает комплексом прав и обязанностей, которые не в полной мере отражены в ст. 59 УПК РФ, что свидетельствует о необходимости внесения изменений в редакцию данной нормы (см. прил. 6).

Еще один спорный вопрос, до сих пор оставшийся нерешенным, касается момента вовлечения переводчика в процесс расследования. Данный пробел мы предлагаем устранить введением новой редакции ч. 1 ст. 169 УПК РФ, которую предлагаем изложить в следующем виде: «1. Переводчик допускается к участию в уголовно-процессуальной деятельности с момента:

1) заявления участником уголовного судопроизводства о желании давать показания на родном языке или языке, которым он владеет;

2) фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, в случаях, предусмотренных статьями 91, 92 настоящего Кодекса;

3) возбуждения уголовного дела в отношении лица, не владеющего языком, на котором ведется производство по уголовному делу;

4) вручения уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном ст. 223^1 настоящего Кодекса;

5) применения к лицу, не владеющему языком, на котором ведется производство по уголовному делу, меры пресечения в порядке, установленном статьей 100 настоящего Кодекса;

6) начала производства иных процессуальных или следственных действий, затрагивающих права и свободы лица – участника уголовного судопроизводства, не владеющего языком, на котором ведется производство по уголовному делу.

Следователь привлекает переводчика к участию в следственном или ином процессуальном действии в соответствии с требованиями части 5 статьи 164 настоящего Кодекса» (см. прил. 6).

Подводя итог проведенному анализу правового положения лиц, оказывающих содействие оправлению правосудия с использованием своих

специальных знаний, выделим некоторые моменты, имеющие значение для теории уголовного процесса и для правоприменительной деятельности:

– закрепленное в законе процессуальное положение сведущих лиц требует дополнительной регламентации, в частности понятия «эксперт», «специалист», «переводчик» подлежат переосмыслению, а их права, закрепленные в соответствующих уголовно-процессуальных нормах, – расширению;

– законодатель, закрепив в законе показания специалиста в качестве самостоятельного вида доказательства, не предусмотрел норму, регламентирующую порядок проведения допроса специалиста, и не допустил привлечения его к уголовной ответственности по аналогии с экспертом. Указанное обстоятельство является причиной неоднозначного отношения ученых-процессуалистов к добываемым с привлечением этого участника доказательствам;

– закон не содержит нормы, определяющей момент привлечения в уголовный процесс переводчика, остаются не решенными вопросы о необходимости предупреждения его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и о порядке определения его компетентности.

Таким образом, к лицам, обладающим специальными знаниями и наделенными законодателем процессуальным положением, следует относить эксперта, специалиста и переводчика. Определена тенденция к расширению возможностей применения специальных знаний на стадии возбуждения уголовного дела, а также путем вовлечения в уголовно-процессуальные отношения специалиста стороной защиты. При этом аргументирована необходимость совершенствования процессуального статуса сведущих лиц путем внесения изменений в ст. 57–59 УПК РФ. Также обоснована необходимость введения самостоятельной нормы, регламентирующей процессуальный порядок допроса специалиста (ст. 190.1 УПК РФ). В результате проведенного исследования процессуальной возможности назначения и производства судебной экспертизы стороной защиты сформулирован вывод о

нецелесообразности наделения данным правом стороны защиты. Предложено определение момента допуска к уголовно-процессуальным отношениям переводчика регламентировать на законодательном уровне, путем внесения соответствующих изменений в ч. 1 ст. 169 УПК РФ.

§ 3. Оказание содействия правосудию лицами, обладающими специальными знаниями, не имеющими процессуального статуса

Зачастую за оказанием содействия уголовному правосудию прибегают к помощи лиц, обладающих специальными знаниями, но не имеющих самостоятельного процессуального статуса.

Научный интерес в рамках проводимого исследования представляет определение статуса педагога, психолога и врача в уголовном процессе. Эти лица являются неотъемлемыми участниками отдельных следственных действий при наличии закрепленных в законе условий, но, к сожалению, их участие носит лишь императивный характер, а определение их процессуального статуса вызывает острую полемику в научных кругах, которой, в свою очередь, обусловлены сложности в правоприменении.

Впервые привлечение педагога для производства допроса несовершеннолетнего обвиняемого было предусмотрено советским уголовно-процессуальным законодательством (ст. 397 УПК РСФСР 1960 г.). Закон наделяет педагога правом ознакомиться с результатом проведенного допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте произведенных записей.

Не до конца урегулировал статус педагога и в УПК РФ. Единственным прогрессивным шагом законодателя следует считать то, что он в 2013 г.[1] хотя бы

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений

определил, кого в уголовном процессе считать педагогом (п. 62 ст. 5 УПК РФ).

Необходимость привлечения педагога для производства следственного действия нашла отражение в трех нормах: ст. 191, 280 и 425 УПК РФ. Все они предусматривают участие этого лица при производстве следственных и процессуальных действий с участием несовершеннолетнего, причем для этого может быть приглашен либо педагог, либо психолог.

Чем вызвана необходимость вовлечения в уголовный процесс педагога и в чем заключается содействие, оказываемое этим лицом правосудию? В теории уголовного процесса сложились две точки зрения. Одни ученые полагают, что педагога, как и психолога, следует относить к категории специалистов, поскольку они привлекаются к производству следственных действий и обладают специальными знаниями в области педагогики или психологии[1]. Так, к примеру, О. А. Зайцев, А. Ю. Епихин и Е. П. Гришина, считают, что «Педагог, психолог являются носителями специальных познаний, осуществляющими важную деятельность – помощь в получении правдивых, лингвистически точных и достоверных показаний»[2]. Такой же позиции придерживаются законодатели РК (ст. 80 УПК РК), РБ (ст. 62 УПК РБ), АР (ст. 96.1 УПК АР).

Другие ученые считают, что педагога и психолога не следует рассматривать в качестве специалистов в процессуальном смысле, поскольку их функции несколько отличаются. Следовательно, законодателю необходимо предусмотреть для них самостоятельный процессуальный статус – лица, оказывающие содействие в отправлении правосудия[3].

законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» : федер. закон от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27, ст. 3477.

[1] Макаренко И. А. Указ. соч. ; Семенов В. В. Участие специалиста-психолога в производстве допроса // Российский следователь. 2008. № 7 и др.

[2] Зайцев О. А., Епихин А. Ю., Гришина Е. П. Реализация международных принципов и стандартов защиты детей - жертв и свидетелей преступлений в уголовно-процессуальном законодательстве России // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6 (85). С. 26.

[3] Багаутдинов Ф. Указ. соч. ; Тетюев С. В. Процессуальные особенности допроса несовершеннолетнего обвиняемого.

Функционально педагог и психолог при производстве следственных действий выполняют целый комплекс действий. В их задачи входит удостоверение факта проводимого следственного действия, одновременно с этим они представляют интересы допрашиваемого несовершеннолетнего, в процессе производства следственных действий применяют специальные знания в области педагогики или психологии.

Кроме того, привлечение данной категории лиц ограничено еще одним условием – возрастом или состоянием лица, принимающего участие в следственном действии[1].

В сложившейся ситуации возможны два решения: первое потребует от законодателя расширить процессуальные полномочия специалиста, а второе предполагает введение самостоятельных процессуальных статусов педагога и психолога. Приверженцем последнего варианта является, например, Е. В. Марковичева. Она полагает, что «…в этом случае педагог или психолог могут быть нормативно обозначены в уголовно-процессуальном законодательстве именно в качестве специалиста, выполняющего особые процессуальные функции»[2]. Полагаем, что расширение количества лиц, являющихся участниками уголовного судопроизводства, малоперспективно, а выделение педагога и психолога как самостоятельных участников процесса нецелесообразно. О. В. Челышева и А. В. Шахматов справедливо отмечают, что «Сведущие лица, не перечисленные в указанной главе (гл. 8 УПК РФ. – В. Л.),

[1] Так, осужденные приговором Московского областного суда Б. и Ш. считали его незаконным и несправедливым, указывая, что судебное следствие проведено с нарушением уголовно-процессуального закона, поскольку несовершеннолетний свидетель Э. был допрошен без участия законного представителя, педагога и психолога. Рассмотрев жалобу, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ вынесла апелляционное определение, в котором указала, что показания свидетеля Э. получены в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона. Согласно положениям ст. 191 УПК РФ при допросе, очной ставке, проверке показаний несовершеннолетнего свидетеля, достигшего 16-летнего возраста, участие педагога, психолога, законного представителя не является обязательным. Поэтому изложенные в жалобах осужденных доводы о недопустимости показаний свидетеля Э. в связи с отсутствием при его допросе указанных лиц являются несостоятельными. (см.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 20 мая 2015 г. Дело № 4-АПУ15-31 // СПС «Консультант Плюс»).

[2] Марковичева Е. В. Указ. соч. С. 261.

но участие которых предусмотрено в статьях, регламентирующих порядок производства следственных действий, являются специалистами в смысле ст. 58 УПК РФ, несмотря на то, что сам термин «специалист» в текстах статей отсутствует»[1]. По нашему мнению, следует заимствовать опыт рассмотренных зарубежных стран и отнести данных участников процесса к специалисту при условии расширения его процессуальных функций.

В целом проблема участия психолога и педагога в уголовном судопроизводстве, в связи со своей многоаспектностью, остается до конца нерешенной, требует дальнейшего изучения и научно обоснованных решений как по закреплению их процессуального статуса, так и по систематизации и дифференциации при их выборе.

В теории уголовно-процессуального права, имеют место исследования, посвященное вопросам идентификации процессуального статуса педагога и психолога[2]. Проблемам вовлечения и участия в уголовное судопроизводство педагога и психолога в посвящены самостоятельные научные исследования, в том числе диссертационные. Так, в 2018 г. успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук М. С. Демкиной, которая рассматривала педагога (психолога) как участников уголовного судопроизводства[3]. В 2019 г. подготовлено диссертационное исследование М. А. Шуваловой, посвященное проблеме совершенствования и модернизации мер, способствующих защите прав и законных интересов несовершеннолетних в уголовном процессе, в том числе с помощью законодательно закрепленного участия психолога и педагога[4].

Недостаточность теоретического исследования вопроса выбора между

---

[1] Челышева О. В., Шахматов А. В. Проблемы применения уголовно-процессуальных норм об участии специалиста в процессуальных действиях при производстве предварительного расследования // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. 2021. Т. 31. № 3. С. 525.

[2] См, например: Зайцева Е. А. Спорные аспекты идентификации процессуального статуса педагога и психолога в уголовном судопроизводстве // Судебная экспертиза. 2019. № 1 (57). С. 5–18.

[3] Демкина М. С. Указ. соч.

[4] Шувалова М. А. Участие психолога и педагога в уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2019.

психологом и педагогом, отсутствие научных знаний, позволяющих выбирать наиболее соответствующих психологов и педагогов, используя дифференцированный подход, обусловливают необходимость разработки научно-методического аппарата, позволяющего осуществлять рациональный выбор психологов и педагогов.

Хотелось бы подробнее остановиться на диссертационном исследовании М. А. Шуваловой (Санкт-Петербург, 2019), подготовленном по данной теме. Проведенный анализ позволил выявить особое практическое значение разработанной М. А. Шуваловой запатентованной программы для ЭВМ «Программа выбора психолога и педагога при производстве по уголовному делу с участием несовершеннолетнего», а также технических средств: «Штамп для процессуальных документов с автоматической оснасткой и комплектом сменных клише с различной информацией» и «Рабочее место следователя, дознавателя для проведения допроса и иных следственных действий с участием несовершеннолетнего», которые могут применяться в органах предварительного расследования, судах, а также в учебном процессе.

Несмотря на оригинальность и обоснованность идеи о возможности использования при проведении допроса и иных следственных действий с участием психолога, педагога авторского устройства – штампа для процессуальных документов с автоматической оснасткой и комплектом сменных клише с различной информацией, – вызывает сомнения практическая целесообразность необходимости применения предложенного изобретения. В соответствии с описанием данного технического устройства[1], штамп представляет собой габаритное изделие, позволяющее автоматически наносить информацию, наиболее полно отражающую психическое и физическое состояние несовершеннолетнего. Учитывая, что психическое и физическое состояние проблематично отразить одной-двумя строками в документе, предлагаемый штамп, скорее всего, вследствие больших размеров сменных клише будет иметь габариты, вызывающие неудобства при постоянной

[1] Там же С. 42–52.

эксплуатации, ношении, содержании. Поэтому суждение автора об удобстве применения штампа для процессуальных документов с автоматической оснасткой и комплектом сменных клише не разделяется, однако эффективность применения такого инструмента не оспаривается.

Кроме того, отметим, что в работе имеются и другие спорные выводы. Например, утверждение о том, что «отсутствие понятия "психолог" в уголовно-процессуальном законодательстве влечет неоднозначность трактовки не только этого понятия, но и, как следствие, неэффективность, формальности участия данных процессуальных фигур»[1]. При этом должной аргументации формальности участия психолога не приводится. Возможно, следовало бы более полно, ссылаясь не только на правоприменительную практику участия психологов в проведении допроса и иных следственных действиях, раскрыть в своем исследовании сущность формальности участия данной процессуальной фигуры вследствие пробела в законодательстве.

В работе справедливо отмечено, что физическое и психическое состояние несовершеннолетнего может оказаться препятствием для проведения допроса[2], однако спорным видится суждение о возложении ответственности на психолога и педагога за проведение внешнего медицинского осмотра, с отражением результатов в протоколе допроса. М. А. Шуваловой не взято во внимание участие в допросе несовершеннолетнего других процессуальных фигур, в поле зрения которых могут попасть явные физические или психические отклонения несовершеннолетнего, например, в его поведении. Проведенный детальный анализ профессиональных навыков психологов и педагогов, особенностей их подготовки для общения с несовершеннолетними выявляет отсутствие у них медицинских навыков, знаний и умений, позволяющих квалифицированно определить по внешним признакам физическое и психическое состояние несовершеннолетнего. Несомненно, определение таких навыков в интересах более эффективного участия психологов и педагогов в уголовном

[1] Там же С. 15.
[2] Там же С. 41.

судопроизводстве с участием несовершеннолетних заслуживает отдельного исследования, но вместе с тем автору следовало бы более обоснованно подойти к предложению о проведении внешнего медицинского осмотра несовершеннолетних психологами и педагогами.

И наконец, возникают сомнения о реальной (практической) возможности поиска и последующего привлечения психологов и педагогов к уголовному процессу. Согласно представленным в работе данным территориальное размещение соответствующих специалистов неравномерно[1]. М. А. Шувалова, предлагая алгоритм выбора психологов и педагогов для их участия в уголовном судопроизводстве, абсолютно категорична в определении профессий для конкретных несовершеннолетних участников и иногда не оставляет возможности взаимозамещения психологов педагогами и наоборот. На наш взгляд, предлагаемый алгоритм должен быть адаптирован к различным регионам Российской Федерации, чему, скорее всего, должно предшествовать статистическое исследование трудовой деятельности психологов и педагогов в регионах. Она также не предлагает варианты участия психологов и педагогов других профессий при невозможности привлечения требуемого в соответствии с авторскими алгоритмом и программой.

Таким образом, сформулируем промежуточные результаты проведенного исследования вовлечения и участия педагога и психолога для оказания содействия в уголовном судопроизводстве сторонам и суду:

Во-первых, нормативно участие педагога и психолога при производстве процессуальных действий с участием несовершеннолетних было закреплено со второй половины XIX в. – в Уставе уголовного судопроизводства, а позже и в УПК РСФСР. Однако ни в тех нормативных актах, ни в современном УПК РФ, к сожалению, нет нормы, раскрывавшей их уголовно-процессуальный статус.

Во-вторых, нерегламентированность уголовно-процессуального статуса участника уголовного судопроизводства не позволяет в полной мере принимать им участие в возникающих уголовно-процессуальных правоотношениях ввиду

[1] Там же С. 89–91.

отсутствия прав, обязанностей и ответственности.

В-третьих, решение сложившейся ситуации видится в дополнении ч. 1 ст. 58 УПК РФ, позволяющей педагога и психолога, привлекаемых к участию в процессуальных действиях совместно с несовершеннолетними участниками уголовного судопроизводства, приравнять к специалисту. По схожему пути в решении указанной проблемы пошли некоторые бывшие союзные республики: Казахстан, Белоруссия, Азербайджан.

Далее следует отметить, что в аналогичной правовой ситуации оказался и врач, неоднократно упоминаемый законодателем, оказывающий содействие властным субъектам уголовного процесса в констатации медицинских фактов.

Понятие «врач» представляет собой собирательный образ медицинского работника. Имеется в виду врач любой медицинской специальности. Учитывая изложенное, полагаем, что законодатель все же допустил определенную терминологическую путаницу, раскрывая порядок производства осмотра трупа: «Следователь производит осмотр трупа с участием судебно-медицинского эксперта, а при невозможности его участия – врача. При необходимости для осмотра трупа могут привлекаться другие специалисты» (ч. 1 ст. 178 УПК РФ). Получается, что к осмотру трупа допускается привлекать как минимум трех участников – эксперта, врача, специалиста. Справедливо возникает вопрос и о необходимости производства в ходе осмотра экспертизы, поскольку в данное действие вовлекается эксперт, а также вопрос о том, должно ли быть заключение эксперта. В случае отрицательного ответа, – а он, безусловно, таков, – возникает другой, не менее логичный вопрос: насколько уместен тут судебно-медицинский эксперт? Кроме того, не понятно, должен ли врач иметь образование в конкретной области или допустимо привлечение любого лица по профессии врача?

Отвечая на первый вопрос, А. А. Тарасов находит единственную вразумительную причину, по которой законодатель ссылается на эксперта: «словосочетание "судебно-медицинский эксперт" употреблено в ст. 178 УПК не в значении процессуального статуса, а в смысле названия должности

специалиста – судебного медика»[1].

Врач, как субъект уголовного судопроизводства, упомянут и в норме, регламентирующей производство освидетельствования. Закон предусмотрел возможность привлечения для производства освидетельствования с целью оказания содействия следователю «врача или другого специалиста» (ст. 179 УПК РФ). Стоит допустить, что в случае с врачом и специалистом законодатель попал в так называемый терминологический капкан, когда специалист рассматривается и как участник уголовного судопроизводства, и как лицо, специализирующееся в какой-либо области.

Е. А. Зайцева сравнивая освидетельствование с получением образов для сравнительного исследования[2] относит его к безотлагательным следственным действиям, и указывает, что как правило они проводятся одно за другим «особенно если в ходе этих действий предполагается медицинское вмешательство и возникает потребность в приглашении специалиста –медицинского работника»[3]. Обращает на себя внимание тот факт, что автор умышленно не употребляет, указанного в законе врача, в качестве лица, оказывающего содействие в производстве данных процессуальных действий.

Кого же следует понимать под врачом? Полагаем, что следует воспользоваться определением, данным в приказе Минздравсоцразвития РФ и под врачом понимать лицо, обладающее высшим медицинским образованием, которое занимается лечением живых лиц, следовательно, не имеет отношения к осмотру и описанию трупов[4].

Нам представляется в данном случае весьма удачным предложение

---

[1] Тарасов А. А. Указ. соч. С. 69.

[2] Зайцева Е. А., Шведова Н. Н. Образцы для сравнительного исследования: процессуальные и методические проблемы получения и использования // Судебная экспертиза. 2022. № 4 (72). С. 19–31.

[3] Зайцева Е. А. Получение образцов для сравнительного исследования: теоретические, нормативные и правоприменительные проблемы // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. № 4 (34). С. 21.

[4] См.: Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации : приказ Минздравсоцразвития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н // Российская газета. 2010. № 186.

Е. А. Семенова, который считает неуместным употребление в указанных статьях профессии врача и предлагает использовать термин «специалист по судебной медицине»[1]. По нашему мнению, следует изменить редакцию норм УПК РФ, в которых содержится упоминание о враче (см. прил. 6).

На основании изложенного считаем необходимым внести изменения в ч. 1 ст. 58 УПК РФ, изложив ее в следующем виде: «1. Специалист – сведущее лицо, обладающее специальными знаниями, умениями и навыками, профессиональным опытом их применения, независимое и незаинтересованное в исходе дела, в установленном законом порядке привлеченное сторонами для обнаружения, изъятия, закрепления и оценки доказательств, постановки вопросов эксперту или другим участникам, в целях оказания консультационно-справочной помощи, в том числе педагогической или психологической, технического сопровождения процесса получения и закрепления доказательств, а также для производства исследования, дачи показаний и заключения. Специалистами являются так же педагог, психолог, участвующие в процессуальных действиях с участием несовершеннолетнего, а равно специалист по судебной медицине, участвующий в процессуальных действиях в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом» (см. прил. 6).

Таким образом, законодательное регулирование оказания содействия правосудию лицами, обладающими специальными знаниями, не исключает возникновения проблемных, а зачастую и неурегулированных вопросов, связанных с отсутствием законодательно определенного процессуального статуса лиц, обладающих специальными знаниями, четкого и полного закрепления их прав, обязанностей и ответственности, а также с допускаемыми в законе терминологическими несоответствиями. Все сказанное свидетельствует о том, что требуется оптимизация уголовно-процессуальной формы оказания содействия правосудию путем внесения комплексных изменений в УПК РФ.

---

[1] См.: Семенов Е. А. Указ. соч. С. 342.

ГЛАВА 4. СОДЕЙСТВИЕ ПРАВОСУДИЮ ЛИЦАМИ, НЕ ОБЛАДАЮЩИМИ СПЕЦИАЛЬНЫМИ ЗНАНИЯМИ: НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, РЕАЛИЗАЦИЯ И ВОЗМОЖНОЕ РАСШИРЕНИЕ ФОРМ

§ 1. Осуществление содействия правосудию участниками уголовного процесса, имеющими процессуальный статус, не обладающими специальными знаниями

Содействие сторонам и суду может быть оказано не только лицами, обладающими специальными знаниями. К данной категории участников процесса так же следует относить свидетеля (ст. 56 УПК РФ), лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1 УПК РФ), понятого (ст. 60 УПК РФ). Роль и значение их неоднократно являлись предметом исследования ученых-процессуалистов, но практически всегда эти участники рассматривались обособленно. В отечественной уголовно-процессуальной литературе нет ни одного исследования, в котором бы указанные лица были рассмотрены в комплексе, с точки зрения реализуемой ими функции оказания содействия правосудию.

Процессуальный статус свидетеля определен во всех процессуальных отраслях не только российского права, но и права зарубежных стран. УПК РФ понимает под свидетелем лицо, вызванное для дачи показаний в связи с тем, что ему могут быть известны обстоятельства, имеющие значение для дела (ч. 1 ст. 56 УПК РФ). Достаточно обтекаемое, на наш взгляд, определение позволяет рассматривать в качестве свидетеля любое лицо, которое не только является очевидцем противоправного события, но может сообщить следствию интересующую информацию, поскольку располагает таковой. Кроме того,

наличие в определении вероятностной возможности обладанием необходимой информацией позволяет признать в качестве свидетеля любое лицо, которое вызвано на допрос в качестве такового, не зависимости от фактического наличия необходимых сведений.

Кроме того, законом предусмотрен перечень лиц (ч. 2 ст. 56 УПК РФ), которые могут не давать показания в качестве свидетелей, поскольку наделены процессуальными привилегиями или иммунитетом.

Уголовно-процессуальный институт свидетельского иммунитета неоднократно становился предметом научных исследований[1], каждый автор предлагал свое определение данного понятия. Наиболее удачной нам представляется позиция В. М. Быкова, который включил в определение свидетельского иммунитета не только право лица не свидетельствовать, но и обязанность властных субъектов уголовного процесса обеспечить это право[2].

Следует отметить, что предусмотренное ст. 51 Конституции РФ право не свидетельствовать против себя, своего супруга и близких родственников принято в соответствии с международным пактом «О гражданских и политических правах», закрепившим право на непринуждение к даче показаний против себя и непризнание себя виновным[3]. Право свидетеля отказаться от дачи показаний по предусмотренным основаниям распространяется на все процессуальные отрасли, в которых свидетели могут быть привлечены для оказания содействия правосудию.

Полагаем, следует конкретизировать понятие свидетеля, закрепленное в ч. 1 ст. 56 УПК РФ, изложив его в следующем виде: «Свидетель – лицо, не имеющее ограничений для дачи показаний, располагающее информацией по

---

[1] Малахова Л. И. Иммунитеты и привилегии в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: к вопросу о соотношении понятий // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 2. С. 7–12 ; Малько А. В., Суменков С. Ю. Правовой иммунитет: теоретические и практические аспекты // Журнал российского права. 2002. № 2. С. 16–24 ; Решняк М. Свидетельский иммунитет – особый вид привилегий // ЭЖ-Юрист. 2011. № 16. С. 4 ; Тарнакоп О. Г. Иммунитеты в уголовном процессе. М. : Юрлитинформ, 2011 и др.

[2] Быков В. М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. Казань : Познание, 2008. С. 65.

[3] См.: О гражданских и политических правах : международный пакт, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 дек. 1966 г.

конкретному уголовному делу об обстоятельствах преступления, лицах, его совершивших или имеющих отношение к данному преступлению, иных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, вызванное для дачи показаний в органы расследования или в суд».

Подчеркнем, что лицо приобретает статус свидетеля и допустимо, что данный статус будет для него временным. При этом не следует злоупотреблять процессуально-властными полномочиями и легкомысленно привлекать людей для допроса в качестве свидетелей. Это, как правило, чревато потерей драгоценного для уголовного судопроизводства времени и не находит понимания у населения, отчего страдает репутация правоохранительных органов и доверие к правосудию в целом. Целесообразно проведение предварительной работы, в связи с необходимостью установления наличия информации у конкретного лица, для привлечения его в качестве свидетеля.

По нашему мнению, данное определение отражает не только основные признаки рассматриваемого участника, но и его значение для уголовного судопроизводства.

Согласно закону свидетелем по уголовному делу является лицо, которое располагает определенной информацией и вызвано для дачи показаний. Отметим, что приглашение для дачи показаний осуществляется либо через повестку, либо путем уведомления по телефону. С этого момента у лица не остается другого выбора, как явиться в правоохранительные органы либо в суд, в противном случае он подлежит уголовной ответственности за отказ от дачи показаний (ст. 308 УК РФ). На первый взгляд все достаточно логично и не вызывает дискуссий: есть свидетель, он владеет необходимой информацией, следовательно, должен сообщить ее в ходе допроса. Но ситуация резко меняется, если лицо не владеет необходимой информацией, следовательно, не является свидетелем по смыслу ч. 1 ст. 56 УПК РФ, однако вызвано повесткой для дачи показаний в таком процессуальном статусе. Следует ли в данном случае говорить об ограничении прав человека, незаконно привлекаемого к производству следственных действий и принуждаемому под страхом уголовной

ответственности к даче показаний, которыми он не располагает? Полагаем, что нет. Следует помнить, что уголовно-процессуальная деятельность представляет собой, прежде всего, вид государственной деятельности, направленной на раскрытие и расследование преступлений, в ходе которой лица, осуществляющие уголовное преследование, уполномочены применять предусмотренные законом меры государственного принуждения.

Содействие свидетеля правосудию заключается в сообщении им сведений по уголовному делу, его показания являются самостоятельным видом доказательства (п. 2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Для определения способов получения информации обратимся к ст. 79 УПК РФ, в соответствии с которой к показаниям свидетеля относятся сведения, сообщенные им на допросе, проведенном как на досудебном этапе расследования, так и в ходе судебного разбирательства. Порядок вызова на допрос, оформления повесток, заполнения расписок подробно изложен в теории уголовного процесса, в частности в работе А. В. Макеева[1].

Из буквального толкования ст. 79 УПК РФ следует, что показания свидетеля допустимо получить лишь в ходе допроса, одной из разновидностей которого является очная ставка[2]. В случае проведения ее с участием свидетеля тоже можно получить ранее не известную следствию информацию (ч. 2 ст. 192 УПК РФ). По мнению отдельных ученых, информативность очной ставки может превышать информативность допроса[3]. Вместе с тем считаем, что это не исчерпывающий перечень следственных действий, в ходе которых следователь может получить значимую для проводимого расследования информацию от свидетеля. Так, в протокол следственного действия заносятся пояснения или замечания, сообщенные свидетелем в ходе производства проверки показаний на

---

[1] Макеев А. В. Свидетель в уголовном судопроизводстве России: становление и тенденции развития процессуального института : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

[2] См., например: Карнеева Л. М. Показания свидетелей и потерпевших // Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р. С. Белкин и др. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрид. лит., 1973. С. 582 ; Тетерин Б.С., Трошкин Е. З. Возбуждение и расследование уголовных дел. М., 1997. С. 78–81.

[3] Рыжаков А. П. Основания, условия и порядок производства очной ставки. Комментарий к ст. 192 УПК РФ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

месте (ст. 194 УПК РФ), следственного эксперимента (ст. 181 УПК РФ), повторного осмотра места происшествия с участием данного субъекта (ст. 176, 177 УПК РФ), которые могут содержать необходимые детали произошедшего события. В этой связи считаем, что следует скорректировать норму, определяющую, что является показаниями свидетеля, изложив ч. 1 ст. 79 УПК РФ в следующей редакции: «1. Показания свидетеля – сведения, сообщенные им в устной или письменной форме на допросе, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу, или в суде в соответствии с требованиями статей 187–191 и 278 настоящего Кодекса, а также при производстве иных следственных и процессуальных действий с его участием». Данное определение, по нашему мнению, наиболее полно отвечает современной природе уголовного судопроизводства, положениям теории доказывания и потребностям правоприменительной практики.

Существует достаточно большое количество публикаций, посвященных процессуальному статусу свидетеля, особенностям его участия в уголовном судопроизводстве, чего нельзя сказать о лице, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1 УПК РФ).

Внесенные в 2018 г. изменения в гл. 8 УПК РФ, дополнившие перечень лиц, оказывающих содействие правосудию, определили необходимость пересмотра и детального анализа уголовно-процессуального института содействия правосудию. Исследование вопроса о предпосылках появления в современном уголовном процессе России столь специфического участника процесса, позволили выделить отдельные исторические этапы.

Так, инициатором появления в российском уголовном процессе фигуры «особого свидетеля»[1] можно считать гр. Д. В. Усенко, признанного приговором Вологодского городского суда от 15 апреля 2014 г. виновным за незаконный

[1] Для удобства изложения материала в рамках настоящего исследования, предложено лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 56.1 УПК РФ) именовать «особым свидетелем».

сбыт и покушение на незаконный сбыт наркотических средств в крупном размере в составе организованной группы. Оспаривая данное решение, Д. В. Усенко обратился в Конституционный Суд РФ[1].

В июле 2016 г. Конституционный Суд РФ принял решение о необходимости внесения в УПК РФ изменений, предусматривающих особый статус лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, с целью определения его участия в судебном разбирательстве по основному уголовному делу для дачи показания в отношении лиц, обвиняемых в том же преступлении в соучастии с ним. Выяснилось, что такая норма действительно отсутствовала в УПК РФ. Более того, отдельные авторы утверждают, что «некоторые его положения противоречат другим федеральным и даже федеральным конституционным законам»[2].

В январе 2017 г. Распоряжением Правительства РФ принято решение внести проект федерального закона с соответствующими изменениями уголовно-процессуального законодательства в Государственную Думу Федерального Собрания РФ. Подготовленный проект федерального закона № 75674-7[3] был представлен и прошел необходимую процедуру согласования, 9

---

[1] Суть обращения заключалась в том, что соучастники преступления, граждане К. и Н., заключив досудебное соглашение о сотрудничестве, дали показания в качестве свидетелей в отношении Д. В. Усенко без предупреждения об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний или отказ от дачи показаний. Заявитель счел, что действующее уголовно-процессуальное законодательство, допускающее возможность не предупреждать свидетеля, являющегося соучастником преступления, заключившим соглашение, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и дачу заведомо ложных показаний при производстве по уголовному делу в отношении соучастника, тем самым ограничивает гарантии презумпции невиновности лица, в отношении которого даются эти показания, нарушает запрет на использование недопустимых доказательств и потому противоречит Конституции РФ (см.: По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко : постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П // Собрание законодательства РФ. 2016. № 31, ст. 5088).

[2] Головачук О. С., Прошляков А. Д. Соотношение УПК РФ и других нормативных актов: закон, теория, правовые позиции конституционного суда РФ и судебная практика // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 4. С. 53.

[3] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления порядка участия лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, в уголовном деле в отношении соучастников преступления : проект федер.

октября 2018 г. принят Государственной Думой РФ в окончательной редакции.

Однако не все так положительно, как кажется на первый взгляд. Опубликовано открытое письмо Председателю Государственной Думы РФ В. В. Володину, подготовленное от имени президента Федеральной палаты адвокатов РФ Ю. С. Пилипенко, в котором адресант указывает на необходимость доработки проекта федерального закона № 75674-7 в соответствии с Постановлением Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П[1]. Поскольку письмо было написано в январе 2017 г., а закон принят лишь через полтора года, полагаем, что предложения разработчиков были учтены.

Вместе с тем, самостоятельных исследований, посвященных анализу процессуального статуса «особого свидетеля» в настоящее время не так много. Отметим работу А. В. Копылова, который рассмотрел отдельные вопросы нравственного характера в реализации процессуального положения данного участника процесса[2], также Н. В. Азаренком исследован вопрос о правовой природе показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве[3]. Отдельно хотелось бы выделить работу Д. Н. Стацюка «Процессуальное положение лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве» (Санкт-Петербург, 2022)[4], поскольку автор одним из первых подготовил комплексное монографическое исследование по данному участнику уголовного судопроизводства, что подчеркивает актуальность и новизну данной работы. Вместе с тем, автор утверждая, что «трансформация процессуального интереса лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве,

---

закона
№ 75674-7. URL: http://asozd.duma.gov.ru (дата обращения: 19.02.2023).

[1] О законопроекте № 75674-7 «О внесении изменений в УПК РФ в части порядка участия лица, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, в деле в отношении соучастников преступления» (письмо Ю.С. Пилипенко от 30.12.2017 В. В. Володину) // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2017. № 1 (56). С. 96–102.

[2] Копылов А. В. Нравственные основы осуществления особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2020.

[3] Азарёнок Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2021..

[4] Стацюк Д. Н. Процессуальное положение лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2022.

влечёт изменение его процессуальной функции»[1] не дает дополнительных комментарий по данному поводу, что на наш взгляд, требует развернутого анализа и пояснений.

Если в настоящее время отсутствует многообразие исследований, посвященных новой процессуальной фигуре, то иначе обстоят дела с самим досудебным соглашением о сотрудничестве. Только за последние годы подготовлены научные исследования, обладающие теоретической и практической значимостью, посвященные вопросам правового регулирования института досудебного соглашения о сотрудничестве, среди которых следует выделить работы: К. Ф. Багаутдинова, Н. Н. Гусевой, О. В. Климановой, Е. В. Прытковой, Т. Ю. Строгановой, О. Н. Тисен, П. В. Эдилова и др.[2] Отметим, что авторы детально и аргументированно отстаивают необходимость данного уголовно-процессуального института, и предлагают различные пути совершенствования действующего процессуального законодательства. В частности отмечается, что данное соглашение «предполагает более активный для стороны защиты и значимый для обеих сторон характер их взаимодействия»[3]. С указанным утверждением сложно не согласиться.

---

[1] Там же. С. 11–12.

[2] Багаутдинов К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве : актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников : автореф. дис. ... канд. наук. Нижний Новгород, 2020; Гусева Н. Н. Процессуальное обеспечение безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве : автореф. дис. ... кандид. юрид. наук. М., 2018; Климанова О. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2017; Прыткова Е. В. Обеспечение безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, на стадии предварительного расследования: уголовно-процессуальные и тактико-криминалистические аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2015; Строганова Т. Ю. Уголовно-правовые аспекты института досудебного соглашения о сотрудничестве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022; Тисен О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис.. ... д-ра юрид. наук. Оренбург, 2017; Эдилова П. В. Соглашение о сотрудничестве с обвинением в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017 и др.

[3] Мищенко Е. В., Корнакова С. В., Мишин В. В. Обоснованность и мотивированность применения особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 2 (56). С. 46.

В этой связи интерес представляет процессуальный опыт зарубежных стран. Так, в США сделка о признании вины впервые была заключена в 1971 г. в решении Верховного суда США по делу «Сантобелло против штата Нью-Йорк»[1], что положило начало применению данного приема при рассмотрении уголовных дел в отношении лиц, которые изначально признают свою вину и готовы сотрудничать со следствием. По другим источникам, данное соглашение впервые было применено юристом Р. Моли в 1839 г., что позволило рассматривать в последующие годы в штате Нью-Йорк уголовные дела в таком порядке в 25 % случаях, а в настоящее время доля уголовных дел, по которым заключается сделка с правосудием, составляет 80–90 %[2].

П. В. Эдилова в своей работе описывает схожие уголовно-процессуальные институты, направленные на упрощение уголовного судопроизводства за счет заключаемых «сделок с правосудием» по уголовно-процессуальному законодательству Германии, Италии, Испании, Португалии[3].

Возвращаясь к уголовному процессу России, отметим, что введенный Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ[4] неизвестный отечественному процессуалисту уголовно-процессуальный институт досудебного соглашения о сотрудничестве сразу вызвал в научных кругах ожесточенную полемику. Одни ученые полагают, что этот институт необходим для эффективной борьбы с организованной преступностью, другие считают его априори недопустимым в современном правовом государстве.

Возможно, появление лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, станет эффективным инструментом в

---

[1] Abraham H. J. The Judicial Process: An Introductory Analysis of the Courts of the United States, England and France. 6thed. N. Y. : Oxford UniversityPress, 1993. XVI. P. 177.

[2] Бахновский А. В. «Сделка с правосудием»: особенности континентальной и англосаксонской правовой традиции : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 63.

[3] Эдилова П. В. Соглашение о сотрудничестве с обвинением в уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 15–38.

[4] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 26, ст. 3139.

расследовании преступлений, совершенных организованными группами.

Под лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, законодатель подразумевает участника уголовного судопроизводства, привлекающегося к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении соучастников противоправного деяния (ч. 1 ст. 56.1 УПК РФ).

В научной литературе высказывались предложения об ином наименовании этого участника. Например, П. В. Эдилова предлагает именовать его «контрактант»[1], в УПК Швейцарии он называется «третьим лицом, обремененным процессуальными действиями», Д. Н. Стацюк вовсе предлагает исключить упоминание о выделении уголовного дела в наименовании данного лица «Лицо, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве»[2].

Исходя из сказанного, считаем необходимым упростить наименование нового участника уголовного судопроизводства, изложив название ст. 56.1 УПК РФ в следующем виде: «Статья 56.1 Особый свидетель». Именно такое название позволяет обосновать позицию законодателя, в соответствии с которой новый участник (ст. 56.1 УПК РФ) закреплен после свидетеля (ст. 56 УПК РФ) – лица, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, вызванного для дачи показаний.

Особый свидетель, наделяется правами, присущими в уголовном судопроизводстве свидетелю, но с определенными изъятиями. Так, в отличие от свидетеля, данное лицо не предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложных показаний либо отказ от дачи показаний в соответствии со ст. 307 и 308 УК РФ (ч. 7 ст. 56.1 УПК РФ). На первый взгляд, эта привилегия ставит его в заведомо выгодное положение перед другими участниками уголовного судопроизводства, поскольку оно может дать заведомо выгодные

---

[1] Эдилова П. В. Указ. соч. С. 15–38.

[2] Стацюк Д. Н. Указ. сочин. С. 12.

для себя или других участников процесса показания. Но это только на первый взгляд. Следует помнить, что с этим лицом заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, следовательно, на него распространяется норма, предусмотренная ч. 2.1 ст. 317.3 УПК РФ, в соответствии с которой отказ от дачи показаний позволит использовать ранее данные им показания в суде в качестве доказательств. Если после вынесения приговора будет установлено, что им были сообщены ложные сведения или умышленно искажены показания, то есть не выполнены установленные соглашением обязательства, то приговор подлежит пересмотру. Кроме того, это лицо может быть привлечено вместе с соучастниками или иными лицами по основному уголовному делу.

В анализируемой норме законодатель предусмотрел и ограничения. Указанная категория лиц не вправе уклоняться от явки по вызовам следователя или в суд; разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в отношении соучастников преступления, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ. В случае уклонения от явки без уважительных причин данное лицо может быть подвергнуто приводу (ч. 6 ст. 56.1 УПК РФ).

В данном случае позиция законодателя вызывает откровенное недоумение. Имея в своем распоряжении богатый арсенал мер уголовно-процессуального принуждения, ограничиваться лишь приводом, на наш взгляд, не вполне рационально. Считаем, что в отношении данного лица могут быть избраны: мера пресечения – запрет определенных действий; иные меры принуждения – обязательство о явке. Наличие указанных ограничений позволит сформировать, а главное, стимулировать правильное поведение лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Появление в уголовном процессе новой процессуальной фигуры повлекло за собой изменение целого ряда норм, среди которых ст. 113, 164, 264, 287, 288, 389.13 УПК РФ. Кроме того, введена новая норма, регламентирующая допрос и

оглашение показаний лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 281.1 УПК РФ). В целом содержание указанной статьи раскрывает процессуальный порядок допроса данной категории лиц, который схож с процессуальным порядком допроса свидетеля, однако имеет и отличия. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 281.1 УПК РФ перед допросом судья устанавливает личность лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, выясняет его отношение к подсудимому и потерпевшему, разъясняет ему права и обязанности, предусмотренные ст. 56.1 УПК РФ, предупреждает о предусмотренных гл. 40.1 УПК РФ последствиях несоблюдения условий и невыполнения обязательств по досудебному соглашению о сотрудничестве, в том числе в случае умышленного сообщения ложных сведений или умышленного сокрытия каких-либо существенных сведений. Указанные отличия органично вытекают из содержания ст. 56.1 УПК РФ. Тут не предусмотрено ничего исключительного, как не является исключительной и сама идея закрепления самостоятельного процессуального статуса лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, скорее, необходимость появления этого участника продиктована правоприменительной практикой.

Подводя итог сказанному, заметим, что введение рассмотренной процессуальной фигуры именно в гл. 8 УПК РФ свидетельствует о новом этапе развития уголовно-процессуального института содействия правосудию. Действительно, сложно переоценить значение той помощи, которую оказывает данное лицо для правосудия, сообщая сведения, ставшие ему известными в связи с участием в совершении преступления.

Лейтмотивом появившейся новеллы следует считать необходимость получения интересующих следствие сведений о лицах, совершивших преступление, о способах и целях данного противоправного деяния из показаний лица, которое приняло решение о сотрудничестве со следствием и

заключило досудебное соглашение.

Вместе с тем следует отметить, что законодатель, введя в уголовный процесс России нового участника уголовного судопроизводства, не предусмотрел порядок процессуального оформления его показаний. Проводимые в ходе предварительного расследования допросы лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, должны иметь процессуальное оформление. В то же время ч. 4 ст. 56.1 УПК РФ предусмотрено, что вызов и допрос данного лица проводится в порядке, установленном ст. 187–190 УПК РФ. В свою очередь, ст. 190 УПК РФ предусматривает отражение хода и результата допроса в протоколе допроса, но возникает вопрос: в качестве кого должно быть допрошено данное лицо? Ответ, казалось бы, очевиден – в качестве лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Но, введя нового участника процесса, чьи показания могут иметь серьезные последствия для судьбы уголовного дела и лиц, в отношении которых ведется расследование, законодатель не внес необходимые коррективы в норму, регламентирующую виды доказательств (ст. 74 УПК РФ). В данной связи С. Д. Шестакова и Д. Н. Стацюк справедливо отмечают, что «сведения, сообщаемые лицом, в отношении которого дело выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, не подпадают ни под один из видов доказательств, исчерпывающий перечень которых установлен ч. 2 ст. 74 УПК РФ … не могут быть расценены как полученные из надлежащего источника и в предусмотренном законом порядке»[1]. Вместе с тем показания данного участника могут быть отнесены к «иным документам» (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), но, на наш взгляд, целесообразнее

[1] Шестакова С. Д., Стацюк Д. Н. Лицо, в отношении которого дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, как участник уголовного процесса: проблемы правового регулирования // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (60). С. 24.

внести соответствующие изменения и предусмотреть в качестве самостоятельного вида доказательств показания лица, являющегося источником сведений, закрепив его в п. 2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ после слова «свидетеля» (см. прил. 6). Предложенная редакция закона не требует внесения дополнительных изменений в сопутствующие нормы и позволит устранить образовавшуюся коллизию в уголовно-процессуальном институте доказательств и доказывания.

Следующее лицо, не обладающее специальными знаниями, но оказывающее содействие отправлению правосудия, – понятой. Эта фигура была введена в уголовное судопроизводство Соборным уложением еще в середине XVII в., но за последние почти четыре века не претерпела значительных изменений в плане нормативной регламентации процессуального положения. Разделяя позицию М. А. Пешкова[1], отметим, что институт понятого является одним из самых древних процессуальных институтов, более раннее упоминание лиц, оказывающих содействие правосудию, касается только свидетелей (послухи, видоки) и переводчиков (толмачи) в Русской Правде (X–XIV вв.). Ранее нами рассмотрены исторические этапы развития статуса понятого, в ходе которых отмечалась его стабильность, ведь даже произошедшие в начале XX в. в стране кардинальные политические преобразования, положившие конец самодержавию, не привели к серьезным изменениям в процессуальных функциях понятого и предъявляемым к нему требованиям. В данной связи Ю. М. Аксютин справедливо отмечает: «сменилась элита и идеология, однако без изменений остались социокультурная система, ценности и потребности. Империя переживает "второе издание", и одним из многочисленных свидетельств тому является сохранение института понятых»[2].

В задачи понятого по сей день входит удостоверение факта производства следственного или процессуального действия, а его процессуальный статус

---

[1] Пешков М. А. Участие понятых в некоторых следственных действиях в уголовном процессе Российской Федерации стало необязательным // Новый юридический журнал. 2013. № 3. С. 164.

[2] Аксютин Ю. М. Традиционные имперские правовые институты демократической России (на примере института понятых) // Современное право. 2011. № 3. С. 140.

закреплен в ст. 60 УПК РФ.

Исследованиям возникающих правоотношений в связи с участием в уголовном деле понятых посвящены работы О. В. Хитровой, А. Н. Сторожевой, В. В. Шарун, В. К. Афонина[1] и др.

Остановимся на реализации правового статуса понятого в рамках действующего законодательства.

Следует отметить, что понятой, как участник процесса, предусмотрен не только в уголовно-процессуальном судопроизводстве. Так, привлечение понятого для удостоверения факта совершенных в его присутствии процессуальных действий, их содержания и результатов закреплено в ст. 25.7 КоАП РФ. Для аналогичных целей понятые привлекаются при осуществлении налогового контроля (ст. 98 НК РФ[2]). Более того, понятые, как обязательные участники, принимают участие в ходе исполнительного производства (ст. 59 Федерального закона об исполнительном производстве)[3]. Указанные обстоятельства свидетельствуют о наличии положительного опыта уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной деятельности, позволившего смежным производствам заимствовать данное лицо, оказывающее содействие правосудию.

Процессуальный статус понятого, его права, обязанности и ответственность определены в ст. 60 УПК РФ. Между тем законом предусмотрены ограничения, не позволяющие привлекать в качестве понятых определенную категорию лиц (ч. 2 ст. 60 УПК РФ). Однако учитывая отводимую законодателем роль понятых, которые должны удостоверить факт

---

[1] Хитрова О. В. Некоторые аспекты участия понятых в стадии предварительного расследования. М., 1995 ; Сторожева А. Н. Понятой в российском уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2006 ; Шарун В. В. Организационно-тактические особенности производства отдельных следственных действий с участием понятых. Калининград, 2007 ; Афонин В. К. Правовое и организационное обеспечение участия понятых в досудебном производстве по уголовным делам. Люберцы, 2012.

[2] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31, ст. 3824.

[3] Об исполнительном производстве : федер. закон от 2 окт. 2007 г. № 229-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41, ст. 4849.

проводимого следственного действия, его хода и результатов, считаем, что предусмотренных ограничительных мер недостаточно.

Так, в качестве понятых в исполнительном производстве не допускаются недееспособные лица (ч. 1 ст. 59 Федерального закона об исполнительном производстве).

Действительно, привлекая понятого для удостоверения факта проводимого следственного действия, должностное лицо и стороны должны быть уверены в том, что этот «гарант» не страдает заболеванием, не позволяющим ему в должной мере воспринимать происходящее событие. Вместе с тем следует помнить, что любой понятой в случае необходимости может быть допрошен в суде или в ходе предварительного расследования в качестве свидетеля, а сообщенная им информация, имеющая значение для дела, будет воспринята как доказательство.

Понятой не должен иметь физические или психические заболевания, не позволяющие ему объективно воспринимать происходящее. Исходя из сказанного, полагаем необходимым ч. 2 ст. 60 УПК РФ дополнить пунктом 4, изложив его в следующей редакции: «4. Имеющие физические или психические заболевания, препятствующие полноценному участию в производстве следственных действий» (см. прил. 6).

Подобная ограничительная практика присутствует в азербайджанском уголовном процессе. В ст. 94.1 УПК АР закреплено, что в качестве понятого не могут быть привлечены лица, имеющие недостатки зрения, слуха, речи или страдающие психическими болезнями.

Кроме того, несколько поверхностно, на наш взгляд, сформулировано ограничение на привлечение в качестве понятых близких родственников и родственников участников уголовного судопроизводства. Юридическая техника построения данной нормы позволяет в качестве понятого привлечь близких лиц – друзей, знакомых, – которые могут находиться в зависимом положении от участников процесса, что недопустимо. Объективность их участия должна ставиться под сомнение. Указанное свидетельствует о

необходимости внесения изменений в п. 2 ч. 2 ст. 60 УПК РФ, который мы предлагаем изложить в следующей редакции: «2) участники уголовного судопроизводства, лица, находящиеся с ними в родстве или свойстве, близкие лица, а также подчиненные и подконтрольные лица» (см. прил. 6).

В доктрине высказано предложение о необходимости включения в качестве обязательного требования, предъявляемого к понятым, гражданства России. Так, А. Н. Сторожева отмечает, что привлечение в качестве понятого иностранного гражданина в последующем может вызвать затруднения обеспечения его участия в производстве по делу[1].

Рассуждая над вопросом дальнейшего обеспечения участия данного субъекта, следует понимать, что подобная проблема может возникнуть и с гражданами Российской Федерации, которые в силу объективных причин могут находиться за границей либо, принимая во внимание масштабы нашей страны, быть от места производства по уголовному делу за много тысяч километров. В этой связи при выборе понятых предлагаем учитывать «оседлость» данных участников. Законодательно это можно закрепить в п. 5 ч. 2 ст. 60 УПК РФ: «5) лица, не имеющие постоянной регистрации по месту проведения расследования» (см. прил. 6).

Еще одним обязательным фактором, ограничивающим участие в качестве понятых в уголовном процессе, на наш взгляд, должно выступать владение языком уголовного судопроизводства. Вовлечение для оказания содействия лица, не владеющего языком, создает дополнительные сложности для правоприменителей, в обязанности которых будет входить обеспечение такому понятому собственного переводчика, в чьей компетентности также следует удостовериться. На наш взгляд, допустимо предусмотреть и эту ограничительную норму в ч. 2 ст. 60 УПК РФ, изложив пункт 6 в следующей редакции: «6) не владеющие языком уголовного судопроизводства» (см. прил. 6).

Как и в случае с остальными проанализированными нами участниками уголовного судопроизводства, оказывающими содействие правосудию, закон не

[1] Сторожева А. Н. Указ. соч. С. 15.

отразил в полном объеме комплекс прав понятого (ч. 3 ст. 60 УПК РФ). К сожалению, не нашло отражения право понятого на уведомление о применении технических средств лицом, проводящим следственное действие, либо специалистом; ознакомление с протоколами следственных действий, в которых понятой принимал участие; подачу замечаний, дополнений и уточнений к этим протоколам; принесение жалоб в отношении действий (бездействия), решений, принимаемых дознавателем, следователем и прокурором, ограничивающих права понятого; возмещение понесенных расходов в связи с явкой для производства следственных или процессуальных действий с участием понятого. Представляется закономерным предусмотреть указанные права в норме, регламентирующей процессуальный статус понятого, введя дополнительные пункты в ч. 3 ст. 60 УПК РФ и в обязательном порядке дополнив ее самостоятельным пунктом следующего содержания: «пользоваться иными предусмотренными настоящим Кодексом правами».

В обязанности понятого, согласно ч. 4 ст. 60 УПК РФ, входит необходимость являться по вызовам дознавателя, следователя или в суд. Однако законодатель не предусмотрел обязанность понятого в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 60 УПК РФ, заявить самоотвод от участия в производстве по делу. Данную обязанность следует закрепить в ч. 1 ст. 62 УПК РФ, который после слова «специалист» дополнить словом «понятой». Введение указанной нормы будет способствовать экономии времени в ходе предварительного расследования у лиц, проводящих следственные действия с участием понятых. За неисполнение указанной обязанности следует предусмотреть административную ответственность.

В 2011 г. Д. А. Медведевым на встрече с руководящим составом МВД России была обозначена необходимость постепенного сокращения привлечения понятых к производству следственных действий. Было заявлено, что понятой является своего рода «рудиментом прошлого», некогда необходимым для удостоверения факта производства следственных действий, которого в настоящее

время успешно могут заменить видеофиксирующие технические устройства[1]. Действительно, анализ уголовно-процессуального законодательства зарубежных государств позволяет утверждать, что институт понятых не знаком большинству стран, применяется он только в постсоветских государствах.

В рамках реализации поставленной задачи уже в 2013 г. в УПК РФ были внесены серьезные изменения, коснувшиеся данной категории лиц, оказывающих содействие правосудию: значительно сокращен перечень следственных действий, участие в которых для понятых является обязательным (ст. 170 УПК РФ).

Действительно, на момент принятия УПК РФ 2001 г. обязательное участие понятых предусматривалось при производстве осмотра (ст. 177), осмотра трупа, эксгумации (ст. 178), следственного эксперимента (ст. 181), обыска (ст. 182), выемки (ст. 183), осмотра, выемки и снятии копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений (ч. 5 ст. 185), осмотра и прослушивания фонограммы (ч. 7 ст. 186), предъявления для опознания (ст. 193) и проверки показаний на месте (ст. 194). В настоящее же время в соответствии с ч. 1 ст. 170 УПК РФ понятые в обязательном порядке привлекаются для производства таких следственных действий, как обыск (ст. 182 УПК РФ), личный обыск (ст. 184 УПК РФ), проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ). Примечательно, что данная норма до сих пор содержит ссылку на ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ, которая регламентировала производство выемки электронных носителей с участием специалиста, но уже с декабря 2018 г. исключена законом как утратившая силу[2].

Далее отметим, что ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ перечисляет следственные действия, привлечение к которым понятых допустимо, но не является обязательным и отдано на откуп следователю, как и в ч. 2 указанной нормы. В ней отражено, что для производства остальных следственных действий понятые

---

[1] Медведев Д. А. Институт понятых – рудимент прошлого // Эхо Москвы, 27 окт. 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: https://echo.msk.ru/blog/echomsk/824559-echo. (дата обращения: 19.02.2023).

[2] О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 27 дек. 2018 г. № 533-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53, ч. 1, ст. 8459.

не обязательны, но могут быть привлечены, если такое решение будет принято следователем.

Сегодня необходимость участия понятых остается лишь при производстве трех следственных действий, но и при их производстве может быть принято решение о недопустимости привлечения понятых. Речь идет о случаях, предусмотренных в ч. 3 ст. 170 УПК РФ: наличие опасности для жизни и здоровья понятого; труднодоступная местность и отсутствие надлежащих средств сообщения. В случае производства следственного действия без участия понятых применяются технические средства фиксации его хода и результатов.

Анализ зарубежного уголовно-процессуального законодательства показал, что уголовно-процессуальный институт понятого не знаком западным моделям уголовного процесса, но сохранился в нормах уголовного процесса отдельных республик бывшего СССР: Азербайджане, Армении, Казахстане, Беларуси и Таджикистане. Отчасти это можно объяснить преемственностью национального законодательства норм УПК РСФСР 1960 г., но мы считаем, что существующая отработанная, а главное, эффективная практика не может не перениматься в современных суверенных государствах.

Однако в научной литературе высказывалось отрицательное мнение по поводу существующего института понятых и критические замечания ученых-процессуалистов и правоприменителей. В частности, В. Т. Томин отмечал, что наличие в уголовном процессе института понятых свидетельствует о проявлении презумпции виновности следователя[1]. А. Михайлов – сотрудник органов прокуратуры – в одной из своих работ высказал позицию, согласно которой институт понятых потерял свою актуальность, целевое назначение и эффективность[2]. Встречаются и среди сотрудников судебного аппарата высказывания подобного рода. Например, заместитель председателя

[1] Томин В. Т. О противоречиях между правом граждан и общества на информацию об уголовном судопроизводстве и правом на защиту неприкосновенности частной жизни // Юридическая техника и проблемы дифференциации ответственности в уголовном праве и процессе : сб. науч. ст. Ярославль, 1999. С. 116.

[2] Михайлов А. Институт понятых – архаизм российского уголовного судопроизводства // Законность. 2003. № 4. С. 30.

Апатитского городского суда Мурманской области С. П. Желтобрюхов подготовил статью, в которой аргументированно отстаивает позицию о необходимости упразднения института понятых[1].

Не вдаваясь в детальный анализ исследований каждого автора в отдельности, отметим, что высказанные претензии к понятым можно систематизировать и разделить на две группы: морально-этического и организационно-правового характера. Как правило, к претензиям морально-этического характера чаще всего относятся высказывания о том, что общественный контроль в уголовном процессе устарел, а наличие понятых представляет собой презумпцию виновности лица, производящего следственные действия.

Мы не согласны с данными замечаниями, поскольку привлечение понятых не единственный уголовно-процессуальный институт, предоставляющий возможность вовлечения в уголовный процесс населения страны, представителей общества. Например, коллегия присяжных заседателей, привлекаемых для вынесения вердикта в судебном процессе, также формируется из числа простых граждан, вовлекаемых в уголовный процесс путем случайной выборки. И стоит заметить, что в институт присяжных заседателей законодатель совсем недавно внес изменения, позволившие увеличить количество судов, которым разрешено проводить разбирательства с их участием. Применительно к утверждению о том, что наличие понятых изначально предполагает возможность нарушения властными субъектами норм уголовного процесса, заметим, что понятые своими показаниями, скорее, подтвердят законность и обоснованность принимаемых решений и позволят избежать необоснованных обвинений в нарушении законности. Полагаем, понятого следует рассматривать как дополнительного гаранта законности для стороны защиты и для стороны обвинения.

К претензиям организационно-правового характера следует относить:

---

[1] Желтобрюхов С. П. О необходимости упразднения института понятых // Российская юстиция. 2018. № 2. С. 51–54.

1) отказ граждан от участия в следственных действиях в качестве понятых; 2) отсутствие возможности установить личность и местонахождение понятых, привлекаемых для производства следственного действия, без документов, удостоверяющих личность; 3) правом привлечения понятых наделены только следователи и дознаватели, что позволяет им осуществить подбор необходимых кандидатов в качестве понятых, имеющих определенную заинтересованность или зависимое положение; 4) понятой и видеофиксирующие устройства реализуют одну и ту же функцию – удостоверение факта проводимого следственного действия.

Итак, применительно к вопросу об отказе населения принимать участие в производстве следственных действий в качестве понятых следует заметить, что причин может быть несколько: нежелание безвозмездно тратить свое личное время; опасение за свою жизнь и здоровье, поскольку оказывалось содействие правоохранительным органам. Следователям (дознавателям) следует определить, чем конкретно вызван отказ от участия в следственном действии, и разъяснить гражданам, что закон предусматривает возможность возмещения расходов, связанных с вовлечением в уголовный процесс лиц, содействующих отправлению правосудия (ст. 131 УПК РФ, Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240[1]), а также обеспечивает безопасность участников уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 11 УПК РФ, Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ[2]).

Применительно к установлению личности и местонахождения понятого, привлекавшегося к производству следственного действия, должностному лицу

---

[1] О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации (вместе с «Положением о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации») : постановление Правительства РФ от 1 дек. 2012 г. № 1240 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 50, ч. 6, ст. 7058.

[2] О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федер. закон от 20 авг. 2004 г. № 119-ФЗ // Российская газета. 2004. № 182.

следует профилактировать такие ситуации и не вовлекать в уголовный процесс лиц, не имеющих возможности подтвердить свою личность. Следует более тщательно подходить к подготовительной части проводимых следственных действий.

Полагаем, что следующее замечание не имеет юридических оснований, поскольку лица, привлекаемые к участию в проводимых следственных действиях, имеют право в рамках ст.ст. 60, 61 УПК РФ заявить отвод понятому в связи с его заинтересованностью. Указанное право следователь обязан разъяснить участникам до начала проводимого следственного действия (ч. 1 ст. 11 УПК РФ).

Частично соглашаясь с последним замечанием организационно-правового характера, хотелось бы заметить, что полный отказ законодателя и правоприменителей от понятых и замена их видеофиксирующими устройствами преждевременен. Зачастую показания понятого, полученные при производстве допроса, являются единственным источником доказательств по уголовному делу. Более того, в настоящее время ни одно техническое устройство не способно по окончании следственного действия сделать замечание или задать уточняющий вопрос, а современная уголовно-процессуальная деятельность немыслима без участия общественного элемента.

Результаты проведенного нами в 2022 г. анкетирования сотрудников следственных подразделений и органа дознания по вопросу необходимости упразднения института понятых показали, что 52,3 % опрошенных высказались за необходимость сохранения понятых как гарантов производимых следственных действий. Более того, из высказавшихся за сохранение института понятых 63,8 % заявили, что привлекают понятых не только для производства следственных действий, указанных в ч. 1 ст. 170 УПК РФ, но и для других процессуальных мероприятий, что не может не свидетельствовать о преждевременности отказа от данного процессуального института.

Приведем пример значимости понятого из личной следственной практики. Так, в 2010 г. при производстве обыска в квартире подозреваемого Т.

по факту тайного хищения чужого имущества были обнаружены похищенные вещи. Когда уже собирались покинуть место проживания Т., один из понятых обратил внимание на небольшой пакет с веществом белого цвета, точащий из шкафчика кухонной тумбочки. Впоследствии было установлено, что обнаруженное вещество являлось наркотическим, и помимо кражи гражданину Т. был вменен новый состав преступления. В данном случае следует отдать должное бдительности понятого, которая способствовала проведению качественного следственного действия.

Хотелось бы отметить, что высказанные в научной литературе замечания, относящиеся к моральным качествам и ответственности понятых, должны разрешаться на этапе подбора и привлечения этих участников процесса. Недопустимо по единичным случаям оценивать весь процессуальный институт. Судебно-следственная практика насыщена примерами безответственного и непрофессионального поведения защитников, вовлекаемых в уголовный процесс в рамках ст. 51 УПК РФ, но это не позволяет нам рассматривать всех назначаемых государством защитников в таком ключе и уж тем более их упразднять.

Как видим, имеющиеся в юридической литературе критические замечания, высказанные в адрес института понятых, не выдерживают конструктивной критики и, более того, не имеют юридических оснований. Понятой для отечественного уголовного процесса является не устаревшим институтом, а процессуальным наследием, достоянием, дошедшим нам практически в неизменном виде.

В целях обеспечения допустимости доказательств целесообразно сохранение традиционного для российского уголовного процесса института понятых с учетом уникальных возможностей:

1) использования как самостоятельного доказательства показаний понятого, допрошенного в последующем в качестве свидетеля;

2) получения от понятых дополнительных, уточняющих вопросов, жалоб и замечаний по ходу и по окончании проведения следственного действия, с

обязательным внесением в протокол, позволяющих обеспечить достоверность полученных доказательств.

Вместе с тем полагаем, что замечания следует рассматривать как сигнал к оптимизации и совершенствованию института понятых в современном уголовном процессе России путем внесения ряда изменений в его процессуальный статус.

Следует отметить, что содействие правосудию в уголовном судопроизводстве может быть оказано не только лицами, обладающими специальными знаниями, но теми, кто такими знаниями не обладает, однако своим участием оказывает неоценимую помощь сторонам и суду, обеспечивают объективность принимаемых процессуальных решений, всесторонность проводимого расследования, а также состязательность сторон. Проведенный анализ процессуального статуса таких лиц позволил выявить имеющиеся в УПК РФ нормы, требующие дополнительной корректировки с учетом предложенных рекомендаций.

§ 2. Оказание содействия правосудию субъектами с неопределенным процессуальным статусом, не обладающими специальными знаниями. Медиация как самостоятельная форма содействия правосудию

Понятие и правовой статус процессуального ассистента как лица, содействующего в производстве следственных действий.

В соответствии со ст. 74 УПК РФ доказательствами могут быть любые сведения, на основании которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает несколько способов

собирания доказательств: производство процессуальных действий (регламентированных УПК РФ), в том числе следственных, использование результатов оперативно-разыскной деятельности, если они отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам (ст. 86, 89 УПК РФ).

В предыдущих главах были рассмотрены процессуальные особенности привлечения и участия лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, имеющих установленный законом процессуальный статус. Однако к содействию в оправлении правосудия привлекаются и лица, не имеющие самостоятельного процессуального статуса. Их участие необходимо для признания полученного доказательства допустимым (ст. 75 УПК РФ).

Рассмотрим процессуальную фигуру, в обязательном порядке привлекаемую при производстве опознания лица (ст. 193 УПК РФ). Именно благодаря опознанию, проводимому на стадии предварительного расследования, государственные органы удостоверяются в причастности подозреваемого (обвиняемого) к совершенному деянию, происходит закрепление ранее данных опознающим показаний либо же, наоборот, формируется доказательственная база о непричастности подозреваемого к рассматриваемому событию. При условии соблюдения процедуры проведения опознания, правомерности производства данного следственного действия сложно переоценить его значение.

Авторы «Большого юридического словаря» указывают, что «суть опознания выражается в предъявлении в ходе дознания или предварительного следствия свидетелю (потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому) в установленном законом порядке человека или какого-либо предмета с целью установления их тождества или различия с тем, что опознающий наблюдал в связи с расследуемым событием и о чем он ранее дал показания»[1].

Ю. В. Чуфаровский отмечает, что с «психологической точки зрения опознание представляет собой процесс, при котором лицо воспринимает предъявляемые ему объекты, сопоставляет, сравнивает их с мысленными

[1] Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. М., 2007. С. 484.

образами объектов, воспринятых им ранее, и на этой основе приходит к выводу об их тождестве, сходстве или различии»[1].

Напомним, что опознание заключается в предъявлении подозреваемого или обвиняемого наряду с другими лицами, которые должны соответствовать единственному критерию – быть внешне схожими с опознаваемым. Таких лиц в правоприменительной практике именуют статистами, хотя сам законодатель воздержался как-либо именовать их.

Статистов привлекают не только при производстве опознания лица, но и при производстве проверки показаний на месте, следственного эксперимента. Однако только при опознании лица их участие является обязательным.

В научной литературе отмечается, что именно термин «статист» как нельзя лучше соответствует пассивной роли данного участника следственного действия, который не имеет личной заинтересованности в исходе дела[2].

Не вдаваясь в детальный анализ процедуры производства опознания лица как следственного действия, рассмотрим лишь ту часть, которая имеет отношение к лицам, оказывающим содействие правосудию в качестве статистов. Учитывая, что к статистам закон не предъявляет конкретных требований, в доктрине уголовного процесса не сложилось единого подхода к рассмотрению этой процессуальной фигуры. Процессуалисты А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский считают, что статисты должны соответствовать следующим требованиям: быть схожими с опознаваемым; опознаваемый не должен отличаться от статистов одеждой, ростом и наличием сопутствующих особенностей процессуального статуса (например, наручниками); опознаваемому не должны быть известны статисты. Данные требования, считают авторы, позволят избежать «наводящей на опознаваемого

---

[1] Чуфаровский Ю. В. Юридическая психология в вопросах и ответах. М., 2010 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[2] Васильева О. М. Статист как участник уголовного судопроизводства // Государство и право (Актуальные проблемы современности) : матер. межвузовск. науч.-практ. конф., посвящ. 35-летию Российской правовой академии Министерства юстиции РФ, Ижевск, 24–25 нояб. 2005 г. : сб. / отв. ред. А.Р. Усиевич. М. : ИЮИ МЮ РФ, 2006. С. 138–142.

обстановки»[1].

Сотрудники следственных подразделений и органа дознания в ходе анкетирования отметили сложности, с которыми они сталкивались в процессе подбора кандидатов на процессуальную роль статиста: 71,3 % респондентов отметили, что считают крайне затруднительным найти лиц со схожими необходимыми признаками; 18,3 % полагают, что подобрать таких лиц практически невозможно; 9,1 % отметили нежелание граждан сотрудничать с правоохранительными органами. Лишь 1,3 % опрошенных никогда не сталкивались с какими-либо проблемами (см. прил. 4).

Считаем, что в данном случае целесообразно воспользоваться помощью сотрудников оперативных подразделений, занимающихся сопровождением уголовного дела, для подбора необходимых для производства следственного действия статистов. Подобная точка зрения высказана Ю. Е. Аврутиным, который считает, что в качестве полицейского содействия можно рассчитывать на «обеспечение охраны места происшествия, общественного порядка во время проведения следственного эксперимента или иного процессуального действия, подыскание понятых и статистов для предъявления лица для опознания, выполнение конвойных функций при проверке показаний обвиняемого на месте преступления и т. п.»[2].

Анкетирование сотрудников следственных подразделений и органа дознания позволило выявить, какие лица привлекаются властными субъектами в качестве статистов для производства опознания лица: коллеги по работе – 73,9 %; сотрудники правоохранительных органов, иных служб и подразделений – 54,3 %; приглашенные в отдел полиции граждане по иным уголовным делам, ожидающие в коридорах, – 31 %; специально подобранные вне отдела полиции лица, внешне схожие с опознаваемым, – 12,3 %; лица, которым придана (ретуширование, изменение внешности и пр.) внешняя схожесть с

[1] Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова // СПС «Консультант Плюс».

[2] Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю. Е. Аврутин и др. М. : Проспект, 2012. С. 69.

опознаваемым, – 3,9 % (см. прил. 4). Таким образом, результаты анкетирования показали, что при подборе статистов лица, проводящие опознание, не утруждаются выходить за пределы отдела полиции, ограничивая поиски действующими сотрудниками органов внутренних дел.

Не менее важным, на наш взгляд, является вопрос проведения подготовительных мероприятий с лицами, привлекаемыми в качестве статистов, ведь зачастую бывает очень сложно добиться схожести с опознаваемым за счет порой яркой, экстравагантной внешности (наличие шрамов, усов, дефектов внешности и пр.) и возникает необходимость изменения внешности. Проведенное анкетирование показало, что лишь 4 % опрошенных используют данный способ.

Результаты проведенного анкетирования настораживают, поскольку доказательство, добытое с нарушением требований процессуального законодательства, признается недопустимым. Безусловно, отступление законодателя от строгих требований, предъявляемых к лицам, привлекаемым для опознания, позволяет правоприменителям не тратить время и энергию для придания сходства статистов с опознаваемым, но и злоупотреблять данным отступлением не стоит, что подтверждает и судебная практика.

Так, апелляционным определением Верховного Суда РФ от 26 января 2017 г. № 8-АПУ16-8 принято решение об отмене ранее провозглашенного приговора областного суда в связи с признанием доказательства недопустимым (опознание проводилось в отношении знакомого лица, в протоколах не указаны отличительные признаки, статисты отличались от опознаваемого внешним видом и ростом, следователем задавались наводящие вопросы, при опознании отсутствовал адвокат по соглашению и не имелось оснований для опознания в исключающих визуальное наблюдение условиях) и передаче дела на новое судебное разбирательство в тот же суд в ином составе в порядке гл. 47 УПК РФ[1].

По нашему мнению, недопустимо привлекать в качестве статистов

[1] Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-26012017-n-8-apu16-8 (дата обращения: 19.02.2023).

сотрудников правоохранительных органов, поскольку опознающий мог видеть их в коридорах отдела полиции или в кабинете следователя. Все это поставит под сомнение объективность проводимого следственного действия.

Следующим вопросом, требующим самостоятельного рассмотрения, является отсутствие легального наименования лиц, привлекаемых для оказания содействия при производстве опознания.

В своих публикациях мы писали о необходимости закрепления в УПК РФ наименования «статист», однако, пересмотрев эту идею, полагаем наиболее рациональным и юридически верным закрепить в УПК РФ категорию лиц, именуемых «процессуальными ассистентами»[1].

«Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» под ассистентом понимает лицо, присутствующее при исполнении кем-либо своей должности и помогающее ему в этом[2]. Значение термина «ассистент» как нельзя лучше соответствует сущности института содействия отправлению правосудия.

Процессуальный ассистент как самостоятельный участник уголовного судопроизводства закреплен в УПК Республики Молдовы[3] (ст. 82). Под ним понимается лицо, участвующее в предъявлении лица для опознания, не являющееся сотрудником правоохранительных органов. В этой связи предлагаем дополнить гл. 8 УПК РФ новой самостоятельной процессуальной фигурой – процессуальным ассистентом, закрепив его процессуальный статус в новой статье 60.1 «Процессуальный ассистент» (см. прил. 6).

Процессуальным ассистентом в уголовном процессе России должно

---

[1] Латыпов В. С., Салахова Ж. В. Статист как иной субъект (участник) уголовно-процессуальной деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6. С. 151–153.

[2] Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : матер. для лексич. разработки заимств. слов в рус. лит. речи : с портр. и краткой биогр. А. Н. Чудинова / сост. под ред. А. Н. Чудинова. 3-е изд., тщательно испр. и знач. доп. (более 5000 новых слов) преимущественно соц.-полит. терминами, вошедшими в жизнь в последние годы. СПб. : В. И. Губинский, [1910]. С. 126.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдовы от 14 марта 2003 г. № 122-XV // ИС «Юрист» : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729#pos=146;-117 (дата обращения: 19.02.2023).

являться незаинтересованное лицо, привлекаемое сторонами и судом для участия в следственном эксперименте, предъявлении лица для опознания, проверке показаний на месте, имеющее необходимые в рамках расследуемого уголовного дела антропометрические данные, особенности внешнего облика, частей тела и одежды, оказывающее содействие в производстве следственного действия.

В качестве ограничительной нормы следует предусмотреть запрет привлекать в качестве процессуального ассистента лиц, которые ранее наблюдались опознающим либо находятся с ним в каких-либо взаимоотношениях. Кроме того, недопустимо нахождение процессуального ассистента в родстве или свойстве с участниками уголовного дела, а также в зависимом или ином подконтрольном положении от них. Следует запретить привлекать в качестве процессуальных ассистентов работников органов исполнительной власти, наделенных в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности и (или) предварительного расследования.

Вместе с тем следует предусмотреть, что процессуальный ассистент вправе участвовать в следственном действии и делать по поводу следственного действия заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол; знать, в проведении какого следственного действия он участвует, процессуальный порядок его проведения, какие действия (бездействие) ему надлежит выполнить при производстве следственного действия, кто руководит и участвует в его производстве; ознакомляться с протоколом следственного действия, в производстве которого он участвовал; делать замечания (эти замечания должны заноситься в протокол); приносить жалобы на действия (бездействие) и решения лица, проводящего следственное действие; получать возмещение понесенных им расходов, связанных с участием в производстве следственного действия, а также возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями следователя, дознавателя, суда, в установленном законом порядке; пользоваться иными предусмотренными УПК РФ правами.

Данного участника следует обязать являться по вызовам органа уголовного преследования и суда; сообщать по требованию органа уголовного преследования и суда сведения об отношениях с лицами, участвующими в производстве по уголовному делу; соблюдать порядок производства следственного действия; выполнять законные распоряжения органа уголовного преследования и суда.

Процессуальный ассистент не вправе разглашать данные предварительного расследования и иные данные, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном ст. 161 УПК РФ.

При этом важно предусмотреть, наличие уголовной ответственности процессуального ассистента за разглашение данных предварительного расследования без разрешения органа уголовного преследования или суда в соответствии со ст. 310 УК РФ, а также возможность допроса в качестве свидетеля об обстоятельствах, связанных с производством следственного действия, в котором он принимал участие.

Введение новой нормы позволит в полном объеме отразить правовой статус процессуального ассистента, его права и обязанности, а также способствовать сохранению тайны предварительного расследования в соответствии с ч. 1 ст. 161 УПК РФ после окончания производства следственного действия под страхом уголовного наказания.

Содействие отправлению правосудия помощником судьи. Рассматривая категорию лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, но не имеющих самостоятельного процессуального статуса, нельзя не отметить помощника судьи (ст. 244.1 УПК РФ).

Президентом России в 2000 г. была поставлена задача «создания эффективной системы подготовки судейских кадров и их качественного отбора»[1], а также отмечена загруженность судов.

---

[1] Путин В. В. Выступление на совещании руководителей республиканских, краевых и областных судов 24 янв. 2000 г. // Президент России : офиц. сайт [Электронный ресурс].

Введенный в начале 2000-х годов институт помощников судьи был призван разгрузить судьей в выполнении организационных, технических коммуникативных мероприятий и зарекомендовал себя с положительной стороны, однако в уголовном судопроизводстве не реализовался в полном объеме ввиду отсутствия нормативных основ взаимодействия судьи и помощника, а также самостоятельного процессуального статуса последнего.

Закрепившийся в уголовном судопроизводстве лишь в 2018 г., с принятием Федерального закона от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ[1], помощник судьи как субъект уголовно-процессуальных отношений упоминался в нормах УПК и ранее. В частности, ст. 326 УПК РФ предусматривает возможность отбора кандидатов в присяжные заседатели как секретарем судебного заседания, так и помощником судьи по распоряжению председательствующего. Кроме того, на секретаря судебного заседания и на помощника судьи возложена обязанность проверки наличия предусмотренных федеральным законом обстоятельств, препятствующих участию лица в качестве присяжного заседателя в рассмотрении уголовного дела. Подготовленный предварительный список отобранных кандидатов в присяжные заседатели подписывается лицом, его составившим, либо секретарем судебного заседания, либо помощником судьи.

С. М. Даровских отмечает, что помощник судьи, не реализует в уголовном судопроизводстве ни одну из трех основных уголовно-процессуальных функций, ему присуще выполнение вспомогательной функции, заключающейся в оказании помощи судье[2].

В подготовительной части судебного заседания помощник судьи

URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21536 (дата обращения: 19.02.2023).

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31, ст. 4817.

[2] Даровских С. М. Помощник судьи как участник уголовного судопроизводства // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия великой судебной реформы : сб. науч. ст. Всерос. науч.-прак. конф. Курск. 2019. С. 114; Даровских С. М., Бойко Е. Н. К вопросу о полномочиях помощника судьи как участника уголовного судопроизводства // Проблемы права. 2018. № 4 (68). С. 78.

уполномочен докладывать о явке кандидатов в присяжные заседатели (ст. 327 УПК РФ). И наконец, при формировании коллегии присяжных заседателей помощник судьи по завершении решения всех вопросов, связанных с отводами кандидатов, по указанию председательствующего составляет список оставшихся кандидатов в присяжные заседатели (ч. 17 ст. 328 УПК РФ).

Ранее ни в УПК РФ, ни в УПК РСФСР (1923 и 1960 г.) помощник судьи не упоминался.

Однако оказание содействия в отправлении правосудия помощником суди не является редкостью в процессуальных отраслях права. Так, с 2001 г. в арбитражных судах России введен институт помощников судей. Арбитражное процессуальное законодательство относит помощника судьи к иным участникам процесса наряду со свидетелями, экспертами, специалистами, переводчиками и секретарем судебного заседания (ст. 54 АПК РФ). Процессуальный статус помощника суди и секретаря судебного заседания закреплен в отдельной норме, в которой также отражены их основные права и обязанности, предусмотрено функциональное предназначение этих участников процесса. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 58 АПК РФ помощник судьи оказывает содействие судье в подготовке и организации судебного процесса. Здесь же отмечается, что помощник судьи не вправе выполнять функции по осуществлению правосудия. Безусловно, недопустимо наделять лицо, оказывающее вспомогательные функции по отправлению правосудия, правом принимать какие-либо процессуальные решения или оказывать влияние на исход рассматриваемого дела.

Под содействием в данном случае, согласно Постановлению Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 декабря 2006 г. № 65, следует понимать «выполняемые помощником судьи мероприятия по организации судебного процесса, его планирования, организации проведения собеседования и предварительного заседания, подготовке дела к судебному разбирательству, ходатайств и заявлений, связанных с организацией процесса и движением дела, а также информированию лиц, участвующих в деле, и их представителей о

реквизитах арбитражного суда и информационных ресурсах, из которых они могут получить сведения о движении дела»[1].

Заметим, что АПК РФ – единственный процессуальный кодекс, закрепивший помощника судьи в качестве самостоятельного участника процесса и определивший круг его обязанностей и полномочий. Однако существует и другой нормативный акт, определивший процедуру осуществления правосудия с привлечением помощника судьи, – Правила организации и деятельности Суда Евразийского экономического союза (ЕАЭС)[2]. Отметим, что Суд ЕАЭС создан как постоянно действующий судебный орган этой организации с целью обеспечения единообразного применения государствами-членами и органами ЕАЭС Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.[3], международных договоров в рамках ЕАЭС, международных договоров ЕАЭС с третьей стороной и решений органов ЕАЭС.

Указанные Правила в рамках проводимого исследования представляют юридический интерес, поскольку содержат самостоятельную главу в Положении о секретариате судьи Суда ЕАЭС, являющемся приложением к самим Правилам, посвященную функциональным обязанностям помощника судьи.

Следует отметить, что от слаженной и профессиональной деятельности помощника судьи зависит качество, оперативность, полнота и всесторонность рассматриваемого спора. В Положении отдельно отмечено, что судья вправе индивидуализировать функциональные обязанности помощника судьи, а в заключительной норме закреплено, что помощник судьи, как правило, является

---

[1] О подготовке дела к судебному разбирательству : постановление Пленума ВАС РФ от 20 дек. 2006 г. № 65 // Вестник ВАС РФ. 2007. № 4.

[2] Правила организации и деятельности Суда Евразийского экономического союза : утв. приказом Председателя Суда Евразийского экономического союза от 14 апр. 2015 г. № 8, в ред. от 7 фев. 2019 г. (вместе с «Положением о Секретариате Суда Евразийского экономического союза», «Положением о секретариате судьи Суда Евразийского экономического союза») // СПС «Консультант Плюс».

[3] Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) // Офиц. интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru, 16.01.2015 (дата обращения: 19.02.2023).

секретарем судебного заседания. Безусловно, данный факт неприемлем для уголовно-процессуального законодательства России. УПК РФ разделяет этих субъектов и наделяет их разными полномочиями и функциональными обязанностями.

Практикующие судьи отмечают, что, несмотря на отсутствие в действующем процессуальном законодательстве России процессуального статуса помощника суди, в правоприменительной практике их все же привлекают[1]. Представляется, что суд не должен возлагать на помощника судьи обязанности по поиску «чего-то существенного» в материалах дела, а тем более возлагать на него ответственность.

Безусловно, в обязанности помощника судьи входит оказание содействия в отправлении правосудия, но оно должно заключаться исключительно в оказании технической помощи, создании необходимых условий для осуществления правосудия, но не в сборе характеризующей информации в отношении подсудимого, поскольку эмоциональный окрас доклада и субъективная позиция помощника судьи могут оказать косвенное влияние на настрой судьи.

Несмотря на то что процессуальный статус помощника судьи не был нормативно закреплен до 2010 г., приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ разработан «Типовой должностной регламент помощника председателя суда (судьи) верховного суда республики, краевого и областного судов, суда города федерального значения, суда автономной области и автономного округа, окружного (флотского) военного суда»[2]. Данный нормативный акт определяет, что должность помощника судьи относится к ведущей группе должностей государственной гражданской службы Российской

---

[1] Бархутова В. А. Особенности организации работы помощника судьи по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних // Администратор суда. 2015. № 1. С. 22–29.

[2] Об утверждении типовых должностных регламентов помощника председателя суда (судьи) верховного суда республики, краевого и областного судов, суда города федерального значения, судов автономной области и автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда и гарнизонного военного суда : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 6 дек. 2010 г. № 272 // Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 4.

Федерации категории «помощники (советники)». Согласно п. 2 ч. 2 ст. 9 Федерального закона о государственной гражданской службе[1] должности государственной гражданской службы «помощник председателя суда» и «помощник судьи» учреждаются для обеспечения исполнения полномочий лиц, замещающих государственные должности председателя федерального суда и судьи федерального суда. Во втором разделе этого документа закреплено, каким квалификационным требованиям должен соответствовать помощник председателя суда (судьи). Он должен иметь стаж государственной гражданской службы не менее двух лет или стаж работы по юридической специальности не менее четырех лет, знать нормативные акты, регламентирующие уголовное судопроизводство в России и его непосредственную профессиональную деятельность, уметь анализировать и обобщать информацию, оперативно принимать и осуществлять принятые решения и др. Третий раздел приказа закрепил должностные обязанности, заключающиеся в обеспечении процессуальной деятельности судьи, оказании содействия в подготовке и организации судебного процесса без права выполнения функции по осуществлению правосудия, а также в подготовке ответов на обращения и запросы, поступающие в адрес председателя суда (судьи), в том числе в связи с находящимися в его производстве делами, а также иные обязанности, которые помощник должен выполнять по поручению судьи. Отметим, что данный нормативный акт содержит самостоятельные разделы, закрепляющие полномочия помощника судьи в различных видах судопроизводства.

Уголовному судопроизводству посвящен пятый раздел. Среди основных полномочий выделим: изучение поступивших на рассмотрение в первой инстанции уголовных дел (материалов); выполнение необходимых организационных мероприятий, связанных с назначением предварительного слушания или судебного заседания; выполнение поручений судьи, связанных с

[1] О государственной гражданской службе Российской Федерации : федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31, ст. 3215.

рассмотрением уголовного дела в судебном заседании, и др.

Проведенный анализ указанного нормативного акта позволяет констатировать, что Судебный департамент при Верховном Суде РФ наделил помощника судьи исключительно вспомогательными полномочиями и возложил на него обязанности по оказанию содействия судье (суду) в отправлении правосудия, в выполнении возложенной на них процессуальной функции по разрешению уголовного дела.

В целом к помощнику судьи предъявляются весьма серьезные требования, поскольку от слаженности его работы, от его компетентности и наличия у него организаторских и коммуникативных способностей напрямую зависит авторитет судебной власти. Несвоевременное или некачественное выполнение помощником судьи своих функциональных (процессуальных) обязанностей влечет сбои в работе всего аппарата суда и негативно отражается на доверии граждан к суду.

В научной литературе отмечается, что формированию положительного имиджа суда способствует занятие помощником судьи педагогической деятельностью. Так, Ж. Б. Иванова описывает ситуации, когда помощник судьи, занимаясь педагогической деятельностью, осуществляет передачу опыта, накопленных знаний и практических навыков будущим юристам – студентам юридических вузов[1]. Мы разделяем позицию автора и считаем, что наличие обратной связи от практических органов к обучающимся высших учебных заведений всегда вызывает у последних повышенный интерес к своей будущей профессии и способствует формированию профессионального правосознания.

В рамках изучения настоящей проблемы вызывает определенный научный интерес диссертационное исследование О. О. Басовой «Участие помощника судьи в уголовном судопроизводстве: концептуальный подход»

[1] Иванова Ж. Б. Роль помощника судьи в повышении авторитета судебной власти // Администратор суда. 2016. № 3. С. 20–23.

(2018)[1]. Подготовка работы и ее защита состоялись до внесения изменений в УПК РФ, закрепивших процессуальный статус помощника судьи. Отметим, что это практически единственное исследование монографического уровня, посвященное изучению роли помощника судьи в уголовном судопроизводстве. Данный вопрос не стал предметом широкого обсуждения в научных кругах.

О. О. Басова справедливо отмечает, что «оптимизация деятельности судебных органов путем модернизации института помощников судей будет способствовать повышению качества осуществления правосудия и иной судебной деятельности»[2].

Автором предложено закрепить процессуальный статус помощника судьи в УПК РФ, для чего необходимо ввести новую главу 5.1 «Служащие суда» в раздел II[3]. Кроме помощника судьи в данной главе предложено закрепить и процессуальный статус секретаря судебного заседания. Мы разделяем точку зрения О. О. Басовой, которая считает, что не следует относить этих субъектов к гл. 8 УПК РФ, поскольку «ни помощник судьи, ни секретарь судебного заседания не оказывают помощь суду в установлении фактических обстоятельств дела, в оценке доказательств. Их задача, в отличие от иных лиц, заключается в оказании содействия суду в организации судебного процесса»[4].

Вместе с тем предлагаемая нами редакция гл. 8 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства, оказывающие содействие правосудию» может интегрировать в себе помимо входивших в нее ранее «иных участников уголовного судопроизводства» также секретаря судебного заседания, помощника судьи и других участников процесса, в функциональные (процессуальные) обязанности которых входит оказание помощи в отправлении правосудия сторонам и суду (судье).

Рассмотрим, какими правами наделен помощник судьи с принятием Федерального закона от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ. Полагаем, следует сразу

---

[1] Басова О. О. Участие помощника судьи в уголовном судопроизводстве: концептуальный подход : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2018.

[2] Басова О. О. Указ. соч. С. 181.

[3] Там же. С. 12, 89.

[4] Там же. С. 87.

отметить, что законодатель по-прежнему не наделил его самостоятельным процессуальным статусом, а нормы, посвященные помощнику судьи и секретарю судебного заседания, содержится в главе, посвященной общим условиям судебного разбирательства (гл. 35 УПК РФ).

Анализируемая ст. 244.1 «Помощник судьи» состоит из двух частей. В первой части определено функциональное предназначение данного субъекта: оказывает помощь судье в подготовке и организации судебного разбирательства, а также в подготовке проектов судебных решений; помощник судьи не вправе выполнять функции по осуществлению правосудия. Вторая часть закрепляет его обязанности: ведение протокола судебного заседания, обеспечение контроля за фиксированием хода судебного заседания техническими средствами, проверка явки в суд лиц, которые должны участвовать в судебном заседании, а также осуществление иных процессуальных действий в случаях и порядке, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством России.

А. П. Рыжаков верно резюмирует, что «помощник судьи … обязан содействовать суду в осуществлении функций последнего, всеми не противоречащими законодательству способами облегчать подготовку и организацию судебного заседания, а равно решение стоящих в этой связи перед судом задач»[1].

Помимо указанной нормы помощник судьи упоминается в п. 2 ч. 1 ст. 61, ч. 1 ст. 62, ст. 68, п. 1–2 ч. 1 ст. 72, ч. 3 и 6 ст. 259, ст. 262, ч. 1 ст. 266, п. 3 ст. 304, ч. 2 ст. 389.13 УПК РФ. В них предусмотрены общие, как и для секретаря судебного заседания, основания, исключающие участие помощника судьи в производстве по уголовному делу.

Зафиксированные в предельно примитивном виде функции и обязанности помощника судьи не позволяют ему быть полноценным участником уголовно-процессуальных правоотношений. Такие же примитивные обязанности имеет помощник судьи в рамках арбитражного производства. Они были рассмотрены

[1] Рыжаков А. П. Аудиопротоколирование, помощник судьи и другие новеллы Федерального закона от 29 июля 2018 года № 228-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Е. А. Васиной. Автор указывает, что любой субъект права, имеющий права и обязанности, вправе участвовать в правоотношениях в силу действующих юридических норм, но ни одно из приведенных пониманий субъекта права неприменимо к помощнику судьи, так как его права и обязанности (соответственно, и правовой статус) не закреплены в юридических нормах. Кроме того, Е. А. Васина полагает, что помощник судьи реально не вправе участвовать в соответствующих правоотношениях, содействуя в осуществлении правосудия[1].

В целом разделяя позицию автора, но отмечая, что помимо общих прав и обязанностей, указанных в АПК РФ, его права регламентированы в должностных регламентах, А. В. Сорокопуд предлагает более подробно регламентировать права и обязанности помощника судьи[2].

Введенный по инициативе Президента России институт помощника судьи действительно зарекомендовал себя с положительной стороны. Сложно переоценить помощь, которую это лицо оказывает в подготовке и документальном сопровождении судебных разбирательств. Но развитие отраслевого законодательства, его совершенствование требуют придать легитимность этой процессуальной фигуре не через утверждение должностных регламентов, а путем полноценного закрепления в процессуальном законодательстве его прав, обязанностей, ответственности, а также отнесения его к участникам процесса. Ведь если помощник судьи предусмотрен как иной участник процесса в АПК РФ, а в УПК РФ закреплен пусть даже как общее условие судебного разбирательства (как и в УПК РБ), то, например, в ГПК РФ он даже не упоминается.

В целом полагаем, что проведенный анализ института помощника судьи требует внесения последовательных изменений в уголовно-процессуальное законодательство России с учетом вводимого института содействия

---

[1] Васина Е. А. Права и обязанности помощника судьи как важнейший элемент административно-правового статуса // Юридическая наука. 2013. № 2. С. 68.

[2] Сорокопуд А. В. Помощник судьи в российском гражданском (арбитражном) процессе: проблемы формирования правового статуса // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 5. С. 47–53.

отправлению правосудия.

Помощника судьи необходимо закрепить в гл. 8 «Участники уголовного судопроизводства, оказывающие содействие правосудию» в ст. 60.2 «Помощник судьи» (см. прил. 6). Это позволит занять этому лицу достойное место в системе участников процесса, оптимизировать деятельность аппарата суда, повысить авторитет судебной власти и доверия граждан к суду.

Осуществление правосудия при содействии секретаря судебного заседания. В схожей правовой ситуации находится еще одно процессуальное лицо, оказывающее содействие отправлению правосудию, – секретарь судебного заседания (ст. 245 УПК РФ). В императивном порядке участие данного субъекта предусмотрено не только на судебных стадиях уголовного процесса, но и в ходе предварительного расследования при принятии процессуальных решений, которые затрагивают конституционные права участников процесса и требуют судебного решения[1].

Применительно к секретарю судебного заседания мы предлагаем аналогичное с помощником судьи решение, заключающееся в закрепления его процессуального статуса как самостоятельного участника уголовного судопроизводства. Для реализации данного предложения необходимо дополнить гл. 8 УПК РФ статьей 60.3 «Секретарь судебного заседания»[2] (см. прил. 6). По нашему мнению, введение данной нормы положительно отразится на деятельности судебных органов, а также закрепит секретаря судебного заседания как иного субъекта уголовно-процессуальных правоотношений с предусмотренными и систематизированными в отдельной статье правами и обязанностями, уголовной ответственностью, следовательно, и правом на защиту от незаконного обвинения в неисполнении служебных обязанностей.

---

[1] Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова // СПС «Консультант Плюс».

[2] Латыпов В. С. Секретарь судебного заседания как иной участник уголовного судопроизводства. С. 132–134 ; Его же. Оказание содействия иными участниками уголовного судопроизводства, предусмотренными главой 8 УПК РФ : моногр. М. : Юрлитинформ, 2018. С. 140–151.

Однако А. П. Попов выступил с критикой данного предложения: «…неприемлемым представляется предъявляемое к секретарю судебного заседания требование об отсутствии у него "личной корыстной заинтересованности". Получается, чья-то иная корысть допустима?»[1]. Вместе с тем хотелось бы пояснить, что в данном контексте корысть присуща, например, договорному адвокату, выступающему в уголовном деле в качестве защитника, мы не можем отрицать наличие корыстного интереса и у потерпевшего по делу, желающего не только восстановить нарушенные преступным деянием права, но и возместить свои моральные страдания.

А. П. Попов совершенно справедливо отметил необходимость корректировки ст. 68 «Отвод секретаря судебного заседания»[2]. Полагаем, что с учетом указанных пожеланий необходимо изложить эту норму в следующей редакции:

«Статья 68. Отвод секретаря судебного заседания

1. Решение об отводе секретаря судебного заседания в ходе досудебного производства по уголовному делу принимает дознаватель, следователь, а также суд в случаях, предусмотренных статьей 165 настоящего Кодекса. В ходе судебного производства указанное решение принимает суд, рассматривающий данное уголовное дело, или судья, председательствующий в суде с участием присяжных заседателей.

2. При наличии обстоятельств, предусмотренных статьей 61 настоящего Кодекса, отвод секретарю судебного заседания может быть заявлен сторонами.

3. Предыдущее участие лица в производстве по уголовному делу в качестве секретаря судебного заседания не является основанием для его отвода».

Обязанности секретаря судебного заседания мы предлагаем закрепить в ст. 245 УПК РФ (см. прил. 6).

В то же время дискуссионной видится позиция упомянутого автора о

---

[1] Попов А. П. Секретарь судебного заседания : проблемы правового регулирования // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 205.

[2] Там же. С. 205.

возможности закрепления статусов переводчика, специалиста и понятого «в главах Кодекса, регламентирующих общие условия деятельности в соответствующих стадиях уголовного процесса», а секретаря судебного заседания – в гл. 5 «Суд»[1]. В пример приводится уголовно-процессуальное законодательство Грузии и Туркменистана, в котором статус секретаря судебного заседания раскрыт в главах «Суд» и «Суд и подсудность». Однако существуют и другие примеры: УПК АР (ст. 98), УПК РК (ст. 87), УПК Армении (ст. 82) относят данного участника к «другим лицам, принимающим участие в уголовном процессе».

Возможно, нам не избежать дальнейших пожеланий и уточнений, но сама сложившаяся дискуссия свидетельствует о несовершенстве действующего уголовно-процессуального законодательства, множественности подходов к решению существующей проблемы, а главное – о необходимости дальнейшего исследования института лиц, содействующих в осуществлении уголовного судопроизводства и отправлении правосудия. По меткому замечанию Л.В. Головко, «если бы наша уголовно-процессуальная наука (теория) развивалась таким образом, то ее уровень значительно превысил бы нынешний»[2].

Медиатор в уголовном процессе России.

Медиация в уголовном судопроизводстве России в настоящее время не нашла должного нормативного закрепления. Однако утверждать, что ее нет, не совсем верно. Медиация предполагает урегулирование конфликта между потерпевшим и лицом, нанесшим соответствующий вред, с участием независимого, беспристрастного третьего лица.

В уголовном судопроизводстве медиативная процедура предусмотрена при прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ). В теории уголовного процесса примирение сторон относят также к согласительным процедурам, имеющим место не только в уголовно-

[1] Там же. С. 206.

[2] Головко Л. В. Принцип in dubio pro duriore и теория неустранимых сомнений, или О пользе изучения швейцарской уголовно-процессуальной доктрины // Закон. 2016. № 8. С. 83.

процессуальном законодательстве, но в уголовном процессе ряда отдельных стран[1]. Суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред. В этом случае речь не идет о привлечении медиатора, скорее, эта роль возложена на защитника, который является заинтересованным в исходе дела участником процесса, что противоречит идее медиации. Проблема медиации в современном российском уголовном судопроизводстве заключается в первую очередь в определении того, что представляет собой эта процедура в уголовно-процессуальной деятельности. Полагаем, что медиация должна рассматриваться как альтернативная форма судопроизводства, заключающая в себе применение «поощрительных норм уголовного процесса и упрощенных порядков разрешения уголовных дел»[2]. Отмечается, что поощрительные нормы имеют целью «устранение или минимизацию вреда, причиненного преступлением, а также существенное облегчение для органов предварительного расследования его раскрытие»[3]. В свою очередь Г. С. Русман и М. А. Горбатова аргументировано отстаивают позицию о том, что применение поощрительных норм в уголовном процессе, позволяют повысить эффективность уголовного судопроизводства при условии соблюдения баланса с негативными санкциями[4]. Кроме того, к числе

---

[1]Корнакова С. В., Мищенко Е. В., Мишин В. В. Применение согласительных процедур в странах СНГ: сравнительно-правовой анализ // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4 (113). С. 178.

[2] Русман Г. С. Роль правового поощрения в повышении эффективности уголовного судопроизводства // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8. № 2. С. 55.

[3] Мищенко Е.В., Корнакова С.В., Мишин В.В. Обоснованность и мотивированность принятия решения о прекращении уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 239.

[4] Русман Г. С., Горбатова М. А. Отдельные вопросы примирения с потерпевшим как формы реализации поощрения в уголовном процессе // Проблемы права. 2022. № 3 (86). С. 80-86.

альтернативных способов разрешения конфликтных ситуаций относят медиацию и Е. В. Мищенко и Т. В. Летута[1]. Разделяя вышеобозначенную позицию отметим, что действующий УПК РФ не регулирует процедуру переговоров сторон с целью достижения примирения, оставляя поиск компромисса на усмотрение обвиняемого и потерпевшего.

В УПК РФ медиатор как самостоятельный участник уголовного судопроизводства не предусмотрен, в отличии, например, от УПК РК и УПК Кыргызской Республики. Однако в нашей стране в настоящее время действует Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – ФЗ о медиации)[2], в п. 2 ст. 1 которого закреплено, что «медиация применяется к спорам, возникающим из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также к спорам, возникающим из трудовых и семейных правоотношений». В соответствии с п. 5 ст. 1 медиация не применяется, если затрагиваются или могут быть затронуты публичные интересы.

Медиативной процедуре в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран посвящены диссертационные исследования: Н. С. Шатихиной «Институт медиации в российском уголовном праве» (2004), А. А. Арутюнян «Медиация в уголовном процессе» (2012), А. С. Василенко «Медиация и другие программы восстановительного правосудия в уголовном процессе стран англосаксонского права» (2013), Е. Е. Забуги «Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних» (2014), А. А. Ширкина «Медиация как направление развития института примирения в уголовном процессе Российской Федерации» (2015), а также монографические исследования В. Н. Перекрестова и Н. А. Соловьева «Уголовно-процессуальное

[1] Мищенко Е. В., Летута Т. В. Принципы судебного примирения, медиации и арбитража: сравнительно-правовой аспект // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 2 (110). С. 4.

[2] Собрание законодательства РФ. 2010. № 31, ст. 4162.

значение признания вины в России» (2014), В. Н. Махова и А. С. Василенко «Медиация и другие программы восстановительного правосудия в уголовном процессе стран англосаксонского права», Ю. В. Деришева и Е. Е. Забуги «Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних» (2016) и др.

Е. Е. Забуга под медиацией по уголовным делам в отношении несовершеннолетних рекомендует понимать проводимую «прокурором на основании ходатайства подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) и его защитника с согласия законного представителя и потерпевшего процедуру по уголовным делам несовершеннолетних о преступлениях небольшой или средней тяжести, совершенных впервые, по итогам которой при утверждении прокурором медиационного соглашения уголовное дело подлежит прекращению»[1].

Мы солидарны с автором и разделяем его точку зрения о том, что медиация при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних должна строиться на «принципах ювенального судопроизводства, вытекающих из международных правовых актов (стандартов), посвященных правосудию для несовершеннолетних: повышенной правовой защищенности; наименьшего вмешательства правоохранительных органов и суда; специализации органа власти; индивидуализации»[2].

Конвенция о правах ребенка в ч. 1 ст. 40 регламентирует, что государства должны стремиться содействовать установлению законов, процедур, органов и учреждений, имеющих непосредственное отношение к детям, которые, как считается, нарушили уголовное законодательство, обвиняются или признаются виновными в его нарушении, и в частности в случае необходимости и желательности, принятию мер по обращению с такими детьми без использования судебного разбирательства при условии полного соблюдения прав человека и

---

[1] Забуга Е. Е. Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2014. С. 14.

[2] Там же.

правовых гарантий[1]. Однако до сих пор российским законодателем не учтены требования Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинских правил), закрепленные в п. 11 «Прекращение дела», в соответствии с которым при рассмотрении дел несовершеннолетних правонарушителей следует по возможности не прибегать к официальному разбору дела компетентным органом власти, указанным в правиле 14.1 (п. 11.1), полиция, прокуратура или другие органы, ведущие дела несовершеннолетних, должны быть уполномочены принимать решения по таким делам по своему усмотрению, без проведения официального слушания дела, согласно критериям, установленным для этой цели в соответствующей правовой системе, а также согласно принципам, содержащимся в настоящих Правилах (п. 11.2)[2].

По официальным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, с января по декабрь 2021 г. в суде первой инстанции было прекращено в связи с примирением сторон 103 649 уголовных дел (+ 1,13 % за аналогичный период прошлого года – АППГ), за 2020 г. – 102 482 уголовных дела (- 5,68 % АППГ), за 2019 г. – 108 662 уголовных дела (-14,68 % аналогичный период прошлого года – АППГ), за 2018 г. – 127 353 уголовных дела (-7,85 % АППГ), в 2017 г. – 138 187 уголовных дел (-14,05 % АППГ), а в 2016 г. – 160 765 уголовных дел (-8,59 % АППГ)[3]. Статистика свидетельствует о постепенном снижении количества уголовных дел, прекращающихся в связи с примирением сторон. К сожалению, на момент подготовки работы, мы не смогли найти на официальных сайтах прокуратуры и МВД России в статистических отчетах дифференцированного раздела, посвященного количественному показателю

---

[1] Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989, вступила в силу для СССР 15 сент. 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

[2] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты 29 нояб. 1985 г. Резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «Консультант Плюс».

[3] Судебный департамент при Верховном Суде РФ : офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 19.02.2023).

прекращенных уголовных дел по различным основаниям, есть информация лишь об общем количестве принятых решений о прекращении уголовных дел на стадии предварительного расследования. Данный факт не позволяет проанализировать соотношение доли прекращенных уголовных дел на досудебных и судебных стадиях расследования.

А. А. Ширкин под медиацией в уголовном процессе понимает «способ урегулирования уголовно-правовых споров до вынесения судебного решения, основывающийся на добровольном согласии сторон достигнуть взаимоприемлемого решения при содействии независимого физического лица – медиатора»[1]. Следует согласиться с автором. Действительно, добровольное согласие сторон о примирении при содействии медиатора позволит существенно снизить нагрузку на правоохранительные органы, суды и уголовно-исполнительную систему. Также А. А. Ширкин вполне аргументированно предлагает закрепить процессуальный статус медиатора в гл. 8 УПК РФ, что, на наш взгляд, вполне объяснимо, поскольку деятельность медиатора, направленная на разрешение уголовно-правового спора, является одной из разновидностей содействия отправлению правосудия.

В целом большинство исследователей придерживаются позиции, заключающейся в необходимости введения в уголовный процесс России института медиации, позволяющего разработать упрощенную уголовно-процессуальную процедуру прекращения уголовного дела в отношении несовершеннолетних, гарантирующую уважение прав и законных интересов, и их эффективное обеспечение с учетом принципов, закрепленных в рекомендациях Совета Европы по правосудию в отношении детей, а также с учетом возраста, степени зрелости ребенка и понимания им обстоятельств дела. Введение указанной процедуры соответствует Концепции развития сети служб медиации, а также может быть дополнительным мероприятием, проводимым в рамках Десятилетия детства, утвержденного Указом Президента РФ от 29 мая

[1] Ширкин А. А. Медиация как направление развития института примирения в уголовном процессе Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Люберцы, 2015. С. 12.

2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства»[1].

Вместе с тем напомним, что действие упомянутого нами ФЗ о медиации распространяется на споры, возникающие из гражданских правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также на споры, возникающие из трудовых и семейных правоотношений. Полагаем, что прежде чем вносить изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство, следует расширить область применения ФЗ о медиации, дополнив ее уголовными делами по преступлениям небольшой и средней тяжести, совершенным несовершеннолетними. Принимая во внимание, что, как указано в Декларации прав ребенка, ребенок ввиду его физической и умственной незрелости нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения, именно с категории несовершеннолетних следует вводить институт медиации в уголовный процесс России. В последующем, в случае получения положительного опыта, появится возможность расширить сферу применения медиации в уголовном судопроизводстве на все категории граждан по преступлениям небольшой и средней тяжести.

На основании изложенного научный интерес представляет проект федерального закона 01/05/07-17/00069576 (далее – проект ФЗ о примирителе), который в настоящее время находится на этапе проведения общественных обсуждений и независимой антикоррупционной экспертизы[2]. Указанный проект предполагает внесение изменений в действующее процессуальное законодательство страны, в частности введение нового участника уголовного судопроизводства – примирителя – и закрепления его процессуального статуса в ст. 58.1 УПК РФ.

Разработчики проекта под примирителем предлагают понимать «лицо, обладающее специальными познаниями, допускаемое наряду с законными

[1] См.: Собрание законодательства РФ. 2017. № 23, ст. 3309.

[2] Федеральный портал проектов нормативных правовых актов : сайт [Электронный ресурс]. URL: http://regulation.gov.ru/projects#npa=69576 (дата обращения: 20.02.2023).

представителями, защитниками к участию в производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, в целях примирения несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого с потерпевшим» (ч. 1 ст. 58.1). Полагаем, что с точки зрения юридической техники данный участник уголовного судопроизводства должен называться медиатором. Именно такое название принято и в зарубежном уголовно-процессуальном законодательстве. Кроме того, полагаем, что в дополнительном пояснении нуждается указание о наличии специальных познаний примирителя.

В ч. 2 вводимой нормы закреплено, что порядок допуска и участия примирителя в судопроизводстве определяется ст. 420.1, 425, 426.1, 428, 428.1 настоящего Кодекса. Данная часть анализируемой статьи отсылает к вновь вводимым и дополненным нормам, регламентирующим примирение несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого с потерпевшим (ст. 420.1), допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (ст. 425), участие примирителя в ходе досудебного производства по уголовному делу (ст. 426.1), участие законного представителя несовершеннолетнего подсудимого в судебном заседании (ст. 428), участие примирителя в судебном заседании (ст. 428.1).

Часть 3 анализируемой номы включает в себя упоминание об уголовной ответственности примирителя за разглашение данных предварительного расследования в соответствии со ст. 310 УК РФ.

Считаем, что содержание предложенной нормы не вполне соответствует устоявшейся практике и не отвечает требованиям юридической техники к построению норм такого рода. Полагаем, что в случае введения нового, ранее не встречавшегося участника уголовного судопроизводства, в закрепляемой норме, по устоявшейся практике, следует помимо определения данного лица отразить его права, обязанности и ответственность. Пока же авторы законопроекта сочли возможным, процессуально закрепив примирителя в ст. 58.1 УПК РФ, раскрыть его права в ст. 426.1 УПК РФ, что не придает удобства в пользовании Кодексом и плодит отсылочные нормы.

Анализ вводимой ст. 426.1 позволяет констатировать, что примиритель допускается к участию в уголовном деле по постановлению следователя, дознавателя и с согласия законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также потерпевшего и (или) его законных представителей. Он вправе: присутствовать при предъявлении обвинения; участвовать в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также с разрешения следователя, в иных следственных действиях, производимых с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, защитника, законных представителей; делать заявления и представлять доказательства; знакомиться с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования.

Примиритель может быть отстранен от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Об этом следователем или дознавателем должно быть вынесено постановление.

Предложенный в проекте перечень прав рассматриваемого участника не является полным и не позволит в полном объеме осуществить процедуру примирения. Так, не предусмотрена возможность отказа примирителя от процедуры примирения, если стороны или одна из сторон препятствует процедуре примирения; не регламентировано право на ознакомление с материалами дела, необходимое для осуществления процедуры медиации, а также право заявлять ходатайства и отводы.

Проект ФЗ о примирителе вводит норму, регламентирующую участие примирителя в судебном заседании. В соответствии с вводимой ст. 428.1 в судебном заседании примиритель вправе заявлять ходатайства и отводы; давать показания; представлять доказательства; участвовать в заседании судов первой и апелляционной инстанций. Предусмотрено, что суд вправе допросить примирителя по вопросам, касающимся проведения процедур примирения между несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, подсудимым и потерпевшим.

Как и на стадии предварительного расследования, примиритель может быть отстранен от участия в судебном разбирательстве, если есть основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подсудимого. В этом случае приглашается другой примиритель.

Неявка своевременно извещенного примирителя не приостанавливает рассмотрения уголовного дела, если суд не сочтет его участие необходимым.

Мы полагаем, что предложенный проект ФЗ о примирителе следует несколько скорректировать с учетом изложенных замечаний, а также добавить ряд новых норм.

Так, целесообразно ст. 5 УПК РФ дополнить пунктом 14.2 следующего содержания: «медиация – добровольная процедура урегулирования уголовно-правового спора между подозреваемым (обвиняемым) и потерпевшим при оказании содействия независимым посредником – медиатором – с целью достижения взаимовыгодного соглашения по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, совершенных несовершеннолетним лицом»; пунктом 14.3 следующего содержания: «медиатор – независимое физическое лицо, отвечающее требованиям законодательства Российской Федерации о процедуре медиации, привлекаемое сторонами на стадии предварительного расследования и в суде в целях содействия в заключении соглашения о достижении примирения в порядке медиации по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, совершенных несовершеннолетним лицом» (см. прил. 6).

По нашему мнению, медиатор должен иметь право отказаться от дачи показаний по обстоятельствам дела, ставшим ему известными в связи с осуществлением процедуры медиации (свидетельский иммунитет), а потому предлагаем дополнить ч. 3 ст. 56 УПК РФ пунктом 8 следующего содержания: «8) медиатор – об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с проведением медиации» (см. прил. 6).

Наконец, сформулируем авторский вариант нормы, закрепляющей процессуальный статус медиатора:

«Статья 58.1 Медиатор

1. Медиатор – независимое физическое лицо, отвечающее требованиям законодательства Российской Федерации о процедуре медиации, привлекаемое сторонами на стадии предварительного расследования и в суде в целях содействия в заключении соглашения о достижении примирения в порядке медиации по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, совершенных несовершеннолетним лицом.

2. Медиатор допускается к участию в уголовном деле на основании постановления следователя, дознавателя и с согласия законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также потерпевшего и (или) его законных представителей.

3. Медиатор вправе:

1) знакомиться с данными об участниках уголовного процесса, являющихся сторонами медиации;

2) встречаться со сторонами медиации наедине и конфиденциально без ограничения количества и продолжительности встреч;

3) знакомиться в установленном порядке с материалами, необходимыми для проведения медиации;

4) содействовать сторонам в заключении соглашения о достижении примирения в порядке медиации;

5) делать заявления, подавать ходатайства и жалобы;

6) присутствовать при предъявлении обвинения;

7) участвовать в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также с разрешения следователя – в иных следственных действиях, производимых с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, защитника, законных представителей.

4. Медиатор вправе отказаться от проведения процедуры медиации, если:

1) он считает, что проводимая процедура медиации не приведет к примирению сторон;

2) стороны медиации не являются без уважительных причин для участия

в медиативной процедуре;

3) обнаружены обстоятельства, которые могут повлиять на его беспристрастность.

5. Медиатор обязан:

1) разъяснять сторонам их право на примирение по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, совершенных несовершеннолетним лицом, обязанности, а также сущность и цели медиации;

2) оказать содействие в подготовке проекта договора о проведении процедуры медиации, а также соглашения о примирении;

3) в случае отказа сторон от медиации сообщить об этом органу предварительного расследования или суду, направившему стороны на медиацию;

4) соблюдать конфиденциальность процедуры медиации;

5) сообщать органу, ведущему расследование, обо всех попытках стороны защиты оказать влияние на потерпевшую сторону с целью повлиять на принимаемое решение о примирении.

6. Медиатор вправе с согласия сторон осуществлять процедуру медиации с момента принятия решения о возбуждении уголовного дела и на последующих стадиях уголовного процесса до удаления суда в совещательную комнату.

7. Медиатор не вправе разглашать данные предварительного расследования, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса. За разглашение данных предварительного расследования медиатор несет ответственность в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации» (см. прил. 6).

Кроме того, в целях обеспечения функционирования института медиации в уголовном процессе законодатель должен детально предусмотреть процедуру примирения, определить структуру и содержание соглашения, вид процессуального решения, принимаемого по заключенному соглашению. Для

достижения этой цели наиболее рациональным будет включить в гл. 50 УПК РФ норму, регламентирующую процессуальный порядок осуществления процедуры примирения (медиации). Структура и содержание указанной нормы предложена нами в приложении 6.

Введение указанной нормы потребует дополнить ч. 1 ст. 154 УПК РФ «Выделение уголовного дела» пунктом 6, который мы предлагаем изложить в следующей редакции: «6) отдельных несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, с которыми заключено соглашение о примирении в порядке, установленном статьей 432.1 настоящего Кодекса, если в отношении иных несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых данное соглашение не достигнуто».

Содержание соглашения о примирении, по аналогии с содержанием кассационной жалобы, представлением, закрепленным в ст. 401.4 УПК РФ, необходимо отразить в самостоятельной норме – в ст. 432.2 УПК РФ:

«Статья 432.2. Содержание соглашения о примирении

1. На основании ходатайства о примирении, заявленного потерпевшим, его представителем, несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, составляется соглашение о примирении, в котором должны быть указаны: 1) дата и место его составления; 2) фамилия, имя и отчество сторон, заключающих соглашение, медиатора, если он принимает участие в примирении; 3) размер ущерба, причиненного преступлением, или перечень действий, которые подозреваемый или обвиняемый обязан совершить в пользу потерпевшего, сроки возмещения ущерба или совершения действий.

2. Соглашение о примирении подписывается потерпевшим или его представителем, несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, защитником и медиатором, если он участвовал в процедуре примирения.

3. Копия соглашения вручается сторонам, подписавшим соглашение.

4. Подписанное соглашение о примирении приобщается к материалам уголовного дела» (см. прил. 6).

Предлагаемая новелла уголовно-процессуального законодательства затрагивает достаточно незащищенную категорию населения – несовершеннолетних. В международных нормативных актах подчеркивается необходимость приведения национального правосудия в соответствие с принципами гуманности, дружественности, уважении личности и достоинства детей. Полагаем, что введение новой, ранее не известной отечественному процессуалисту процедуры уголовно-процессуальной медиации позволит качественно преобразить действующее уголовное судопроизводство и станет очередным шагом к созданию в нашей стране полноценной, действующей и признаваемой европейским сообществом ювенальной юстиции.

Безусловно, возникнет необходимость в создании служб медиации на платформе существующих профильных государственных организаций регионального уровня с использованием имеющегося потенциала и опыта органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Это обеспечит возможность привлечения медиатора к разрешению уголовно-правового конфликта. Деятельность медиатора, в частности оказываемое содействие сторонам в достижении соглашения о примирении, будет способствовать осуществлению гуманного правосудия еще на стадии предварительного расследования.

Проведенное нами анкетирование показало, что сотрудники следственных подразделений и органа дознания, а также суда неоднозначно относятся к предлагаемому нововведению. Между тем значительная часть респондентов – 64,96 % – выразили твердую убежденность в его значимости и необходимости (из них 72,1 % – судьи, 63,25 % – сотрудники следственных органов и дознания). Среди положительных моментов отмечалась возможность обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести – 73,61 % (из них 56,98 % – судьи, 78,2 % – сотрудники следственных органов и дознания); введение медиатора как самостоятельного участника уголовного судопроизводства окажет ощутимую пользу в отправлении

правосудия на досудебных стадиях – 68,28 % (из них 61,29 % – судьи, 70,2 % – сотрудники следственных органов и дознания); возможность проявления гуманности при осуществлении правосудия – 67,12 % (из них 70,96 % – судьи, 66,07 % – сотрудники следственных органов и дознания); возможность снизить нагрузку по производству уголовных дел на судебных стадиях – 63,19 % (из них 82,79 % – судьи, 57,8 % – сотрудники следственных органов и дознания) (см. прил. 4).

Однако часть респондентов все же выразили негативное отношение к предлагаемой процедуре примирения – 35,04 % (из них 27,9 % – судьи, 36,75 % – сотрудники следственных органов и дознания) (см. прил. 4). Данная позиция аргументирована возможностью подозреваемых и обвиняемых избежать уголовной ответственности, примирившись с потерпевшим. Отмечены различные способы оказания воздействия на потерпевшего с целью получения согласия на примирение: давление, угрозы, шантаж – 70,22 % (из них 67,44 % – судьи, 70,89 % – сотрудники следственных органов и дознания); подкуп – 65,26 % (из них 53,48 % – судьи, 68,09 % – сотрудники следственных органов и дознания); попытки вызвать чувство жалости – 49,02 % (из них 47,28 % – судьи, 49,44 % – сотрудники следственных органов и дознания) (см. прил. 4). Высказывались предположения, что введение института примирения позволит состоятельным родителям несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых), уплатив сумму, обозначенную потерпевшей стороной, избавить своего ребенка от установленной законом ответственности.

Отметим, что категория лиц, совершивших преступление, – это несовершеннолетние, рассчитывать, что у них есть материальная возможность возместить причиненный преступлением вред, загладить вину и удовлетворить запрос потерпевшего, не приходится. Учитывая изложенное, следует опираться на пояснение Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19, согласно п. 3 которого «возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда (ст. 75–76.2 УК РФ) могут быть произведены не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами». Полагаем, что под

«другими лицами» следует понимать как законных представителей, так и любое лицо, изъявившее желание возместить ущерб. Кроме того, не обязательно заглаживание вреда должно иметь материальную составляющую, для потерпевшего зачастую бывает достаточным «оказание какой-либо помощи, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства».

Несмотря на кажущуюся возможность оказания давления на потерпевшую сторону, пресекать подобные факты обязаны органы, осуществляющие уголовное преследование, а также сам медиатор, обязанный сообщать обо всех попытках оказания давления.

Кроме того, следует дополнительно отметить, что применение процедуры медиации распространяется не на все категории преступлений, а лишь на те, которые законом отнесены к преступлениям небольшой или средней тяжести. Если несовершеннолетним совершено тяжкое или особо тяжкое преступление, безусловно, не может быть и речи о заключении соглашения о примирении сторон, поскольку это противоречит ст. 25 УПК РФ.

Подводя итог, приходится констатировать, что действующий УПК РФ в ряде случаев лишь декларативно упоминает о наличии отельных субъектов уголовно-процессуальных отношений, оказывающих неоценимое содействие отправлению правосудия (помощник судьи, секретарь судебного заседания), при этом не относя их к участникам уголовного судопроизводства, а следовательно, и не закрепляя за ними необходимого перечня прав и обязанностей, что, как следствие, приводит к процессуальному усечению их правового статуса и возможности участия в уголовном судопроизводстве.

Но в тоже время, если о помощнике судьи и секретаре судебного заседания законодатель упоминает, пусть даже в качестве общих условий судебного разбирательства, то о процессуальном ассистенте вовсе отсутствуют нормы, которые регламентировали бы его участие, тем более процессуальный статус. Считаем это недопустимым ограничением прав участника уголовно-

процессуальных отношений, которое неприемлемо для современного процессуального законодательства.

Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) по преступлениям небольшой или средней тяжести в связи с осуществлением процедуры медиации, в том числе при привлечении медиатора, является одним из проявлений правосудия. Медиатор, являясь в уголовном процессе незаинтересованным участником, оказывает сторонам содействие в достижении соглашения по рассматриваемому уголовно-правовому спору и, как следствие, в принятии итогового процессуального решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон.

ГЛАВА 5. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ И ИЗДЕРЖКИ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОДЕЙСТВИЯ ПРАВОСУДИЮ

§ 1. Применение уголовно-процессуальных мер безопасности в отношении лиц, содействующих отправлению правосудия

Проблема обеспечения безопасности лиц, содействующих отправлению правосудия, в настоящее время в России стоит как никогда остро. Из года в год увеличиваются случаи противоправного на них воздействия, что, как следствие, приводит к отказу от дачи показаний или к даче заведомо ложных показаний, нежеланию экспертов и специалистов участвовать в резонансных и «потенциально опасных» уголовных делах. Все это, безусловно, отражается на полноте проводимого предварительного расследования, а в последующем и на справедливости, обоснованности и всесторонности выносимых приговоров. Лицам, совершившим преступления, не назначается должное наказание, более того, допускается возможность и вовсе избежать его, пострадавшие от противоправных деяний физические и юридические лица теряют надежду на восстановление своих нарушенных прав и возмещение понесенного ущерба, а что самое опасное – веру в правовое государство и неотвратимость справедливого наказания.

Российская Федерация, провозгласив в Конституции права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту – своей обязанностью (ст. 2), взяла курс на формирование современного правового демократического государства.

Защита прав и свобод должна осуществляться во всех сферах деятельности, в том числе и в процессе борьбы с преступностью и отправления

правосудия. Именно в процессе осуществления правосудия на различных этапах уголовного судопроизводства повышенное внимание со стороны государства уделяется обеспечению личной безопасности участников уголовного процесса, что отражено и в уголовно-процессуальном законодательстве России. Лица, осуществляющие уголовное преследование, «при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности»[1].

А. А. Дмитриева справедливо отмечает, что «гарантией осуществления правосудия в современных условиях является повышенная защищенность как лиц, содействующих судопроизводству (свидетелей, потерпевших, экспертов, переводчиков, специалистов и др.), так и должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу»[2]. Разделяя позицию А. Ю. Епихина и А. В. Мишина о том, что эффективность обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства во многом зависит от устранения «межотраслевых противоречий и рассогласованности отдельных правовых норм»[3], отметим, что прежде следует провести комплексное исследование отраслевого законодательства, регулирующего уголовно-процессуальные меры безопасности.

Говоря об уголовно-процессуальных мерах обеспечения безопасности, которые могут быть применены властными субъектами уголовно-процессуальных отношений, ученые-процессуалисты традиционно ссылаются на положение ч. 3 ст. 11 УПК РФ, в которой они закреплены: меры безопасности,

---

[1] В соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

[2] Дмитриева А. А. Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 5.

[3] Епихин А. Ю., Мишин А. В. Взаимосвязь уголовно-процессуального и криминалистического механизмов государственной защиты участников производства по уголовному делу // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 142.

предусмотренные ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации. Однако этот перечень не исчерпывающий. УПК РФ содержит достаточное количество и иных, не предусмотренных данной нормой, охранительных мер, направленных на обережение[1] лиц, нуждающихся в защите государства. В своей совокупности этот комплекс мер образует институт уголовно-процессуальных мер безопасности. В нашу задачу входит определение возможности и эффективности их применения в отношении лиц, оказывающих содействие правосудию.

Проблемам обеспечения безопасного участия лиц в уголовном судопроизводстве, их правовой охране и защите посвящено большое количество исследований. Одним из первых на уровне докторской диссертации проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства и их государственной защиты исследовал О. А. Зайцев[2], впоследствии эта проблема была развита в докторской диссертации Л. В. Брусницына[3], который провел анализ российского законодательства и международного опыта государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Концептуальный подход в определении системы и способов обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства обоснован в диссертационном исследовании А. Ю. Епихина[4]. Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве на различных стадиях уголовного

---

[1] Введенный в научный оборот В. Т. Томиным и А. А. Юнусовым термин «обережение» является по своей сути и содержанию достойной заменой, синонимом понятия «обеспечение защиты». (см.: Юнусов А. А. Обережение участников уголовного процесса и их ближних : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Нижний Новгород, 1998. 168 с.). Данный факт был отмечен в работе М. Э. Каац (см.: Каац М. Э. Институт уголовно-процессуальных мер безопасности : моногр. Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2016. С. 12).

[2] Зайцев О. А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации : дис. … д-ра юрид. наук. М., 1999.

[3] Брусницын Л. В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2002.

[4] Епихин А. Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства : дис. … д-ра юрид. наук. Сыктывкар, 2005.

процесса сформулирована в исследовании А. А. Дмитриевой[1]. По данной проблематике были успешно защищены диссертации и на соискание ученой степени кандидата наук[2].

Проблемы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в указанных диссертационных исследованиях рассматривались с различных точек зрения, анализировались как уголовно-правовые меры безопасности, так и меры государственной защиты, предусмотренные федеральными законами. Однако с момента защиты многих работ прошло уже достаточно времени, за которое в действующее законодательство, регламентирующее институт государственной защиты участников уголовного судопроизводства, были внесены существенные изменения, что требует проведения новых исследований. Кроме того, до сих пор нет монографий, посвященных наиболее важным и сложным проблемам уголовно-процессуального обеспечения безопасности лиц, содействующих отправлению правосудия.

С момента регистрации сообщения о совершенном преступлении в государственных органах законом предусмотрено проведение определенной процедуры[3], предшествующей принятию решения о возбуждении уголовного

---

[1] Дмитриева А. А. Указ. соч.

[2] Абрамов Б. А. Проблемы соотношения прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля обеспечения безопасности личности в современном российском уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2013 ; Бобков Я. И. Уголовно-процессуальный статус лиц, в отношении которых применяются меры государственной защиты и безопасности : дис. … канд. юрид. наук. М., 2015 ; Гусева Н. Н. Процессуальное обеспечение безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве : дис. …канд. юрид. наук. М., 2018 ; Зайцев Е. О. Государственная защита анонимного свидетеля в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование : дис. …канд. юрид. наук. М., 2016 ; Курбанмагомедов Т. К. Государственная защита потерпевших при производстве в суде первой инстанции в уголовном процессе России : дис. … канд. юрид. наук. М., 2011 ; Прыткова Е. В. Обеспечение безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, на стадии предварительного расследования: уголовно-процессуальные и тактико-криминалистические аспекты : дис. …канд. юрид. наук. СПб., 2015 ; Скрипилев Г. А. Применение, изменение и отмена мер безопасности участников российского уголовного судопроизводства : дис. … канд. юрид. наук. М., 2013 ; Харитонов И. В. Уголовно-процессуальные меры безопасности, применяемые в отношении потерпевшего в досудебных стадиях : дис. … канд. юрид. наук. М., 2010 и др.

[3] В системе Министерства внутренних дел РФ эта процедура регламентирована

дела, – проверки сообщения о преступлении, которая регламентирована ст. 144, 145 УПК РФ и предусматривает необходимость проверки сообщений о любом совершенном или готовящемся преступлении и принятия по нему решений в срок не позднее 3 суток со дня поступления сообщения.

Проверку сообщения о преступлении проводят дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа. Полагаем, что к указанному перечню лиц следует отнести и начальника подразделения дознания, поскольку он наделен правом возбуждать и расследовать уголовные дела, «обладая при этом полномочиями дознавателя» (ч. 2 ст. 40^1 УПК РФ), а также осуществлять проверку материалов уголовного дела (п. 1 ч. 3 ст. 40^1 УПК РФ). На основании изложенного считаем целесообразным внести изменения в ч. 1 ст. 144 УПК РФ: дополнить первое и второе предложение после слова «дознаватель» словосочетанием «начальник подразделения дознания», а также внести соответствующие коррективы в п. 1 ч. 3 ст. 40^1 УПК РФ, изложив ее в следующем виде: «1) проверять материалы проверки сообщения о преступлении или материалы уголовного дела».

Следует заметить, что не по каждому зарегистрированному сообщению о совершенном преступлении принимается решение о возбуждении уголовного дела (ст. 145 УПК РФ), но по каждому проводится проверка, позволяющая либо исключить противоправность деяния, либо выявить совершенное преступление и принять процессуальное решение о необходимости его расследования.

Несмотря на огромное влияние проверки на судьбу будущего уголовного дела, сложность данного этапа заключается в отсутствии процессуального положения основных участников уголовного судопроизводства (потерпевшего, подозреваемого, свидетеля), у которых на данном этапе с юридической точки зрения отсутствуют права, обязанности и ответственность, ограничено право на защиту. А. А. Дмитриева в этой связи отмечает, «что содержание ч. 3 ст. 11

ведомственным приказом (см.: Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29 авг. 2014 г. № 736 (зарег. в Минюсте России 6 нояб. 2014 г. № 34570) // Российская газета. 2014. № 260).

УПК РФ устанавливает возможность применения уголовно-процессуальных мер безопасности в отношении тех участников уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальный статус которых уже сформировался и процессуально закреплен (потерпевший, свидетель и т. д.)»[1].

С целью объективного анализа уголовно-процессуальных мер обеспечения безопасности необходимо определить круг лиц, оказывающих содействие на этапе проверки сообщения о совершенном преступлении. Исходя из проводимых уполномоченными субъектами проверочных мероприятий, следует выделить:

1) лиц, привлекаемых в качестве специалиста для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления, предметов и документов, которые могут иметь значение для расследования уголовного дела в случае его возбуждения, дачи показаний и заключения, оказания консультационной помощи;

2) понятых, которые могут быть привлечены при производстве следственных действий (ст. 170 УПК РФ);

3) эксперта, если при производстве проверки потребуется проведение экспертизы;

4) переводчика, если в ходе проверки возникнет необходимость взаимодействия с лицом, не владеющим языком уголовного судопроизводства.

Перечисленные лица имеют самостоятельный процессуальный статус, регламентированный УПК РФ, и в связи с этим, казалось бы, могут рассчитывать при необходимости на принятие в отношении них уголовно-процессуальных мер безопасности.

Действительно, ч. 3 ст. 11 УПК РФ устанавливает категорию лиц, имеющих право рассчитывать на уголовно-процессуальные меры безопасности и относит к ним потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников или близких лиц. Но допустимо ли в уголовном процессе расширение данного перечня за счет включения в него лиц, не имеющих уголовно-процессуального статуса, как это предусмотрено Федеральным законом № 119-ФЗ «О

[1] Дмитриева А. А. Указ. соч. С. 189.

государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»? Допустимо применение мер государственной защиты до принятия решения о возбуждении уголовного дела в отношении участников уголовного судопроизводства, а также лиц, чей процессуальный статус еще не определен (ч. 2 ст. 2). Поскольку эти лица могут быть подвергнуты риску расправы или причинения увечья, им и их близким в связи с оказанием содействия правоохранительным органам на этапе принятия решения о возбуждении уголовного дела необходимо обеспечить безопасность. Без права на защиту со стороны государства, без чувства защищенности и уверенности в своей безопасности эти лица вряд ли окажут правосудию необходимое содействие.

Таким образом, полагаем, что перечень лиц, подлежащих обережению в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ, подлежит расширению, а понятие «иные», должно рассматриваться в значении «другие», а не ограничиваться участниками уголовного судопроизводства, закрепленными в гл. 8 УПК РФ. Данную позицию разделяет и М. Э. Каац, отмечая, что «диапазон защищаемых участников уголовного процесса гораздо шире, нежели закрепленный в ч. 3 ст. 11 УПК РФ»[1].

Рассмотрим имеющиеся в распоряжении властных субъектов уголовного судопроизводства уголовно-процессуальные меры по обережению лиц, содействующих правосудию на этапе проверки сообщения о совершенном преступлении.

Из имеющегося «арсенала» уголовно-процессуальных мер безопасности, закрепленных в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, на данном этапе допустимо принятие следователем решения с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия начальника органа дознания о сохранении в тайне данных о личности лица, оказывающего содействие в отправлении правосудия, иными словами, использование псевдонима. Засекречивание данных о защищаемом лице, по утверждению М. Э. Каац, является одной из самых

[1] Каац М. Э. Указ. соч. С. 31.

распространенных уголовно-процессуальных мер безопасности: «81 % опрошенных нами сотрудников следственных подразделений указывали на использование именно данной меры безопасности среди всех остальных, предусмотренных УПК РФ»[1].

Действительно, по справедливому замечанию А. Ю. Епихина и А. В. Мишина использование псевдонима при проведении такого следственного действия как допрос «обеспечивает возможность увеличения объема, полноты и качества доказательственной информации посредством предотвращения фактов уклонения допрашиваемых защищаемых лиц от предоставления достоверных, объективных показаний из-за опасения за свою безопасность в связи с оказанием содействия уголовному правосудию»[2].

Процессуальный порядок сохранения в тайне информации о защищаемом лице закреплен в ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Примечательно, что в данную норму неоднократно вносились изменения, дополняющие и уточняющие отдельные моменты процедуры засекречивания. Так, с принятием Федерального закона от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ[3] внесена определенность в порядок хранения конверта с подлинной информацией о защищаемом лице и исключена возможность ознакомления с ним заинтересованных лиц. А. А. Дмитриева по данному факту отмечает, что «в судебной практике существовала проблема действий судьи, в чье производство поступили материалы уголовного дела с конвертом, в котором хранятся конфиденциальные сведения о защищаемом лице. Нормы УПК не устанавливали порядок хранения такого конверта»[4].

---

[1] Там же. С. 39.

[2] Епихин А. Ю., Мишин А. В. Допрос потерпевшего, свидетеля под псевдонимом в досудебном и судебном производствах (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2019. Т. 29. № 4. С. 481.

[3] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 2 дек. 2008 г. № 226-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 49, ст. 5724.

[4] Дмитриева А. А. Указ. соч. С. 86.

С принятием Федерального закона от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ[1] возможностью применения процедуры засекречивания данных о лице смогли воспользоваться и подразделения дознания. Это своего рода новый этап развития института уголовно-процессуальных мер безопасности, свидетельствующий о расширении круга субъектов, уполномоченных принимать решения о применении таких мер.

Проведенный нами опрос сотрудников подразделения дознания свидетельствует в целом о положительном отношении к решению законодателя: 67,3 % респондентов отметили необходимость и своевременность внесения указанного изменения; 24,3 % полагают, что необходимости в обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства по уголовным делам, подследственным органу дознания, не возникает; 8,4 % затруднились ответить (см. прил. 4).

Однако рассматриваемая мера безопасности может быть применена только в отношении потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц (ч. 9 ст. 166 УПК РФ). В соответствии с данной нормой круг лиц, данные о которых могут быть засекречены, не подлежит расширению, следовательно, иные лица, оказывающие содействие правосудию и нуждающиеся в защите на этапе проверки сообщения о совершенном преступлении, лишаются единственной уголовно-процессуальной меры безопасности – использования псевдонима.

В то же время «нередко в условиях жесткого давления осуществляют свою деятельность эксперты и специалисты. Использование для разоблачения преступной деятельности специальных познаний в области науки, техники ремесла и искусства с каждым днем возрастает, – справедливо отмечает А. Ю. Епихин, – возможные последствия такого давления – отказ от производства экспертизы, дача заведомо ложного заключения, уничтожение вещественных доказательств, представленных для экспертного исследования

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя : федер. закон от 30 дек. 2015 г. № 440-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. 1, ст. 60.

(т. е. невосполнимая утрата доказательств)»[1]. Не застрахованы от противоправного посягательства со стороны криминального элемента с целью оказания влияния на ход расследования также понятые и переводчики.

В данной связи Л. В. Брусницын, ссылаясь на нормы международного права, отмечает, что в п. 19 и 20 Приложения к Рекомендациям № (2005) 9 «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием» указано, что «дача показаний под псевдонимом должна являться "исключительной" мерой безопасности, то есть применяться в случае "серьезной" угрозы жизни или свободе лица, обладающего "значимой" доказательственной информацией и заслуживающего доверия»[2]. Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство России не содержит указанных требований.

Кроме того, при обеспечении безопасности, например очевидца[3], в процессе производства по уголовному делу возникает ряд коллизионных моментов, в своей совокупности влияющих либо на качество обеспечиваемой безопасности, либо на ее целесообразность.

Возвращаясь к основаниям применения уголовно-процессуальных мер безопасности, закрепленным в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, напомним, что они применяются при наличии достаточных данных о том, что свидетелю угрожают убийством, насилием, уничтожением или повреждением имущества либо иными опасными противоправными деяниями[4].

Использование псевдонима как защитной уголовно-процессуальной меры по указанным в законе основаниям как минимум не логично. Предлагаем проанализировать основания применения данной меры.

Во-первых, законодатель отмечает, что основанием использования

---

[1] Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 197.

[2] Брусницын Л. В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства : науч.-практ. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 23.

[3] Ввиду отсутствия процессуального статуса свидетеля до принятия решения о возбуждении уголовного дела данную категорию лиц будем именовать очевидцами.

[4] Часть 3 ст. 11 УПК РФ изложена в отношении свидетеля, наряду с которым в законе отражены и иные лица, о которых шла речь ранее.

псевдонима является наличие угрозы убийством, которая в соответствии с действующим уголовным законодательством образует самостоятельный состав преступления (ст. 119 УК РФ). Объективная сторона указанного состава выражается в наличии активных действий по отношению к адресату как непосредственно самим лицом, так и через третьих лиц. Иными словами, лицо, высказывающее желание, скажем, убить очевидца (свидетеля), изначально уже располагает информацией о нем, ему известно это лицо, следовательно, необходимость применения псевдонима теряет смысл.

Во-вторых, в юридическом плане вызывает озабоченность такое основание применения мер безопасности, как «наличие достаточных данных». В законе не раскрывается, что следует относить к достаточным данным и каков их перечень. Данное обстоятельство не раз подвергалось критике.

Л. В. Брусницын в одной из своих работ приводит некоторые формы (способы) посткриминального воздействия (далее – ПВ). К ним автор относит: «1. ПВ может выражаться в запрещенных уголовным законом деяниях, и совершающие эти деяния лица подлежат уголовному преследованию… 2. Кроме того, существуют способы ПВ, которые не запрещены УК РФ, но с успехом применяются, например, фразы по телефону: «нам известно, где ты живешь», «подумай о детях» … постоянное следование за человеком … послание преследуемому фотографий трупа, подбрасывание убитых животных... 3. …угроза для свидетелей существует вследствие одной лишь принадлежности преступника к ОПГ. 4. …в некоторых судебных процессах один лишь вид преступника может вызывать у потерпевших страх. 5. ПВ в виде угроз физической расправы. 6. …превращение человека в изгоя в коллективе»[1].

Формы противоправного воздействия перечислены и в исследованиях А. Ю. Епихина: «преследование для оказания психического воздействия … шантаж; применение физического насилия; оскорбление и клевета;

[1] Брусницын Л. В. Применение норм УПК РФ... С. 12.

умышленное уничтожение или повреждение имущества»[1]. Этот перечень дополняется приведенным авторским коллективом способом «похищение родственников или иных близких людей»[2] и отмеченным О. А. Зайцевым «совершением террористических актов»[3].

Проведенный нами опрос сотрудников следственных подразделений показал, что 42,86 % респондентов в своей практической деятельности сталкивались с противоправным воздействием на лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, на стадии проверки сообщения о совершенном преступлении; 50,31 % отметили, что никогда не сталкивались с таким воздействием; 6,83 % затруднились ответить (см. прил. 4). Кроме того, он позволил выявить наиболее распространенные способы оказания противоправного воздействия на лиц, оказывающих помощь в отправлении правосудия: угрозы, шантаж, запугивание – 74,64 % (из них 66,7 % – судьи, 73,3 % – сотрудники следственных органов и дознания, 79,25 % – представители общественности); оказание физического воздействия (насилия) – 11,91 % (из них 10,1 % – судьи, 15,7 % – сотрудники следственных органов и дознания, 7,2 % – представители общественности); повреждение или уничтожение имущества – 9,03 % (из них 12,4 % – судьи, 9,1 % – сотрудники следственных органов и дознания, 7,7 % – представители общественности); гораздо реже встречались уговоры, обещание вознаграждения – 4,42 % (из них 10,8 % – судьи, 1,9 % – сотрудники следственных органов и дознания, 5,85 % – представители общественности) (см. прил. 4). Причем угрозы, шантаж, запугивание осуществлялись как лично – 62,8 %, так и через третьих лиц, письменно или с использованием социальных сетей – 37,2 %.

Развитие научно-технического прогресса, повсеместное распространение и актуализация электронных способов общения породили новые способы

---

[1] Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. С. 231.

[2] Щерба С. П., Зайцев О. А. Сарсенбаев Т. Е. Охрана прав беспомощных потерпевших по уголовным делам : [пособие] / под ред. С. П. Щербы. М. : Юрлитинформ, 2001. С. 138–139.

[3] Зайцев О. А. Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2001. С. 22.

оказания воздействия на участников уголовного судопроизводства – кибersталкинг[1] и кибербуллинг[2].

Один из немногих специалистов, занимающихся изучением использования информационных ресурсов в борьбе с преступностью, П. Н. Кобец, под кибербуллингом рекомендует понимать «использование силы или влияния, прямо или косвенно, в устной, письменной или физической форме либо путем демонстрации или иного использования снимков, символов или чего-либо другого в целях запугивания, угроз, травли, преследования или смущения при помощи Интернета или других технологий, к примеру, мобильных телефонов»[3]. К сожалению, российское уголовное законодательство до сих пор не криминализировало эти современные воздействия на лиц, содействующих отправлению правосудия, которые наиболее эффективны в отношении молодых участников уголовного судопроизводства, ведущих активную онлайн-жизнь, имеющих большое количество подписчиков на свои профили в социальных сетях.

Таким образом, полагаем, следует выделить одну из проблем обеспечения безопасности лиц, содействующих отправлению правосудия на этапе проверки сообщения о совершенном преступлении, – несовершенство нормативного регулирования оснований применения уголовно-процессуальных мер безопасности. Нерешенным остается и вопрос определения реальности угрозы посткриминального воздействия. Представляется необходимым закрепление кибersталкинга и кибербуллинга в качестве самостоятельного состава преступления, которое противоправное лицо может совершать под чужим именем, находясь как в соседней квартире с лицом, содействующим

---

[1] Кибersталкинг – преследование кого-либо с использованием Интернета и других электронных средств.

[2] Кибербуллинг – намеренные оскорбления, угрозы, диффамации и сообщение другим компрометирующих данных с помощью современных средств коммуникации, как правило, в течение продолжительного периода времени.

[3] Кобец П. Н. Противодействие угрозам кибersталкинга – важнейшей проблеме, исследуемой в рамках совершенствования аспектов информационной безопасности регионов в условиях глобализации информационного пространства // Вестник Прикамск. социальн. ин-та. 2017. № 1 (76). С. 29.

правосудию, так и в совершенно иной стране.

Вместе с тем нам импонирует умозаключение Л. В. Брусницына, который в короткой фразе достаточно емко отразил цель обережения участников уголовного судопроизводства: «Главным в обеспечении безопасности участников УСП (уголовного судопроизводства. – В. Л.) является не форма и степень воздействия на них, а цели, с которыми оно осуществляется: заставить человека отказаться от намерения содействовать правосудию либо прекратить содействие, месть за оконченное содействие либо – что характерно для ОПГ – стремление запугать будущих (потенциальных) свидетелей в других уголовных делах»[1].

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в ст. 144 УПК РФ введена новая ч. 1.1, которая допускает «при необходимости» обеспечение безопасности участника досудебного производства в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ, в том числе при приеме сообщения о преступлении.

Анализируя указанную новеллу, А. М. Панокин выделил две самостоятельные группы лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве: «1) лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, и 2) участников проверки сообщения о преступлении»[2]. По нашему мнению, выделенные группы целесообразно дополнить еще одной – «участниками досудебного производства», которые также указаны в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ. Такую же точку зрения отстаивает и А. А. Дмитриева[3].

Полагаем, что использованное законодателем в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ понятие «участники досудебного производства», наделение их определенными процессуальными правами, предупреждение об ответственности за разглашение данных, ставших им известными в процессе участия в уголовном судопроизводстве, объединило ранее существовавших порознь участников

---

[1] Брусницын Л. В. Применение норм УПК РФ... С. 12.

[2] Панокин А. М. Порядок рассмотрения сообщения о преступлении в уголовном процессе // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 11. С. 1461–1465.

[3] Дмитриева А.А. Указ. соч. С. 155.

уголовного судопроизводства, наделенных процессуальным статусом, и лиц, не имеющих самостоятельного статуса. В данной связи уместна безапелляционная цитата

О. А. Зайцева, который отметил, что «каждый, кто наделен хотя бы одним уголовно-процессуальным правом или одной уголовно-процессуальной обязанностью, может вступать в определенные уголовно-процессуальные отношения по требованию закона или по своей инициативе и тем самым является участником процесса»[1]. Следует отметить, что указанное обстоятельство нашло подтверждение на международном уровне. Так, рассмотрев заявление Мамажонова (Mamazhonov), Европейский суд по правам человека определил, что ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ «существенно уравняла правовой статус, права и обязанности лиц, участвующих в предварительной проверке, с участниками уголовного расследования»[2].

Считаем, что следует привести в соответствие с ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ и саму норму, на которую она ссылается – ч. 9 ст. 166 УПК РФ, и отразить в ней возможность применения уголовно-процессуальной меры безопасности в виде засекречивания данных об оберегаемом лице в отношении участников досудебного производства. С этой целью предлагаем в ч. 9 ст. 166 УПК РФ внести изменения: в первом предложении после слова «свидетеля» добавить слова «а также других участников досудебного производства».

Определенный правовой резонанс вызывает и возможность использования псевдонима в отношении эксперта на рассматриваемой стадии.

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ в целях проверки сообщения о преступлении уполномоченные субъекты имеют право назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок. Применение специальных знаний эксперта на данном этапе бывает необходимо для правильной квалификации состава

---

[1] Зайцев О. А. Государственная защита участников уголовного процесса. С. 16–17.

[2] Дело «Мамажонов (Mamazhonov) против Российской Федерации» (жалоба № 17239/13) : постановление Европейского суда по правам человека от 23 окт. 2014 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 2 (14). С. 42–82.

преступления, установления отдельных обстоятельств дела. Кроме того, законом предусмотрены случаи обязательного назначения судебной экспертизы (ст. 196 УПК РФ).

В соответствии с требованиями процессуального законодательства заинтересованные лица должны быть уведомлены об учреждении и лице, которому поручено проведение судебной экспертизы. Подлежит уточнению компетентность этого лица, стаж работы и наличие профессионального навыка в конкретной судебно-экспертной области. Указанная информация подлежит обязательному отражению и в заключении эксперта, которое в последующем может стать доказательством по уголовному делу (ст. 204 УПК РФ). Поскольку участники уголовного судопроизводства имеют право знать о дате, месте и времени производства судебной экспертизы, присутствовать при ее проведении (ст. 197 УПК РФ), все это ставит вопрос о целесообразности применения уголовно-процессуальных мер безопасности в отношении эксперта.

Таким образом, ключевые субъекты уголовно-процессуальных отношений (очевидцы, эксперты) не могут рассчитывать на оказание уголовно-процессуальных мер безопасности на этапе проверки сообщения о совершенном преступлении.

Если на рассмотренном этапе в отношении лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, противоправное воздействие со стороны криминальных элементов принимает в основном лишь предупредительную форму, направленную на предотвращение сообщения правоохранительным органам необходимой информации, то с момента принятия решения о возбуждении уголовного дела воздействие может стать более действенным.

Одним из самых сложнопрогнозируемых вопросов в осуществлении защиты участников уголовного судопроизводства является определение противодействующих субъектов. М. Э. Каац отмечает, что «за последние десятилетия примерно в полтора-два раза увеличилось воздействие, оказываемое со стороны друзей и знакомых лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, на фоне такого же количественного уменьшения

оказываемого воздействия со стороны самих подозреваемых, обвиняемых»[1].

Проведенный нами опрос представителей общественности, привлекаемых к производству по уголовным делам, показал, что если на них будет оказано любое противоправное воздействие, то они откажутся принимать участие в производстве по делу (любой категории) или сообщат необходимую подозреваемому или обвиняемому информацию при даче показаний в 97,34 % случаях (см. прил. 4). Примечательно, что данное поведение существенно не изменится, даже если им будет обеспечена безопасность. Со слов респондентов, это обусловлено отсутствием информации об имеющемся положительном опыте применения мер защиты лиц, содействующих отправлению правосудия[2], – 67,5 %; отсутствием доверия к реализуемым мерам безопасности и их эффективности – 24 %; отсутствием доверия к сотрудникам правоохранительных органов – 8,5 % (см. прил. 4).

Представляется, что частично понизить уровень имеющегося недоверия лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, к правоохранительным органам, реализующим меры уголовно-процессуальной безопасности, и к самим мерам безопасности можно несколькими способами. Во-первых, перед началом производства следственных и процессуальных действий с лицами, оказывающими содействие правосудию, необходимо в обязательном порядке ознакомить их с правом на применение мер уголовно-процессуальной защиты (в том числе государственной защиты в рамках федерального законодательства). Во-вторых, следует запустить своего рода социальную рекламу, направленную на демонстрацию возможностей защиты участников уголовного судопроизводства от посткриминального воздействия и, главное, эффективности такой защиты.

Перечень реализуемых уголовно-процессуальных мер безопасности после принятия решения о возбуждении уголовного дела закреплен все в той же ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Однако это далеко не полный перечень уголовно-

---

[1] Каац М. Э. Указ. соч. С. 17.

[2] Каждый респондент приводил в пример американскую программу защиты свидетелей, о которой видел или слышал в средствах массовой информации.

процессуальных мер безопасности, применение которых предусмотрено государством в отношении лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия.

Федеральным законом от 27 декабря 2009 г. № 346-ФЗ введена ч. 4 ст. 35 УПК РФ, которая предусматривает возможность изменения территориальной подсудности уголовных дел при наличии реальной угрозы личной безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц[1].

Кроме того, допустимо применение в целях обеспечения безопасности участников уголовного процесса уголовно-процессуальных мер принуждения. Так, Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ[2] введена новая мера пресечения – запрет определенных действий, – повлекшая за собой внесение существенных изменений в уголовно-процессуальный институт мер принуждения. Однако учитывая, что применение мер пресечения законодательно допустимо исключительно в отношении подозреваемых или обвиняемых, в рамках настоящего исследования мы не будем отдельно анализировать данную меру пресечения как разновидность меры безопасности[3].

В отношении подозреваемого или обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, допустимо выделение уголовного дела в отдельное производство, а при возникновении угрозы безопасности материалы уголовного дела, идентифицирующие личность такого лица, изымаются из уголовного дела и приобщаются к уголовному делу в отношении подозреваемого или обвиняемого, выделенному в отдельное производство (п. 4

---

[1] О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 27 дек. 2009 г. № 346-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 52, ч. 1, ст. 6422.

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : федер. закон от 18 апр. 2018 г. № 72-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 17, ст. 2421.

[3] Более подробно вопросы избрания и применения мер принуждения рассмотрены нами в отдельном исследовании (см.: Логунов О.В., Травников А. В., Кутуев Э. К., Латыпов В. С. Меры уголовно-процессуального принуждения на досудебных стадиях: вопросы теории и нормативного регулирования : моногр. М. : Юрлитинформ, 2019).

ч. 1 ст. 154 УПК РФ). Вместе с тем закон предусматривает самостоятельную норму, регламентирующую проведение предварительного следствия в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. В ней указано, что в случае угрозы безопасности данной категории лиц вся информация о заключенном соглашении подлежит изъятию из дела и хранению в опечатанном конверте (ч. 2, 3 ст. 317.4 УПК РФ).

Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 251-ФЗ предусмотрена еще одна уголовно-процессуальная мера безопасности – возможность производства допроса подсудимого, содержащегося под стражей, которому угрожает опасность, с использованием систем видео-конференц-связи (далее по тексту – ВКС)[1].

Уже в конце 2021 г. принятый Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ предусмотрел возможность использования систем ВКС и на стадии досудебного производства при производстве отдельных следственных действий (допроса, очной ставки, опознания). А. Ю. Епихин и А. В. Мишин совершенно справедливо отмечают, что «дистанционное проведение отдельных следственных действий следователем следует рассматривать как дополнительную гарантию обеспечения безопасности участников уголовного дела»[2].

Существенное расширение использования указанной системы стало возможным с принятием Федерального закона от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ[3]. Так, в частности, указанный нормативный акт дополнил УПК РФ новой нормой, регламентирующий проведение допроса и иных процессуальных действий при наличии технической возможности с использованием систем

---

[1] О внесении изменений в статьи 241 и 293 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 21 июля 2014 г. № 251-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30, ч. 1, ст. 4252.

[2] Епихин А. Ю., Мишин А. В. Применение видеоконференцсвязи в досудебном производстве как мера безопасности участника следственного действия // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 43. № 3. С. 150.

[3] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 1, ч. 1, ст. 57.

видео-конференц-связи (ст. 278.1 УПК РФ). А. Ю. Епихин и А. В. Мишин совершенно справедливо отмечают, что «дистанционное проведение отдельных следственных действий … следует рассматривать как дополнительную гарантию обеспечения безопасности участников уголовного дела»[1].

Проведение допроса с использованием систем видео-конференц-связи предусмотрено законом не только в отношении подсудимых, но и, при необходимости, в отношении свидетелей, кроме того, с целью обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, о чем выносится определение или постановление (ч. 5 ст. 278 УПК РФ).

Нами дополнен перечень уголовно-процессуальных мер безопасности, которые могут быть применены в отношении лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия. Как видно, этот перечень значительно шире, нежели указанный в ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Заметим, что применение уголовно-процессуальных мер безопасности для государства значительно выгоднее с экономической точки зрения, нежели применение специализированных мер государственной защиты. А. А. Дмитриева достаточно верно отметила несоизмеримость «выделяемых на реализацию государственной программы средств и фактических нужд правоприменительной практики»[2].

Рассмотрим такое следственное действие, как опознание лица без визуального наблюдения опознающим. Отметим, что законом не регламентировано обеспечение безопасности лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия и находящихся в непосредственной близости с опознаваемым. Речь идет о процессуальных ассистентах и понятых. Дело в том, что законодатель, оберегающий опознающего, его жизнь и здоровье,

---

[1] Епихин А. Ю., Мишин А. В. Применение видеоконференцсвязи в досудебном производстве как мера безопасности участника следственного действия // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 43. № 3. С. 150.

[2] Дмитриева А. А. Указ. соч. С. 201.

практически оставил беззащитными привлекаемых для проведения этого следственного действия незаинтересованных лиц. Опознаваемый может воспользоваться ситуацией и оказать психологическое давление на понятых, влекущее в последующем при даче показаний искажение информации или процедуры проведения следственного действия. Ассистенты, находящиеся в непосредственной близости, рискуют своей жизнью и здоровьем от непредсказуемых действий опознаваемого, изобличенного в совершении преступления. Как отмечает Л. В. Брусницын, опознание, исключающее визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, наиболее часто применяется в уголовных делах о тяжких и особо тяжких преступлениях[1], за которые законом предусмотрены достаточно серьезные санкции, а значит, лицу, совершившему преступление, есть что терять. Для нанесения увечья, захвата в заложники достаточно нескольких секунд, поэтому находящиеся в помещении сотрудники оперативных подразделений могут не успеть среагировать. Проведение опознания в наручниках или ином компрометирующем виде недопустимо. Отдельные процессуалисты предлагают в целях обеспечения безопасности указанной категории лиц приглашать сотрудника оперативной службы[2]. Надо отметить, что с данным утверждением сложно не согласиться.

Следующий достаточно серьезный уголовно-процессуальный аспект производства данного следственного действия – составление по его окончании протокола. По общему правилу и в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 166 УПК РФ в протоколе указывается фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в следственном действии, а в необходимых случаях – адрес и другие данные о его личности. Отсутствие в протоколе указанных данных приведет к недопустимости полученных в ходе этого следственного действия сведений. Выход из сложившейся ситуации видится в обязательном изменении данных о личности опознающего и последующем использовании псевдонима, как это

[1] Брусницын Л.В. Применение норм УПК РФ ... С. 52–53.
[2] Там же. С. 55.

предусмотрено ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Применяемый комплекс уголовно-процессуальных мер безопасности позволит обеспечить надлежащую защиту жизни и здоровья опознающего лица.

Обязательной фиксации в протоколе подлежат и показания опознающего об условиях, при которых он видел опознаваемого, что, безусловно, может разоблачить защищаемое лицо. Поэтому в протоколе целесообразно отражать лишь ту часть информации, которая не позволит установить опознаваемым или его защитником личность опознающего. Если это произошло, то государственный орган, осуществляющий уголовное преследование, обязан поставить защищаемое лицо в известность.

Еще одна уголовно-процессуальная мера безопасности, применяемая на стадии предварительного расследования в отношении лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия, – контроль и запись переговоров. Данное следственное действие проводится при производстве по уголовным делам по преступлениям средней тяжести, тяжким и особо тяжким при наличии оснований полагать, что телефонные и иные переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела. Законодатель допустил возможность проведения контроля и записи переговоров по преступлениям средней тяжести лишь с 2007 г., с принятием Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ[1], в рамках совершенствования государственного управления в области противодействия экстремизму.

Между тем проведение контроля и записи переговоров допускается как самостоятельная уголовно-процессуальная мера безопасности, если существует угроза совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц при наличии их письменного заявления либо же по судебному решению (ч. 2 ст. 186 УПК РФ).

---

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму : федер. закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

По общему правилу, данная мера подпадает под категорию решений, принимаемых исключительно судом (п. 11 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Для инициирования принятия такого решения следователю необходимо обратиться с ходатайством, утвержденным руководителем следственного органа, в соответствующий суд. В ходатайстве обязательно следует указать основание применения данной меры, фамилию, имя, отчество лица, чьи телефоны и переговоры подлежат контролю и записи, срок осуществления контроля и записи (до 6 месяцев), наименование органа, которому поручается производство данного следственного действия.

Для проведения контроля и записи переговоров необходимо наличие технического оборудования и специальных знаний, в связи с этим его производство поручается специальным оперативно-техническим подразделениям, располагающим такими ресурсами.

В период производства контроля и записи переговоров следователь в любое время имеет право истребовать фонограмму для осмотра и прослушивания. К производству осмотра и прослушивания при необходимости может быть привлечен специалист, в том числе переводчик, а также лица, чьи телефонные и иные переговоры записаны, о чем составляется протокол (ч. 7 ст. 186 УПК РФ).

Сама фонограмма подлежит приобщению к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства и хранится в условиях, исключающих возможность ее тиражирования и прослушивания.

Проведенный анализ указанной меры обережения лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия, позволил выявить ряд существенных ограничений.

1. Вызывает беспокойство приведенный в ч. 2 ст. 186 УПК РФ перечень лиц, подлежащих защите с применением указанной меры. Полагаем, что их круг не должен ограничиваться исключительно потерпевшим, свидетелем, их близкими родственниками, родственниками и близкими лицами, поскольку посткриминальному воздействию могут подвергнуться не только основные

участники уголовного судопроизводства, но и лица, оказывающие содействие в отправлении правосудия. В анализируемой норме указан исчерпывающий перечень участников уголовного судопроизводства, наделенных процессуальным статусом, к ним законодатель отнес лишь потерпевших и свидетелей, в то время как нами было аргументированно доказана необходимость обеспечения безопасности всех лиц, оказывающих содействие. Разделяет данную позицию и Л. В. Брусницын, который отмечает, что наряду с указанными участниками в «круг защищаемых лиц не включены другие участники УСП, в частности: эксперт, специалист, психолог, педагог, переводчик, понятые…»[1].

О необходимости применения контроля и записи переговоров в отношении всех участников уголовного судопроизводства высказался и А. Ю. Епихин[2]. В данной связи вполне уместен приведенный М. Э. Каац пример, «когда лицу, участвующему в уголовном деле в качестве переводчика, будут поступать звонки от знакомых обвиняемого, принадлежащего к одной этнической группе, с навязчивыми предложениями поговорить с обвиняемым, находящемся в следственном изоляторе, во время его допроса и передать ему нужную информацию, суть которой, естественно, будет понятна только переводчику и лицу, привлекаемому к уголовной ответственности»[3]. Решение указанной проблемы видится во внесении изменений в указанную норму, направленных на расширение круга лиц, имеющих право на применение данной уголовно-процессуальной меры безопасности в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ.

2. Следует расширить основания применения контроля и записи переговоров. В соответствии с ч. 2 ст. 186 УПК РФ данная мера безопасности применяется исключительно при совершении преступных действий, в том числе насилия и вымогательства. Вызывает недоумение, почему законодателем

---

[1] Брусницын Л. В. Применение норм УПК РФ... С. 53.

[2] Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. С. 229.

[3] Каац М. Э. Указ. соч. С. 67.

были указаны лишь эти преступные действия и почему не отражены иные способы оказания воздействия, не имеющие криминального характера. В данной связи рациональным видится подход М. Э. Каац, которая предлагает использование формулировки «другие противоправные действия»[1]. Вместе с тем, полагаем, следует оставить и подход законодателя, изложив ч. 2 ст. 186 в следующей редакции: «2. При наличии угрозы совершения преступных и иных противоправных действий в отношении участников уголовного судопроизводства или их близких родственников, родственников, близких лиц контроль и запись телефонных и иных переговоров допускаются по письменному заявлению указанных лиц, а при отсутствии такого заявления – на основании судебного решения». По нашему мнению, это позволит реализовать право участников уголовного судопроизводства заявлять ходатайства о проведении процессуальных действий (в том числе в целях обеспечения своей безопасности), предусмотренное ч. 1 ст. 119 УПК РФ.

Существуют различные основания проведения контроля и записи переговоров как следственного действия и как уголовно-процессуальной меры безопасности. Так, в ч. 1 ст. 186 УПК РФ закреплено, что данное следственное действие проводится по уголовным делам о преступлениях средней тяжести, тяжких и особо тяжких на основании судебного решения, в то время как ч. 2 этой же статьи допускается применение контроля и записи переговоров как уголовно-процессуальной меры безопасности в случае наличия угрозы безопасности указанных ранее лиц по их письменному заявлению, а при отсутствии такого заявления – на основании судебного решения. Полагаем, что именно таким образом следует толковать указанную норму, поскольку ч. 3 ст. 11 УПК РФ, предусматривающая обязанность государства обеспечивать безопасность участников уголовного судопроизводства, не содержит дополнительных исключений и ограничений в зависимости от категории расследуемых уголовных дел.

Следующий уголовно-процессуальный комплекс мер безопасности

[1] Там же. С. 69.

применяется при наличии заключенного соглашения о сотрудничестве подозреваемого (обвиняемого). Отметим, что исследователями проблем реализации уголовно-процессуальных мер безопасности неоднократно анализировался данный комплекс, выявлялись проблемы применения и предлагались пути решения[1]. Полагаем самостоятельному анализу следует подвергнуть существующую процессуальную возможность обеспечения безопасности лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве[2]. В соответствии с ч. 1 ст. 56.1 УПК РФ лицо, привлекаемое к участию в процессуальных действиях по уголовному делу в отношении соучастников преступления и заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, имеет самостоятельный процессуальный статус. Процессуальное положение и проблемы его реализации рассмотрены нами ранее, однако остается не раскрытым вопрос обеспечения безопасности этого важного участника уголовного судопроизводства, оказывающего содействие отправлению правосудия. Рассмотрим предусмотренные законодателем уголовно-процессуальные меры обережения этой категории участников[3].

Одной из первых мер безопасности принято рассматривать предусмотренное п. 3 ч. 1 ст. 154 УПК РФ основание для выделения уголовного дела в отдельное производство в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве. Выделение уголовного дела в отдельное производство позволяет обособить участника процесса, готового сообщать важную и нужную для следствия информацию, применять в отношении него меры принуждения, не связанные с изоляцией от общества, обособить его от остальных соучастников преступления,

---

[1] См. работы: О. А Зайцева, Л. В. Брусницына, А. Ю. Епихина, А. А. Дмитриевой, М. Э. Каац и др.

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 окт. 2018 г. № 376-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 45, ст. № 6831.

[3] В международных правовых актах данная категория именуется «лицами, сотрудничающими с правосудием» (см.: Рекомендации № R (2005) 9 Комитета министров Совета Европы государствами членами о защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием // СПС «Консультант Плюс»).

следовательно, и от посткриминального воздействия. Но А. А. Дмитриева полагает иначе. Она отмечает, что именно выделение уголовного дела в отдельное производство, как и принятие решения о соединении уголовных дел, «может серьезно осложнить процесс обеспечения безопасности участников процесса»[1].

Пленум Верховного Суда РФ обратил внимание судов на то, что «в целях применения судом предусмотренного ст. 317.7 УПК РФ особого порядка проведения судебного заседания и вынесения судебного решения уголовное дело в отношении обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, подлежит выделению в отдельное производство. В случаях, когда такое уголовное дело не было выделено в отдельное производство и поступило в суд в отношении всех обвиняемых, судья назначает предварительное слушание для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору»[2]. Иными словами, отсутствие своевременно принятого решения о выделении уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, является основанием возвращения уголовного дела судом прокурору и расценивается как нарушение уголовно-процессуального законодательства (в том числе права на защиту). Кроме того, Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107[3] предусматривает в качестве достаточного основания для выделения уголовного дела факт заключения с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве.

Свидетельствует ли это об императивности нормы, регламентирующей выделение в отдельное производство уголовного дела, по которому достигнуто соглашение о сотрудничестве, и каким образом данное утверждение

---

[1] Дмитриева А. А. Указ. соч. С. 216.

[2] О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 // Российская газета. 2012. № 156.

[3] Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам : приказ Генпрокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 // Законность. 2010. № 6.

соотносится с ч. 1 ст. 154 УПК РФ, предусматривающей право должностного лица на такое выделение? В ч. 2 этой же нормы закреплено условие, необходимое для выделения уголовного дела в отдельное производство, – если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела. В судебно-следственной практике можно встретить примеры производства по уголовному делу, по которому принято решение о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, но оно не было выделено в отдельное производство в связи с возникшей сложностью проводимого расследования[1].

Полагаем, что необходимо разрешить коллизию указанных норм на законодательном уровне путем внесения соответствующих изменений в ведомственные акты и постановление Пленума Верховного Суда РФ, закрепив в ч. 1 ст. 317.4 УПК РФ оговорку: «выделение уголовного дела в отдельное производство не должно препятствовать всесторонности и объективности предварительного следствия и разрешения судом выделенного уголовного дела, а также уголовного дела в отношении других соучастников преступления»[2].

Процессуальная фигура – лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, – отсутствовала в УПК РФ до принятия в 2018 г. Федерального закона от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ, которым она была закреплена в ст. 56.1 УПК РФ. Законодатель наделил это лицо правами, присущими свидетелю, с определенными изъятиями[3]. Так, в соответствии с п. 7 ч. 4 ст. 56 свидетель (следовательно, и лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним

---

[1] Новиков С. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве как основание для выделения уголовного дела // Российский судья. 2012. № 11. С. 22.

[2] Подобная норма предложена в проекте Федерального закона № 812345-6 «О внесении изменений в УПК РФ (по вопросу совершенствования порядка досудебного соглашения о сотрудничестве)». Данный проект был принят Государственной Думой РФ в 2016 г. и направлен в Совет Федерации Федерального Собрания РФ (см.: Собрание законодательства РФ. 2016. № 27, ч. 2, ст. 4311).

[3] Более подробно процессуальный статус данного лица рассмотрен нами ранее. В настоящем параграфе внимание будет уделено исключительно уголовно-процессуальным способам обеспечения безопасности данной категории лиц.

досудебного соглашения о сотрудничестве) вправе заявлять ходатайство о применении мер безопасности, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УПК РФ. Мы вновь возвращаемся к базовой норме, регламентирующей право на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства перечисленными пятью уголовно-процессуальными мерами обережения. Предусмотренная законом возможность суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, применения мер безопасности в отношении лиц, подвергшихся посткриминальному воздействию, должна носить императивный характер и обязывать уполномоченных субъектов на применение уголовно-процессуальных мер безопасности в обязательном порядке. Рассмотренные меры безопасности уголовно-процессуального характера распространяются и на данное лицо, а также должны распространяться на всех лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия.

Однако существует еще одна необходимость обеспечения безопасности лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, не отраженная в уголовно-процессуальном законе. Речь идет о необходимости обеспечения безопасности при соединении уголовных дел, если хотя бы по одному из них было принято решение о применении уголовно-процессуальных мер безопасности к лицам, содействующим отправлению правосудия.

Соединение уголовных дел, являясь общим условием предварительного расследования, применяется для оптимизации распределения сил и средств, направленных на расследование уголовных дел, экономии времени и бюджетных средств. Д. А. Иванов справедливо замечает, что соединение уголовных дел «позволяет исключить дублирование одних и тех же процессуальных действий по разным делам в процессе расследования одного и того же преступления или лица (группы лиц)»[1].

Законодателем предусмотрен исчерпывающий перечень оснований для принятия решения о соединении уголовных дел: нескольких лиц, совершивших

[1] Иванов Д. А. Соединение и выделение уголовных дел и материалов // СПС «Консультант Плюс».

одно или несколько преступлений в соучастии; одного лица, совершившего несколько преступлений; лица, обвиняемого в заранее не обещанном укрывательстве преступлений, расследуемых по этим уголовным делам; когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено, но имеются достаточные основания полагать, что несколько преступлений совершены одним лицом или группой лиц (ч. 1 и 2 ст. 153 УПК РФ).

Безусловно, реализуя конституционную норму о гарантированности государственной защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 45 Конституции РФ), необходимо предусмотреть соответствующее правило, которое позволит оберегаемым лицам пользоваться имеющимися в распоряжении властных субъектов способами обеспечения их безопасности после принятия решения о соединении уголовных дел. В связи с изложенным А. А. Дмитриева предлагает дополнить ст. 153 УПК РФ частью 5 в следующей редакции: «5. В случае принятия мер государственной защиты или мер, перечисленных в ч. 3 ст. 11 настоящего Кодекса, а также иных мер, направленных на обеспечение безопасности участников процесса, содействующих уголовному судопроизводству, а также их близких, по одному из соединяемых уголовных дел дознаватель, следователь принимают меры для сохранности конфиденциальных сведений или принятия новых дополнительных мер безопасности при наличии к тому оснований, предусмотренных действующим законодательством»[1].

В целом положительно оценивая данное предложение, полагаем целесообразным не ссылаться на ч. 3 ст. 11 УПК РФ, а ограничиться формулировкой следующего содержания: «5. В случае принятия мер безопасности в отношении участников процесса, содействующих уголовному судопроизводству, а также их близких родственников, родственников и близких лиц по одному из соединенных уголовных дел дознаватель, следователь обязаны продолжать реализовывать принятые меры, а также в случае необходимости принимать решения об изменении или прекращении

[1] Там же. С. 231.

данных мер в соответствии с действующим законодательством». Это позволит обеспечить достаточные гарантии безопасности защищаемых лиц, поскольку данная формулировка содержит необходимые требования, направленные на продолжение защитных мер при объединении двух или более производств в одно.

Рассмотрим имеющуюся у судей уголовно-процессуальную возможность обеспечения безопасности лиц, содействующих отправлению правосудия.

Не упомянутой в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, но действенной мерой безопасности является возможность изменения подсудности уголовного дела, расследованного по преступлениям, предусмотренным ст. 208, 209, ч. 1–3 ст. 211, ст. 277–279 и 360 УК РФ, при наличии реальной угрозы личной безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц. Указанное решение принимается Верховным Судом РФ на судебном заседании с участием прокурора, обвиняемого и его защитника в срок до 15 суток со дня поступления ходатайства и может быть передано для рассмотрения в окружной (флотский) военный суд по месту совершения преступления. Инициировать такое решение имеет право Генеральный прокурор РФ или его заместитель (ч. 4 ст. 35 УПК РФ).

Эффективность данной меры безопасности отмечают А. Э. Бецуков и Х. М. Хупсергенов: «подсудимые, оказавшиеся в совершенно незнакомой среде, в другом субъекте РФ, где нет ни знакомых, ни друзей, ни родственников, а также сочувствующих, ведут себя гораздо "сдержанней" и менее "вызывающе". Пропадают ощущения уверенности в своей безнаказанности и возможности оказания давления на судей и других участников процесса»[1].

О состоятельности данного высказывания красноречиво свидетельствует

[1] Бецуков А. Э., Хупсергенов Х. М. Безопасность участников судопроизводства и подсудность уголовных дел // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ : матер. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию со дня рожд. проф., д-ра юрид. наук, засл. деятеля высш. школы Юрия Даниловича Лившица, 4 апр. 2014 г. Челябинск : Цицеро, 2014. Ч. II. С. 57.

судебная практика. Так, 24 января 2018 г. Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ рассматривала жалобу защитника С. Х. Гатаева на постановление Верховного Суда РФ от 5 декабря 2017 г. об изменении территориальной подсудности уголовного дела в отношении обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 317, ч. 2 ст. 209 УК РФ. По мнению защитника, высказанные ранее угрозы в отношении лица, содействующего отправлению правосудия, и возбуждение по данному факту уголовного дела не могут являться основанием для изменения подсудности. Далее защитник подвергал сомнению реальность поступающих угроз, достоверность показаний свидетеля о событиях преступления, обоснованность предъявленного обвинения по ч. 2 ст. 209 УК РФ. Между тем было установлено, что подзащитный обвиняется в совершении преступлений, предусмотренных ст. 317, ч. 2 ст. 209 УК РФ, а именно в том, что 29 февраля 2000 г. в районе села Улус-Керт Шатойского района Чеченской Республики в составе вооруженной банды под руководством Ш. Басаева и Э. Хаттаба он принял участие в нападении на военнослужащих 6-й роты 104-го полка 76-й Псковской дивизии воздушно-десантных войск, в результате которого погибли 84 военнослужащих, а четверо получили ранения.

Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ установила, что достоверность сведений о наличии угрозы личной безопасности одного из свидетелей не вызывает сомнений и оставила апелляционную жалобу без удовлетворения[1]. Законодателем «заложена» ограничительная мера применения данного способа обережения. Она применяется только в отношении лиц, совершивших преступления против общественной безопасности, основ конституционного строя и безопасности государства и преступления, посягающие на мир и безопасность человечества. Полагаем, что увеличение количества составов преступлений, по которым имелась бы возможность использования данной меры, сказалась бы на эффективности применения

[1] Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 24 янв. 2018 г. № АПЛ17-546 [Электронный ресурс]. URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24012018-n-apl17-546 (дата обращения: 19.02.2023).

уголовно-процессуальных мер безопасности в отношении лиц, содействующих отправлению правосудия, при условии соблюдения критерия беспристрастности и объективности суда.

Еще один способ обезопасить лиц, содействующих уголовному судопроизводству, – проведение закрытого судебного разбирательства (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ). Данная мера, как и все другие уголовно-процессуальные меры обеспечения безопасности, является исключением из общих правил производства по делу и может быть применена как ко всему судебному разбирательству, так и к его части.

Первые масштабные мероприятия, направленные на обеспечение безопасности свидетелей, были предприняты в конце 90-х – начале 2000-х гг. при рассмотрении Верховным судом Республики Татарстан уголовного дела по обвинению участников организованного преступного сообщества «Хади Такташ». Э. Рылова отмечает, что «свидетели доставлялись в суд под охраной, в автомобилях с тонированными стеклами, на них были одеты маски, балахоны, скрывающие их лицо и фигуру. Защищаемых свидетелей размещали в соседней с залом судебного заседания комнате, где были установлены микрофоны, изменяющие голос, и видеокамера. Судья входил в эту комнату, устанавливал личность свидетелей и возвращался в зал заседания, откуда производился допрос. Все происходящее транслировалось на большом экране»[1]. Безусловно, законодательство того периода не содержало действенных мер, направленных на обеспечение безопасности лиц, содействующих правосудию, приходилось применять беспрецедентные меры для сохранения жизни и здоровья этих важных участников процесса. В настоящее время судьи наделены достаточно действенными уголовно-процессуальными мерами, направленными на обережение лиц, содействующих отправлению правосудия. Помимо изменения подсудности и рассмотрения уголовного дела в закрытом судебном разбирательстве безопасность лиц, содействующих отправлению правосудия,

[1] Рылова Э. Жизнь и смерть «казанского феномена» // Компромат : сайт [Электронный ресурс]. URL: compromat.ru (дата обращения: 19.02.2023).

достигается и другими мерами.

Именно на судебных стадиях уголовного судопроизводства реализуется принцип состязательности сторон, заключающийся в предоставлении имеющихся у сторон доказательств суду непосредственно и устно ключевыми участниками процесса, в том числе и лицами, содействующими отправлению правосудия. Учитывая, что наибольшая угроза жизни и здоровью этой категории лиц возникает именно при публичном оглашении показаний, законодатель в конце 2022 г. предусмотрел возможность проведения допроса и иных процессуальных действий с использованием системы видеоконференц-связи (ч. 4 ст. 240, ч. 2 ст. 241.1, ст. 278.1 УПК РФ).

Развитие научно-технического прогресса и материальная возможность судов позволяет проводить допрос свидетелей, которым может угрожать опасность жизни и здоровья, без их присутствия в зале суда. Для этого суд, рассматривающий уголовное дело, поручает суду по месту нахождения свидетеля организовать проведение его допроса путем использования данного вида связи. Кроме того, реализуя ч. 5 ст. 278 УПК РФ, суд вправе с целью обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, а также без оглашения подлинных данных о его личности. Технически возможно изменение голоса и видеоизображения данного свидетеля, что следует отразить суду в определении или постановлении.

Применение систем видео-конференц-связи при производстве допроса и иных судебных действий в отношении лиц, оказывающих содействие правосудию, на наш взгляд, является наиболее эффективной уголовно-процессуальной мерой обеспечения безопасности. По своей сути она представляет собой комплекс мер, направленных на обережение лица, начиная с исключения его физического присутствия в зале суда, изменения голоса и внешности и заканчивая засекречиванием подлинных данных о личности свидетеля. А. Ю. Епихин справедливо замечает, что «это средство защиты

создает серьезные препятствия к установлению местонахождения защищаемого лица, одновременно оно предоставляет возможность участникам процесса задавать ему необходимые вопросы и получать ответы»[1]. Это достаточно существенное замечание, поскольку сторона защиты и суд должны иметь возможность задавать вопросы, уточнять интересующие их отдельные моменты из показаний «засекреченного» свидетеля. Этой же позиции придерживается и Европейский суд по правам человека, который в постановлении по делу «Владимир Романов (Vladimir Romanov) против Российской Федерации» от 24 июля 2008 г. № 41461/02 отметил, что «осуждение не может быть основано исключительно или в решающей степени на показаниях свидетеля, которого обвиняемый не мог допросить или который не был допрошен на предварительном следствии или в судебном заседании»[2].

Процедура проведения судебного следственного действия с использованием системы видео-конференц-связи в целях обеспечения безопасности свидетелей при производстве по уголовным делам регламентирована на международном уровне[3]. В международных документах закреплено, что «как защитная мера это снижает угрозу безопасности свидетеля и вероятность запугивания со стороны обвиняемого в зале суда». В данной связи О. А. Зайцев отмечает: «изучение судебно-следственной практики показало, что у большинства свидетелей вызывает шок то обстоятельство, что им приходится в присутствии друзей подсудимого сообщать свою фамилию, имя, отчество и другие сведения»[4].

С процессуальной точки зрения следует обратить внимание на

---

[1] Епихин А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. С. 317.

[2] Дело «Владимир Романов (Vladimir Romanov) против Российской Федерации» (жалоба № 41461/02) [рус., англ.] :постановление Европейского суда по правам человека от 24 июля 2008 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2009. № 3. С. 3, 90–121.

[3] См., например: Руководство для сотрудников системы уголовного правосудия в отношении осуществления Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (принято резолюцией ЭКОСОС ООН в 1990 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс» ; Рекомендуемые виды практики в области защиты свидетелей при производстве по уголовным делам, касающимся организованной преступности // СПС «Консультант Плюс».

[4] Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. С. 268.

необходимость отражения в протоколе судебного заседания технических характеристик используемой для проведения данного следственного действия программной аппаратуры, кроме того, с учетом требований Федерального закона от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ указанные характеристики должны проговариваться помощником судьи вслух для аудиозаписи протокола.

По данному поводу Т. К. Курбанмагомедов отмечает, что при использовании технических средств с целью допроса с использованием системы видео-конференц-связи «в протоколе судебного заседания следует отражать тип, марку, модель, программное обеспечение, состояние (исправность). В частности, в протоколе судебного заседания целесообразно указать факт применения техники, предусматривающей двухстороннюю связь»[1]. Отметим, что это действительно существенное дополнение, поскольку отражение указанного факта позволит избежать заявления необоснованных жалоб о непредоставлении сторонам возможности задавать вопросы допрашиваемым.

Проведенное исследование уголовно-процессуальных мер безопасности лиц, содействующих отправлению правосудия, позволило прийти к выводу о существовании в российском уголовном процессе института уголовно-процессуальных мер безопасности, направленных на обрежение участников уголовного судопроизводства. Следует отметить, что в отличие от дифференцированных в зависимости от категории преступлений мер государственной защиты, предусмотренных федеральными законами № 45-ФЗ и № 119-ФЗ, уголовно-процессуальные меры безопасности могут быть применены при расследовании преступлений любой степени тяжести.

Но данный институт находится в состоянии зарождения, и для его дальнейшего развития требуется разрешение ряда вопросов. Во-первых, определение круга лиц, имеющих право на применение в отношении них уголовно-процессуальных мер безопасности, в том числе и лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия; во-вторых, понижение уровня недоверия

[1] Курбанмагомедов Т. К. Указ. соч. С. 114.

граждан к эффективности реализации имеющихся уголовно-процессуальных мер безопасности, а также проведение активной «пропаганды» о существующих возможностях обережения лиц, содействующих осуществлению правосудия; в-третьих, расширение самих мер безопасности (указанные в ч. 3 ст. 11 УПК РФ меры не охватывают всего имеющегося уголовно-процессуального потенциала обережения содействующих лиц); в-четвертых, нормы, регламентирующие уголовно-процессуальные меры безопасности, в той редакции, в которой они закреплены в законе, не позволяют обеспечить безопасность лиц, содействующих отправлению правосудия, и подлежат дальнейшей корректировке с учетом научного анализа и имеющейся следственной и судебной практики; в-пятых, УПК правового государства, ратифицировавшего основные международные принципы и правила, направленные на обеспечение прав и свобод, а также защиту участников уголовного судопроизводства, на наш взгляд, должен содержать самостоятельную главу 18.1 УПК РФ[1] (см. прил. 6), регламентирующую основные правила применения и отмены мер безопасности участников уголовного судопроизводства, как это предусмотрено в УПК РК и УПК РБ.

§ 2. Процессуальные проблемы возмещения расходов, связанных с вовлечением лиц, содействующих отправлению правосудия

Содействие, оказываемое лицами, вовлекаемыми в уголовный процесс, предполагает участие в производстве процессуальных действий, осуществляемых государственными органами. Лица, как правило, не имеющие

[1] Полагаем, введение указанной главы позволит обеспечить должную регламентацию применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, а главное, создаст необходимую и отсутствующую в настоящее время правовую «площадку» для развития столь необходимой для обеспечения надлежащего правосудия обеспечительной меры реализации процессуального статуса любого участника уголовного судопроизводства, в том числе и лиц, содействующих отправлению правосудия.

заинтересованности в исходе уголовного дела, вынуждены оказывать помощь должностным лицам, ведущим расследование, зачастую в ущерб своему личному времени или исполнению трудовых обязанностей. Это является одной из причин отказа в оказании помощи. Вторая причина заключается в недостаточной оплате услуг содействующих лиц.

Как показали результаты опроса граждан и сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих уголовное преследование, нередко возникают проблемы с оплатой участия в уголовном судопроизводстве переводчиков, специалистов, экспертов и даже понятых. Следует отметить, что в ходе проведенного опроса фактов оплаты участия понятых в уголовном судопроизводстве не выявлено ни в одном уголовном деле.

В соответствии со ст. 131 УПК РФ расходы, связанные с производством по уголовному делу, называются процессуальными издержками. К ним относятся и суммы, выплачиваемые в связи с оказанием содействия в отправлении правосудия, а также на покрытие расходов, понесенных лицами в связи с вовлечением их в уголовное судопроизводство[1]. По нашему мнению, предложенное законодателем определение расширенно толкует институт процессуальных издержек, поскольку относит к ним и оплату деятельности должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, что недопустимо.

С целью конкретизации понятия и разрешения возникающих коллизий в ч. 2 ст. 131 УПК РФ был закреплен перечень процессуальных издержек. Однако фраза «иные расходы, понесенные в ходе производства по уголовному делу» вновь заложила возможность расширенного толкования и отнесения к процессуальным издержкам иных материальных затрат. Было ли это предусмотрено законодателем либо имеются ошибки юридической техники построения нормы, судить сложно, но то, что это привело к неоднозначности в определении понятия – факт. Свидетельство тому – имеющиеся в теории

[1] Даровских С. М., Макарова З. В. К вопросу о понятии «процессуальные издержки в уголовном судопроизводстве» // Проблемы права. 2020. № 4 (78). С. 89–93.

уголовного процесса противоречивые авторские определения.

Так, С. В. Бажанов под процессуальными издержками подразумевает «предусмотренные уголовно-процессуальным законом расходы органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда на осуществление уголовно-процессуальной деятельности по установлению факта преступного нарушения охраняемых уголовным законом правоотношений, взыскиваемые с лица, признанного виновным в совершении преступления, а в ряде случаев – относимые на счет государства»[1]. По нашему мнению, указанное определение не позволяет в полном объеме раскрыть сущность данного уголовно-процессуального института, поскольку не включает оплату ежемесячного пособия обвиняемому, временно отстраненному от должности, предусмотренную п. 8 ч. 2 ст. 131 УПК РФ, а также иные расходы, предусмотренные п. 9 ч. 2 ст. 131 УПК РФ. Также автором подчеркивается, что издержки выплачиваются как из средств федерального бюджета, так и за счет средств лица, признанного виновным в совершении преступления. Считаем указанный аспект крайне важным, поскольку законодательно определено, что финансируются издержки как за счет средств государства, так и за счет «средств участников уголовного судопроизводства» (ч. 1 ст. 131 УПК РФ).

Кроме того, закон предусматривает возмещение издержек не только из средств лица, признанного винновым в совершении преступления, и из бюджета государства, но и допускает их возмещение законным представителем несовершеннолетнего (ч. 8 ст. 132 УПК РФ) или частного обвинителя – в случае оправдания подсудимого по уголовному делу частного обвинения (ч. 9 ст. 132 УПК РФ).

Схожее определение дано в работе Е. В. Лобанова, где под процессуальными издержками понимается «закрепленный в уголовно-процессуальном законе перечень расходов, понесенных органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда при производстве по

[1] Бажанов С. В. Стоимость уголовного процесса : дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 485–486.

уголовному делу»[1].

А. В. Смирнов и К. Б. Калиновский предлагают к процессуальным издержкам относить все расходы, понесенные при производстве по уголовному делу, «часть которых берет на себя государство, оплачивая из казны содержание государственных органов, осуществляющих это производство, дознание, предварительное следствие, судебное разбирательство, прокурорский надзор, а также содержание мест заключения под стражу и т. д.»[2]. Также авторы отмечают, что «к процессуальным издержкам следует относить расходы привлекаемых к участию в деле лиц (кроме подозреваемого и обвиняемого), которые эти лица вынуждены понести непосредственно в связи с производством по данному уголовному делу»[3].

Следует отметить, что, анализируя закрепленный в УПК РФ процессуальный статус участников уголовного судопроизводства, оказывающих содействие правосудию, сталкиваемся с так называемой процессуальной лакуной, связанной с правом на возмещение понесенных расходов в связи с вовлечением в уголовный процесс данной категории участников. Поскольку право на возмещение процессуальных издержек в норме, раскрывающей процессуальный статус конкретного участника процесса, не закреплено, то лица, вовлекаемые для оказания содействия, зачастую о нем не знают.

Так, проведенный опрос среди населения в период с 2014 по 2022 г. в городах Республики Башкортостан (Уфа, Стерлитамак, Салават), Татарстан (Казань, Набережные Челны), Оренбургской области (Оренбург, Орск), Орловской области (Орел), Ханты-Мансийского автономного округа (Нижневартовск, Сургут, Мегион, Лангепас) позволил выявить, что большинство населения (64,63 %) не знает о возможности истребования от

---

[1] Лобанов Е. В. Понятие процессуальных издержек в уголовном процессе России // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 417.

[2] Смирнов А.В., Калиновский К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. А. В. Смирнова. 4-е изд., доп. и перераб. М., 2007. С. 254–256.

[3] Там же.

государства средств, затраченных на участие в уголовном процессе, остальные опрошенные (35,37 %) знают, но большая часть из них (72,45 %) полагает, что участие в уголовном процессе – слишком сложная и длительная процедура, несоизмеримая с понесенными затратами. Сотрудники следственных подразделений и органа дознания на данный вопрос дали следующие ответы: знают о такой возможности 89,9 % респондентов, 10,1 % не знают о ней (см. прил. 4).

В ходе исследования также было установлено, что часть сотрудников подразделений дознания и следственных подразделений, непосредственно привлекающих лиц для оказания содействия правосудию, считают, что процедура возмещения издержек лицам, оказывающим данное содействие, неэффективна ввиду сложности ее реализации – 25,67 %. Несколько сотрудников (0,88 %) отметили, что оплачивали участие переводчика, педагога в следственных действиях за счет личных денежных средств, что свидетельствует об острой необходимости анализа действующего законодательства, регламентирующего материально-финансовую поддержку участия в уголовном судопроизводстве лиц, оказывающих содействие правосудию, и разработки предложений по оптимизации данной процедуры.

Проведенное в 2019 г. анкетирование инспекторского состава подразделений по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД России[1] позволило выявить иную проблему, с которой сталкиваются правоприменители в процессе привлечения лиц, содействующих правосудию. Речь идет о привлечении для производства следственных действий педагога в рамках ч. 3 и 4 ст. 425 УПК РФ в летний период.

Действительно, с учетом сложившейся в нашей стране системы рыночных отношений, усложнившейся геополитической обстановки, влияющей на экономическое благосостояние населения, а также с развитием научно-технического прогресса, позволившего автоматизировать (роботизировать)

[1] Данная категория сотрудников проходила курсы повышения квалификации в Уфимском юридическом институте в рамках реализации дополнительной профессиональной программы подготовки в период с 10 по 30 июля 2019 г.

отдельные отрасли производства, каждый член общества дорожит рабочим местом, доходом, получаемым в виде заработной платы. Между тем опасения потерять работу в связи с участием в уголовном процессе следует считать обоснованными, так как, по данным Федеральной службы государственной статистики, по состоянию на сентябрь-ноябрь 2022 г. уровень безработицы в России составлял 2 842.8 тыс. чел или 3.79 %[1]. Сказанное отражается и на возможности участия лиц в оказании содействия правосудию. Следует пояснить, что привлечение к производству отдельных следственных действий в качестве понятого, специалиста, переводчика, педагога или психолога занимает, как правило, много времени, что может сказаться на заработной плате по постоянному месту работы, особенно если форма оплаты труда сдельная. В таком случае лицу, вовлекаемому в уголовное судопроизводство с целью содействия правосудию, должно быть гарантировано отсутствие материальных потерь или их справедливая компенсация. Данная гарантия, на наш взгляд, должна быть более четко регламентирована законодателем.

Процессуальные издержки и порядок их взыскания закреплены в ст. 131–132 УПК РФ. Однако, учитывая сложность и многогранность регулируемых отношений, сложившуюся судебно-следственную практику по вопросам возмещения процессуальных издержек, Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении обосновал необходимость обеспечения единства судебной практики по вопросам применения законодательства о процессуальных издержках. 19 декабря 2013 г. было издано Постановление № 42 «О применении судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам»[2] (далее – Постановление о процессуальных издержках). Порядок и размер возмещаемых процессуальных издержек определены в Постановлении Правительства РФ от 1 декабря 2012 г. № 1240 (далее – Положение о возмещении процессуальных издержек).

Исходя из анализа действующего законодательства считаем

---

[1] Количество безработных в России в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: https://gogov.ru/articles/unemployment-rate (дата обращения: 15.02.2023).

[2] Российская газета. 2013. № 294.

необходимым определить, кто имеет право рассчитывать на возмещение понесенных материальных затрат в связи с вовлечением в уголовный процесс для оказания содействия правосудию и в каком размере, а главное, каков порядок такого возмещения.

УПК РФ в п. 1 ч. 2 ст. 131 определяет, что свидетель, эксперт, специалист, переводчик и понятые (лица, оказывающие содействие правосудию) имеют право на возмещение понесенных расходов, связанных с явкой к месту производства процессуальных действий и проживанием. Одновременно п. 9 указанной нормы предусматривает и иные расходы, понесенные в ходе производства по уголовному делу. Данный факт позволяет констатировать, что перечень процессуальных издержек, предусмотренный ч. 2 ст. 131 УПК РФ, не является исчерпывающим, как не является исчерпывающим перечень субъектов, имеющих право на их возмещение. В подтверждение сказанного п. 2 Постановления о процессуальных издержках предусматривает, что «к иным могут быть отнесены расходы, связанные с участием педагога, психолога и иных лиц в производстве следственных действий»[1]. Полагаем, что в данном случае законодателю следовало бы воспользоваться формулировкой, данной в УПК РФ, и заменить словосочетание «следственных действий» на «процессуальных действий» как на более объемное понятие, а п. 1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ скорректировать, дополнив его после слова «понятым» фразой «иным лицам, оказывающим содействие правосудию» (см. прил. 6).

Таким образом, к расходам, понесенным в связи с участием в уголовном процессе, относятся: стоимость оплаты проезда, найма жилого помещения и дополнительные расходы, связанные с проживанием вне места постоянного жительства (суточные). Причем Положением о возмещении процессуальных издержек предусмотрено возмещение проезда практически на всех видах транспорта общего пользования: железнодорожным, воздушным, водным, автомобильным. Оплате подлежит проезд к месту производства процессуальных действий и обратно к месту жительства, работы или месту временного

[1] П. 2 Постановления о процессуальных издержках.

пребывания.

Согласно Положению о возмещении процессуальных издержек для оплаты необходимо предоставить подтверждающие расходы на проезд документы. Это могут быть проездные документы, пассажирские билеты (в том числе электронные), посадочные талоны, чек контрольно-кассовой техники или другой документ, подтверждающий произведенную оплату перевозки, оформленный на утвержденном бланке строгой отчетности, и др. В случае утери или отсутствия по иным причинам документов, подтверждающих понесенные расходы, возмещение производится в размере минимальной стоимости проезда.

Возмещение расходов, связанных с наймом жилого помещения, производится из расчета стоимости проживания в одноместном номере, не относящемся к категории номеров повышенной комфортности, либо стоимости проживания в однокомнатном жилом помещении, сдаваемом за плату, но не свыше 550 руб. в сутки. Кроме того, предусмотрено возмещение дополнительных расходов, связанных с проживанием вне постоянного места жительства (суточные), в размере 100 руб. Основанием для возмещения являются документы, подтверждающие расходы, связанные с проживанием: счет, кассовый чек, договор найма (поднайма) жилого помещения, расписка о получении денежных средств физическим лицом – наймодателем – от нанимателя и др.

Законом определено, что если у лица есть возможность ежедневно возвращаться к месту своего постоянного жительства, то расходы за наем жилого помещения не выплачиваются. Решение вопроса о наличии такой возможности является прерогативой должностного лица, привлекающего данного участника для оказания содействия правосудию.

Свидетелю, его законному представителю, понятым, работающим по трудовому договору, выплачивается денежная компенсация исходя из фактических затрат времени на исполнение обязанностей участников уголовного судопроизводства и их среднего заработка за время, затраченное

ими в связи с вызовом в правоохранительные органы или в суд (п. 2 ч. 2 ст. 131 УПК РФ). Обращаем внимание, что в данной норме законодателем не упомянуты остальные лица, оказывающие содействие правосудию: переводчик, специалист, педагог, психолог и др., что, безусловно, является несправедливым, даже если учитывать, что перечень подлежит расширенному толкованию. Полагаем, следует внести изменения в данный пункт и после слова «понятым» добавить текст следующего содержания: «переводчику, специалисту, педагогу, психологу и другим лицам, оказывающим содействие правосудию не в рамках служебного задания» (см. прил. 6).

Выплата компенсации работающим лицам, привлеченным для оказания содействия правосудию, должна производиться при предоставлении справки с места работы о размере заработной платы (месячного денежного содержания государственных гражданских служащих, месячного денежного довольствия военнослужащих и приравненных к ним лиц), а также копии трудовой книжки. Средний дневной заработок указанных лиц исчисляется в порядке, установленном ст. 139 ТК РФ, при этом неполный рабочий день, затраченный данной категорией лиц, засчитывается за один восьмичасовой рабочий день (п. 32 Положения о возмещении процессуальных издержек).

К сожалению, остается неурегулированным вопрос о возмещении издержек в случае отвлечения от основных занятий лиц, оказывающих содействие правосудию, если они занимаются предпринимательской деятельностью или трудятся в структурах и организациях, основанных на частной форме управления, а также самозанятых лиц, адвокатов, нотариусов, арбитражных управляющих.

Подобные недостатки содержит и следующий пункт – ч. 2 ст. 131 УПК РФ, – который предусматривает возмещение свидетелю, его законным представителям, понятым, не имеющим постоянной заработной платы, за отвлечение от обычных занятий. Полагаем, в п. 3 ч. 2 ст. 131 УПК РФ следует внести аналогичное изменение, предложенное нами ранее: «переводчику, специалисту, педагогу, психологу и другим лицам, оказывающим содействие

правосудию не в рамках служебного задания» (см. прил. 6).

Кроме прочего, обращает на себя внимание, что в п. 19 Постановления о возмещении процессуальных издержек закреплены суммы, подлежащие возмещению: в 2014 г. – 4842 руб., а в 2015 г. – 5108 руб., путем деления на количество рабочих дней в месяце, в котором осуществлялось содействие правосудию. К сожалению, внесенные в октябре 2022 г. изменения в Положение о возмещении процессуальных издержек не отразились на выплачиваемых суммах. Более того, в данный пункт с момента утверждения этого Положения изменения вносились лишь в 2014 г. с уже указанными нами ранее суммами вместо установленных в 2012 г. 4611 руб. Полагаем, следует пересмотреть указанную сумму с учетом инфляции, поскольку средняя выплата за день участия в производстве процессуальных действий лицу, оказывающему содействие правосудию (не имеющему постоянной заработной платы), составит в среднем не более 170 руб., что не является экономически обоснованным.

Продолжая анализировать финансово-экономическую составляющую участия лиц, содействующих отправлению правосудия в производстве процессуальных действий, отметим, что остается неурегулированным вопрос о материальных гарантиях лицам, которым в ходе процессуального действия был нанесен материальный ущерб. Смоделируем ситуацию. Допустим, к проведению осмотра технического ангара, где располагалась производственная техника и комплектующие материалы, были привлечены понятые, которые на протяжении трех суток принимали участие в осмотре. Для проведения данного следственного действия следователь прибыл в полевой форме и в ботинках с высокими берцами[1], понятые же присутствовали в повседневной одежде и обуви. По окончании следственного действия верхняя одежда и обувь лиц, оказывавших содействие, были испачканы техническим маслом, разъедены кислотой и другими техническими жидкостями. Возникает справедливый

[1] О форменной одежде, знаках различия и нормах снабжения вещевым имуществом сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Общими положениями о вещевом обеспечении сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в мирное время») : постановление Правительства РФ от 13 окт. 2011 г. № 835 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 43, ст. 6072.

вопрос: подлежит ли возмещению понесенный ими ущерб и сохранится ли у них желание еще раз оказать содействие правосудию в качестве понятых? Законом должна быть предусмотрена упрощенная процедура страховых выплат за причиненный в ходе производства процессуальных действий материальный ущерб.

Отсутствие на законодательном уровне гарантии материальной защищенности участников уголовного судопроизводства, оказывающих содействие правосудию, формирует общее представление о правоохранительной системе и желание содействовать правосудию.

Вместе с тем закон предусматривает вознаграждение за исполнение своих обязанностей лицам, оказывающим содействие правосудию с применением своих специальных знаний (эксперту, специалисту и переводчику), за исключением случаев, когда эти обязанности исполнялись ими в порядке служебного задания (п. 4 ч. 2 ст. 131 УПК РФ). Положение о возмещении процессуальных издержек предусматривает суммы, выплачиваемые переводчику, которые определяются из расчета фактических затрат времени и сложности осуществляемого перевода. К примеру, пп. «б» п. 20 Положения о возмещении процессуальных издержек предусматривает оплату в размере не более 1500 руб. в час за перевод с редких западноевропейских и восточных языков. Примечательно, что данный нормативный акт содержит и примерный перечень редких языков, к которым относит венгерский, финский, шведский, датский, норвежский, голландский, японский, китайский, а также языки стран Азии и Африки. По нашему мнению, формулировка данной нормы размыта, кроме того, не вполне понятно, по какому принципу составлялся список редких языков и почему он не был конкретизирован в самостоятельном нормативном правовом акте.

Например, непонятно, почему в этот список попал китайский язык, на котором говорят свыше 1,3 млрд человек. По справедливому замечанию С. В. Медведева, «работа с этими языками (редкими – В. Л.) оценивается вдвое дороже в случае письменного перевода и более чем вдвое – в случае устного. Это

условие настойчиво применяется переводчиками при обращении за оплатой проделанной работы. Например, за выполненный перевод с узбекского, таджикского или киргизского языка заявители чаще просят оплату по "двойному" тарифу, называя указанные языки "редкими"»[1]. Отметим, что отсутствие четкой дифференциации языков на редкие и допущенная государством возможность отнесения к ним «других языков стран Азии» позволяет переводчикам поступать таким образом и приводит к отсутствию единого подхода при определении размера оплаты их услуг. Действительно, использование в законе неюридического термина «редкий» создает вариативность в определении принадлежности языка к данной категории, что приводит к достаточно противоречивой практике. По утверждению С. В. Медведева, «практика разрешения таких заявлений нестабильна и противоречива (хотя в большинстве случаев языки среднеазиатских государств не воспринимаются как нечто экзотическое). Многие органы и суды оценивают их критически и применяют базовую ставку оплаты. Другие же, руководствуясь теми или иными соображениями, идут навстречу переводчикам и удовлетворяют просьбу о повышенной оплате»[2].

Положение о возмещении процессуальных издержек закрепляет право определения размера услуг переводчика за судом или должностным лицом, в производстве которого находится уголовное дело, в каждом конкретном случае, но не более установленного данным Положением размера. Фактически, законом не предусмотрена процедура расчета размера оплаты содействия, оказанного переводчиком, следовательно, отсутствует и государственный контроль за услугами подобного рода.

Рассмотрим наиболее распространенную процедуру оплаты вознаграждения переводчика за исполнение им своих обязанностей в ходе уголовного судопроизводства, привлекаемого МВД РФ. Финансово-экономический отдел МВД РФ требует проведения так называемого

[1] Медведев С. В. О несовершенстве правового регулирования участия переводчика в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 33–36.

[2] Там же.

мониторинга организаций, предоставляющих услуги подобного рода. Необходимо определить цены в организациях данного населенного пункта и близлежащих городах, установить возможность, стоимость и сроки выполнения перевода. После чего, выбрав наиболее подходящий по цене и по срокам, готовится докладная записка на имя руководителя Управления МВД РФ, в которой отражается необходимость осуществления перевода в той или иной организации за указанную сумму. После одобрения руководством должностное лицо обращается в соответствующую организацию с просьбой оказать необходимую в рамках уголовного дела услугу по привлечению переводчика.

Для этого должностное лицо, его привлекающее, должно подготовить ряд процессуальных документов: копию постановления о возбуждении уголовного дела, копию постановления о назначении переводчика. Для подтверждения участия переводчика в производстве процессуальных действий могут быть затребованы копии соответствующих протоколов, постановление о выплате. Затем составляется акт об оказанных услугах, в котором отражается, что заказчик (как правило, это Управление МВД РФ по соответствующему городу в лице начальника) принял работу исполнителя в лице конкретного переводчика, а также указывается объем документа в печатных знаках с пробелами. Кроме того, в акте отражается, из какого расчета установлена цена. Указывается общая стоимость оказанных услуг. Документ подписывается заказчиком, исполнителем, а также должностным лицом, которое привлекало данного переводчика, с обязательной пометкой «Перевод в полном объеме получил, претензий не имею»; прилагается заявление лица, осуществлявшего перевод, или справка организации с указанием номера счета, на который следует произвести оплату.

Подготовленный пакет документов передается в финансово-экономический отдел МВД РФ по субъекту и в вышестоящую инстанцию, после одобрения которой лицо или организация в течение 2–3 недель получает оплату на указанный счет.

Заметим, что в соответствии с письмом Министерства финансов РФ от

24 апреля 2018 г. № 03-15-07/27873[1] вознаграждения, выплачиваемые переводчику, эксперту за оказание услуг в ходе судопроизводства по назначению суда, подлежат обложению страховыми взносами на обязательное пенсионное страхование и на обязательное медицинское страхование на основании п. 1 ст. 420 НК РФ.

Следует подчеркнуть, что вознаграждение выплачивается переводчику исключительно за счет средств федерального бюджета, данный вид издержек не может быть возложен судом на одну из сторон. Об этом свидетельствует анализ практики Европейского суда по правам человека по делу «Людеке, Белкасем и Коч против Германии»[2]. В решении по данному делу суд признал существенным нарушением возмещение расходов на оплату переводчика за счет осужденных обвиняемых, указав при этом, что подобная практика противоречит п. «е» ч. 3 ст. 6 Конвенции по защите прав человека и основных свобод, согласно которому «каждому, кто не может понимать или говорить на языке, используемом в суде, должно быть обеспечено право получать свободную помощь переводчика без последующего взыскания выплаты стоимости услуг»[3]. В этой связи справедливо замечание О. Ю. Кузнецова о том, что «право на получение безвозмездной для субъекта уголовного судопроизводства, не владеющего языком, на котором оно осуществляется, помощи переводчика является универсальным, независимо от обстоятельств дела или процессуального статуса этого субъекта, а поэтому все расходы по обеспечению участия переводчика в процессе уголовного судопроизводства должно нести государство, осуществляющее правосудие»[4].

Таким образом, считаем целесообразным конкретизировать перечень

---

[1] Об обложении страховыми взносами и налогом на доходы физических лиц вознаграждения, выплачиваемого переводчикам и экспертам за оказание услуг в ходе судопроизводства по назначению суда (вместе с <Письмом> Минфина России от 24 апр. 2018 г. № 03-15-07/27873) : письмо ФНС России от 27 апр. 2018 г. № БС-4-11/8209@ // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Luedike, Belcasem and Koc v[ersus] Germany, 1979, Series A № 29.

[3] In the case of Luedicke, Belkacem and Koc // European Human Rights Report [Bound volumes]: European Law Centre: B 34 т. Vol. 2. 1979. Act № 29.

[4] Кузнецов О. Ю. Международно-правовая практика обеспечения прав лиц... С. 15–20.

редких языков в едином нормативном правовом акте, что позволит единообразно определять размер оплаты услуг переводчика.

Применительно к оплате расходов, связанных с привлечением для оказания содействия экспертов, отметим, что закон разграничил процессуальные издержки, связанные с вознаграждением эксперта за исполнение им своих обязанностей (п. 4. ч. 2 ст. 131 УПК РФ), и суммы, израсходованные на производство экспертизы в экспертных учреждениях (п. 7. ч. 2 ст. 131 УПК РФ).

Постановление о процессуальных издержках в п. 3 обращает внимание судов на то, что к процессуальным издержкам не могут быть отнесены суммы, израсходованные на производство судебной экспертизы в государственных судебно-экспертных учреждениях (подразделениях), поскольку их деятельность финансируется за счет средств федерального бюджета или бюджетов субъектов Российской Федерации.

Ранее нами была рассмотрена возможность назначать и проводить экспертизы в негосударственных экспертных учреждениях. С финансово-экономической точки зрения эта процедура имеет свои особенности и схожа с процедурой оплаты привлечения переводчика и допустима в случае, если лицо, проводящее расследование, получит на свой запрос от экспертно-криминалистического центра МВД РФ ответ о том, что не представляется возможным проведение данного вида экспертизы на бесплатной основе или процедура проведения экспертизы может затянуться на неопределенный срок ввиду загруженности сотрудников экспертного учреждения.

В данной ситуации возникает дополнительная обязанность лица, назначающего экспертизу, в направлении запросов и получении ответов от экспертных учреждений об отсутствии возможности проведения данного вида экспертиз на бесплатной основе. Как правило, в запросе отражается необходимость проведения конкретного вида экспертизы, какие вопросы будут поставлены перед экспертом и какие материалы направляются для исследования. Если после проведенного мониторинга будет установлено, что

стоимость экспертизы превысит 300 000 руб., как правило, требуется согласование расходов с соответствующим руководством. По своей сути процедура отдаленно напоминает конкурсную процедуру участия в закупках, предусмотренную Федеральным законом № 44-ФЗ[1], однако таковой не является[2].

Должностное лицо, проводящее расследование, ограничено процессуальными сроками, в его обязанность входит установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. В случае необходимости привлекаются лица, оказывающие содействие правосудию, в том числе обладающие специальными знаниями. Согласно действующему процессуальному законодательству, к примеру, для назначения экспертизы достаточно вынесения соответствующего постановления, а в случае привлечения переводчика или специалиста – вынесения соответствующего постановления. Однако проведенное исследование позволило выявить огромное количество дополнительных процедурных мероприятий, связанных с финансово-экономической составляющей данного вопроса. Как следствие, затрачивается драгоценное время расследования, которое не влияет на реализацию прав и законных интересов участников уголовного процесса и достижение назначения уголовного судопроизводства.

Современная система учета и оплаты расходов, связанных с вовлечением в уголовный процесс лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, не отвечает требованиям современности, является усложненной и устаревшей.

С целью оптимизации данной процедуры необходимо разработать и внедрить современную цифровую правовую платформу, включающую в себя базу лиц и организаций, оказывающих услуги по участию в судопроизводстве (уголовном, гражданском, административном, арбитражном) в качестве переводчиков, экспертов, педагогов, психологов, а в случае необходимости и

---

[1] О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14, ст. 1652.

[2] Вопрос – ответ // МВД России : офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.mvd.ru (дата обращения: 19.02.2023).

других лиц. Данный государственный сайт должен войти в каталог государственных сайтов и быть включен в официальные информационные интернет-ресурсы, посвященные деятельности государственных ведомств. Навигация должна содержать разделы, в которых была бы контактная информация о предварительно самостоятельно зарегистрированных лицах, имеющих возможность и право оказывать содействие правосудию, их расценках и сайте, а также раздел, в котором отражалось бы количество предоставленных каждым конкретным лицом услуг, по каким категориям дел, с возможностью отзыва о принятом участии в судопроизводстве, применении в отношении данной категории лиц иных мер принуждения. Кроме того, должна быть предусмотрена возможность предоставления необходимых для оплаты услуг документов (в том числе в виде файлов), направляемых непосредственно в финансово-экономический отдел соответствующего ведомства или другую заинтересованную службу.

Проект подобного рода, по аналогии с сайтом «Госуслуги», существенно облегчит работу правоприменительных органов различных ведомств в поиске необходимых проверенных лиц для оказания содействия правосудию и позволит обеспечить прозрачность и отсутствие коррупционности в ходе привлечения лиц, оказывающих содействие правосудию. Создание данной платформы не должно подменять традиционную форму привлечения лиц для оказания содействия правосудию.

Полагаем, данное предложение соответствует требованию Президента России от 3 марта 2021 г. озвученному на расширенном заседании коллеги МВД России: «Актуальной задачей для себя считаем дальнейшее внедрение в сферу госуслуг современных технологий и, как следствие, снижение административных барьеров, уход от необходимости очного общения. Данные мероприятия продолжим в рамках ведомственной программы цифровой трансформации на 2021–2023 годы. В том числе прорабатываем переход на выдачу удостоверяющих документов с электронным носителем и мобильного

приложения к ним…»[1].

Безусловно, разработка и содержание предложенной нами платформы потребует дополнительных затрат, но мы полагаем, что они несоизмеримо малы по сравнению с теми расходами, которые несет бюджет страны, оплачивая время, затраченное должностными лицами на поиск, мониторинг, сбор и направление отчетной документации на оплату расходов, понесенных лицами в связи с оказанием содействия правосудию.

Проведенное исследование финансово-экономического обеспечения оказания содействия правосудию в уголовном судопроизводстве России позволило сформулировать ряд выводов.

Во-первых, положения УПК РФ, регламентирующие процессуальный статус лиц, оказывающих содействие правосудию, не упоминают о праве участников на возмещение процессуальных издержек в связи с участием в производстве по уголовному делу.

Во-вторых, лица, привлекаемые для оказания содействия правосудию, в своем большинстве не осведомлены об имеющемся праве на возмещение расходов, связанных с участием в производстве по уголовному делу.

В-третьих, несмотря на созданную государством процедуру возмещения понесенных расходов, практика показывает, что большинство норм сформулированы с нарушением юридической техники, используются размытые формулировки, порождающие разночтения закона, усложнена и морально устарела процедура вовлечения и оплаты лиц, оказывающих содействие правосудию, как следствие, остаются недооцененными фактические трудозатраты привлекаемых для оказания содействия правосудию лиц.

В-четвертых, современные реалии требуют активного внедрения и использования цифровых технологий в процессе поиска, привлечения и оплаты услуг лиц, оказывающих содействие правосудию, необходимы дополнительные социальные гарантии их участия в уголовном процессе.

---

[1] Путин В. В. Расширенное заседание коллегии МВД России 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090 (дата обращения: 19.02.2023).

В-пятых, назрела необходимость в совершенствовании законодательства с целью формирования уверенности населения в справедливом процессе осуществления правосудия, имеющем все необходимые нормы и гарантии для участников, оказывающих содействие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем диссертационном исследовании проанализированы и обобщены теоретические знания, накопленные в науке уголовно-процессуального права, практический опыт, отраженный в судебно-следственной практике, а также нормотворческий опыт России и зарубежных стран в отношении содействия отправлению правосудия в уголовном процессе.

Проведенное исследование показало, выделить самостоятельную, нейтральную по отношению к основным, уголовно-процессуальную функцию содействия правосудию. Определено, что содействие, оказываемое лицами, не наделенными властными полномочиями, является существенным и эффективным средством обеспечения состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве, законности и объективности принимаемых промежуточных и итоговых процессуальных решений.

В ходе работы автор столкнулся с определенной сложностью, вызванной достаточно объемным материалом, накопленным на протяжении долгого периода развития института содействия правосудию, что предопределило необходимость его систематизации в представленной структуре.

Работа содержит основные социальные, правовые и процессуальные аспекты привлечения и участия лиц, оказывающих содействие в отправлении правосудия в уголовном процессе России, и позволяет сформировать проблемное поле для дальнейших научных исследований по смежным темам, в том числе межотраслевого характера. Выводы по отдельным вопросам процессуального развития предложенной теоретической модели содействия отправлению правосудия позволяют определить векторы и виды потенциально необходимых усилий отечественного законодателя по приведению исследуемого института в действенное, соответствующее принципам равенства сторон, состязательности, справедливости и законности состояние.

По результатам проведенного всестороннего исследования сформулированы выводы, рекомендации и предложения.

I. О теоретических и правовых основаниях содействия правосудию.

1. Наличие должного уровня правосознания является важным фактором, влияющим на оказание гражданами содействия в раскрытии и расследовании преступлений. Правосознание подвержено внешнему воздействию, что свидетельствует о возможности его формирования, чем и руководствовались в советский период, прививая населению уважительное отношение к сотрудникам правоохранительных органов, подчеркивая значимость, важность и необходимость их нелегкой профессиональной деятельности.

С переходом к системе рыночных отношений данный подход заметно ослаб. Сегодня авторитет правоохранительных органов и правосудия в целом нуждается в дополнительной поддержке, но, к сожалению, проведенные опросы показывают, что большая часть населения не готова оказывать содействие в силу ряда причин, что свидетельствует о необходимости детального анализа содействия правосудию в современном уголовном процессе России.

2. Любая деятельность участников уголовного судопроизводства направлена на выполнение присущих им уголовно-процессуальных функций. Действующее уголовно-процессуальное законодательство выделяет лишь три основные функции, которыми, безусловно, не охватывается все многообразие возникающих и функционирующих в уголовном процессе правоотношений. В связи с этим в доктрине уголовного процессе предложено достаточное количество авторских подходов, позволяющих выделить иные, отличные от основных функции, однако до сих пор нет работ, рассматривающих функцию оказания содействия отправлению правосудию, что, на наш взгляд, является существенным упущением. Действительно, в отличие от основных участников уголовного судопроизводства, вовлекаемых в уголовный процесс для отстаивания собственных или представляемых интересов, есть группа лиц, которые не преследуют интересы защиты или обвинения, они не заинтересованы в исходе уголовного дела и вовлекаются в него лишь для оказания содействия сторонам и суду. В этой связи нами предложено переименовать гл. 8 УПК РФ в

«Участники уголовного судопроизводства, оказывающие содействие правосудию». Представляется, что такое название соответствует выбранной законодателем логике систематизации участников уголовного судопроизводства исходя из выполняемых ими уголовно-процессуальных функций.

3. Содействие правосудию представляет собой осуществляемую в ходе уголовного судопроизводства деятельность, направленную на сообщение и (или) получение доказательственной информации, оказание консультационной, технической (организационной) или иной помощи сторонам и суду, способствующей установлению обстоятельств, имеющих значение для разрешения дела по существу, лицами, не наделенными властными полномочиями, привлекаемыми к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством.

4. Содействие правосудию в уголовном судопроизводстве может быть оказано с момента проверки сообщения о готовящемся либо совершенном преступлении, а также на всех последующих стадиях уголовного процесса. По длительности оказания содействие следует классифицировать на эпизодическое, периодическое, постоянное.

5. Содействие правосудию следует определить как динамично развивающийся процессуальный институт, подверженный влиянию различных социальных факторов, способный адаптироваться под требования любого политического режима и являющийся неотъемлемым институтом уголовного судопроизводства на протяжении истории России.

6. В работе исследованы возникающие препятствия, ограничивающие возможность участия в уголовном деле лиц, оказывающих содействие правосудию. В качестве основного сдерживающего фактора выделено опасение граждан за свою жизнь, здоровье и имущество в связи с участием в уголовном процессе. Проанализированы уголовно-процессуальные меры обеспечения безопасности лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия.

В ходе проведенного анализа установлено, что уголовно-процессуальные

меры безопасности при наличии оснований могут быть применены при расследовании преступлений любой категории тяжести. Возможность применения уголовно-процессуальных мер безопасности с момента регистрации сообщения о совершенном преступлении любой категории тяжести, отсутствие требовательности к государственному финансированию, а также минимальность привлечения дополнительных субъектов, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства, и, как следствие, распространение конфиденциальной информации позволяют говорить о перспективности применения и необходимости совершенствования уголовно-процессуальных мер безопасности. Институт обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию, представляется несовершенным, поскольку не включает всех лиц, имеющих право на уголовно-процессуальные меры безопасности, а сами предусмотренные в ч. 3 ст. 11 УПК РФ меры не охватывают всего имеющегося уголовно-процессуального потенциала обережения лиц, содействующих отправлению правосудия. Все это требует внесения изменений в законодательство с учетом судебно-следственной практики и результатов научных исследований. В работе обращено внимание на отсутствие в УПК РФ главы, посвященной правилам применения и отмены мер безопасности участников уголовного судопроизводства, как это предусмотрено, например, УПК РК и УПК РБ.

7. Второй основной причиной отказа граждан от участия в уголовном процессе в качестве содействующих лиц является низкая оплата участия и проблемы ее получения. Предусмотренная уголовно-процессуальным законом и иными нормативно-правовыми актами процедура отличается сложностью, алогичностью и представляется явно устаревшей, поскольку на подготовку отчетных документов для оплаты услуг лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, должностные лица затрачивают достаточно много времени, сил и средств. С целью оптимизации данной процедуры предложено разработать и внедрить современную цифровую правовую платформу, включающую в себя базу лиц и организаций, оказывающих услуги по участию в

судопроизводстве (уголовном, гражданском, административном, арбитражном), привлекаемых в качестве переводчиков, экспертов, педагогов, психологов, а в случае необходимости и других лиц.

II. О субъектном составе и особенностях уголовно-процессуальных отношений при оказании содействия правосудию.

8. Проведенный в рамках настоящего исследования анализ имеющихся в теории уголовного процесса определений уголовно-процессуальных правоотношений позволил сформулировать авторскую дефиницию данного термина. Кроме того, в работе систематизирован субъектный состав правоотношений, возникающих в связи с привлечением и участием лиц, оказывающих содействие правосудию в уголовном судопроизводстве, по следующим основаниям: в зависимости от законодательного отнесения к сторонам уголовного судопроизводства; в зависимости от продолжительности принимаемого участия в уголовном судопроизводстве; в зависимости от стадии уголовного судопроизводства, на которой лицо, оказывающее содействие, принимает участие; в зависимости от наличия у субъектов уголовного судопроизводства специальных знаний, а также по критерию целей привлечения. Определены признаки уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих с участием лиц, содействующих в осуществлении уголовного судопроизводства.

9. Проведенный историко-правовой анализ института содействия отправлению правосудия начиная с периода действия Русской Правды позволил установить, что лица, оказывающие содействие правосудию, вовлекались в уголовный процесс еще в Древней Руси, что позволят говорить практически о тысячелетней истории содействия, оказываемого правосудию лицами, незаинтересованными в результатах рассмотрения уголовно-правового спора (послухи, видоки, толмачи, сведущие люди, понятые и др.). Результаты деятельности одних становились самостоятельным видом доказательств, другие вовлекались для оказания помощи в установлении контакта с участником уголовного процесса, третьи благодаря своим специальным знаниям могли

сообщить сторонам и суду необходимую информацию, четвертые привлекались для удостоверения факта проводимого процессуального действия. Они позволяли принимать взвешенные, обдуманные и справедливые процессуальные решения, именно поэтому мы и в современном уголовном процессе зачастую не можем обойтись без привлечения данной категории участников. В работе приводятся ссылки на произведения русской классической литературы, в которых отражено участие лиц, оказывающих содействие правосудию.

Выделена периодизация исторических этапов развития уголовно-процессуальной деятельности содействия правосудию основанное на анализе письменных нормативных источников: первый период (X–XIV вв.) – характеризуется появлением первых норм, регулирующих правоотношения лиц, оказывающих содействие правосудию (видоки, послухи, толмачи); второй период (XIV–XVII вв.). Для данного периода характерно усложнение правоотношений, возникающих с лицами, оказывающими содействие правосудию, расширение возможностей использования данной категории участников благодаря вовлечению лиц, обладающих социальными знаниями; третий период (XVII в. – начало XX в.) – отмечается систематизация законодательства, детальное регулирование порядка вовлечения и участия лиц, оказывающих содействие правосудию, введение института понятых, переводчика; четвертый период (начало XX в. – конец XX в.) – введение первого уголовно-процессуального кодекса, системное изменение порядка вовлечения и участия лиц, оказывающих содействие правосудию; пятый период (конец XX в. – настоящее время). Для данного периода характерно обеспечение состязательных и равноправных начал уголовного судопроизводства, достижение которых обеспечивается вовлечением сторонами и судом лиц, оказывающих содействие правосудию, детализация и проработанность уголовно-процессуальных отношений, возникающих с данной категорией участников процесса, развитие норм, направленных на обеспечение их безопасности.

10. Перечень лиц, оказывающих содействие правосудию, никогда не был статичен. Развитие уголовно-процессуального законодательства влекло за собой изменение субъектного состава таких лиц. Закрепив в X–XIII вв. в Русской Правде свидетельские показания как основной вид доказательства, законодатель постепенно наращивал количественный и качественный состав содействующих лиц, совершенствуя институт содействия правосудию. С XVI в. сведущие лица, к которым в разное время относились врачи, лекари, знатоки, знахари, лица, обладающие специальными знаниями в искусстве, науке и ремесле, специалисты и эксперты, стали постоянно упоминаться в нормативных актах. Позднее, в XVII в., вводится не известный ранее правоприменителю участник уголовного судопроизводства – понятой, выступающий гарантом проводимых процессуальных мероприятий. Обязательное его участие обеспечивало соблюдение законности при производстве следственных и процессуальных действий, способствовало принятию справедливых и законных судебных решений. На протяжении длительного периода институт понятых не подвергался значительным изменениям.

С XVIII в. для реализации прав участников уголовного судопроизводства на справедливое расследование и суд законодатель предусматривает необходимость привлечения переводчика. Возможность понимать язык, на котором ведется уголовное судопроизводство, читать и подписывать процессуальные документы на понятном для участников языке стало доступным для любого лица, не владеющего языком уголовного судопроизводства либо имеющего физические недостатки.

К XX в. самостоятельное развитие получил институт содействия правосудию с использованием специальных знаний, что привело к появлению в уголовном процессе новых участников – эксперта и педагога.

11. Проведенное сравнительно-правовое исследование содействия, оказываемого правосудию в различных правовых моделях уголовного процесса, позволило выявить нормы, имплементация которых в уголовный

процесс России позволит обеспечить более качественное функционирование анализируемого института, обеспечит качественную реализацию процессуального статуса лиц, оказывающих содействие правосудию, позволит расширить данную категорию участников уголовного судопроизводства.

Так, в качестве положительного опыта, который мы предлагаем заимствовать, можно выделить процедуру определения срока производства экспертного исследования в момент назначения судебной экспертизы, как это принято во Франции и Германии. Предварительное определение срока предоставления заключения экспертизы, с одной стороны, позволит следователям и дознавателям планировать ход предварительного расследования, с другой стороны, будет стимулировать сотрудников государственных экспертных учреждений к своевременному предоставлению заключения.

В качестве положительного опыта следует заимствовать и юридическую технику построения норм, регламентирующих процессуальный статус лиц, оказывающих содействие правосудию. Речь идет о предусмотренной азербайджанским уголовно-процессуальным законодательством фразе «пользуется иными предусмотренными настоящим Кодексом правами».

В зарубежном законодательстве к лицам, имеющим самостоятельный процессуальный статус, отнесены секретарь судебного заседания (ст. 98 УПК АР и ст. 83 УПК РК), медиатор (ст. 85 УПК РК). Возможность расширения перечня лиц, содействующих отправлению правосудия, и определения их процессуального статуса в гл. 8 УПК РФ представляет собой перспективное направление развития рассматриваемого института.

12. Выделена самостоятельная категория лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, которые не имеют самостоятельного процессуального статуса и не обладают специальными знаниями. К таким участникам следует относить процессуального ассистента, помощника судьи, секретаря судебного заседания, за счет которых предложено расширить субъектный состав участников, закрепленных в гл. 8 УПК РФ.

III. Технико-юридического характера, связанные с внесением изменений и дополнений в УПК РФ и правоприменительную практику.

13. Проведенный анализ УПК РФ и иных нормативных актов, регламентирующих порядок привлечения и участия лиц, оказывающих содействие правосудию, позволил выявить отсутствие целого ряда необходимых для должного функционирования данного института норм и сделать вывод о необходимости внесения корректив в имеющиеся.

Так, предложен авторский подход к определению понятий «специальные знания» и «специальные познания». Последние отнесены автором к архаизмам. В качестве самостоятельного предложения аргументирована необходимость внесения в уголовно-процессуальный закон понятия «сведущее лицо» с закреплением его в ст. 5 УПК РФ.

Сформулирован вывод о возможности отнесения к категории специальных знаний, в том числе юридических, но не связанных с оценкой деяния, отнесенного к компетенции органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, а также достоверности показаний участников уголовного судопроизводства. Определены основные тенденции развития института специальных знаний.

Акцентировано внимание на отсутствии нормы, регламентирующей порядок проведения допроса специалиста и привлечения его к уголовной ответственности за заведомо ложное заключение. По мнению автора, возможность назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела значительно ограничивает права заинтересованных участников процесса, не имеющих на данном этапе процессуального статуса, в связи с чем предложено внести соответствующие изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Также предложено внести изменения в процессуальный статус эксперта, специалиста, переводчика, свидетеля, лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, и понятого. Предлагаемые

изменения направлены на корректировку предложенного законодателем определения данных участников процесса, на расширение их прав, частичное изменение обязанностей и ответственности.

14. В качестве лиц, оказывающих содействие правосудию, рассмотрена такая категория участников, которые, не обладая самостоятельным процессуальным статусом, оказывают посильную процессуальную помощь сторонам и суду, используя имеющиеся у них специальные знания. К такой категории отнесены ревизор, педагог, психолог, врач. Поскольку законом не установлено правовое положение этих участников, предложено педагога, психолога и врача отнести к специалистам, что потребует внесения соответствующих изменений в ч. 1 ст. 58 УПК РФ. Термин «врач» предложено заменить на «специалист по судебной медицине», поскольку врач – это профессия, к которой относятся лица, имеющие любую врачебную специальность: стоматологи, терапевты, педиатры и др.

15. Предложено ввести в уголовный процесс новый уголовно-процессуальный институт медиации, заключающийся в возможности освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) по преступлениям небольшой или средней тяжести. Введение данного института позволит создать правовые условия для альтернативной процедуры урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора. Медиатор позволит создать надёжный процедурный механизм выведения внепроцессуальной договорной примирительной деятельности сторон с его посредничеством на уголовно-процессуальный уровень заявления и разрешения ходатайств, принятия процессуальных решений по уголовному делу. Главный смысл содействия правосудию со стороны медиатора – не доводить до дорогостоящего и организационно затратного судебного разбирательства те уголовно-правовые конфликты, которые могут быть разрешены до суда.

Статус медиатора, как и сама процедура медиации, должны найти отражение в УПК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Нормативные правовые акты их проекты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральными конституционными законами от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, от 06.10.2022) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 23. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 6 октября 2022 г. – Текст : электронный.

2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. – 1995. – 5 апреля. – Текст : непосредственный.

3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI, 1993. – Текст : непосредственный.

4. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) (Приняты 29.11.1985 Резолюцией 40/33 на 96-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

5. Рекомендуемые виды практики в области защиты свидетелей при производстве по уголовным делам, касающимся организованной преступности // Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. Вена. ООН. Нью-Йорк, 2008. – Текст : непосредственный.

6. Руководство для сотрудников системы уголовного правосудия в отношении осуществления Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью (принято резолюцией ЭКОСОС ООН в 1990 г.) // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

7. О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием : Рекомендация № R (2005) 9 Комитета министров Совета Европы (Принята 20 апреля 2005 г. на 924-ом заседании представителей министров) // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

8. О гражданских и политических правах : международный пакт, принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12. – Текст : непосредственный.

9. О защите национальных меньшинств : рамочная конвенция Совета Европы от 1 февраля 1995 г. // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

10. О защите прав человека и основных свобод : Конвенция Совета Европы от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 10 января 2023 г. – Текст : электронный.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ч. I, ст. 4921. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 10 января 2023 г. – Текст : электронный.

12. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40, ст. 592. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 10 января 2023 г. – Текст : электронный.

13. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25, ст. 2954. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 11 января 2023 г. – Текст : электронный.

14. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30, ст. 3012. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 09 января 2023 г. – Текст : электронный.

15. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46, ст. 4532. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 09 января 2023 г. – Текст : электронный.

16. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10, ст. 1391. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 09 января 2023 г. – Текст : электронный.

17. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ч. 1, ст. 1. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 09 января 2023 г. – Текст : электронный.

18. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31, ст. 3824. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 09 января 2023 г. – Текст : электронный.

19. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eaeunion.org/,12 апреля 2017 г. – Текст : электронный.

20. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму : федер. закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 31, ст. 4008 ; Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 19 (поправка). – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 09 января 2023 г. – Текст : электронный.

21. О внесении изменений в статьи 241 и 293 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 21 июля 2014 г. № 251-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 30. – Ч. I, ст. 4252. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 13 января 2023 г. – Текст :

электронный.

22. О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 27 декабря 2009 г. № 346-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 52. – Ч. 1, ст. 6422. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 13 января 2023 г. – Текст : электронный.

23. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 9, ст. 875. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 13 января 2023 г. – Текст : электронный.

24. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : федер. закон от 5 июля 2007 г. № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 24, ст. 2830. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 13 января 2023 г. – Текст : электронный.

25. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 17, ст. 2455. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 13 января 2023 г. – Текст : электронный.

26. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 45, ст. 6831. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 13 января 2023 г. – Текст : электронный.

27. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 49, ст. 5724. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 13 января 2023 г. – Текст : электронный.

28. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской

Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя : федер. закон от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1. – Ч. I, ст. 60. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 10 января 2023 г. – Текст : электронный.

29. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста : федер. закон от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 17, ст. 2421. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 10 января 2023 г. – Текст : электронный.

30. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 13, ст. 1686. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 10 января 2023 г. – Текст : электронный.

31. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 1, ч. 1, ст. 57. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 10 февраля 2023 г. – Текст : электронный.

32. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 июля 2018 г. № 228-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 31, ст. 4817. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 10 февраля 2023 г. – Текст : электронный.

33. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 26, ст. 3139. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 10 февраля 2023 г. – Текст : электронный.

34. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 27. – Ч. 1, ст. 2706. – Текст :

непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 10 февраля 2023 г. – Текст : электронный.

35. О государственной гражданской службе Российской Федерации : федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31, ст. 3215. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 10 февраля 2023 г. – Текст : электронный.

36. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федер. закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 34, ст. 3534. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 19 января 2023 г. – Текст : электронный.

37. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов : федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 17, ст. 1455. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 19 января 2023 г. – Текст : электронный.

38. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 23, ст. 2291. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 19 января 2023 г. – Текст : электронный.

39. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 14, ст. 1652. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 19 января 2023 г. – Текст : электронный.

40. О милиции : закон РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 16, ст. 503. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 19 января 2023 г. – Текст : электронный.

41. О полиции : федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7, ст. 900. – Текст : непосредственный.

http://www.pravo.gov.ru, 19 января 2023 г. – Текст : электронный.

42. О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы : федер. закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 10, ст. 1566. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 28 февраля 2023 г. – Текст : электронный.

43. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33, ст. 3349. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 19 января 2023 г. – Текст : электронный.

44. Об исполнительном производстве: федер. закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41, ст. 4849. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 21 января 2023 г. – Текст : электронный.

45. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31, ст. 4162. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 21 января 2023 г. – Текст : электронный.

46. Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик : закон СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости ВС СССР. – 1959. – № 1, ст. 15. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 21 января 2023 г. – Текст : электронный.

47. Правила организации и деятельности Суда Евразийского экономического союза (утв. приказом Председателя Суда Евразийского экономического союза от 14 апреля 2015 г. № 8) (ред. от 12 октября 2022 г.) (вместе с «Положением о Секретариате Суда Евразийского экономического союза», «Положением о секретариате судьи Суда Евразийского экономического союза») // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

48. О поэтапном формировании муниципальных органов охраны

общественного порядка : указ Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 года // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

49. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 23, ст. 3309. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 21 января 2023 г. – Текст : электронный.

50. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 5 июля 1996 года // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

51. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»): приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 // Российская газета. – 2005. – № 191. – Текст : непосредственный. http://www.pravo.gov.ru, 21 января 2023 г. – Текст : электронный.

52. Инструкция комиссиям по делам несовершеннолетних : постановление наркоматов просвещения, здравоохранения и юстиции от 30 июля 1920 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. – 1920. – № 68, ст. 308. – Текст : непосредственный.

53. Об Уголовно-процессуальном кодексе (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР») : постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. – 1922. – № 20–21, ст. 230. – Текст : непосредственный.

54. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и Союзных Республик : постановление Президиума ЦИК СССР от 31 октября 1924 г. // Собрание законодательства СССР. – 1924. – № 24, ст. 206. – Текст : непосредственный.

55. Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») : постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. – 1923. – № 7, ст. 106. – Текст : непосредственный.

56. Концепция развития органов внутренних дел и внутренних войск МВД России: приказ МВД РФ № 145 от 20 марта 1996 г. // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

57. Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам : приказ Генпрокуратуры РФ от 15 марта 2010 г. № 107 // Законность. – 2010. – № 6. – Текст : непосредственный.

58. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 (Зарегистрировано в Минюсте России 6 ноября 2014 г. № 34570) // Российская газета. – 2014. – № 260. – Текст : непосредственный.

59. Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации : приказ Минюста РФ от 20 декабря 2002 г. № 347 // Российская газета. – 2003. – № 14. – Текст : непосредственный.

60. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России : приказ Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 // Российская газета. – 2013.– № 24. – Текст : непосредственный.

61. Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации : приказ Минздравсоцразвития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н // Российская газета. – 2010. – № 186. – Текст : непосредственный.

62. Об утверждении типовых должностных регламентов помощника председателя суда (судьи) верховного суда республики, краевого и областного судов, суда города федерального значения, судов автономной области и автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда и гарнизонного военного суда : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 6 декабря 2010 г. № 272 // Бюллетень актов по судебной системе. – 2014. – № 4. – Текст : непосредственный.

63. О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 31 августа 1966 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1966. – № 36, ст. 1018. – Текст : непосредственный.

64. О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации (вместе с «Положением о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации») : постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2012 г. № 1240 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 50. – Ч. 6, ст. 7058. – Текст : непосредственный.

65. О форменной одежде, знаках различия и нормах снабжения вещевым имуществом сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (вместе

с «Общими положениями о вещевом обеспечении сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в мирное время») : постановление Правительства РФ от 13 октября 2011 г. № 835 // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 43, ст. 6072. – Текст : непосредственный.

66. Об обложении страховыми взносами и налогом на доходы физических лиц вознаграждения, выплачиваемого переводчикам и экспертам за оказание услуг в ходе судопроизводства по назначению суда (вместе с <Письмом> Минфина России от 24 апреля 2018 г. № 03-15-07/27873) : письмо ФНС России от 27 апреля 2018 г. № БС-4-11/8209@ // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

67. Об утверждении, вступлении в силу Уголовно-процессуального кодекса Азербайджанской Республики и связанных с этим вопросах правового регулирования : закон Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:http://prigovorsuda.info/kodeks-ukrainy/178. – Текст : электронный.

68. О деятельности государственной судебной экспертизы : закон Азербайджанской Республики от 18 ноября 1999 г. № 758-IГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2704. – Текст : электронный.

69. О пробации : закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 38 – VI. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36232217. – Текст : электронный.

70. Федеральные правила о доказательствах для судов и магистратов США 1995 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https://lawbook.online/protsess-zarubejnyih-grajdanskiy/federalnyie-pravila-dokazatelstvah-dlya-sudov-56711.html?ysclid=le2rn610ci444661152. – Текст : электронный.

71. Конституция Азербайджанской Республики. Принята путем всеобщего народного референдума 12 ноября 1995 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2618. – Текст :

электронный.

72. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution. – Текст : электронный.

73. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852. – Текст : электронный.

74. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдовы от 14 марта 2003 г. № 122-XV. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397729#pos=146;-117. – Текст : электронный.

75. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. Утвержден законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=30420353#sub_id=2860000. – Текст : электронный.

76. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414958#pos=175;-62. – Текст : электронный.

77. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Эстония : принят 12 февраля 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https://www.legislationline.org/ru/documents/section/criminal-codes. – Текст : электронный.

2. Постановления и определения Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, решения Европейского суда по правам человека, материалы судебной практики и иные судебные акты

78. Апелляционное определение Верховного Суда Российской

Федерации от 24 января 2018 г. № АПЛ17-546. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-24012018-n-apl17-546. – Текст : электронный.

79. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № АПЛ16-477 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 17 августа 2016 г. № АКПИ16-562, которым было отказано в удовлетворении заявления о признании частично недействующим пункта 13 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утв. Постановлением Правительства РФ от 17 августа 2007 г. № 522» // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

80. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 20 мая 2015 г. Дело № 4-АПУ15-31 // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

81. Дело «Владимир Романов (Vladimir Romanov) против Российской Федерации» (жалоба № 41461/02) [рус., англ.] : постановление Европейского суда по правам человека от 24 июля 2008 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2009. – № 3. – С. 3, 90–121. – Текст : непосредственный.

82. Дело «Мамажонов (Mamazhonov) против Российской Федерации» (жалоба № 17239/13) : постановление Европейского Суда по правам человека от 23 октября 2014 г. // Прецеденты Европейского Суда по правам человека : Электронное периодическое издание. – 2015. – № 2 (14). – С. 42–82. – Текст : непосредственный.

83. Дело «Миранда против штата Аризон» 384 U.S. 436 (1966). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:http://caselaw.lp.findlaw.com/scripts/getcase.pl/court=US&vol=384&invol=436. – Текст : электронный.

84. О подготовке дела к судебному разбирательству : постановление Пленума ВАС РФ от 20 декабря 2006 г. № 65 // Вестник ВАС РФ. – 2007. – № 4. – Текст : непосредственный.

85. О практике применения судами законодательства о процессуальных

издержках по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 42 // Российская газета. – 2013. – № 294. – Текст : непосредственный.

86. О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 16 // Российская газета. – 2012. – № 156. – Текст : непосредственный.

87. О применении судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 // Российская газета. – 2013. – № 294. – Текст : непосредственный.

88. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 // Российская газета. – 2006. – № 137. – Текст : непосредственный.

89. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Российская газета. – 2011. – № 142. – Текст : непосредственный.

90. О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1971. – № 2. – Текст : непосредственный.

91. О судебной экспертизе по уголовным делам : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 // Российская газета. – 2010. – № 296. – Текст : непосредственный.

92. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Воронова Александра Алексеевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 57 и 70 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части 3 статьи 1 Федерального закона «О Следственном комитете

Российской Федерации» и подпункта 1 пункта 7 Положения о Следственном комитете Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 15 сентября 2015 г. № 1827-О // СПС «Консультант Плюс». – Текст : непосредственный.

93. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Осетника Вячеслава Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой.1 статьи 79 и частью второй.1 статьи 102 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 636-О // СПС «Консультант Плюс». – Текст : непосредственный.

94. По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко : постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2016 г. № 17-П // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 31, ст. 5088. – Текст : непосредственный.

3. Научная, учебная и справочная литература

95. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права : учебник для вузов / В. А. Лазарева [и др.] ; под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2022. – 434 с. – Текст : непосредственный.

96. Алексеев, Н. С. Советский уголовный процесс / под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича. – Ленинград, 1989. – 470 с. – Текст : непосредственный.

97. Арсеньев, В. Д. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела / В. Д. Арсеньев, В. Г. Заболоцкий. – Красноярск, 1986. – 152 с. – Текст : непосредственный.

98. Багдасаров, Р. В. Принцип состязательности в уголовном процессе России и стран Европейского Союза / Р. В. Багдасаров. – Москва : Юрлитинформ, 2008. – 216 с. – Текст : непосредственный.

99. Баршев, Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я. И. Баршев. – Москва : ЛексЭст, 2001. – 240 с. – Текст : непосредственный.

100. Безлепкин, Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Б. Т. Безлепкин. – 9-е изд., перераб. и доп. – Москва : КНОРУС, 2010. – 688 с. – Текст : непосредственный.

101. Божьев, В. П. Избранные труды / В. П. Божьев. – Москва : Юрайт, 2010. – 715 с. – Текст : непосредственный.

102. Божьев, В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения : монография / В.П. Божьев. – Москва : Юридическая литература, 1975. – 176 с. – Текст : непосредственный.

103. Большой юридический словарь / под ред. проф. А. Я. Сухарева. – 3-е изд., доп. и перераб. – Москва : ИНФРА-М, 2007. – 858 с. – Текст : непосредственный.

104. Бородкина, Т. Н. Заключение специалиста как форма привлечения его в уголовном судопроизводстве / Т. Н. Бородкина // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

105. Брусницын, Л. В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства : науч.-практич. пособие / Л. В. Брусницын. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 152 с. – Текст : непосредственный.

106. Быков, В. М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства / В. М. Быков. – Казань : Познание, 2008. – 300 с. – Текст : непосредственный.

107. Винберг, А. И. Основные принципы советской криминалистической экспертизы / А. И. Винберг. – Москва, 1949. – 132 с. – Текст : непосредственный.

108. Владимиров, Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Части Общая и Особенная / Л. Е. Владимиров. – 3-е изд., изм. и законч. – Санкт-Петербург, 1910. – 440 с. – Текст : непосредственный.

109. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права /

М. Ф. Владимирский-Буданов. – 7-е. изд. Петроград: Н. Я. Оглоблин. – Киев, 1915. – 715 с. – Текст : непосредственный.

110. Владимирский-Буданов, М. Ф. Хрестоматия по истории русского права / сост. М. Владимирский-Буданов. – 3-е изд. – Киев, 1885–1889. – Текст : непосредственный.

111. Волосова, Н. Ю. Уголовно-процессуальное законодательство США : общая характеристика, законодательство штатов, сравнительный анализ : монография / Волосова Н. Ю., Федорова О. В. – Москва : Юрлитинформ, 2008. – 264 с. – Текст : непосредственный.

112. Гаврилов, Б. Я. Уголовно-процессуальные правоотношения в досудебном производстве : учебное пособие / Б. Я. Гаврилов, В. А. Крымов. – Москва, 2021. – 73 с. – Текст : непосредственный.

113. Гарисов, С. М. Использование специальных познаний в судебном производстве по уголовным делам : монография / С. М. Гарисов, Е. А. Зайцева. – Волгоград : ВА МВД России, 2010. – 196 с. – Текст : непосредственный.

114. Головко, Л. В. Дознание и предварительное следствие в уголовном процессе Франции / Л. В. Головко. – Москва, 1995. – 130 с. – Текст : непосредственный.

115. Гревцов, Ю. И. Проблемы теории правового отношения / Ю. И. Гревцов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – 83 с. – Текст : непосредственный.

116. Гришина, Е. П. Концептуальные и правовые проблемы участия специалиста в состязательном уголовном судопроизводстве : монография / Е. П. Гришина. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 208 с. – Текст : непосредственный.

117. Гришина, Е. П. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика: монография / под ред. Н. А. Духно. – Москва : Изд-во Юрид. ин-та МИИТа, 2012. – 280 с. – Текст : непосредственный.

118. Гришина, Е. П. Теоретико-правовой механизм использования

специальных познаний в российском уголовном судопроизводстве в контексте его назначения и состязательных начал : монография / Е. П. Гришина. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 294 с. – Текст : непосредственный.

119. Гуляев, А. П. Следователь в уголовном процессе / А. П. Гуляев. – Москва : Юрид. лит., 1981. – 192 с. – Текст : непосредственный.

120. Гуценко, К. Ф. Уголовный процесс западных государств / Л. В. Головко, К. Ф. Гуценко, Б. А. Филимонов ; под ред. : К. Ф. Гуценко. – Москва : Зерцало-М, 2001. – 480 с. – Текст : непосредственный.

121. Даев, В. Г. Советский уголовный процесс / Н. С. Алексеев, А. И. Бастрыкин, В. Г. Даев, и др. ; под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича. – Ленинград : Издательство Ленинградск. ун-та, 1989. – 472 с. – Текст : непосредственный.

122. Даровских, С. М. Принципы уголовного процесса : монография [Даровских С М. и др.]. – Москва : Издательство Проспект. 2022. – 336 с. – Текст : непосредственный.

123. Декреты Советской власти / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. – Москва : Политиздат, 1957–1997. – Текст : непосредственный.

124. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / под ред. профессора А. С. Александрова. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 304 с. – Текст : непосредственный.

125. Еникеев, З. Д. Уголовное преследование : учебное пособие / З. Д. Еникеев. – Уфа : Изд-во БашГУ, 2000. – 132 с. – Текст : непосредственный.

126. Епихин, А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве / А. Ю. Епихин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 329 с. – Текст : непосредственный.

127. Зайончковский, П. А. Отмена крепостного права в России / П. А. Зайончковский. – 3-е изд., доп. и перераб. – Москва : Просвещение, 1968. – 368 с. – Текст : непосредственный.

128. Зайцев, О. А. Государственная защита участников уголовного процесса / О. А. Зайцев. – Москва : Экзамен, 2001. – 512 с. – Текст : непосредственный.

129. Зайцева, Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : монография / Е. А. Зайцева.. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 424 с. – Текст : непосредственный.

130. Зайцева, Е. А. Реализация состязательных начал при применении специальных познаний в уголовном судопроизводстве : монография / Е. А. Зайцева. – Волгоград : ВА МВД России, 2006. – 192 с. – Текст : непосредственный.

131. Зайцева, Е. А. Формирование доказательств следователем с использованием специальных познаний и научно-технических средств : монография / Е. А. Зайцева, А. И. Садовский. – Волгоград : ВА МВД России, 2013. – 292 с. – Текст : непосредственный.

132. Законодательство Петра I / отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. – Москва : Юрид. лит., 1997. – 880 с. – Текст : непосредственный.

133. Зотов, Д. В. Правовая экспертиза в уголовном судопроизводстве: от легализации к процессуальной регламентации / Д.В. Зотов. – Воронеж. 2015. – 84 с. – Текст : непосредственный.

134. Иванов, Д. А. Соединение и выделение уголовных дел и материалов / Д. А. Иванов. – [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

135. Ильин, И. А. О сущности правосознания / подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова. – Москва : «РарогЪ», 1993. – 235 с. – Текст : непосредственный.

136. Ильина, А. М. Обязательное использование специальных познаний в уголовном процессе : монография / А. М. Ильина. – Екатеринбург, 2005. – 303 с. – Текст : непосредственный.

137. Исаева, Л. М. Специальные познания в уголовном

судопроизводстве / Л. М. Исаева. – Москва : ЮРМИС, 2003. – 304 с. – Текст : непосредственный.

138. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры, 1917-1954 гг. Сборник документов / сост.: Л. Н. Гусев; под ред.: С. А. Голунский. – Москва : Госюриздат, 1955. – 635 с. – Текст : непосредственный.

139. Каац, М. Э. Институт уголовно-процессуальных мер безопасности: монография / М. Э. Каац ; Министерство внутренних дел Российской Федерации, ФГКОУ ВО Уфимский юридический институт. – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2016. – 129 с. – Текст : непосредственный.

140. Карамзин, Н. М. История государства Российского : тома 1-4 / Н. М. Карамзин. – Москва : Эксмо, 2003.– 355 с. – Текст : непосредственный.

141. Квачевский, А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным уставам 1864 г. / А. А. Квачевский. – Ч. 1, 2. – Санкт-Петербург, 1886, 1887. – Текст : непосредственный.

142. Кечекъян, С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С. Ф. Кечекьян ; отв. ред.: М. С. Строгович. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – 187 с. – Текст : непосредственный.

143. Кириллова, Н. П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел : монография / Н. П. Кириллова. – Санкт-Петербург : Изд. дом СПб. гос. ун-та 2007. – 408 с. – Текст : непосредственный.

144. Кожевников, В. В. Уголовно-процессуальный аспект механизма правового регулирования / В. В. Кожевников, П. Г. Марфицин ; М-во внутр. дел Рос. Федерации. Ом. юрид. ин-т. – Омск : Ом. юрид. ин-т МВД России, 1998. – 154 с. – Текст : непосредственный.

145. Кокорев, Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам / Л. Д. Кокорев. – Воронеж, 1971. – 159 с. – Текст : непосредственный.

146. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации.

Особенная часть. Разделы X – XII : в 4 т. (постатейный) / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов и др. ; отв. ред. В. М. Лебедев. – Москва : Юрайт, 2017. – Т. 4. – 278 с. – Текст : непосредственный.

147. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Мозякова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Экзамен XXI, 2002. – 896 с. – Текст : непосредственный.

148. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / [Алексеев В. Б. и др.]; под ред. А. М. Рекункова, А. К. Орлова. – Москва : Юрид. лит., 1981. – 536 с. – Текст : непосредственный.

149. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю. Е. Аврутин, С. П. Булавин, Ю. П. Соловей, В. В. Черников. – Москва : Проспект, 2015. – 552 с. – Текст : непосредственный.

150. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / А. И. Алексеев, О. А. Вагин, Д. В. Закаляпин и др. ; под ред. А. И. Алексеева, В. С. Овчинского. – Москва : Проспект, 2011. – 176 с. – Текст : непосредственный.

151. Комментарии оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М. П. Смирнов. – Москва : Экзамен, 2002. – 543 с. – Текст : непосредственный.

152. Крылов, И. Ф. Избранные труды по криминалистике / И. Ф. Крылов ; науч. ред. и сост. : А. И. Александров, В. В. Петров. – Санкт-Петербург : Изд. Дом С. -Петерб. гос. ун-та, 2006. – 1000 с. – Текст : непосредственный.

153. Кузнецов, О. Ю. Переводчик в российском уголовном судопроизводстве : монография / О. Ю. Кузнецов. – Москва : Изд-во МПИ ФСБ России, 2006. – 256 с. – Текст : непосредственный.

154. Курс уголовного процесса / А. А. Арутюнян, Л. В. Брусницын, О. Л. Васильев и др. ; под ред. Л. В. Головко. – Москва : Статут, 2016. – [Электронный ресурс] // «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

155. Лазаревский, Н. И. Русское государственное право :

Конституционное право. Т. 1 / Н. И. Лазаревский. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Тип. АО «Слово», 1913. – 672 с. – Текст : непосредственный.

156. Ларин, А. М. Расследование по уголовному делу : процессуальные функции / А. М. Ларин. – Москва : Юрид. лит., 1986. – 159 с. – Текст : непосредственный.

157. Латыпов, В. С. Актуальные вопросы применения института специальных знаний в уголовном судопроизводстве России : уголовно-процессуальный аспект : монография / В. С. Латыпов. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 157 с. – Текст : непосредственный.

158. Латыпов, В. С. Иные участники уголовного судопроизводства: проблемы теории, нормативного регулирования и практики : монография / В. С. Латыпов. – Москва. : Юрлитинформ, 2014. – 200 с. – Текст : непосредственный.

159. Латыпов, В. С. Оказание содействия иными участниками уголовного судопроизводства, предусмотренными главой 8 УПК РФ : монография / В. С. Латыпов. – Москва. : Юрлитинформ, 2018. – 304 с. – Текст : непосредственный.

160. Лафитский, В. И. Сравнительное правоведение в образах права : в 2 т. Т. 2 / В. И. Лафитский. – Москва, 2011. – 415 с. – Текст : непосредственный.

161. Лебедев, В. И. Реформы Петра I : сборник документов / сост. В. И. Лебедев. – Москва, 1937. – 379 с. – Текст : непосредственный.

162. Логунов, О. В. Меры уголовно-процессуального принуждения на досудебных стадий: вопросы теории и нормативного регулирования : монография / О. В. Логунов, А. В. Травников, Э. К. Кутуев, В. С. Латыпов. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 292 с. – Текст : непосредственный.

163. Лукашева, Е. А. Социалистическое правосознание и законность / Е. А. Лукашева. – Москва : Юрид. лит., 1973. – 344 с. – Текст : непосредственный.

164. Манифест об «Общем учреждении министерств» от 25 июня 1811 г.

/ Российское законодательство X - XX веков : Законодательство первой половины XIX века. В 9-ти томах. Т. 6 / отв. ред. : Чистяков О.И. (под общ. ред.) – Москва : Юрид. лит., 1988. – 432 с. – Текст : непосредственный.

165. Милицин, С. Д. Предмет регулирования советского уголовно-процессуального права : монография / С. Д. Милицин. – Свердловск : Изд-во Уральск. ун-та, 1991. – 112 с. – Текст : непосредственный.

166. Мотовиловкер, Я. О. Основные уголовно-процессуальные функции / Я. О. Мотовиловкер. – Ярославль : Ярославский гос. ун-т, 1976. – 94 с. – Текст : непосредственный.

167. Мотовиловкер, Я. О. Понятие уголовного процесса. Книга для чтения. Часть 2 / Я. О. Мотовиловкер ; сост. Н. Г. Стойко. – Красноярск. 1996. – 123 с. – Текст : непосредственный.

168. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта Нового уложения / под ред. [и с предисл. Н. Д. Чечулина]. – Санкт-Петербург, 1907. – 175 с. – Текст : непосредственный.

169. Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации : (по состоянию на 20 авг. 2002 г.) / под общ. ред. В. М. Лебедева; науч. ред. В. П. Божьев; [Бобров В. К. и др.]. – Москва : Спарк, 2002. – 1007 с. – Текст : непосредственный.

170. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 ООО слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – Москва : Азбуковник, 1997. – 944 с. – Текст : непосредственный.

171. Павлов С. Г. Проблемы основных функций в социалистическом уголовном процессе. – Москва, 1961. – Текст : непосредственный.

172. Павлов, Н. Е. Долг свидетеля / Н. Е. Павлов. – Москва : Сов. Россия, 1989. – 144 с. – Текст : непосредственный.

173. Панченко, В. Ю. Публичные формы юридического содействия реализации прав и законных интересов : теоретические вопросы публичных форм юридического содействия реализации прав и законных интересов,

доступность публичных юридических услуг и публичной юридической помощи, виды и формы публичных юридических услуг и юридической помощи, понятие и виды доступности публичных юридических услуг и публичной юридической помощи, подходы к оценке доступности публичных юридических услуг и публичной юридической помощи : монография / В. Ю. Панченко. – Москва : Проспект, 2014. – 148 с. – Текст : непосредственный.

174. Полторак, А. И. Нюрнбергский эпилог / А. И. Полторак. – Москва : Воениздат, 1965. – 559 с. – Текст : непосредственный.

175. Правосудие в современном мире : монография / под ред. : В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриевой. – Москва : Норма, Инфра-М, 2014. – 720 с. – Текст : непосредственный.

176. Прошляков, А. Д. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений : монография / А. Д. Прошляков, И. И. Ахматов. – Москва. : Юрлитинформ, 2018. – 224 с. – Текст : непосредственный.

177. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / А. С. Пушкин ; [Примеч. проф. Б. В. Томашевского ; АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом)]. – 4-е изд. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд., 1977–1979. Т. 6. Художественная проза. – 1978. – 575 с. – Текст : непосредственный.

178. Рахунов, Р. Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву / Р. Д. Рахунов. – Москва : Госюриздат, 1961. – 277 с. – Текст : непосредственный.

179. Рехит, А. А. Введение в немецкое право / А. Э. Жалинский, А. А. Рерихт. – Москва : Спарк, 2001. – 767 с. – Текст : непосредственный.

180. Решетникова, И. В. Доказательственное право Англии и США / И. В. Решетникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Городец, 1999. – 284 с. – Текст : непосредственный.

181. Романов, Б. А. К вопросу о 15-рублевом максимуме в служилых кабалах XVII в. – Исторические записки / Б. А. Романов. – Т. 52. – Москва,

1955. – Текст : непосредственный.

182. Романов, Б. А. К вопросу о земельной политике Избранной рады. – Исторические записки / Б. А. Романов. – Т. 38. – Москва, 1951. – Текст : непосредственный.

183. Романов, Б. А. О полном холопе и сельском попе в Судебнике 1550 года // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. – Москва, 1952. – Текст : непосредственный.

184. Романов, Б. А. Судебник Ивана Грозного. – Исторические записки / Б. А. Романов. – Т. 29. – Москва, 1949. – Текст : непосредственный.

185. Российское законодательство X - XX веков : Законодательство Древней Руси. В 9-ти томах. Т. 1 / отв. ред. : В. Л. Янин; под общ. ред. : О. И. Чистяков. – Москва : Юрид. лит., 1984. – 432 с. – Текст : непосредственный.

186. Российское законодательство X - XX веков : Законодательство периода становления абсолютизма. В 9-ти томах. Т. 4 / отв. ред. : А. Г. Маньков; под общ. ред. : О. И. Чистяков. – Москва : Юрид. лит., 1986. – 512 с. – Текст : непосредственный.

187. Российское законодательство X - XX веков. В 9 т. Т. 3. Акты земских соборов. – Москва : Юрид. лит., 1985. – 512 с. – Текст : непосредственный.

188. Россинская, Е. Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» / Е. Р. Россинская. – Москва : Юрайт : Право и закон, 2002. – 383 с. – Текст : непосредственный.

189. Россинская, Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2008. – 688 с. – Текст : непосредственный.

190. Рыжаков, А. П. Основания, условия и порядок производства очной ставки. Комментарий к ст. 192 УПК РФ / А. П. Рыжаков. [Электронный ресурс] //

СПС «КонсультантПлюс». – Текст : электронный.

191. Савицкий, В. М. Государственное обвинение в суде / В. М. Савицкий. – Москва, 1971. – 343 с. – Текст : непосредственный.

192. Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. : в 12 т. – 3-е изд. – Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1895. Т. 7. – 532 с. – Текст : непосредственный.

193. Самигуллин, В. К. Правосознание : корень добра и справедливости / В. К. Самигуллин. – Уфа : Диалог, 2009. – 284 с. – Текст : непосредственный.

194. Селина, Е. В. Применение специальных познаний в уголовном процессе / Е. В. Селина. – Москва : Юрлитинформ, 2002. – 138 с. – Текст : непосредственный.

195. Селина, Е. В. Доказывание с использованием специальных познаний по уголовным делам / Е. В. Селина ; под ред. : А. А. Хмыров. – Москва : Юрлитинформ, 2003. – 128 с. – Текст : непосредственный.

196. Сергеич, П. Искусство речи на суде / П. Сергеич. – Москва : Юрид. лит., 1988. – 384 с. – Текст : непосредственный.

197. Сетров, М. И. Проблемы методологии системного исследования / М. И. Сетров. – Москва, 1970. – 300 с. – Текст : непосредственный.

198. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : Материалы для лексической разработки заимствованных слов в рус. лит. речи : С портр. и краткой биогр. А. Н. Чудинова / сост. под ред. А. Н. Чудинова. – 3-е изд., тщательно испр. и знач. доп. (более 5000 новых слов) преимущественно соц.-полит. терминами, вошедшими в жизнь в последние годы. – Санкт-Петербург : В. И. Губинский, 1910. – 676 с. – Текст : непосредственный.

199. Словарь иностранных слов. – 18-е изд., стер. – Москва : Рус. яз., 1989. – 624 с. – Текст : непосредственный.

200. Словарь русского языка : В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – 800 с. – Текст : непосредственный.

201. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса. Часть II :

Судоустройство / В. К. Случевский ; под ред.: В. А. Томсинов. – Москва : Зерцало, 2008. – 488 с. – Текст : непосредственный.

202. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство - судопроизводство / В. К. Случевский. – 4-е изд., доп. и испр. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1913. – 684 с. – Текст : непосредственный.

203. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса. Часть I : Судоустройство. Введение / В. К. Случевский; под ред. : В. А. Томсинов. – Москва : Зерцало, 2008. – 400 с. – Текст : непосредственный.

204. Смирнов, А. В. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский ; под общ. ред. А. В. Смирнова. – 4-е изд., доп. и перераб. [Электронный ресурс] // СПС «ГАРАНТ». – Текст : электронный.

205. Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса / А. В. Смирнов. – Санкт-Петербург : Наука : Альфа, 2000. – 224 с. – Текст : непосредственный.

206. Собрание узаконений Российской Империи. – 1912. – № 142. – Текст : непосредственный.

207. Собрание узаконений Российской Империи. – 1897. – 8 июля, ст. 915. – Текст : непосредственный.

208. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / М. С. Строгович, Л. Б. Алексеева, А. М. Ларин; отв. ред. В. М. Савицкий; Академия наук СССР. Институт государства и права. – Москва : Наука, 1979. – 319 с. – Текст : непосредственный.

209. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен : в 15 кн. / С. М. Соловьев ; отв. ред. и авт. вступ. статьи д-р ист. наук Л. В. Черепнин. – М. : Соцэкгиз. - (Философское наследие). Кн. 3 : т. 5-6 / коммент. канд. ист. наук А. М. Сахарова. 1960. – 815 с. – Текст : непосредственный.

210. Стойко, Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России : монография / Н. Г. Стойко. – Санкт-Петербург : Издательский Дом Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. – 264 с. – Текст : непосредственный.

211. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса: Основные положения науки советского уголовного процесса. Т. 1 / М. С. Строгович. – Москва : Наука, 1968. – 470 с. – Текст : непосредственный.

212. Строгович, М. С. Теория государства и права : учебник / М. А. Аржанов, С. Ф. Кечекьян, Б. С. Маньковский, М. С. Строгович ; науч. ред. : М. П. Карева. – Москва : Госюриздат, 1949. – 511 с. – Текст : непосредственный.

213. Строев, В. М. Историко-юридическое исследованіе Уложенія, изданнаго Царемъ Алексеемъ Михайлови-чемъ въ 1649 году / В. М. Строев. – Санкт-Петербург : при Акад. наук, 1833. – 158 с. – Текст : непосредственный.

214. Стучка, П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права / П. И. Стучка ; сост. : Г. Я. Клява. – Рига : Латв. гос. изд-во, 1964. – 748 с. – Текст : непосредственный.

215. Тарнакоп, О. Г. Иммунитеты в уголовном процессе / О. Г. Тарнакоп. – Москва : Юрлитинформ, 2011. – 144 с. – Текст : непосредственный.

216. Тарасов, А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России : монография / А. А. Тарасов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2017. – 125 с. – Текст : непосредственный.

217. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Р. С. Белкин, А. И. Винберг, В. Я. Дорохов, Л. М. Карнеева, и др.; редкол. : Н. В. Жогин (отв. ред.), Г. М. Миньковский, А. Р. Ратинов, В. Г. Танасевич, А. А. Эйсман. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрид. лит., 1973. – 736 с. – Текст : непосредственный.

218. Тетерин, Б. С. Возбуждение и расследование уголовных дел / Б. С. Тетерин, Е. З. Трошкин. – Москва, 1997. – 224 с. – Текст : непосредственный.

219. Тетюев, С. В. Процессуальные особенности допроса несовершеннолетнего обвиняемого / С. В. Тетюев ; под ред. : А. В. Кудрявцева. – Москва : Юрлитинформ, 2006. – 176 с. – Текст : непосредственный.

220. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ; ОГИЗ ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. – 1562 с. – Текст : непосредственный.

221. Толстой, Л. Н. Война и мир. I–II / Л. Н. Толстой. – Москва : «Э», 2016. – 960 с. – Текст : непосредственный.

222. Толстой, Л. Н. Война и мир. III–IV / Л. Н. Толстой. – Москва : Издательство «Э», 2016. – 992 с. Толстой Л.Н. Анна Каренина: роман – Москва : Эксмо, 2011. – 962 с. – Текст : непосредственный.

223. Толстой, Ю. К. К теории правоотношения / Ю. К. Толстой. – Ленинград : Из-во Ленинградск. ун-та. 1959. – 88 с. – Текст : непосредственный.

224. Томин, В. Т. Взаимодействие органов внутренних дел с населением в борьбе с преступностью : учебное пособие / В. Т. Томин. – Омск : Изд-во Омск. ВШМ МВД СССР, 1975. – 171 с. – Текст : непосредственный.

225. Трефилов, А. А. Новый Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии / А. А. Трефилов. – Москва, 2011. – 220 с. – Текст : непосредственный.

226. Трефилов, А. А. Уголовный процесс зарубежных стран / А. А. Трефилов. – Москва : НИПКЦ-Восход-А, 2016. – 1012 с. – Текст : непосредственный.

227. Уголовный процесс / А. М. Уилшир ; пер. с англ. О. Ф. Левиной ; под ред. и с предисл. чл.-кор. Акад. наук СССР проф. М. С. Строговича. – Москва : Изд. и тип. Гос. изд-ва иностр. лит-ры, 1947. – 504 с. – Текст : непосредственный.

228. Уголовно-процессуальное право : учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. В. М. Лебедева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство Юрайт, 2014. – 1060 с. – Текст : непосредственный.

229. Халфина, Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. – Москва : Юрид. лит., 1974. – 352 с. – Текст : непосредственный.

230. Хачатуров, Р. Л. Актуальные вопросы правоведения в

общенародном государстве : [сб. ст. / редкол.: А. И. Ким и др.]. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1979. – 103 с. – Текст : непосредственный.

231. Чельцов, М. А. Уголовный процесс / М. А. Чельцов. – Москва : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. – 624 с. – Текст : непосредственный.

232. Чельцов, М. А. Уголовный процесс : Допущено Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебника для юридических вузов и факультетов / авт. кол. : М. А. Чельцов, В. П. Радьков, П. А. Лупинская и др. ; под ред. М. А. Чельцова ; Всесоюзный юридический заочный институт. – Москва : Юрид. лит., 1969. – 463 с. – Текст : непосредственный.

233. Чехов, А. П. Сочинения в 18 томах // Полное собрание сочинений и писем в 30 томах.– Москва : Наука, 1977. Т. 8. [Рассказы. Повести], 1892–1894. – Текст : непосредственный.

234. Чуфаровский, Ю. В. Психология в оперативно-розыскной деятельности. Установление и развитие контактов с субъектами заинтересованности / Ю. В. Чуфаровский. – Москва : Право и Закон, 1996. – 128 с. – Текст : непосредственный.

235. Чуфаровский, Ю. В. Юридическая психология в вопросах и ответах / Ю. В. Чуфаровский. – М., 2010. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – Текст : электронный.

236. Шершеневич, Г. Ф. Общая теорія права / Г. Ф. Шершеневич. – Москва : Изд. Бр. Башмаковых, 1911. – 698 с. – Текст : непосредственный.

237. Шпилев, В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства / В. Н. Шпилев. – Минск : Изд-во БГУ, 1974. – 144 с. – Текст : непосредственный.

238. Шпилев, В. Н. Участники уголовного процесса / В. Н. Шпилев. – Минск : Изд-во БГУ, 1970. – 176 с. – Текст : непосредственный.

239. Щерба, С. П. Охрана прав беспомощных потерпевших по уголовным делам : пособие / С. П. Щерба, О. А. Зайцев, Т. Е. Сарсенбаев ; под ред. С. П. Щербы. – Москва : Юрлитинформ, 2001. – 193 с. – Текст :

непосредственный.

240. Щерба, С. П. Переводчик в российском уголовном процессе : научно-практическое пособие / С. П. Щерба. – Москва : Экзамен, 2005. – 416 с. – Текст : непосредственный.

241. Элькинд, П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П. С. Элькинд. – Ленинградск : Изд-во Ленинградск. ун-та, 1963. – 172 с. – Текст : непосредственный.

242. Элькинд, П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П. С. Элькинд ; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград : Изд-во Ленинградск. ун-та, 1976. – 143 с. – Текст : непосредственный.

243. Юности честное зерцало, или Показаніе къ жітеискому обхожденію, собранное отъ разныхъ авторовъ. – СПб., 1717. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https://historicaldis.ru/blog/43905473318/YUnosti-chestnoe-zertsalo-(1717-g.)?nr=1. – Текст : электронный.

244. Янбухтин, Р. М. Институт полиции : социально-управленческие основы повышения эффективности деятельности : монография / Р. М. Янбухтин ; М-во внутренних дел Российской Федерации, ФГКОУ ВПО Уфимский юрид. ин-т. – Уфа : Уфимский ЮИ МВД РФ, 2012. – 170 с. – Текст : непосредственный.

245. Янбухтин, Р. М. Полиция и общество: технологии взаимодействия и управления : монография / Р.М. Янбухтин , М-во внутренних дел Российской Федерации, ФГКОУ ВПО Уфимский юрид. ин-т. – Уфа : Уфимский ЮИ МВД РФ, 2021. – 88 с. – Текст : непосредственный.

246. Abraham H. J. The Judicial Process : An Introductory Analysis of the Courts of the United States, England and France /H. J. Abraham. – 6th ed. – N. Y. : Oxford University Press. – 1993. – XVI. – Текст : непосредственный.

247. Freckelton, I. R. The trial of the expert: a study of expert evidence and forensic experts / I. R. Freckelton. – Melbourne : Oxford university press. – 1987. – P. 233. – Текст : непосредственный.

248. Luedike, Belcasem and Koc v[ersus] Germany. – 1979. – Series A. – № 29. – Текст : непосредственный.

249. Oldham, J. Trial by jury : the Seventh Amendment and Anglo-American special juries / J. Oldham. – New York : New York University press. – 2006. – P. 353. – Текст : непосредственный.

4. Научные статьи, тезисы и иные публикации в периодических изданиях и сборниках

250. Аксютин, Ю. М. Традиционные имперские правовые институты демократической России (на примере института понятых) / Ю. М. Аксютин. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2011. – № 3. – С. 137–140.

251. Багаутдинов, Ф. Ювенальная юстиция начинается с предварительного следствия / Ф. Багаутдинов. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2002. – № 9. – С. 43–45.

252. Бархутова, В. А. Особенности организации работы помощника судьи по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних / В. А. Бархутова. – Текст : непосредственный // Администратор суда. – 2015. – № 1. – С. 22–29.

253. Бахтадзе, Г. Э. Необходимость наделения стороны защиты правом назначения судебных экспертиз / Г. Э. Бахтадзе. – Текст : непосредственный // Вестник СамГУ. – 2014. – № 11-2(122). – С. 87–94.

254. Бецуков, А. Э. Безопасность участников судопроизводства и подсудность уголовных дел / А. Э. Бецуков, Х. М. Хупсергенов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики России и стран СНГ : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения профессора, доктора юридических наук, заслуженного деятеля высшей школы Юрия Даниловича Лившица. – 2014. – Часть II. Челябинск : Цицеро, 2014. С. 48– 57.

255. Бодяков, В. Н. Особенности использования специальных знаний

при расследовании преступлений в сфере осуществления закупок для обеспечения государственных нужд / В. Н. Бодяков, М. А. Ключникова. – Текст : непосредственный // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4 (53). – С. 17–20.

256. Божьев, В. П. Критика современного УПК РФ: обоснованность, научность, прикладной характер / В. П. Божьев, Б. Я. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 1. – С. 16–22.

257. Бормотова, Л. В. Особенности взаимодействия органов уголовного преследования с гражданами / Л. В. Бормотова. – Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 12. – С. 132–135.

258. Бунова, И. И. Особенности использования специальных знаний переводчиками в уголовном судопроизводстве (на примере Нюрнбергского процесса) / И. И. Бунова. – Текст : непосредственный // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2018. – № 5. – С. 10–12.

259. Буфетова, М. Ш. Актуальные проблемы доказательственной деятельности защитника в российском уголовном судопроизводстве / М. Ш. Буфетова, С. В. Лукошкина. – Текст : непосредственный // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2018. – № 4 (22). – С. 41–53.

260. Васильева, О. М. Статист как участник уголовного судопроизводства / О. М. Васильева. – Текст : непосредственный // Государство и право (Актуальные проблемы современности) : Материалы межвузовской научно-практической конференции посвященной 35-летию Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации: (Ижевск, 24-25 ноября 2005 года) : Сборник. / Отв. ред. А.Р. Усиевич. – Москва : ИЮИ МЮ РФ. – 2006.– С. 138–142.

261. Васина, Е. А. Права и обязанности помощника судьи как важнейший элемент административно-правового статуса / Е. А. Васина. –

Текст : непосредственный // Юридическая наука. – 2013. – № 2. – С. 68–71.

262. Васинцева, Л. М. Исторический путь ювенальной юстиции / Л. М. Васинцева. – Текст : непосредственный // Вестник МГТУ. – 2006. – Т. 9, № 4. – С. 541–546.

263. Васяев, А. А. К вопросу о статусе секретаря судебного заседания / А. А. Васяев. – Текст : непосредственный // Администратор суда. –2007. – № 4. – С. 46-48.

264. Волобуева, Е. А. К вопросу о процессуальном статусе секретаря судебного заседания и помощника судьи как участников уголовного судопроизводства / Е. А. Волобуева. – Текст : непосредственный // Вестник СамГУ. – 2010. – № 3 (77). – С. 229–236.

265. Воробьев, П. Процессуальный статус специалиста : нужны разъяснения Пленума Верховного Суда / П. Воробьев. – Текст : непосредственный // Законность. – 2005. – № 11. – С. 34–36.

266. Выдря, М. М. Расследование уголовного дела – функция уголовного процесса / М. М. Выдря. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. –1980. – № 9. – С. 78–82.

267. Гаврилов, Б. Я. Досудебное производство: вопросы теории и практики / Б. Я. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2019. – № 1. – С. 140–151.

268. Гаврилов, Б. Я. Идеология формирования современного досудебного производства / Б. Я. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 1 (45). – С. 22–28.

269. Гаврилов, Б. Я. Использование специальных знаний в расследовании уголовного дела: проблемы законодательного регулирования / Б. Я. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. – С. 271–275.

270. Гаврилов, Б. Я. Мифы и реалии современного российского

досудебного производства / Б. Я. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 3 (15). – С. 180–190.

271. Гаврилов, Б. Я. Правовое регулирование назначения и производства экспертиз и специальных исследований в стадии возбуждения уголовного дела / Б. Я. Гаврилов. – Текст : непосредственный // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 5. – С. 38–42.

272. Головачук, О. С. Соотношение УПК РФ и других нормативных актов: закон, теория, правовые позиции конституционного суда РФ и судебная практика / О. С. Головачук, А. Д. Прошляков. – Текст : непосредственный // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5. – № 4. – С. 51–57.

273. Головко, Л. В. Принцип in dubio pro duriore и теория неустранимых сомнений, или о пользе изучения швейцарского уголовно-процессуальной доктрины / Л. В. Головко. – Текст : непосредственный // Закон. – 2016. – № 8. – С. 72–84.

274. Гуськова, А. П. К вопросу об уголовно-процессуальной функции следователя / А. П. Гуськова. – Текст : непосредственный // ВЕСТНИК ОГУ. – 2013. – № 3 (152). – С. 59–62.

275. Давлетов, А. А. О значении термина «судопроизводство» в уголовном процессе современной России / А. А. Давлетов. – Текст : непосредственный // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2017. – № 2. – С. 37– 43.

276. Даев, В. Г. Процессуальные функции и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве / В. Г. Даев. – Текст : непосредственный // Известия вузов. Правоведение. – 1974. – № 1. – С. 64–73.

277. Даровских, О. И. К вопросу о средствах, влияющих на достижение эффективности уголовно-процессуальной деятельности / О. И. Даровских. – Текст : непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2021. – Т. 11. – № 6. – С. 133–144.

278. Даровских, О. И. Обеспечение эффективности уголовно-

процессуальной деятельности требует применения системы организационных мер / О. И. Даровских. – Текст : непосредственный // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 1 (32). – С. 76–82.

279. Даровских, О. И. Принцип объективности как средство, обеспечивающее эффективность уголовно-процессуальной деятельности / О. И. Даровских. – Текст : непосредственный // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 2 (29). – С. 109–115.

280. Даровских, С. М. К вопросу о полномочиях помощника судьи как участника уголовного судопроизводства / С. М. Даровских, Е. Н. Бойко. – Текст : непосредственный // Проблемы права. – 2018. – № 4 (68). – С. 76–79.

281. Даровских, С. М. К вопросу о понятии «процессуальные издержки в уголовном судопроизводстве» / С. М. Даровских, З. В. Макарова. – Текст : непосредственный // Проблемы права. – 2020. – № 4 (78). – С. 89–93.

282. Даровских, С. М. К вопросу о соотношении принципа состязательности и положения о равноправии сторон в уголовном судопроизводстве / С. М Даровских, К. А Сергеев. – Текст : непосредственный // Проблемы права. – 2020. – № 1 (75). – С. 64–69.

283. Даровских, С. М. Помощник судьи как участник уголовного судопроизводства / С. М. Даровских. – Текст : непосредственный // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия великой судебной реформы. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 155-летию Судебных Уставов 1864 г., приуроченной к 55-летию Юго-Западного государственного университета. – 2019. – С. 112–116.

284. Даровских, С. М. Помощник судьи как участник уголовного судопроизводства / С. М. Даровских. – Текст : непосредственный // Единство и дифференциация досудебного и судебного производства в уголовном процессе: новые концептуальные подходы в свете наследия великой судебной реформы : сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Курск. – 2019. – С. 112–116.

285. Даровских, С. М. Порядок производства процессуальных действий в стадии возбуждения уголовного дела, требует совершенствования / С. М. Даровских, З. В. Макарова. – Текст : непосредственный // Проблемы права. – 2020. – № 4 (78). – С. 75–79.

286. Диков, Г. Адвокатская тайна в свете практики ЕСПЧ / Г. Диков. – Текст : непосредственный // Адвокатская тайна : сборник материалов. – Москва : Американск. ассоциация юристов, 2011. – С. 45–59.

287. Дьяконова О. Г. Допрос специалиста: нормативное регулирование / О. Г. Дьяконова, Л. В. Лазарева. – Текст : непосредственный // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2021. – № 3 (29). – С. 92–97.

288. Дьяконова, О. Г. Нормативное регулирование ответственности специалиста - участника судопроизводства в государствах-членах ЕАЭС / О. Г. Дьяконова, Л. В. Лазарева. – Текст : непосредственный // Российский юридический журнал. – 2021. – № 2 (137). – С. 87–100.

289. Егорова, Т. З. Уголовно-процессуальные функции по разрешению основного вопроса уголовного дела / Т. З. Егорова, З. З. Зинатуллин. – Текст : непосредственный // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства противодействия преступности : сб. науч. тр., посвящ. памяти Н. В. Бахарева. – Казань. – 2010. – С. 27–33.

290. Епихин, А. Ю. Взаимосвязь уголовно-процессуального и криминалистического механизмов государственной защиты участников производства по уголовному делу / А. Ю. Епихин, А. В. Мишин. – Текст : непосредственный // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 2. – С. 142–144.

291. Епихин, А. Ю. Допрос потерпевшего, свидетеля под псевдонимом в досудебном и судебном производствах (уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты) / А. Ю. Епихин, А. В. Мишин. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2019. – Т. 29. – № 4. С. 480–486.

292. Епихин, А. Ю. Применение видеоконференцсвязи в досудебном производстве как мера безопасности участника следственного действия / А. Ю. Епихин, А. В. Мишин. – Текст : непосредственный // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2022. – Т. 43. – № 3. С. 147–152.

293. Епихин, А. Ю. Прокурор в досудебном уголовном преследовании по делам о преступлениях террористической направленности / А. Ю. Епихин, З. Ш. Гатауллин. – Текст : непосредственный // Современный ученый. –2020. – № 1. – С. 330–333.

294. Ефимичев, С. П. Функции в уголовном судопроизводстве : понятие, сущность, значение / С. П. Ефимичев, П. С. Ефимичев. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2005. – № 7. – С. 56–65.

295. Зайцев, О. А. Реализация международных принципов и стандартов защиты детей - жертв и свидетелей преступлений в уголовно-процессуальном законодательстве России / О. А. Зайцев, А. Ю. Епихин, Е.П. Гришина. – Текст : непосредственный // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – № 6 (85). – С. 20–33.

296. Зайцева Е.А. Опосредованное познание в творческом наследии Семена Абрамовича Шейфера // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5. – № 4. – С. 15–22.

297. Зайцева, Е. А. Некоторые проблемы применения специальных познаний в состязательном уголовном судопроизводстве (к юбилею Ахтяма Ахатовича Давлетова) / Е.А. Зайцева. – Текст : непосредственный // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 4 (28). – С. 18–23.

298. Зайцева, Е. А. Образцы для сравнительного исследования: процессуальные и методические проблемы получения и использования / Е. А. Зайцева, Н. Н. Шведова. – Текст : непосредственный // Судебная экспертиза. – 2022. – № 4 (72). – С. 19–31.

299. Зайцева, Е. А. Получение образцов для сравнительного

исследования: теоретические, нормативные и правоприменительные проблемы / Е.А. Зайцева. – Текст : непосредственный // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2021. – № 4 (34). – С. 17–29.

300. Зайцева, Е. А. Спорные аспекты идентификации процессуального статуса педагога и психолога в уголовном судопроизводстве / Е. А. Зайцева. – Текст : непосредственный // Судебная экспертиза. – 2019. – № 1 (57). – С. 5–18.

301. Иванова, Ж. Б. Роль помощника судьи в повышении авторитета судебной власти / Ж. Б. Иванова. – Текст : непосредственный // Администратор суда. – 2016. – № 3. – С. 20–23.

302. Каменский, А. Б. Екатерина II / А. Б. Каменский. – Текст : непосредственный // Вопросы истории. – 1989. –№ 3. – С. 63–88.

303. Караева, А. А. Понятие и основные принципы правосудия в Российской Федерации / А. А. Караева. – Текст : непосредственный // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9. – № 2 (31). – С. 355–358.

304. Кобец, П. Н. Противодействие угрозам киберсталкинга – важнейшей проблеме, исследуемой в рамках совершенствования аспектов информационной безопасности регионов в условиях глобализации информационного пространства / П. Н. Кобец. – Текст : непосредственный // Вестник Прикамского социального института. – 2017. – № 1 (76). – С. 27–35.

305. Корнакова, С. В. Применение согласительных процедур в странах СНГ : сравнительно-правовой анализ / С. В. Корнакова, Е. В. Мищенко, В. В. Мишин. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 4 (113). – С. 176–186.

306. Королев, Г. Н. Единство и дифференциация функции уголовного преследования / Г. Н. Королев. – Текст : непосредственный // Законность. – 2007. – № 9. – С. 5–7.

307. Корухов, Ю. Г. Экспертные и неэкспертные трасологические исследования в уголовном процессе / Ю. Г. Корухов. – Текст : непосредственный // Проблемы трасологических исследований : сб. науч. тр. – Москва, 1978. – Вып. 35. – С. 3–105.

308. Красильников, А. В. О некоторых проблемах нормативно-правового регулирования уголовно-процессуальных отношений / А. В. Красильников. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2013. – № 21. – С. 19–21.

309. Кузнецов, О. Ю. Международно-правовая практика обеспечения прав лиц, не владеющих языком судопроизводства страны, осуществляющей правосудие (по материалам Европейского суда по правам человека) / О. Ю. Кузнецов. – Текст : непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс : научно-практическое и информационное издание. – 2010. – № 3. – С. 15–20.

310. Лазарева, В. А. Влияние состязательности уголовного судопроизводства на понятия теории доказательств / В. А. Лазарева . – Текст : непосредственный // Юридический аналитический журнал. – Самара : Изд-во Самарск. ун-та. – 2006. – № 1. – С. 14–19.

311. Лазарева, В. А. Концепция формирования доказательств в свете состязательности уголовного судопроизводства / В. А. Лазарева. – Текст : непосредственный // Военно-юридический вестник Поволжского региона. – Самара, 2006. – С. 112–119.

312. Лазарева, Л. В. Использование специальных знаний в условиях цифровизации уголовного судопроизводства / Л. В. Лазарева. – Текст : непосредственный // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 4 (57). – С. 79–84.

313. Лазарева, Л. В. К вопросу о доказательности экспертных выводов / Л. В. Лазарева, С. В. Покровский. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 4 (125). – С. 152–159.

314. Лазарева, Л. В. О проблемах формирования выводов судебного эксперта / Л. В. Лазарева, С. В. Покровский. – Текст : непосредственный // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2020. – № 3 (25). – С. 99–103.

315. Лазарева, Л. В. Процессуальные проблемы разграничения

судебной экспертизы и предварительных исследований / Л. В. Лазарева, О. Г. Дьяконова. – Текст : непосредственный // Вестник Владимирского юридического института. – 2021. – № 2 (59). – С. 84–89.

316. Лазарева, Л. В. Участие специалиста в правоприменительной деятельности по уголовным делам / Л. В. Лазарева. – Текст : непосредственный // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 1 (54). – С. 91–95.

317. Лазарева, Л. В. Формы специальных знаний, используемых на стадии исполнения приговора: проблемы и тенденции в правоприменительной практике / Л.В. Лазарева, Е. В. Иванова. – Текст : непосредственный // Вестник Владимирского юридического института. – 2022. – № 1 (62). – С. 85–90.

318. Латыпов, В. С. Киносъемка лицами, оказывающими содействие правосудию как способ фиксации доказательств в современном уголовном процессе России / В. С. Латыпов. – Текст : непосредственный // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – № 1 (39). – С. 113–118.

319. Латыпов, В. С. Секретарь судебного заседания как иной участник уголовного судопроизводства / В. С. Латыпов. – Текст : непосредственный // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 2 (36). – С. 132–135.

320. Латыпов, В. С. Статист как иной субъект (участник) уголовно-процессуальной деятельности / В. С. Латыпов, Ж. В. Салахова. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2013. – № 6. – С. 151–153.

321. Лобанов, Е. В. Понятие процессуальных издержек в уголовном процессе России / Е. В. Лобанов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2009. – № 3. – С. 415–418.

322. Макаренко, И. А. Проблемы участия педагога и психолога в процессе расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних /

И. А. Макаренко. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2007. – № 13. – С. 5–7.

323. Макаров, Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (круглый стол) / Т. Макаров. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2019. – № 6. – С. 3–14.

324. Малахова, Л. И. Иммунитеты и привилегии в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: к вопросу о соотношении понятий / Л. И. Малахова. – Текст : непосредственный // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 2. – С. 7–12.

325. Малько, А. В. Правовой иммунитет : теоретические и практические аспекты / А. В. Малько, С. Ю. Суменков. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2002. – № 2. – С. 16–24.

326. Мамай, В. И. Участие специалиста в процессуальных действиях / В. И. Мамай. – Текст : непосредственный // Администратор суда. – 2009. – № 4. – С. 31–34.

327. Марковичева, Е. В. Процессуальное положение педагога в Российском уголовном судопроизводстве / Е. В. Марковичева. – Текст : непосредственный // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : материалы Всероссийской конференции. – Орел, 2015. – С. 224–228.

328. Марфицин, П. Г. Термин «иные» в уголовно-процессуальном законодательстве / П. Г. Марфицин. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 2. – С. 96–102.

329. Медведев, С.В. О несовершенстве правового регулирования участия переводчика в уголовном судопроизводстве / С. В. Медведев. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2017. – № 11. – С. 33–36.

330. Мищенко, Е. В. Обоснованность и мотивированность применения особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / Е. В. Мищенко, С. В. Корнакова, В. В. Мишин.

– Текст : непосредственный // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 2 (56). – С. 44–52.

331. Мищенко, Е. В. Обоснованность и мотивированность принятия решения о прекращении уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием / Е. В. Мищенко, С. В. Корнакова, В. В. Мишин. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 452. – С. 239–245.

332. Мищенко, Е. В. Принципы судебного примирения, медиации и арбитража: сравнительно-правовой аспект / Е. В. Мищенко, Т. В. Летута. – Текст : непосредственный // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 2 (110). – С. 4–14.

333. Новиков, С. А. Досудебное соглашение о сотрудничестве как основание для выделения уголовного дела / С. А. Новиков. – Текст : непосредственный // Российский судья. – 2012. – № 11. – С. 21–24.

334. Овсянников И. Дискуссиям о заключении специалиста 10 лет / И. Овсянников. – Текст : непосредственный // Законность. – 2015. – № 2. – С. 48 – 51.

335. Панокин, А. М. Порядок рассмотрения сообщения о преступлении в уголовном процессе / А. М. Панокин. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 11. – С. 1461–1465.

336. Пашутина, О. С. Актуальные вопросы правовой регламентации участия специалиста при производстве по уголовным делам / О. С. Пашутина. – Текст : непосредственный // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 1. – С. 23–26.

337. Пешков, М. А. Участие понятых в некоторых следственных действиях в уголовном процессе Российской Федерации стало необязательным / М.А. Пешков. – Текст : непосредственный // Новый юридический журнал. – 2013. – № 3. – С. 162–167.

338. Попов, А. П. Развитие состязательных начал досудебного производства в доктринальной модели доказательственного права Российской

Федерации / А. П. Попов, И. А. Зинченко. – Текст : непосредственный // Общество и право. – 2016. – № 3 (57). – С. 118–123.

339. Попов, А. П. Секретарь судебного заседания : проблемы правового регулирования / А. П. Попов. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 4. – С. 203–207.

340. Результаты изучения общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Профессионал. – 2010. – № 1. – Текст : непосредственный

341. Решняк, М. Свидетельский иммунитет – особый вид привилегий / М. Решняк. – Текст : непосредственный // ЭЖ-Юрист. – 2011. – № 16. – С. 1, 4.

342. Роганов, С. А. Институт понятых в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан / С. А. Роганов, Т. Л. Роганова. – Текст : непосредственный // Уголовное судопроизводство России : проблемы и перспективы развития : материалы Всероссийской научно-практической конференции Санкт-Петербург, 24 ноября 2017 г. – Санкт-Петербург : Изд-во СПб ун-та МВД России. – 2017.– С. 231–232.

343. Россинский, С. Б. Понятие и сущность следственных действий в уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается / С. Б. Россинский. – Текст : непосредственный // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2. – С. 16–31.

344. Руденко, А. В. Определение цели доказывания по характеру процессуальной функции субъекта / А. В. Руденко. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – Москва : Медиа-ВАК. – 2011. – № 3. – С. 247–248.

345. Русман, Г. С. Отдельные вопросы примирения с потерпевшим как формы реализации поощрения в уголовном процессе / Г. С. Русман, М. А. Горбатова. – Текст : непосредственный // Проблемы права. – 2022. – № 3 (86). – С. 80–86.

346. Русман, Г. С. Признание вины как условие применения альтернативных мер в уголовном судопроизводстве / Г. С. Русман. – Текст :

непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – Т. 22. – № 4. – С. 49–55.

347. Русман, Г. С. Роль правового поощрения в повышении эффективности уголовного судопроизводства / Г. С. Русман. – Текст : непосредственный // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8. – № 2. – С. 54–59.

348. Рыжаков, А. П. Аудиопротоколирование, помощник судьи и другие новеллы Федерального закона от 29 июля 2018 года № 228-ФЗ / А. П. Рыжаков. – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс».

349. Рылова, Э. Жизнь и смерть «казанского феномена» / Э. Рылова. – Текст : электронный ресурс // Компромат : сайт [Электронный ресурс]. URL: compromat.ru

350. Семенов, В. В. Участие специалиста-психолога в производстве допроса / В. В. Семенов. – Текст : непосредственный // Российский следователь. – 2008. – № 7. – С. 8–11.

351. Сорокопуд, А. В. Помощник судьи в российском гражданском (арбитражном) процессе : проблемы формирования правового статуса / А. В. Сорокопуд. – Текст : непосредственный // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 5. – С. 47–53.

352. Тарасов, А. А. Привлечение специалиста в современной адвокатской практике по уголовным делам / А. А. Тарасов. – Текст : непосредственный // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 46–53.

353. Тарасова, Н. В. Причинный комплекс преступности в России периода реформ 90-х годов / Н. В. Тарасова. – Текст : непосредственный // Вестник Брянского госуниверситета. – 2008. – № 2. – С. 150–154.

354. Темираев, О. Компетенция специалиста/ О. Темираев. – Текст : непосредственный // Законность. – 2005. – № 6. – С. 39–40.

355. Трефилов, А. А. Военный уголовный процесс Швейцарии : доказывание, следственные действия, меры принуждения, предварительное

производство / А. А. Трефилов. – Текст : непосредственный // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 2. – С. 111–118.

356. Фадеев, П. В. Основные виды правовой помощи в уголовном судопроизводстве / П. В. Фадеев. – Текст : непосредственный // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 352–358.

357. Фадеев, П. В. Особенности участия лиц, не являющихся субъектами уголовного судопроизводства, в оказании правовой помощи личности / П. В. Фадеев. – Текст : непосредственный // Вестник экономической безопасности. – 2019. – № 2. – С. 153–160.

358. Фадеев, П. В. Правовая помощь участникам уголовного судопроизводства как доктринальная категория российского и зарубежного уголовно-процессуального права / П. В. Фадеев. – Текст : непосредственный // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2021. – № 5. – С. 6–9.

359. Фадеев, П. В. Собирание и представление доказательств как средство оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве / П. В. Фадеев. – Текст : непосредственный // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 2. – С. 44–48.

360. Фадеев, П. В. Типология субъектов правовой помощи в уголовном судопроизводстве / П. В. Фадеев. – Текст : непосредственный // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 4 (75). – С. 33–37.

361. Хитрова, О. В. Некоторые аспекты участия понятых в стадии предварительного расследования / О. В. Хитрова. – Текст : непосредственный // Процессуальные и криминалистические проблемы производства по уголовным делам. Сборник научных трудов. – Москва : Изд-во Акад. МВД России, 1995. – С. 37–43.

362. Чарыков, А. В. Новые поправки в УПК РФ о специалисте / А. В. Чарыков, П. В. Вдовцев. – Текст : непосредственный // Российский

следователь. – 2017. – № 18. – С. 45–48.

363. Челышева О.В. Проблемы применения уголовно-процессуальных норм об участии специалиста в процессуальных действиях при производстве предварительного расследования / О.В. Челышева, А.В. Шахматов. – Текст : непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2021. – Т. 31. – № 3. – С. 522–527.

364. Шейфер, С. А. Следственные действия – правомерны ли новые трактовки? / С. А. Шейфер. – Текст : непосредственный // Lex Russica. – 2015. – № 10. – С. 115–127.

365. Шестакова, С. Д. Лицо, в отношении которого дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, как участник уголовного процесса : проблемы правового регулирования / С. Д. Шестакова, Д. Н. Стацюк. – Текст : непосредственный // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2 (60). – С. 20–25.

366. Шимановский, В. В. К вопросу о процессуальной функции следователя в советском уголовном процессе / В. В. Шимановский. – Текст : непосредственный // Правоведение. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. – 1965. – № 2. – С. 175 – 178.

367. Юдина, Т. Ф. Особенности формирования правосознания российского общества в дореволюционный период / Т. Ф. Юдина. – Текст : непосредственный // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования : сб. науч. ст. Вып. 2 / под ред. А. А. Напресенко ; Федер. Агенство по образованию. – Самара : Изд-во «Самарский университет». – 2006. – С. 18–21.

368. Якушев, В. С. О понятии правового института / В. С. Якушев. – Текст : непосредственный // Правоведение. – 1970. – № 6. – С. 61 – 67.

369. Hand, L. Historical and practical considerations regarding expert / L. Hand. – Текст : непосредственный // Making of the modern law print editions. Legal Treatises, 1800-1926. – USA. Reprinted from the Albany Medical Annals,

November.– 1900.

370. In the case of Luedicke, Belkacem and Koc // European Human Rights Report [Bound volumes] : European Law Centre: В 34-х тт. – London : Sweet & Maxwell, 1979-2002. – Vol. 2. – 1979, Act № 29. – Текст : непосредственный.

5. Диссертации и авторефераты диссертаций

371. Абрамов, Б. А. Проблемы соотношения прокурорского надзора, ведомственного и судебного контроля обеспечения безопасности личности в современном российском уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Абрамов Александр Борисович. – Москва, 2013. – 175 с. – Текст : непосредственный.

372. Адаменко, И. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Адаменко Игорь Евгеньевич. – Нижний Новгород, 2018. – 449 с. – Текст : непосредственный.

373. Азарёнок, Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Азарёнок Николай Васильевич. – Омск, 2021. – 547 с. – Текст : непосредственный.

374. Аминев, Ф. Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения : специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Аминев Фарит Гизарович. – Ростов-на-Дону, 2016. – 482 с. – Текст : непосредственный.

375. Арутюнян, А. А. Медиация в уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная

деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Арутюнян Анна Аветиковна. – Москва, 2012. – 262 с. – Текст : непосредственный.

376. Афонин, В. К. Правовое и организационное обеспечение участия понятых в досудебном производстве по уголовным делам : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Афонин Владислав Константинович. – Люберцы, 2012. – 204 с. – Текст : непосредственный.

377. Ахматов, И. И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ахматов Иван Игоревич. – Екатеринбург. 2017. – 264 с. – Текст : непосредственный.

378. Багаутдинов, К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве : актуальные проблемы оптимизации механизма реализации и совершенствования процессуального статуса его участников : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Багаутдинов Камиль Флерович. – Нижний Новгород, 2020. – 31 с. – Текст : непосредственный.

379. Бажанов, С. В. Стоимость уголовного процесса : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Бажанов Станислав Васильевич. – Нижний Новгород. 2002. – 585 с. – Текст : непосредственный.

380. Баранова, М. А. Свидетель в системе уголовно-процессуальных правоотношений : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Баранова Марина Александровна. – Саратов. 2005. – 209 с. – Текст :

непосредственный.

381. Басова, О. О. Участие помощника судьи в уголовном судопроизводстве: концептуальный подход : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Басова Оксана Олеговна. – Саратов. 2018. – 237 с. – Текст : непосредственный.

382. Бахновский, А. В. «Сделка с правосудием»: особенности англосаксонской и континентальной правовой традиции : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бахновский Александр Викторович. – Краснодар. 2008. – 172 с. – Текст : непосредственный.

383. Бобков, Я. И. Уголовно-процессуальный статус лиц, в отношении которых применяются меры государственной защиты и безопасности : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бобков Ян Игоревич. – Москва, 2015. – 193 с. – Текст : непосредственный.

384. Божьев, В. П. Уголовно-процессуальные правоотношения : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Божьев Вячеслав Петрович. – Москва, 1994. – 40 с. – Текст : непосредственный.

385. Болотин, С. В. Орган дознания в системе уголовно-процессуальных отношений : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Болотин Сергей Владимирович. – Москва, 1990. – 205 с. – Текст : непосредственный.

386. Брусницын, Л. В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная

экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Брусницын Леонид Владимирович. – Москва, 2002. – 520 с. – Текст : непосредственный.

387. Ванин, Д. В. Функциональное назначение деятельности следователя и его полномочия в состязательном уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ванин Дмитрий Владимирович. – Саратов, 2003. – 201 с. – Текст : непосредственный.

388. Волосова, Н. Ю. Уголовно-процессуальный институт свидетельского иммунитета: теория, законодательное регулирование и практика : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Волосова Нонна Юрьевна. – Москва, 2015. – 426 с. – Текст : непосредственный.

389. Герасимова, Т. Ю. Проблемы реализации принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Герасимова Татьяна Юрьевна. – Краснодар, 2017. – 195 с. – Текст : непосредственный.

390. Гирько, С. И. Уголовно-процессуальные функции милиции (теоретические, правовые и прикладные проблемы) : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Гирько Сергей Иванович. – Москва, 2004. – 55 с. – Текст : непосредственный.

391. Гусев, А. В. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы использования специальных познаний в ходе предварительного расследования : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гусев Алексей

Васильевич. – Волгоград, 2002. – 231 с. – Текст : непосредственный.

392. Гусева, Н. Н. Процессуальное обеспечение безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гусева Наталья Николаевна. – Москва, 2018. – 31 с. – Текст : непосредственный.

393. Гусева, Н. Н. Процессуальное обеспечение безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гусева Наталья Николаевна – Москва, 2018. – 195 с. – Текст : непосредственный.

394. Гуськова, А. В. Функция переводчика в уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Гуськова Анна Вячеславовна. – Нижний Новгород. 2018. – 336 с. – Текст : непосредственный.

395. Демкина, М. С. Педагог (психолог) как участник уголовного судопроизводства: досудебный этап : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Демкина Мария Сергеевна. – Самара, 2018. – 242 с. – Текст : непосредственный.

396. Дмитриева, А. А. Теоретическая модель безопасного участия личности в российском уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Дмитриева Анна Александровна. – Москва, 2016. – 474 с. – Текст : непосредственный.

397. Дудин, А. П. Категория «правоотношение» - центральная в марксистской науке права : специальность 12.00.01 «Теория и история государства и права; история политических и правовых учений» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Дудин Анатолий Павлович. – Саратов, 1984. – 45 с. – Текст :

непосредственный.

398. Епихин, А. Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Епихин Александр Юрьевич. – Сыктывкар, 2005. – 460 с. – Текст : непосредственный.

399. Забуга, Е. Е. Медиация как альтернативная форма уголовного преследования несовершеннолетних : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Забуга Евгений Евгеньевич. – Омск, 2014. – 28 с. – Текст : непосредственный.

400. Зайцев, Е. О. Государственная защита анонимного свидетеля в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Зайцев Евгений Олегович. – Москва, 2016. – 212 с. – Текст : непосредственный.

401. Зайцев, О. А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Зайцев Олег Александрович. – Москва, 1999. – 446 с. – Текст : непосредственный.

402. Зайцева, Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Зайцева Елена Александровна. – Москва, 2008. – 741 с. – Текст : непосредственный.

403. Зайцева, Е. А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Зайцева Елена Александровна. – Москва, 2008. – 52 с. – Текст : непосредственный.

404. Иванова, Е. В. Концептуальные основы использования специальных знаний при выявлении и расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами : специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Иванова Елена Вячеславовна. – Коломна, 2016. – 468 с. – Текст : непосредственный.

405. Климанова, О. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Климанова Ольга Валериевна. – Самара, 2017. – 296 с. – Текст : непосредственный.

406. Колодко, В. В. Уголовно-процессуальная функция расследования : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Колодко Владимир Владимирович. – Челябинск, 2013. – 21 с. – Текст : непосредственный.

407. Копылов, А. В. Нравственные основы осуществления особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Копылов Алексей Васильевич. – Саратов, 2020. – 31 с. – Текст : непосредственный.

408. Королев, Г. Н. Теоретические и правовые основы осуществления прокурором уголовного преследования в российском уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации на

соискание ученой степени доктора юридических наук / Королев Геннадий Николаевич. – Нижний Новгород, 2005. – 60 с. – Текст : непосредственный.

409. Кривых, Н. Н. Особенности использования специальных знаний об инициаторах горения при расследовании преступлений, связанных с поджогами : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Кривых Николай Николаевич. – Волгоград, 2007. – 180 с. – Текст : непосредственный.

410. Кубранмагомедов, Т. К. Государственная защита потерпевших при производстве в суде первой инстанции в уголовном процессе России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Курбанмагомедов Тимур Курбанмагомедович. – Махачкала, 2011. – 181 с. – Текст : непосредственный.

411. Лазарева, Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лазарева Лариса Владимировна. – Б. м., 2011. – 470 с. – Текст : непосредственный.

412. Латыпов, В. С. Иные участники уголовного судопроизводства : проблемы теории, нормативного регулирования и практики : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Латыпов Вадим Сагитьянович. – Челябинск, 2013. – 226 с. – Текст : непосредственный.

413. Ломакина, Е. В. Актуальные вопросы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ломакина Елена Валентиновна. – Оренбург, 2006. – 174 с. –

Текст : непосредственный.

414. Лоскутова, Т. А. Свидетель и его показания в уголовном процессе Англии и США : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Лоскутова Татьяна Аркадьевна. – Москва, 2005. – 222 с. – Текст : непосредственный.

415. Махов, В. Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Махов Вадим Николаевич. – Москва, 1993. – 389 с. – Текст : непосредственный.

416. Макеев, А. В. Свидетель в уголовном судопроизводстве России: становление и тенденции развития процессуального института : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Макеев Алексей Васильевич. М., 2005. – 189 с. – Текст : непосредственный.

417. Мацун, Е. А. Процессуальное положение специалиста в уголовном судопроизводстве России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мацун Евгения Александровна. – Челябинск, 2013. – 23 с. – Текст : непосредственный.

418. Мигунов, А. К. Применение специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых в банковской системе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мигунов Анатолий Константинович. – Москва, 2006. – 282 с. – Текст : непосредственный.

419. Милицин, С. Д. Предмет регулирования советского уголовно-процессуального права : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс;

криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Милицин Сергей Дмитриевич. – Свердловск, 1988. – 214 с. – Текст : непосредственный.

420. Отчерцова, О. В. Проблемы реализации принципа состязательности в деятельности адвоката-защитника на стадии предварительного расследования : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Отчерцова Ольга Викторовна. – Москва, 2017. – 248 с. – Текст : непосредственный.

421. Попов, А. И. Актуальные проблемы использования специальных знаний эксперта и специалиста в разрешении конфликтов и конфликтных ситуаций в ходе предварительного расследования : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Попов Алексей Игоревич. – Калининград, 2009. – 190 с. – Текст : непосредственный.

422. Прошляков, А. Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Прошляков Алексей Дмитриевич. – Екатеринбург, 1997. – 271 с. – Текст : непосредственный.

423. Прыткова, Е. В. Обеспечение безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, на стадии предварительного расследования: уголовно-процессуальные и тактико-криминалистические аспекты : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс», 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Прыткова Евгения Викторовна. – Санкт-Петербург, 2015. – 24 с. – Текст : непосредственный.

424. Прыткова, Е. В. Обеспечение безопасности подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, на стадии предварительного расследования: уголовно-процессуальные и тактико-

криминалистические аспекты : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс», 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Прыткова Евгения Викторовна. – Санкт-Петербург, 2015. – 209 с. – Текст : непосредственный.

425. Романов, С. В. Понятие, система и взаимодействие процессуальных функций в российском уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Романов Станислав Владимирович. – Москва, 2007. – 33 с. – Текст : непосредственный.

426. Ружицкая, И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук / Ружицкая Ирина Владимировна. – Москва, 2011. – 461 с. – Текст : непосредственный.

427. Рытькова, В. Ю. Правовое регулирование процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Рытькова Виолетта Юрьевна. – Калининград, 2007. – 197 с. – Текст : непосредственный.

428. Садовский, А. И. Проблемы формирования доказательств следователем с использованием специальных познаний и технических средств : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Садовский Александр Иванович. – Волгоград, 2013. – 239 с. – Текст : непосредственный.

429. Самутичева, Е. Ю. Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе (сравнительно-правовое исследование) : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата

юридических наук / Самутичева Екатерина Юрьевна. – Москва, 2015. – 189 с. – Текст : непосредственный.

430. Селина, Е. В. Применение специальных познаний в российском уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Селина Елена Викторовна. – Краснодар, 2003. – 356 с. – Текст : непосредственный.

431. Сердюков, А. В. Использование специальных знаний при раскрытии и расследовании умышленного причинения вреда здоровью : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сердюков Александр Валериевич. – Москва, 2006. – 234 с. – Текст : непосредственный.

432. Серов, В. А. Использование научно-технических познаний и средств в доказывании по уголовным делам : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; судоустройство; прокурорский надзор; криминалистика» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Серов Виктор Александрович. – Москва, 1979. – 209 с. – Текст : непосредственный.

433. Сидорчук, М. В. Систематизация законодательства России в 1826-1832 гг. : специальность 12.00.01 «Теория и история государства и права; история политических и правовых учений» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сидорчук Марина Викторовна. – Ленинград, 1983. – 189 с. – Текст : непосредственный.

434. Скрипилев, Г. А. Применение, изменение и отмена мер безопасности участников российского уголовного судопроизводства : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Скрипилев Григорий Алексеевич. – Москва, 2013. – 198 с. – Текст : непосредственный.

435. Стацюк, Д. Н. Процессуальное положение лица, с которым

заключено досудебное соглашение о сотрудничестве : специальность 5.1.4. «Уголовно-правовые науки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Стацюк Денис Николаевич. – Санкт-Петербург, 2022. – 25 с. – Текст : непосредственный.

436. Сторожева, А. Н. Понятой в российском уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сторожева Анна Николаевна. – Красноярск, 2006. – 177 с. – Текст : непосредственный.

437. Строганова, Т. Ю. Уголовно-правовые аспекты института досудебного соглашения о сотрудничестве : специальность 5.1.4. «Уголовно-правовые науки» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Строганова Татьяна Юрьевна. – Екатеринбург, 2022. – 23 с. – Текст : непосредственный.

438. Сугробов, Д. А. Суд как субъект уголовно-процессуальных правоотношений : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сугробов Денис Александрович. – Владимир. 2005. – 231 с. – Текст : непосредственный.

439. Суколенко, Е. А. Суд как субъект уголовно-процессуальных правоотношений в досудебном уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Суколенко Екатерина Александровна. – Ростов-на-Дону. 2011. – 203 с. – Текст : непосредственный.

440. Телегина, Т. Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная

деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Телегина Татьяна Дмитриевна. – Москва, 2008. – 204 с. – Текст : непосредственный.

441. Терегулова, А. А. Правовое положение подозреваемого в уголовном процессе России : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Терегулова Антонина Александровна. – Челябинск. 2008. – 238 с. – Текст : непосредственный.

442. Тетюев, С. В. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого в стадии предварительного расследования (процессуальный аспект) : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тетюев Станислав Владимирович. – Челябинск, 2006. – 299 с. – Текст : непосредственный.

443. Тисен, О. Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Тисен Ольга Николаевна. – Оренбург, 2017. – 62 с. – Текст : непосредственный.

444. Томин, В. Т. Взаимодействие органов внутренних дел с населением : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; судоустройство; прокурорский надзор; криминалистика» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Томин Валентин Тимофеевич. – Москва, 1983. – Текст : непосредственный.

445. Томин, В. Т. Участие трудящихся в расследовании преступлений органами охраны общественного порядка : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; судоустройство; прокурорский надзор; криминалистика» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических

наук / Томин Валентин Тимофеевич. – Москва, 1965. – 14 с. – Текст : непосредственный.

446. Трегубов, В. В. Использование специальных знаний при расследовании неосторожных преступлений, связанных со взрывами на объектах промышленности, транспорта, сельского и коммунального хозяйства : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Трегубов Валерий Викторович. – Москва, 2006. – 231 с. – Текст : непосредственный.

447. Трифонова, Н. А. Специальные знания в раскрытии и расследовании корыстно-насильственных преступлений хозяйства : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Трифонова Наталья Алексеевна. – Иркутск, 2006. – 195 с. – Текст : непосредственный.

448. Тябина, Ю. А. Уголовно-процессуальные правоотношения в стадии исполнения приговора : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Тябина Юлия Александровна. – Рязань, 2016. – 206 с. – Текст : непосредственный.

449. Фадеев, П. В. Правовая помощь участникам уголовного судопроизводства : теоретические и правовые основы, перспективы совершенствования : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Фадеев Павел Владимирович. – Москва, 2021. – 50 с. – Текст : непосредственный.

450. Харитонов, И. В. Уголовно-процессуальные меры безопасности, применяемые в отношении потерпевшего в досудебных стадиях : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой

степени кандидата юридических наук / Харитонов Игорь Владимирович. – Москва, 2010. – 186 с. – Текст : непосредственный.

451. Чеботарева, И. Ю. Уголовно-процессуальная функция контроля в иерархической системе иных конкурирующих функций, осуществляемых должностными лицами государственных органов в досудебном производстве : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Чеботарева Ирина Юрьевна.– Челябинск, 2016. – 218 с. – Текст : непосредственный.

452. Шаевич, А. А. Особенности использования специальных знаний в сфере компьютерных технологий при расследовании преступлений : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шаевич Антон Александрович. – Иркутск, 2007. – 195 с. – Текст : непосредственный.

453. Шапиро, Л. Г. Специальные знания в уголовном судопроизводстве и их использование при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Шапиро Людмила Геннадьевна. – Саратов, 2008. – 497 с. – Текст : непосредственный.

454. Шарун, В. В. Организационно-тактические особенности производства отдельных следственных действий с участием понятых : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шарун Владимир Владимирович. – Калининград, 2007. – 187 с. – Текст : непосредственный.

455. Шестакова, С. Д. Генезис метода российского уголовно-процессуального права в условиях конвергенции и дивергенции англосаксонской и континентальной правовых систем (теоретико-правовое исследование) : : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика

и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Шестакова Софья Дмитриевна. – Санкт-Петербург, 2004. – 388 с. – Текст : непосредственный.

456. Ширванов, А. А. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание возвращения дел для дополнительного расследования : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ширванов Алексей Амирбекович. – Москва, 1999. – 219 с. – Текст : непосредственный.

457. Ширкин, А. А. Медиация как направление развития института примирения в уголовном процессе Российской Федерации : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ширкин Антон Александрович – Люберцы. 2015. – 30 с. – Текст : непосредственный.

458. Эдилова, П. В. Соглашение о сотрудничестве с обвинением в уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Эдилова Петимат Висхановна. – Москва, 2017. – 27 с. – Текст : непосредственный.

459. Эдилова, П. В. Соглашение о сотрудничестве с обвинением в уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Эдилова Петимат Висхановна. – Москва, 2017. – 245 с. – Текст : непосредственный.

460. Юнусов, А. А. Обережение участников уголовного процесса и их ближних : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Юнусов Ахат Ахнафович. – Нижний Новгород, 1998. – 168 с. – Текст : непосредственный.

6. Материалы к законопроектам

461. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления порядка участия лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, в уголовном деле в отношении соучастников преступления : проект Федерального закона № 75674-7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://asozd.duma.gov.ru. – Текст : электронный.

462. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с реализацией Концепции развития сети служб медиации до 2017 года в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе, совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации: проект Федерального закона (подготовлен Минюстом России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 07.08.2017). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://regulation.gov.ru/ по состоянию на 19.10.2021. – Текст : электронный.

463. О внесении изменений в УПК РФ (по вопросу совершенствования порядка досудебного соглашения о сотрудничестве) : проект Федерального закона № 812345-6 // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

464. О законопроекте № 75674-7 «О внесении изменений в УПК РФ в части порядка участия лица, с которым заключено соглашение о сотрудничестве, в деле в отношении соучастников преступления» (письмо Ю.С. Пилипенко от 30 января 2017 г. В.В. Володину) // Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – 2017. – № 1 (56). – С. 96–102. – Текст : непосредственный.

465. О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : проект федер. закона № 306504-6 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». – Текст : электронный.

466. О Федеральном законе «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросу совершенствования порядка судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (проект № 812345-6): постановление ГД ФС РФ от 21 июня 2016 г. № 9324-6 ГД // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 27 (ч. 2), ст.4311. – Текст : непосредственный.

7. Электронные источники, интернет-ресурсы

467. America's Founding Documents. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.archives.gov/founding-docs. – Текст : электронный.

468. В Кирове завели дело против судмедэксперта по делу «пьяного» мальчика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5dce53389a7947a6ed98909f. – Текст : электронный.

469. Вопрос-ответ // МВД России: официальный сайт. 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mvd.ru. – Текст : электронный.

470. Дело «Lejzor Teper V. The Queen». 1952. № 47. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://caselawyer.blogspot.ru/2013/05/lejzor-teper-v-queen-1952-ac-480.html. – Текст : электронный.

471. Дело «пьяного мальчика»: сколько дали эксперту [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/2019/05/21/12367207.shtml. – Текст : электронный.

472. Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru,16.01.2015. – Текст : электронный.

473. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980. – Текст : электронный.

474. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. Том 2.[Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ist_roszac_ii/ist_roszac_ii_1550.htm. – Текст : электронный.

475. Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-26012017-n-8-apu16-8. – Текст : электронный.

476. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека, 10 дек. 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/62285. – Текст : электронный.

477. Количество безработных в России в 2022 году [Электронный ресурс]. URL: https://gogov.ru/articles/unemployment-rate. – Текст : электронный.

478. Краткое изображение процессов или судебных тяжб 1715 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pandia.ru/text/77/496/872760761.php. – Текст : электронный.

479. Манифест Александра II об «освобождении» крестьян. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.domarchive.ru/history/general-help/53. – Текст : электронный.

480. Медведев, Д. А. Институт понятых – рудимент прошлого / Д. А. Медведев // Эхо Москвы, 27 октября 2011 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://echo.msk.ru/blog/echomsk/824559-echo. – Текст : электронный.

481. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – Режим доступа: URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79. – Текст : электронный.

482. Пространная Русская Правда (по Троицкому списку второй половины XIV в.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://studfiles.net/preview/5814012/page:3.

483. Псковская судная грамота (перевод). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studfiles.net/preview/2094476. – Текст : электронный.

484. Путин, В.В. Расширенное заседание коллегии МВД России 2021 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090. – Текст : электронный.

485. Путин, В. В. Выступление на совещании руководителей республиканских, краевых и областных судов 24 января 2000 года / В. В. Путин // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts. – Текст : электронный.

486. Русская правда в краткой редакции (с переводом). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://studfiles.net/preview/6208594. – Текст : электронный.

487. Сводъ законовъ Россiйской Имперiи издание 1857 года. Том пятнадцатый. Законы уголовные. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.runivers.ru/upload/iblock/c02/15.pdf. – Текст : электронный.

488. Соборное уложение 1649 года. М., Изд-во Моск. ун-та, 1961. Выверено по изданию: М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов.[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm#6. – Текст : электронный.

489. Судебник Ивана III 1497 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ege59.ru/2018/07/03/sudebnik-ivana-3-xarakteristika-osnovnye-polozheniya. – Текст : электронный.

490. Устав уголовного судопроизводства 1864 года. Сайт Конституции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137. – Текст : электронный.

491. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов : сайт [Электронный ресурс]. URL: http://regulation.gov.ru/projects#npa=69576. – Текст : электронный.

492. Энциклопедия юриста. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/208/БОЛЬШОЕ. – Текст : электронный.

493. Яковлев, О. Результаты изучения общественного мнения о деятельности полиции в 2018 году (в цифрах и таблицах) / О. Яковлев, Т. Бормотова // Профессионал. 2019. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ormvd.ru/pubs/102/the-results-of-the-study-of-public-opinion-on-police-activity-in-2018-in-figures-and-tables. – Текст : электронный.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Анкета

Уважаемый респондент!

Представленные Вашему вниманию вопросы связаны с научным исследованием, посвященным содействию отправлению правосудия в уголовном процессе Российской Федерации, проводимом на базе Уфимского юридического института МВД России.

Убедительно просим Вас внимательно и откровенно ответить на предлагаемые вопросы. Нужный(-ые) вариант(-ы) подчеркните; можно указать нескольких ответов. Дайте пояснения там, где считаете нужным. Ваше мнение и опыт окажут нам огромную помощь в научной разработке данной проблемы и подготовке рекомендаций для практики.

Анкета является анонимной. Указывать персональные данные не требуется. Результаты анкетирования будут использованы исключительно в научных целях и только в обобщенном виде.

Настоящая анкета предназначена для действующих и бывших судей.

1. Укажите регион, в котором Вы работаете (работали): _____;

2. На протяжении какого периода Вы являетесь (являлись) судьей _____;

3. В чем, на Ваш взгляд, заключается сложность в вовлечении в уголовный процесс лиц, оказывающих содействие правосудию:

а) несовершенство уголовно-процессуального законодательства в вопросе регулирования процедуры привлечения лиц, оказывающих содействие правосудию;

б) нежелание большинства граждан принимать участие в уголовном процессе в качестве лиц, оказывающих содействие;

в) практическое отсутствие возможности оказания правового воздействия на лиц, не желающих оказывать помощь в уголовном преследовании;

г) другие причины _____.

4. В качестве кого Вами осуществлялся допрос специалиста по уголовным делам, находящимся в Вашем производстве:

а) в качестве специалиста;

б) в качестве свидетеля;

в) в моей практике данный вид допроса не осуществлялся;

г) затрудняюсь ответить.

5. Какое решение принималось Вами по поступившему ходатайству от сторон о приобщении к материалам уголовного дела заключения специалиста:

а) ходатайство удовлетворялось;

б) хоть раз отказывалось в удовлетворении ходатайства как не имеющего значения для дела, или подтверждалось доказательствами;

в) ходатайства подобного рода не заявлялись.

6. Компетентность вовлекаемого в уголовный процесс переводчика удостоверяется Вами следующим образом:

а) путем изучения предоставленных им документов об образовании (высшем, среднем);

б) требую предоставления отзывов и рекомендаций;

в) привлекаю к производству по делу переводчика из лицензированных организаций, осуществляющих переводы;

г) не удостоверяюсь в компетентности, ограничиваюсь предупреждением его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного перевода.

7. Как Вы считаете, куда следует обратиться с целью поиска переводчика для производства процессуальных действий:

а) в образовательные организации, в которых преподаются иностранные языки;

б) в организации, оказывающие услуги перевода;

в) к коллегам по работе и знакомым;

г) к представителям иностранных государств, проживающим на территории данного населенного пункта;

д) в миграционную службу, осуществляющую прием и регистрацию граждан иностранного государства, приехавших в Россию на заработки.

8. Считаете ли Вы возможным ввести институт медиации в уголовный процесс России:

а) да, введение института медиации необходимо;

б) нет, институт медиации в уголовном процессе недопустим.

9. Какие положительные моменты института медиации Вы можете выделить (можно выбрать несколько вариантов):

а) возможность обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести;

б) введение медиатора как самостоятельного участника уголовного судопроизводства окажет ощутимую пользу в отправлении правосудия на досудебных стадиях;

в) возможность проявления гуманности при осуществлении правосудия;

г) возможность снизить нагрузку по производству уголовных дел на судебных стадиях.

10. Какие, по Вашему мнению, способы оказания воздействия на примирение могут быть осуществлены со стороны участников процесса (можно выбрать несколько вариантов):

а) давление, угрозы, шантаж;

б) подкуп;

в) попытки вызвать чувство жалости;

г) иные способы воздействия _____.

11. Какие, наиболее распространенные способы воздействия на лиц, содействующих правосудию, Вы можете выделить:

а) угрозы / шантаж / запугивание;

б) оказание физического воздействия (насилия);

в) повреждение или уничтожение имущества;

г) уговоры, обещание вознаградить.

Благодарим за содействие!

Приложение 2

Анкета

Уважаемый респондент!

Представленные Вашему вниманию вопросы связаны с научным исследованием, посвященным содействию отправлению правосудия в уголовном процессе Российской Федерации, проводимом на базе Уфимского юридического института МВД России.

Убедительно просим Вас внимательно и откровенно ответить на предлагаемые вопросы. Нужный(-ые) вариант(-ы) подчеркните; можно указать нескольких ответов. Дайте пояснения там, где считаете нужным. Ваше мнение и опыт окажут нам огромную помощь в научной разработке данной проблемы и подготовке рекомендаций для практики.

Анкета является анонимной. Указывать персональные данные не требуется. Результаты анкетирования будут использованы исключительно в научных целях и только в обобщенном виде.

Настоящая анкета предназначена для действующих и бывших сотрудников следственных подразделений и органа дознания:

1. Укажите регион в котором Вы работаете (работали): _____;

2. На протяжении какого периода Вы являетесь (являлись) сотрудником следственных подразделений и (или) органа дознания: _____;

3. В чем, на Ваш взгляд, заключается сложность в вовлечении в уголовный процесс лиц, оказывающих содействие правосудию:

а) несовершенство уголовно-процессуального законодательства в вопросе регулирования процедуры привлечения лиц, оказывающих содействие правосудию;

б) нежелание большинства граждан принимать участие в уголовном процессе в качестве лиц, оказывающих содействие;

в) практическое отсутствие возможности оказания правового воздействия на лиц, не желающих оказывать помощь в уголовном преследовании;

г) другие причины _____.

4. Часто ли Вам приходилось привлекать лиц для оказания содействия на этапе проверки сообщений о совершенном преступлении:

а) никогда не привлекал;

б) привлекал только сведущих лиц, обладающих специальными знаниями;

в) постоянно привлекаю;

г) затрудняюсь ответить.

5. В качестве кого Вами осуществлялся допрос специалиста по уголовным делам, находящимся в Вашем производстве:

а) в качестве специалиста;

б) в качестве свидетеля;

в) в моей практике данный вид допроса не осуществлялся;

г) затрудняюсь ответить.

6. Какое решение принималось Вами по поступившему ходатайству от сторон о приобщении к материалам уголовного дела заключения специалиста:

а) ходатайство удовлетворялось;

б) хоть раз отказывалось в удовлетворении ходатайства как не имеющего значения для дела или подтверждалось доказательствами;

в) ходатайства подобного рода не заявлялись.

7. Компетентность вовлекаемого в уголовный процесс переводчика удостоверяется Вами следующим образом:

а) путем изучения предоставленных им документов об образовании (высшем, среднем);

б) требую предоставления отзывов и рекомендаций;

в) привлекаю к производству по делу переводчика из лицензированных организаций,

осуществляющих переводы;

г) не удостоверяюсь в компетентности, ограничиваюсь предупреждением его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного перевода.

8. Как Вы считаете, куда следует обратиться с целью поиска переводчика для производства процессуальных действий:

а) в образовательные организации, в которых преподаются иностранные языки;

б) в организации, оказывающие услуги перевода;

в) к коллегам по работе и знакомым;

г) к представителям иностранных государств, проживающим на территории данного населенного пункта;

д) в миграционную службу, осуществляющую прием и регистрацию граждан иностранного государства, приехавших в Россию на заработки.

9. С какими затруднениями Вы сталкивались в процессе подбора «статистов» для производства опознания лица:

а) крайне затруднительно найти лиц с абсолютно схожими необходимыми признаками;

б) статистов с абсолютно схожими необходимыми признаками подобрать практически невозможно;

в) нежелание граждан сотрудничать с правоохранительными органами;

г) не сталкивался.

10. Кого Вам доводилось привлекать в качестве статиста для проведения опознания лица (можно выбрать несколько вариантов):

а) коллег по работе;

б) сотрудников правоохранительных органов, иных служб и подразделений;

в) приглашенных в отдел полиции граждан по иным уголовным делам, ожидающих в коридорах;

г) осуществлялся специальный поиск лиц, внешне схожих с опознаваемым, вне отдела полиции;

д) осуществлялась специальная подготовка: ретуширование, изменение внешности статистов для схожести с опознаваемым.

11. Считаете ли Вы возможным ввести институт медиации в уголовный процесс России?

а) да, введение института медиации необходимо;

б) нет, институте медиации в уголовном процессе недопустим.

12. Какие положительные моменты института медиации Вы можете выделить (можно выбрать несколько вариантов):

а) возможность обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести;

б) введение медиатора как самостоятельного участника уголовного судопроизводства окажет ощутимую пользу в отправлении правосудия на досудебных стадиях;

в) возможность проявления гуманности при осуществлении правосудия;

г) возможность снизить нагрузку по производству уголовных дел на судебных стадиях.

13. Какие, по Вашему мнению, способы оказания воздействия на примирение могут быть осуществлены со стороны участников процесса (можно выбрать несколько вариантов):

а) давление, угрозы, шантаж;

б) подкуп;

в) попытки вызвать чувство жалости;

г) иные способы воздействия _____.

14. Как Вы относитесь к появившейся возможности применения мер безопасности

(вопрос для сотрудников следственных органов):

а) решение законодателя появилось своевременно и было необходимо;

б) необходимость в обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства по уголовным делам, подследственным органу дознания, не возникает;

в) затрудняюсь ответить.

15. Какие наиболее распространенные способы воздействия на лиц, содействующих правосудию, Вы можете выделить:

а) угрозы / шантаж / запугивание;

б) оказание физического воздействия (насилия);

в) повреждение или уничтожение имущества;

г) уговоры, обещание вознаградить.

16. Приходилось ли Вам сталкиваться с противоправным воздействием на лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия, на стадии проверки сообщения о совершенном преступлении (вопрос для сотрудников органа дознания):

а) да;

б) не сталкивались с таким воздействием;

в) затрудняюсь ответить.

17. Известно ли вам о возможности истребования от государства средств, затраченных на участие в уголовном процессе?

а) да, известно о предусмотренной законом процедуре;

б) не известно.

Благодарим за содействие!

Приложение 3

Анкета

Уважаемый респондент!

Представленные Вашему вниманию вопросы связаны с научным исследованием, посвященным содействию отправлению правосудия в уголовном процессе Российской Федерации, проводимом на базе Уфимского юридического института МВД России.

Убедительно просим Вас внимательно и откровенно ответить на предлагаемые вопросы. Нужный(-ые) вариант(-ы) подчеркните; можно указать нескольких ответов. Дайте пояснения там, где считаете нужным. Ваше мнение и опыт окажут нам огромную помощь в научной разработке данной проблемы и подготовке рекомендаций для практики.

Анкета является анонимной. Указывать персональные данные не требуется. Результаты анкетирования будут использованы исключительно в научных целях и только в обобщенном виде.

Настоящая анкета предназначена для представителей общественности:

1. Укажите регион, в котором Вы проживаете: _____;

2. В чем, на Ваш взгляд, заключается сложность в вовлечении в уголовный процесс лиц, оказывающих содействие правосудию:

а) несовершенство уголовно-процессуального законодательства в вопросе регулирования процедуры привлечения лиц, оказывающих содействие правосудию;

б) нежелание большинства граждан принимать участие в уголовном процессе в качестве лиц, оказывающих содействие;

в) практическое отсутствие возможности оказания правового воздействия на лиц, не желающих оказывать помощь в уголовном преследовании;

г) другие причины _____.

3. Какие, наиболее распространенные способы воздействия на лиц, содействующих правосудию, Вы можете выделить:

а) угрозы /шантаж/ запугивание;

б) оказание физического воздействия (насилия);

в) повреждение или уничтожение имущества;

г) уговоры, обещание вознаградить.

4. Готовы ли Вы оказать содействие правосудию, если для этого придется принять участие в уголовном судопроизводстве:

а) не готов;

б) готов;

в) затрудняюсь ответить.

5. Какова причина Вашего отказа в оказании содействия правосудию (для тех, кто отрицательно ответил на предыдущий вопрос):

а) опасение за неоднократность повторных приглашений в правоохранительные органы и в суд;

б) недопонимание процедурных вопросов оказания содействия правосудию (наличия прав и обязанностей участников процесса);

в) опасение за собственную безопасность, жизнь и здоровье в результате оказания содействия правосудию;

г) недоверие правоохранительным органам в установлении и привлечении к ответственности виновных лиц;

д) отсутствие социально-трудовых гарантий оказания содействия правосудию;

е) затянутость и отсутствие условий для оказания содействия правосудию;

ж) несвоевременная и низкая оплата участия в уголовном судопроизводстве.

6. Государством предусмотрена возможность обеспечить Вашу безопасность как участника уголовного процесса, оказывающего содействие правосудию. По каким причинам Вы откажитесь от оказания содействия (для тех, кто отрицательно ответил на 4

вопрос):

а) отсутствие информации о реально имеющемся положительном опыте применения мер защиты лиц, содействующих отправлению правосудию;

б) отсутствие доверия к реализуемым мерам безопасности и их эффективности;

в) отсутствие доверия к сотрудникам правоохранительных органов.

7. Продолжите ли Вы принимать участие в качестве понятого, если на Вас будет оказано противоправное воздействие:

а) при любых противоправных воздействиях продолжу принимать участие в деле;

б) продолжать участие в деле не буду.

8. Известно ли вам о возможности истребования от государства средств, затраченных на участие в уголовном процессе:

а) известно;

б) не известно.

Благодарим за содействие!

Приложение 4

Обобщенные результаты проведенного анкетирования респондентов различной категории

Содержание вопроса анкеты	Регионы Российской Федерации	Количество лиц, его представляющих			
		Сотрудники аппарата суда – 129 чел.	Сотрудники органов предварительного расследования – 322 чел.	Сотрудники органов дознания – 214 чел.	Представители общественности – 376 чел.
Укажите регион, в котором Вы работаете	Республика Башкортостан	37	119	87	187
	Краснодарский край	-	9	-	5
	Омская область	-	7	-	6
	Республика Коми	1	11	-	-
	Республика Татарстан	8	16	14	13
	Ненецкий автономный округ	4	-	-	9
	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	11	19	12	33
	Ставропольский край	3	8	-	-
	Астраханская область	1	2	5	2
	Волгоградская область	2	1	-	2
	Ивановская область	3	9	3	4
	Иркутская область	2	9	1	3
	Кировская область	1	6	3	1

	Курганская область	7	18	11	16
	Магаданская область	1	4	-	3
	Нижегородская область	3	11	5	4
	Оренбургская область	8	27	22	39
	Пензенская область	3	5	4	2
	Свердловская область	7	8	14	1
	Тверская область	2	3	3	-
	Тюменская область	10	7	10	19
	Ульяновская область	3	6	3	-
	Челябинская область	12	17	17	27

Содержание вопроса анкеты	В чем, на Ваш взгляд, заключается сложность в вовлечении в уголовный процесс лиц, оказывающих содействие правосудию?							
Варианты ответа	Несовершенство уголовно-процессуального законодательства в вопросе регулирования процедуры привлечения лиц, оказывающих содействие правосудию		Нежелание большинства граждан принимать участие в уголовном процессе в качестве лиц, оказывающих содействие		Практическое отсутствие возможности оказания правового воздействия на лиц, не желающих оказывать помощь в уголовном преследовании		Другие причины	
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %

Категория респондентов / количество (чел.):								
Сотрудники аппарата суда - 129	45	34,9	70	54,26	10	7,75	4	3
Сотрудники следственных подразделений и органа дознания - 536	218	41	279	52	23	4	16	3
Представители общественности - 376	52	14	281	75	37	10	6	1
Общий результат по данному вопросу – 1041	315	30,3	630	60,5	70	6,7	26	2,5

Содержание вопроса анкеты	Часто ли Вам приходилось привлекать лиц для оказания содействия на этапе проверки сообщений о совершенном преступлении?							
Варианты ответа	Никогда не привлекал		Привлекал только сведущих лиц, обладающих специальными знаниями		Постоянно привлекаю		Затрудняюсь ответить	
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %

Категория респондентов / количество (чел.):								
Сотрудники следственных подразделений и органа дознания - 536	–	–	127	23,7	521	97,2	8	1,49

Содержание вопроса анкеты	В качестве кого Вами осуществлялся допрос специалиста по уголовным делам, находящимся в Вашем производстве?							
Варианты ответа	В качестве специалиста		В качестве свидетеля		На моей практике данный вид допроса не осуществлялся		Затрудняюсь ответить	
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %
Категория респондентов / количество (чел.):								
Сотрудники аппарата суда - 129	3	2,32	126	97,68	–	–	–	–
Сотрудники следственных подразделений и органа дознания - 536	149	27,79	288	53,73	64	11,94	35	6,54
Общий результат по данному вопросу – 665	152	22,85	414	62,25	64	9,6	35	5,3

Содержание вопроса анкеты	Какое решение принималось Вами по поступившему ходатайству от сторон о приобщении к материалам уголовного дела заключения специалиста?					
Варианты ответа	Ходатайство удовлетворялось		Хоть раз отказывалось в удовлетворении ходатайства, как не имеющим значение для дела, или подтверждалось доказательствами		Ходатайства подобного рода не заявлялись	
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %
Категория респондентов / количество (чел.):						
Сотрудники аппарата суда - 129	113	87,59	16	12,41	–	–
Сотрудники следственных подразделений и органа дознания - 536	288	53,7	211	39,3	37	7
Общий результат по данному вопросу – 665	401	60	227	34	37	6

Содержание вопроса анкеты	Компетентность вовлекаемого в уголовный процесс переводчика удостоверяется Вами следующим образом:							
Варианты ответа	Путем изучения предоставленных им документов об образовании (высшем, среднем)		Требую предоставления отзывов и рекомендаций		Привлекаю к производству по делу переводчика из лицензированных организаций, осуществляющих переводы		Не удостоверяюсь в компетентности, ограничиваюсь предупреждением его об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного перевода	
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %
Категория респондентов / количество (чел.):								
Сотрудники аппарата суда - 129	38	30	12	9	76	59	3	2
Сотрудники следственных подразделений и органа дознания - 536	153	28,54	92	17,16	195	36,38	96	17,92
Общий результат по данному вопросу – 665	191	28,72	104	15,64	271	40,75	99	14,89

Содержание вопроса анкеты	Как Вы считаете, куда следует обратиться с целью поиска переводчика для производства процессуальных действий?									
Варианты ответа	В образовательные организации, в которых преподаются иностранные языки		В организации, оказывающие услуги перевода		Коллегам по работе и знакомым		К представителям иностранных государств проживающим на территории данного населенного пункта		В миграционную службы осуществляющую прием и регистрацию граждан иностранного государства, приехавших в Россию на заработки	
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %
Категория респондентов / количество (чел.):										
Сотрудники аппарата суда - 129	2	1,55	94	72,87	3	2,32	7	5,43	23	17,83
Сотрудники следственных	49	9,14	202	37,68	178	33,2	49	9,14	58	10,84

подразделений и органа дознания – 536										
Общий результат по данному вопросу – 665	51	7,67	296	44,51	181	27,22	56	8,42	81	12,18

Содержание вопроса анкеты	С какими затруднениями Вы сталкивались в процессе подбора статистов для производства опознания лица?							
Варианты ответа	Крайне затруднительно найти лиц, с абсолютно схожими необходимыми признаками		Статистов с абсолютно схожими необходимыми признаками подобрать практически невозможно		Не желание граждан сотрудничать с правоохранительным и органами		Не сталкивался	
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %
Категория респондентов / количество (чел.):								
Сотрудники следственных подразделений и органа дознания - 536	382	71,3	98	18,3	49	9,1	7	1,3

Содержание вопроса анкеты	Кого Вам доводилось привлекать в качестве статиста для проведения опознания лица? (можно выбрать несколько вариантов ответа)									
Варианты ответа	Коллег по работе, проходящие службу в соседних кабинетах		Сотрудников правоохранительных органов, иных служб и подразделений		Приглашенных в отдел полиции граждан по иным уголовным делам, ожидающих в коридорах		Осуществлялся специальный поиск лиц, внешне схожих с опознаваемым вне отдела полиции		Осуществлялась специальная подготовка, ретуширование, изменение внешности статистов для схожести с опознаваемым	
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %
Категория респондентов / количество (чел.):										
Сотрудники следственных подразделений и органа дознания - 536	396	73,9	291	54,3	166	31	66	12,3	21	3,9

Содержание вопроса анкеты	Считаете ли Вы возможным ввести институт медиации в уголовный процесс России?			
Варианты ответа	Да, введение института медиации необходимо		Нет, институте медиации в уголовном процессе недопустим	
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %
Категория респондентов / количество (чел.):				
Сотрудники аппарата суда -129	93	72,1	36	27,9
Сотрудники следственных подразделений и органа дознания - 536	339	63,25	197	36,75
Общий результат по данному вопросу – 665	432	64,96	233	35,04

Содержание вопроса анкеты	Какие положительные моменты института медиации Вы можете выделить? (можно выбрать несколько вариантов ответа)			
Варианты ответа	Возможность обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних подозреваемых	Введение медиатора как самостоятельного участника уголовного судопроизводства окажет ощутимую пользу в	Возможность проявления гуманности при осуществлении правосудия	Возможность снизить нагрузку по производству уголовных дел на судебных стадиях

	(обвиняемых) по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести		отправлении правосудия на досудебных стадиях					
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %
Категория респондентов / количество (чел.):								
Сотрудники аппарата суда -93	53	56,98	57	61,29	66	70,96	77	82,79
Сотрудники следственных подразделений и органа дознания - 339	265	78,2	238	70,2	224	66,07	196	57,8
Общий результат по данному вопросу – 432	318	73,61	295	68,28	290	67,12	273	63,19

Содержание вопроса анкеты	Какие, по Вашему мнению, способы оказания воздействия на примирение могут быть осуществлены со стороны участников процесса?(можно выбрать несколько вариантов ответа)							
Варианты ответа	Давление, угрозы, шантаж		Подкуп		Попытки вызвать чувство жалости		Иные способы воздействия	
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %

Категория респондентов / количество (чел.):								
Сотрудники аппарата суда -129	87	67,44	69	53,48	61	47,28	6	4,65
Сотрудники следственных подразделений и органа дознания - 536	380	70,89	365	68,09	265	49,44	17	3,17
Общий результат по данному вопросу – 665	467	70,22	434	65,26	326	49,02	23	3,45

Содержание вопроса анкеты	Как Вы относитесь к появившейся возможности применения мер безопасности?					
Варианты ответа	Решения законодателя появилось своевременно и было необходимо		Необходимость в обеспечении безопасности участников уголовного судопроизводства по уголовным делам подследственным органу дознания не возникает		Затрудняюсь ответить	
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %
Категория респондентов / количество (чел.):						
Сотрудники органа дознания - 214	144	67,3	52	24,3	18	8,4

Содержание вопроса анкеты	Какие наиболее распространённые способы воздействия на лиц, содействующих правосудию, Вы можете выделить?							
Варианты ответа	Угрозы / шантаж / запугивание		Оказание физического воздействия (насилия)		Повреждение или уничтожение имущества		Уговоры, обещание «вознаградить»	
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %
Категория респондентов / количество (чел.):								
Сотрудники аппарата суда -129	86	66,7	13	10,1	16	12,4	14	10,8
Сотрудники следственных подразделений и органа дознания - 536	393	73,3	84	15,7	49	9,1	10	1,9
Представители общественности – 376	298	79,25	27	7,2	29	7,7	22	5,85
Общий результат по данному вопросу – 1041	777	74,64	124	11,91	94	9,03	46	4,42

Содержание вопроса анкеты	Приходилось ли Вам сталкиваться с противоправным воздействием на лиц, оказывающих содействие отправлению правосудия на стадии проверки сообщения о совершенном преступлении?					
Варианты ответа	Да		Не сталкивались с таким воздействием		Затрудняюсь ответить	
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %
Категория респондентов / количество (чел.):						

Сотрудники следственных подразделений - 322	138	42,86	162	50,31	22	6,83

Содержание вопроса анкеты	Готовы ли Вы оказать содействие правосудию, если для этого придется принять участие в уголовном судопроизводстве?					
Варианты ответа	Не готов		Готов		Затрудняюсь ответить	
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %
Категория респондентов / количество (чел.):						
Представители общественности – 376	200	53,19	143	38,03	33	8,78

Содержание вопроса анкеты	Какова причина Вашего отказа в оказании содействия правосудию?						
Варианты ответа	Опасение за неоднократность повторных приглашений в правоохранительные органы и в суд	Недопонимание процедурных вопросов оказания содействия правосудию (наличия прав и обязанностей участников процесса)	Опасение за собственную безопасность жизнь и здоровье, в результате оказания содействия правосудию	Недоверие правоохранительным органам в установлении и привлечении к ответственности виновных лиц	Отсутствие социально-трудовых гарантий оказания содействия правосудию	Затянутость и отсутствие условий для оказания содействия правосудию	Несвоевременная и низкая оплата участия в уголовном судопроизводстве

	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %
Категория респондентов / количество (чел.):														
Представители общественности – 200	99	49,5	36	18	36	18	19	9,5	4	2	4	2	2	1

Содержание вопроса анкеты	Государством предусмотрена возможность обеспечить Вашу безопасность как участника уголовного процесса, оказывающего содействие правосудию. По каким причинам Вы откажитесь от оказания содействия?					
Варианты ответа	Отсутствие информации о реально имеющемся положительном опыте применения мер защиты лиц, содействующих отправлению правосудию		Отсутствие доверия к реализуемым мерам безопасности и их эффективности		Отсутствие доверия к сотрудникам правоохранительных органов	
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %
Категория респондентов / количество (чел.):						
Представители общественности – 200	135	67,5	48	24	17	8,5

Содержание вопроса анкеты	Продолжите ли Вы принимать участие в качестве понятого, если на Вас будет оказано противоправное воздействие?			
Варианты ответа	Да, при любых противоправных воздействиях, продолжу принимать участие в деле		Нет, продолжать участие в деле не буду.	
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %
Категория респондентов / количество (чел.):				
Представители общественности – 376	10	2,66	366	97,34

Содержание вопроса анкеты	Известно ли вам о возможности истребования от государства средств, затраченных на участие в уголовном процессе?			
Варианты ответа	Да, известно о предусмотренной законом процедуре		Нет не известно	
	Количество (чел).	Доля в %	Количество (чел).	Доля в %
Категория респондентов / количество (чел.):				
Сотрудники следственных подразделений и органа дознания - 536	482	89,9	54	10,1
Представители общественности – 376	133	35,37	243	64,63
Общий результат по данному вопросу – 912	615	67,4	297	32,6

Приложение 5

Анкета
для изучения уголовных дел по теме

1. Привлекались ли лица, содействующие правосудию, на стадии возбуждения уголовного дела?

а) да, с целью применения специальных знаний (подготовлены: акт документальной проверки – 13 %; ревизии – 6 %; справка – 13 %; заключение эксперта – 21 %; консультации – 1 %);

б) привлекались понятые – 98,7 %;

в) не привлекались – 1,3 %.

2. Форма предварительного расследования уголовного дела:

а) предварительное следствие – 81,9 %;

б) дознание – 18,1 %.

3. Какие категории уголовных дел подлежали анализу?

а) преступления против жизни и здоровья – 37,7%;

б) преступления против собственности – 42,4 %;

в) преступления в сфере экономической деятельности – 9,8 %;

г) преступления в сфере компьютерной информации – 7,2 %;

д) другое 2,9 – %.

4. Привлекались ли к производству по уголовному делу лица, содействующие правосудию?

а) да, предусмотренные главой 8 УПК РФ – 100 %;

б) да, не имеющие самостоятельного процессуального статуса в УПК РФ – 63,2 %;

в) нет – 0,2 %.

5. Назначались ли судебные экспертизы по уголовному делу?

а) да – 88,3 %;

б) нет – 11,7 %.

6. Привлечение специалиста до возбуждения уголовного дела:

а) да – 69,6 %;

б) нет – 30,4 %.

7. Привлекался ли специалист к производству экспертиз:

а) да – 15,4 %;

б) нет – 84,6 %.

8. Привлечение специалиста к производству следственных действий:

а) да – 88,2 %;

б) нет – 11,8 %.

9. Использование специальных познаний в консультационных и справочных целях:

а) да – 26,9 %;

б) нет – 73,1 %.

10. Наличие в уголовном деле заключения специалиста:

а) да – 5,2 %;

б) нет – 94,8 %.

11. Вызывались ли судебные эксперты в суд для дачи показаний по проведенной судебной экспертизе?

а) да – 6,2 %;

б) нет – 93,8 %.

12. Допрашивались ли в суде лица, оказывающие содействие правосудию?

а) да 81,9 %;

б) нет 18,1 %.

13. В качестве кого допрашивался специалист в ходе расследования по уголовному делу и в суде?

а) свидетель – 99,8 %;

б) эксперт – 0,2 %;

в) иной вариант.

14. Участвовал ли в уголовном деле переводчик?

а) да – 32,6%;

б) нет – 67,4 %.

15. Участвовал ли в уголовном деле педагог?

а) да – 18,8 %;

б) нет – 81,2 %.

16. Участвовал ли в уголовном деле психолог?

а) да 11,2 %;

б) нет 88,8 %.

17. Участвовал ли в уголовном деле процессуальный ассистент?

а) да – 18,6 %;

б) нет – 81,4 %.

18. Участвовал ли в уголовном деле врач?

а) да – 7,3 %;

б) нет – 92,7 %.

19. Привлекались ли понятые в ходе производства следственных действий?

а) да – 98,2 %;

б) нет – 1,8 %.

20. Допрашивались ли понятые в качестве свидетелей по уголовному делу в ходе предварительного расследования или в суде?

а) да – 54 %;

б) нет – 46 %.

21. Наличие в материалах дела ходатайств и иных документов, свидетельствующих о возмещении понесенных расходов, связанных с вовлечением в уголовный процесс лиц, содействующих правосудию:

а) да – 31,4 %;

б) нет – 68,6 %.

22. Наличие в материалах дела ходатайств и иных документов, свидетельствующих о возмещении понесенных расходов, связанных с вовлечением в уголовный процесс педагога, психолога, понятого:

а) да – 0 %;

б) нет – 100 %.

Приложение 6

Проект Федерального закона Российской Федерации
«О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный
кодекс Российской Федерации»

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ПРОЕКТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА
О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОДЕКС
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Принят
Государственной Думой
«__» _____ 20___ г.

Одобрен
Советом Федерации
«__» _____ 20___ г.

Статья 1. Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации следующие изменения в:

Статью 5:

а) дополнить пунктом 14.2 следующего содержания:«14.2) медиация – добровольная процедура урегулирования уголовно-правового спора между подозреваемым (обвиняемым) и потерпевшим при содействии независимого посредника – медиатора – с целью достижения взаимовыгодного соглашения по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, совершенных несовершеннолетним лицом»;

б) дополнить пунктом 14.3 следующего содержания:«14.3) медиатор – независимое физическое лицо, отвечающее требованиям законодательства Российской Федерации о процедуре медиации, привлекаемое сторонами на стадии предварительного расследования и в суде в целях содействия в заключении соглашения о достижении примирения в порядке медиации по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, совершенных несовершеннолетним лицом»;

в) дополнить пунктом 39.1 следующего содержания: «39.1) сведущее лицо – физическое лицо, обладающее комплексом специальных теоретических знаний (в том числе юридических), практических умений и навыков в науке, технике, искусстве или ремесле, привлекаемое к участию в процессуальных и непроцессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, в целях оказания содействия в достижении назначения уголовного судопроизводства»;

г) дополнить пунктом 44.1, следующего содержания: «44.1) специальные знания – совокупность используемых в уголовном процессе знаний, в том числе юридических (не связанных с оценкой деяния, отнесенного к компетенции правоохранительных органов, прокуратуры и суда, и достоверности показаний участников уголовного судопроизводства) и практического опыта сведущих лиц, привлекаемых в порядке, установленном настоящим Кодексом, для оказания содействия сторонам и суду».

В разделе II:

а) изложить название главы 8 в следующей редакции: «Глава 8. Участники уголовного судопроизводства, оказывающие содействие правосудию».

б) часть 4 статьи 56 дополнить пунктом 8 следующего содержания: «8) пользоваться иными предусмотренными настоящим Кодексом правами»;

в) изложить название статьи 56.1 в следующей редакции: «Особый свидетель».

В статье 57:

а) часть 1 изложить в следующей редакции: «1. Эксперт – незаинтересованное в исходе дела лицо, обладающее специальными знаниями, которому поручено в порядке, установленном настоящим Кодексом, производство судебной экспертизы и дачи экспертного заключения, а также привлекаемое дачи показаний по результатам представленного заключения»;

б) пункт 2 части 4 до слова «самостоятельно» дополнить словами «без ведома следователя и суда»;

в) часть 3 дополнить пунктом 7 следующего содержания: «7) пользоваться иными предусмотренными настоящим Кодексом правами»;

г) часть 3 статьи 57 дополнить пунктом следующего содержания: «8) медиатор – об обстоятельствах, ставших известными ему в связи с проведением медиации».

д) дополнить частью 4.1 следующего содержания: «4.1. Эксперт обязан заявить отвод в случае личной заинтересованности либо некомпетентности для производства назначенной судебной экспертизы. Отвод должен быть заявлен экспертом в письменном виде с изложением мотивов. Заявление отвода после вынесения экспертного заключения не допускается».

Дополнить главу 8 статьей 57.1 следующего содержания: «Статья 57.1 Руководитель судебно-экспертной организации

1. Руководитель судебно-экспертной организации – руководитель негосударственной судебно-экспертной организации, а также директор или начальник (заведующий) государственной судебно-экспертной организации (подразделения).

2. Руководитель судебно-экспертной организации обязан:

1) поручать производство судебной экспертизы конкретному эксперту или нескольким экспертам в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, и незамедлительно либо до начала производства судебной экспертизы уведомлять об этом следователя, также указав о времени и месте производства экспертного исследования;

2) разъяснить эксперту или комиссии экспертов их права и обязанности, предупредить об уголовной ответственности за заведомо ложные показания, заключения эксперта в соответствии со статьей 307 Уголовного кодекса Российской Федерации;

3) по окончании исследований направить заключение эксперта, возвратить оставшиеся после проведения судебной экспертизы объекты исследований и другие материалы в орган или лицу, назначившему судебную экспертизу.

3. Руководитель вправе:

1) отказать в исполнении постановления или определения о назначении судебной экспертизы в случае отсутствия эксперта конкретной специальности, необходимой материально-технической базы либо специальных условий для проведения исследования, указав мотивы;

2) ходатайствовать перед органом или лицом, назначившим судебную экспертизу, о включении в состав комиссии экспертов лиц, не работающих в данной организации, если их специальные знания необходимы для дачи заключения;

3) ходатайствовать перед органом или лицом, назначившим судебную экспертизу, о привлечении граждан иностранных государств, обладающих специальными знаниями;

4) при наличии достаточных данных о том, что руководителю судебно-экспертной организации, его близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иным опасным противоправным деянием, суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные частью 3 статьи 11 настоящего Кодекса.

4. За разглашение данных предварительного расследования руководитель судебно-экспертной организации несет ответственность в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации».

В статье 58:

а) часть первую изложить в следующей редакции: «1. Специалист – сведущее лицо, обладающее специальными знаниями, умениями и навыками, профессиональным опытом их применения, независимое и незаинтересованное в исходе дела, в установленном законом порядке привлеченное сторонами для обнаружения, изъятия, закрепления и оценки доказательств, постановки вопросов эксперту или другим участникам, оказания консультационно-справочной помощи, в том числе педагогической или психологической, технического сопровождения процесса получения и закрепления доказательств, а также для производства исследования, дачи показаний и заключения. Специалистами являются также педагог, психолог, участвующие в процессуальных действиях с участием несовершеннолетнего, а равно специалист по судебной медицине, участвующий в процессуальных действиях в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом»;

б) часть третью дополнить пунктами 5–10 следующего содержания: «5) давать разъяснения по вопросам, связанным с обнаружением, изъятием и хранением предметов и документов, применением технических средств;

6) на применение мер безопасности в отношении;

7) на возмещение вреда, причиненного должностными лицами в результате нарушения прав и свобод специалиста;

8) на получение вознаграждения за исполнение своих обязанностей, за исключением случаев, когда эти обязанности исполнялись им в порядке служебного задания;

9) заявлять отвод переводчику, принимающему участие в уголовном судопроизводстве;

10) пользоваться иными предусмотренными настоящим Кодексом правами»;

в) изложить часть 4 в следующей редакции: «4. Специалист обязан подтверждать свою компетентность. Не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд»;

г) дополнить частью 5 в следующей редакции: «5. Специалист несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложного показания и заключения в соответствии со статьей 307 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве специалиста, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса. За разглашение данных предварительного расследования специалист несет ответственность в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации».

В статье 59:

а) изложить часть первую в следующей редакции: «1. Переводчик – процессуально независимое, незаинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое для участия в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных частью 2 статьи 18 настоящего Кодекса, владеющее языком, на котором ведется производство по уголовному делу, и языком участника, которому он был назначен»;

б) в часть третью внести дополнительные пункты 4–10, следующего содержания: «4) заявлять самоотвод;

5) дополнять и вносить поправки в протокол следственных действий, в которых принимал участие;

6) заверять протокол следственных действий, в которых принимал участие, своей подписью;

7) на возмещение расходов, понесенных в связи с необходимостью явки для участия в производстве следственного действия;

8) на получение вознаграждения за выполненный перевод, если данный перевод не был поручен переводчику в порядке служебного задания;

9) знание своих прав, обязанностей и ответственности в связи с участием в уголовном судопроизводстве;

10) пользоваться иными предусмотренными настоящим Кодексом правами».

Дополнить главу 8 статей 59.1 следующего содержания: «Статья 59.1 Медиатор

1. Медиатор – независимое физическое лицо, отвечающее требованиям законодательства Российской Федерации о процедуре медиации, привлекаемое сторонами на стадии предварительного расследования и в суде в целях содействия в заключении соглашения о достижении примирения в порядке медиации по уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, совершенных несовершеннолетним лицом.

2. Медиатор допускается к участию в уголовном деле на основании постановления следователя, дознавателя и с согласия законных представителей несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также потерпевшего и (или) его законных представителей.

3. Медиатор вправе:

1) знакомиться с данными об участниках уголовного процесса, являющихся сторонами медиации;

2) встречаться со сторонами медиации наедине и конфиденциально без ограничения количества и продолжительности встреч;

3) знакомиться в установленном порядке с материалами, необходимыми для проведения медиации;

4) содействовать сторонам в заключении соглашения о достижении примирения в порядке медиации;

5) делать заявления, подавать ходатайства и жалобы;

6) присутствовать при предъявлении обвинения;

7) участвовать в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, а также с разрешения следователя в иных следственных действиях, производимых с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, защитника, законных представителей;

8) пользоваться иными предусмотренными настоящим Кодексом правами.

4. Медиатор вправе отказаться от проведения процедуры медиации, если:

1) он считает, что проводимая процедура медиации не приведет к примирению сторон;

2) стороны медиации не являются без уважительных причин для участия в медиативной процедуре;

3) обнаружены обстоятельства, которые могут повлиять на его беспристрастность.

5. Медиатор обязан:

1) разъяснять сторонам их право на примирение по делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, совершенных несовершеннолетним лицом, обязанности, а также сущность и цели медиации;

2) оказать содействие в подготовке проекта договора о проведении процедуры медиации, а также соглашения о примирении;

3) в случае отказа сторон от медиации сообщить об этом органу предварительного расследования или суду, направившему стороны на медиацию;

4) соблюдать конфиденциальность процедуры медиации;

5) сообщать органу, ведущему расследование, обо всех попытках стороны защиты оказать влияние на потерпевшую сторону с целью повлиять на принимаемое решение о примирении.

6. Медиатор вправе с согласия сторон осуществлять процедуру медиации с момента принятия решения о возбуждении уголовного дела и на последующих стадиях уголовного процесса до удаления суда в совещательную комнату.

7. Медиатор не вправе разглашать данные предварительного расследования, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса. За разглашение данных предварительного расследования модератор несет ответственность в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации».

В статье 60:

а) часть 2 дополнить пунктом 4, изложив его в следующей редакции: «4. Имеющие физические или психические заболевания, препятствующие полноценному участию в производстве следственных действий» (см. прил. 6).

б) внести изменения в пункт 2 части 2, изложив его в следующей редакции: «2) участники уголовного судопроизводства, лица, находящиеся с ними в родстве или свойстве, близкие лица, а также подчиненные и подконтрольные лица».

в) закрепить в пункт 5 части 2 в следующей редакции: «5) лица, не имеющие постоянной регистрации по месту проведения расследования».

г) закрепить в пункт 6 части 2 в следующей редакции: «6) не владеющие языком уголовного судопроизводства».

д) внести дополнительные пункты 4–8 в часть 3: «4) знать о применении технических средств лицом, проводящим следственное действие, либо специалистом; 5) знакомиться с протокол следственного действия, в котором принимал участие. Подавать замечания, дополнения и уточнения к этим протоколам; 6) приносить жалобы на действия (бездействия), решения, принимаемые дознавателем, следователем и прокурором, ограничивающим его права; 7) возмещение понесенных расходов в связи с явкой для производства следственных или процессуальных действий; 8) пользоваться иными предусмотренными настоящим Кодексом правами».

Дополнить главу 8 статей 60.1. следующего содержания: «Статья 60.1. Процессуальный ассистент

1. Процессуальный ассистент – незаинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое сторонами и судом для участия в следственном эксперименте, предъявлении лица для опознания, проверки показаний на месте, имеющее необходимые в рамках расследуемого уголовного дела антропометрические данные, особенности внешнего облика, частей тела и одежды, оказывающее содействие в производстве следственного действия.

2. Процессуальными ассистентами не могут быть:

1) лица, находящиеся в каких-либо взаимоотношениях с опознающим или ранее наблюдаемые им;

2) находящиеся в родственных или иных отношениях с любым из участников данного уголовного дела;

3) работники органов исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-розыскной деятельности и (или) предварительного расследования.

3. Процессуальный ассистент вправе:

1) участвовать в следственном действии и делать по поводу следственного действия заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол;

2) знать, в проведении какого следственного действия он участвует, каков процессуальный порядок этого следственного действия, какие действия (бездействие) ему надлежит выполнить при производстве следственного действия, кто руководит и кто участвует в его производстве;

3) знакомиться с протоколом следственного действия, в производстве которого он участвовал. Делать замечания относительно происходившего и отраженного в протоколе, которые подлежат внесению в протокол соответствующего действия;

4) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения лица, проводящего следственное действие, ограничивающие его права;

5) получать возмещение понесенных им расходов, связанных с участием в производстве следственного действия, а также возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями следователя, дознавателя, суда, в установленном законом порядке.

4. Процессуальный ассистент обязан:

1) являться по вызовам органа уголовного преследования и суда;

2) сообщать по требованию органа уголовного преследования и суда сведения об отношениях с лицами, участвующими в производстве по уголовному делу;

3) соблюдать порядок производства следственного действия, указанный лицом, ведущим расследование;

4) выполнять законные распоряжения органа уголовного преследования и суда.

5. Процессуальный ассистент не вправе разглашать данные предварительного расследования и иные данные, ставшие ему известными в связи с участием в производстве

по уголовному делу, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса.

6. Процессуальный ассистент несет ответственность за разглашение данных предварительного расследования без разрешения органа уголовного преследования или суда в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации.

7. Процессуальный ассистент может быть допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, связанных с производством следственного действия, в котором он участвовал.

8. Процессуальный ассистент имеет также другие права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом».

Дополнить главу 8 статей 60.2. следующего содержания: «Статья 60.2. Помощник судьи

1. Помощником судьи является гражданский служащий, оказывающий помощь судье в подготовке и организации судебного процесса, а также в подготовке проектов судебных актов и иным образом обеспечивающий деятельность суда.

2. Помощник судьи не вправе выполнять функции по осуществлению правосудия.

3. Помощником судьи не могут быть:

1) потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и свидетель, подозреваемый или обвиняемый, получившие свой процессуальный статус в рамках рассматриваемого дела;

2) лица, участвовавшие в данном уголовном деле в качестве присяжного заседателя, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика;

3) близкие родственники или родственники любого из участников производства по данному уголовному делу;

4) лица, не имеющие высшего юридического образования и не соответствующие квалификационным требованиям, установленным федеральными законами и нормативными правовыми актами о федеральной государственной гражданской службе Российской Федерации;

5) лица с физическими недостатками, мешающими в полном объеме отражать сведения в протоколе судебного разбирательства.

4. Помощник судьи под руководством судьи по устному или письменному его поручению или по согласованию с ним вправе:

1) изучать материалы уголовных дел;

2) проверять поступившие апелляционные, кассационные, надзорные жалобы (представления) на соответствие требованиям настоящего Кодекса;

3) организовывать процедуры проведения судебных следственных действий, в том числе с применением технических средств;

4) от имени суда истребовать документы и сведения, необходимые для подготовки и рассмотрения уголовного дела (материала);

5) изготавливать проекты процессуальных документов;

6) выполнять иные полномочия, предусмотренные настоящим Кодексом;

7) вести протокол судебного заседания, обеспечивать контроль за фиксированием хода судебного заседания техническими средствами.

5. Помощник судьи обязан:

1) знать нормативные правовые акты, регламентирующие права и свободы граждан; перечень сведений, отнесенных к государственной тайне; основы ведения судебного делопроизводства и судебной статистики; общие принципы служебного поведения государственных гражданских служащих; нормы и правила охраны труда, техники безопасности и пожарной безопасности;

2) выполнять организационно-правовую, информационную, документационную и иную деятельность судьи, а также обеспечивать его процессуальную деятельность;

3) уведомить судью о наличии обстоятельств, исключающих участие в уголовном

судопроизводстве.

5. Помощник судьи не вправе разглашать данные предварительного расследования и иные данные, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса.

6. Помощник судьи несет ответственность:

1) за разглашение данных предварительного расследования без разрешения органа уголовного преследования или суда в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации;

2) за полноту и точность протокола судебного заседания, исправность применяемых в ходе судебного процесса технических средств.

7. Помощник судьи имеет также другие права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом».

Дополнить главу 8 статей 60.3. следующего содержания: «Статья 60.3. Секретарь судебного заседания

1. Секретарь судебного заседания – обязательный участник судебного разбирательства из числа аппарата суда, не имеющий личной корыстной либо иной заинтересованности в исходе уголовного дела, оказывающий содействие суду и фиксирующий в протокол судебного заседания действия и решения, принимаемые входе разбирательства.

2. Секретарем судебного заседания не могут быть:

1) потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и свидетель, получившие свой процессуальный статус в рамках рассматриваемого дела;

2) принимающие участие в производстве по данному уголовному делу в качестве присяжного заседателя, эксперта, специалиста, переводчика, понятого, защитника, законного представителя подозреваемого, обвиняемого, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, дознавателя, следователя или прокурора;

3) близкие родственники или родственники любого из участников производства по данному уголовному делу;

4) лица, не имеющие юридического образования;

5) лица с физическими недостатками, мешающими в полном объеме отражать сведения в протоколе судебного разбирательства.

3. Секретарь судебного заседания вправе в случае несогласия с мнением председательствующего о том, какие именно обстоятельства должны быть указаны в протоколе, прикладывать свои замечания к протоколу судебного заседания.

4. Секретарь судебного заседания обязан:

1) сообщать по требованию суда (судьи) или стороны в уголовном процессе о своих отношениях с лицами, участвующими в производстве по соответствующему делу;

2) находиться в зале судебного заседания в течение всего времени, необходимого для отражения в протоколе хода заседания, и не покидать заседание без разрешения председательствующего;

3) выполнять установленные законом распоряжения председательствующего в судебном заседании в полном объеме;

4) полно и точно излагать в протоколе действия и решения суда (судьи), жалобы, ходатайства, возражения, высказывания, объяснения всех лиц, участвующих в заседании, а также другие обстоятельства, подлежащие внесению в протокол или, в зависимости от обстоятельств, приобщению к нему;

5) оформлять протокол судебного заседания в срок, установленный настоящим Кодексом;

6) соблюдать регламент судебного заседания.

5. Секретарь судебного заседания не вправе разглашать данные предварительного расследования и иные данные, ставшие ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса.

6.Секретарь судебного заседания несет ответственность:

1) за разглашение данных предварительного расследования без разрешения органа уголовного преследования или суда в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации;

2) за полноту и точность протокола судебного заседания.

7. Секретарь судебного заседания имеет также другие права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом».

Внести изменения в часть 1 статьи 62: после слова «специалист» дополнить словом «понятой».

Статью 68 изложить в следующей редакции: «Статья 68. Отвод секретаря судебного заседания

1. Решение об отводе секретаря судебного заседания в ходе досудебного производства по уголовному делу принимает дознаватель, следователь, а также суд в случаях, предусмотренных статьей 165 настоящего Кодекса. В ходе судебного производства указанное решение принимает суд, рассматривающий данное уголовное дело, или судья, председательствующий в суде с участием присяжных заседателей.

2. При наличии обстоятельств, предусмотренных статьей 61 настоящего Кодекса, отвод секретарю судебного заседания может быть заявлен сторонами.

3. Предыдущее участие лица в производстве по уголовному делу в качестве секретаря судебного заседания не является основанием для его отвода».

Внести изменения в пункт 2 части 2 статьи 74: после слов «свидетеля» дополнить словами «особого свидетеля».

В статье 131:

а) пункт 1 части 2 после слова «понятым» дополнить словами «иным лицам, оказывающим содействие правосудию»;

б) пункт 2 части 2 после слов «понятым» дополнить словами «переводчику, специалисту, педагогу, психологу и другим лицам, оказывающим содействие правосудию не в рамках служебного задания»;

в) пункт 3 части 2 после слов «понятым» дополнить словами «переводчику, специалисту, педагогу, психологу и другим лицам, оказывающим содействие правосудию не в рамках служебного задания».

Раздел VI:

а) дополнить главой 18.1 следующего содержания: «Глава 18.1. Обеспечение безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве»

Статья 139.1. Обязанность по принятию мер обеспечения безопасности

1. Суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель при наличии достаточных данных, указывающих на то, что имеется реальная угроза убийства, применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, осуществления других противоправных действий в отношении участников уголовного судопроизводства, а также их близких родственников, родственников или близких лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве, обязан принять предусмотренные законом меры по обеспечению безопасности этих лиц и их имущества.

2. Решения о применении мер безопасности принимаются:

1) при установлении обстоятельств, указывающих на наличие оснований для принятия мер безопасности;

2) в случае получения иной информации об обстоятельствах, указывающих на наличие оснований для принятия мер безопасности;

3) по устному или письменному заявлению лиц, перечисленных в части 1 настоящего Кодекса, о необходимости принятия мер безопасности.

3. Заявитель вправе обжаловать прокурору или в суд отказ в удовлетворении

ходатайства о принятии мер его безопасности.

4. Отказ в принятии мер безопасности не препятствует повторному обращению с ходатайством о принятии указанных мер, если возникли обстоятельства, не нашедшие отражения в ранее поданном заявлении.

5. Разглашение сведений о применяемых мерах безопасности влечет уголовную ответственность по статье 310 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Статья 139.2. Меры безопасности

1. К уголовно-процессуальным мерам безопасности относятся:

1) засекречивание данных о личности участника уголовного судопроизводства;

2) контроль и запись телефонных и иных переговоров;

3) проведение опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым;

4) выделение уголовного дела в отдельное производство;

5) проведение закрытого судебного разбирательства;

6) неразглашение сведений о личности лица, в отношении которого применена мера безопасности;

7) изменение подсудности;

8) проведение допроса с использованием системы видеоконференц-связи;

9) иные уголовно-процессуальные меры безопасности.

2. В рамках уголовного судопроизводства с учетом характера и степени опасности для жизни, здоровья, имущественных и иных прав защищаемых лиц могут быть приняты меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

Статья 139.3. Порядок применения и обеспечения мер безопасности

1. При наличии оснований для принятия мер безопасности суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель обязан в течение суток принять решение об их применении или об отказе в применении мер безопасности. О принятом решении выносится мотивированное постановление (определение). Постановление (определение) о применении мер безопасности незамедлительно направляется для исполнения в соответствующий орган, а также в необходимых случаях о принятом решении уведомляется защищаемое лицо.

2. Порядок обеспечения мер безопасности в отношении лиц, перечисленных в части 1 статьи 139.1 настоящего Кодекса, определяется настоящим Кодексом и иным законодательством Российской Федерации.

3. Независимо от принятия мер безопасности должностные лица в соответствии с частью 1 статьи 144 настоящего Кодекса при наличии к тому оснований обязаны принять меры для проверки сообщения о совершенном или готовящемся противоправном воздействии в отношении перечисленных в части 1 статьи 139.1 настоящего Кодекса лиц.

4. Государственный орган, которому поручено осуществление мер безопасности, незамедлительно устанавливает перечень необходимых для защиты лица или его имущества мер и осуществляет их реализацию. О принятых мерах безопасности в течение суток извещается орган, принявший решение об их применении, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации.

Статья 139.4. Отмена мер безопасности

1. Меры безопасности отменяются, когда отпадают основания их применения, указанные в статье 139.1 настоящего Кодекса, а также в случае нарушения защищаемым лицом условий осуществления этих мер, существенно затрудняющего или делающего невозможным их применение.

2. Отмена мер безопасности допускается только по постановлению (определению) органа, принявшего решение об их применении.

3. Защищаемое лицо должно быть незамедлительно уведомлено об отмене мер его безопасности или раскрытии данных о нем лицам, участвующим в уголовном судопроизводстве.

Подача жалобы в суд или прокурору защищаемым лицом на решение органа, ведущего уголовное судопроизводство, об отмене мер безопасности приостанавливает

исполнение обжалуемого решения.

Статья 139.5. Ответственность за невыполнение обязанностей по применению мер безопасности

Должностные лица органа, ведущего уголовное судопроизводство, и органа, обеспечивающего применение мер безопасности, а равно должностные лица правоохранительных органов, иных организаций, виновные в непринятии или ненадлежащем осуществлении мер безопасности либо в разглашении сведений о защищаемых лицах, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации»;

б) дополнить статью 153 частью пятой следующего содержания: «5. В случае принятия мер безопасности, направленных на обеспечение безопасности участников процесса, содействующих уголовному судопроизводству, а также их близких родственников, родственников и близких лиц по одному из соединенных уголовных дел дознаватель, следователь обязаны продолжать реализовывать принятые меры, а также в случае необходимости принимать решения об изменении или прекращении данных мер в соответствии с действующим законодательством».

в) в часть 1 статьи 154 внести дополнительный пункт 6 следующего содержания: «6) отдельных несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, с которыми заключено соглашение о примирении в порядке, установленном статьей 432.1 настоящего Кодекса, если в отношении иных несовершеннолетних подозреваемых или обвиняемых данное соглашение не достигнуто».

г) внести изменения в часть первую статьи 169, изложив ее в следующей редакции: «1. Переводчик допускается к участию в уголовно-процессуальной деятельности с момента:

1) заявления участником уголовного судопроизводства о желании давать показания на родном языке или языке, которым он владеет;

2) фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, в случаях, предусмотренных статьями 91, 92 настоящего Кодекса;

3) возбуждения уголовного дела в отношении лица, не владеющего языком, на котором ведется производство по уголовному делу;

4) вручения уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223^1 настоящего Кодекса;

5) применения к лицу, не владеющему языком, на котором ведется производство по уголовному делу, меры пресечения в порядке, установленном статьей 100 настоящего Кодекса;

6) начала производства иных процессуальных или следственных действий, затрагивающих права и свободы лица – участника уголовного судопроизводства, не владеющего языком, на котором ведется производство по уголовному делу.

Следователь привлекает переводчика к участию в следственном или ином процессуальном действии в соответствии с требованиями части 5 статьи 164 настоящего Кодекса»;

д) в части первой статьи 178 заменить слово «врача» словосочетанием «специалиста по судебной медицине».

В статье 179:

а) в части 3 заменить слово «врача» словосочетанием «специалиста по судебной медицине»;

б) в части 4 заменить слово «врачом» словосочетанием «специалистом по судебной медицине».

Дополнить главу 26 статьей 190.1. следующего содержания: «Статья 190.1. Допрос специалиста

1. Следователь, дознаватель и суд вправе по собственной инициативе или по ходатайству сторон допросить специалиста об обстоятельствах, требующих специальных знаний, а также для разъяснения данного им заключения.

2. Специалист предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложные

показания и (или) заключения в соответствии со статьей 307 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также за разглашение данных предварительного расследования, ставших ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве специалиста, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса. За разглашение данных предварительного расследования специалист несет ответственность в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации.

3. Специалист должен быть допрошен об интересующих следствие, дознание и суд сведениях, исключительно входящих в его компетенцию.

4. Протокол допроса специалиста составляется в соответствии со статьями 166, 167, 190 настоящего Кодекса»;

г) дополнить часть первую пунктом пятым статьи 196 в следующей редакции: «5) уголовная ответственность за дачу заведомо ложного заключения или заведомо ложного показания согласно статье 307 Уголовного Кодекса Российской Федерации».

В статье 198:

а) в части 1 после слов «представитель» дополнить словами «а также пострадавший, заявитель»;

б) в части 2 после слова «свидетель» дополнить словами «а также заявитель, очевидец, в отношении которых проводится экспертиза, вправе знакомиться с заключением эксперта. Свидетель, очевидец, заявитель пользуются также правами, предусмотренными пунктами 1 и 2 части первой настоящей статьи».

Статья 244.1 Утратила силу.

Статью 245 изложить в следующей редакции: «Статья 245. Участие секретаря судебного заседания:

В обязанности секретаря судебного заседания входит:

1. Подготовка и рассылка извещений о вызове или доставке подсудимого, о приглашении заседателей, а также о вызове потерпевших, свидетелей, экспертов, переводчиков, об извещении прокурора и адвокатов, если они принимают участие в данном процессе.

2. Составление и вывешивание списка дел, подлежащих рассмотрению в заседании суда, выяснение причин неявки вызванных в судебное заседание лиц.

3. Отбор кандидатов в присяжные заседатели из находящихся в суде общего и запасного списков путем случайной выборки, в рамках статьи 326 настоящего Кодекса.

4. Проверка обстоятельств, препятствующих участию лица в качестве присяжного заседателя в рассмотрении уголовного дела.

5. Проверка явки в суд лиц, участвующих в судебном заседании, выяснение причин отсутствия, о чем сообщается на заседании.

6. Секретарь судебного заседания осуществляет предусмотренные законом необходимые подготовительные действия для проведения судебного разбирательства в установленные сроки.

7. Составляет протокол судебного заседания.

8. Выполнение иных действий, предусмотренных настоящим Кодексом».

В части 2 статьи 290 заменить слово «врачом» словосочетанием «специалистом по судебной медицине», а слово «врач» – словосочетанием «специалист по судебной медицине».

Дополнить часть 1 статьи 317.4 следующей фразой: «Выделение уголовного дела в отдельное производство не должно препятствовать всесторонности и объективности предварительного следствия и разрешения судом выделенного уголовного дела, а также уголовного дела в отношении других соучастников преступления».

В главу 50 ввести дополнительные статьи следующего содержания: «Статья 432.1. Порядок осуществления процедуры примирения (медиации)

1. Несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый с согласия законных представителей, а также потерпевший и (или) его законные представители вправе заявить ходатайство о примирении как самостоятельно, так и при содействии медиатора.

2. Примирение допускается по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести.

3. Примирение может быть достигнуто с момента принятия решения о возбуждении уголовного дела и на последующих стадиях уголовного процесса до удаления суда в совещательную комнату.

4. Дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа, суд обязаны разъяснить несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, законному представителю их право на примирение, процедуру осуществления примирения, возможность привлечения медиатора.

5. В случае если дело рассматривается в отношении нескольких несовершеннолетних лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении одного или нескольких преступлений, и согласие относительно заключения соглашения о примирении достигнуто не со всеми подозреваемыми или обвиняемыми, такое соглашение может быть заключено с одним (несколькими) из подозреваемых или обвиняемых. Дело в отношении лица (лиц), с которыми достигнуто соглашение о примирении, подлежит выделению и прекращению.

6. В случае если по делу участвуют несколько потерпевших по одному преступлению, соглашение о примирении должно быть заключено и утверждено со всеми потерпевшими. Если по делу участвуют несколько потерпевших от различных преступлений и согласие относительно заключения соглашения о примирении достигнуто не со всеми потерпевшими, такое соглашение может быть заключено с одним (несколькими) из потерпевших. Дело в отношении лица (лиц), которое достигло соглашения о примирении, подлежит прекращению».

«Статья 432.2. Содержание соглашения о примирении

1. На основании ходатайства о примирении, заявленного потерпевшим, его представителем, несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, составляется соглашение о примирении, в котором должны быть указаны: 1) дата и место его составления; 2) фамилия, имя и отчество сторон, заключающих соглашение, медиатора, если он принимает участие в примирении; 3) размер ущерба, причиненного преступлением, или перечень действий, которые подозреваемый или обвиняемый обязан совершить в пользу потерпевшего, сроки возмещения ущерба или совершения действий.

2. Соглашение о примирении подписывается потерпевшим или его представителем, несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, защитником и медиатором, если он участвовал в процедуре примирения.

3. Копия соглашения вручается сторонам, подписавшим соглашение.

4. Подписанное соглашение о примирении приобщается к материалам уголовного дела».

Статья 2. Настоящий Федеральный закон вступает в силу с момента официального его опубликования.

Президент
Российской Федерации В.В. Путин